

2010 - 2016

СТЕНОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

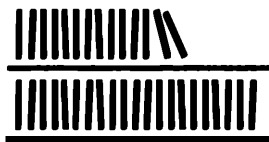
Марк Харитонов

Марк Харитонов

СТЕНОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

2010 - 2016

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

Марк Харитонов

СТЕНОГРАФИЯ
НОВОГО
ВРЕМЕНИ

2010 – 2016

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2019

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

X 207

Харитонов М. С.

X 207 Стенография нового времени. 2010–2016 / М. С. Харитонов. – СПб.: Алетейя, 2019. – 408 с.

ISBN 978-5-907115-49-1

В течение многих лет известный писатель, первый лауреат литературной премии «Русский Букер» (1992), Марк Харитонов записывал стенографическими значками повседневные наблюдения, мысли, разговоры, литературные и прочие впечатления. Со временем возникло желание расшифровать хотя бы часть этих записей. «Тебе случалось встречаться в самом деле с замечательными людьми, – пишет автор. – Ты был свидетелем событий, которые уже вошли в историю. Да что бы ты ни видел, ни пережил – ты видел это не так, как другие, и осмысливал по-своему». В 2002 году появилась книга Марка Харитонova «Стенография конца века», в которую вошли записи, сделанные автором в 1975–1979 годах, в 2011 была опубликована его книга «Стенография начала века», включившая записи 2000–2009 годов. «Стенография нового времени» содержит дневниковые заметки Марка Харитонova 2010–2016 годов преимущественно на литературные темы. Но, конечно же, никакой разговор о литературе невозможен без разговора о времени, о самых разнообразных проявлениях нашей жизни.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907115-49-1

© М. С. Харитонов, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Дневник писателя

1

Зачем люди ведут дневники? Единого ответа быть не может. Разные люди, разные дневники. Дневники интимные, затеянные иногда с детских лет, для памяти, для самоотчета, от одиночества, из потребности выговориться хотя бы на бумаге перед безответным собеседником, ставшие привычкой, едва ли не ритуальной. Дневники деловые, рабочие, записки натуралистов, естествоиспытателей, путешественников, отчеты о наблюдениях и самонаблюдениях, где личное уже не отделишь от профессионального, с попутными размышлениями, обобщениями, заметками о прочитанных книгах, газетных новостях или о погоде.

Для человека же, чей род занятий — писательство, размышления с пером в руке — поистине способ существования. Писательские дневники в этом смысле бывают особенно представительными. Тем более что они чаще других становятся достоянием читающей публики. Речь не о сочинениях, специально предназначенных для публикации и лишь называющихся «Дневник», вроде знаменитого «Дневника писателя» Достоевского. Речь о дневниках настоящих, которые ведутся только для себя и таятся от посторонних глаз, даже от близких — столько в них откровенного и сокровенного; лишь такие дневники бывают действительно адекватны и полноценны. Хотя не простое дело выговорить все до конца даже перед самим собой. И как начнешь вникать: что значит до конца? и зачем? Писателей, кстати, особенно просто подловить на тайной — да чаще и не слишком прикрытой — надежде быть прочитанными; иначе с какой стати они даже в записях для себя привычно продолжают шлифовать форму и стиль, подыскивают слова? Ну разве что по привычке.

Один из самых удивительных документов этого рода — дневники Льва Толстого. Вот уж где совмещено чуть ли не все:

самонаблюдение, самоанализ, разбор прочитанных книг, философские, религиозные и иные размышления, рабочие записные книжки, в которых фиксируются, например, народные слова и выражения, а также события, детали пейзажа и прочее, временами с сознательной мыслью о литературном тексте, который мог бы и для других «составить приятное чтение» (запись от 22 октября 1853 года). И особо — «Дневник помещика» 1857 года. Особо — «Записки христианина» 1881 года. Особо — «Тайный дневник» 1908 года. («Начинаю дневник для себя — тайный» — запись 2 июля.) И опять особый «Дневник для одного себя» 1910 года. («Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя» — запись 29 июля.) Хотя, казалось бы, и прежние дневники были куда как откровенны, исповедальны, саморазоблачительны. Ибо для Толстого дневник всю жизнь был прежде всего инструментом самовоспитания, самосовершенствования — начиная с так называемого «Франклинова журнала» 1851 года, свода моральных правил, которым намечено было неукоснительно следовать. В желанной степени это никогда не удавалось, записи полны сетований на сей счет, самоосуждений, явно несправедливых.

«Что я такое? — спрашивает себя Толстой 7 июля 1854 года... — Я дурен собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован. Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим (intolerant) и стыдлив, как ребенок. Я почти невежда... Я не воздержан, нерешителен, непостоянен, глупо тщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти привычкой». И т.д. и т.п. Изо дня в день, из года в год — все те же нелюбимые, беспощадные наблюдения над собой, над каждым своим душевным движением. «Несносная забота. Праздность. Стыд» (16.07.1881). «Все так же мучительно борюсь, но плохо борюсь» (2.07.1908). «Мучительно тяжело испытание или расплата за любострастие» (4.07.1908). Выписывать можно наугад, раскрывая едва ли не на любой странице. Даже читать это бывает мучительно, порой неловко; хочется защитить писателя от него самого. Такая ли уж здесь правда? Что такое вообще правда о человеке? Разве нельзя взглянуть на ту же самую жизнь иначе, найти в ней достойное иных оценок — и в этом тоже будет своя правда? Толстой как будто не бывает доволен собой, он как будто всю жизнь себя преодолевал, ничего себе не

облегчая, — может, потому он и стал Толстым? Год от году дневниковая исповедальность все больше обретает в его глазах религиозный, воспитательный, даже проповеднический смысл; потому он на склоне лет отказался от мысли уничтожить записи хотя бы времен грешной молодости и решил предать читательскому суду все — включая интимное и «несущественное» — отнюдь не из литературного тщеславия, наоборот: это и означало для него отбросить «заботу о славе людской». Беспощадность суда над собой должна была послужить другим в их нравственном самосовершенствовании.

Как ни мало был похож на Толстого Франц Кафка, беспощадностью взгляда на себя он может сравниться с ним. Хотя при этом его дневниковый самоанализ меньше всего связан с мыслью о какой-либо литературной или воспитательной задаче. Вот уж кто был далек от всякого проповедничества — ему бы с самим собой справиться; он и художественные свои произведения завещал, как известно, сжечь. Впрочем, человека, чувствующего себя писателем, совсем свободным от литературной мысли — пусть хоть где-то в глубине подсознания, — возможно, и не бывает. Для самого Кафки всяческие дневники и записки недаром были всегда любимым и важнейшим чтением. В то же время среди его повседневных заметок немало и литературных набросков, зачаточных сюжетов (а также записанных снов, разговоров и пр.), которые потом обрабатывались и переносились в корпус художественных произведений; он просто не отделял собственно дневники от рабочих записных книжек.

Но звучание самих дневников определяет не это.

«Катастрофа. Невозможность спать, невозможность бодрствовать, невозможность переносить жизнь». «Опять беспокойство. Отчего оно возникает? От некоторых мыслей, которые потом быстро забываются, но беспокойство остается, и его помнишь». «Все было просто. Когда я еще был доволен, я хотел быть недовольным и загонял себя в недовольство всеми способами, какие давали мне время и традиции, потом хотел снова вернуться. То есть я был всегда недоволен, даже своим довольством...» Все это записи лишь нескольких дней января 1922 года. Мотивы, знакомые по творчеству Кафки, — но неужели, в самом деле, именно они и только они определяли его собственную повседневную жизнь?

И тут пора оговорить одно существенное обстоятельство. Не раз уже было справедливо замечено, что дневники — при видимой адекватности — во многих случаях дают как раз искаженное представление о личности пишущего. Потому что в них заносится зачастую прежде всего то, что угнетает или смущает человека в данный момент. Смутные тревоги, сформулированные и проясненные словом, начинают казаться не столь серьезными, не столь гнетущими; слово помогает овладеть своим состоянием. Психическая самоотерапия — одна из важных служб дневника. «Успокоение — это, пожалуй, основная причина, из-за которой я веду дневник, — свидетельствует Элиас Канетти. — Трудно поверить, как успокаивает и обуздывает человека написанная фраза».

«Дневники чаще всего напоминают прерывистую кривую барометра, который регистрирует лишь моменты самого низкого давления, а высокое не отмечает», — пишет Макс Брод по поводу дневников Кафки. Большинство записей делалось писателем именно в минуты отчаяния и тоски, усугубленной болезнью, когда все виделось в черном свете. Но Брод свидетельствует, что он знал и другого Кафку — веселого, остроумного, способного шутить и радоваться жизни; таким он отчасти предстает в некоторых путевых дневниках — обычных туристических заметках, с описанием памятников и пейзажных красот. Однако в минуты душевной уравновешенности он чаще всего за дневник не брался — в этом не было нужды.

Кто вел дневник ежедневно, с поистине бюргерской основательностью — так это Томас Манн. Едва ли не по пальцам можно перечислить пропуски, связанные чаще всего с поездками: в дорогу он с собой свои тетрадки не всегда брал, но все равно потом задним числом восполнял пробелы. Иные записи занимают по несколько страниц; их обстоятельность, даже скрупулезность способна озадачить. Здесь все: существенные события и бытовые мелочи, размышления, политические новости — и сведения о погоде, самочувствии, даже принятых лекарствах и их действии; заметки о ходе работы, о деловых и дружеских встречах, письмах, разговорах, газетных статьях — и дела семейные; впечатления о прочитанных книгах, о музыке, фильмах, спектаклях — и упоминания о покупке сигар, обеденном меню или сделанном педикюре. Порой Томас Манн сам говорил себе, что такая подробность лишена смысла, он не раз собирал-

ся переменить характер дневников и записывать только «существенное». Ничего из этого не получилось; очевидно, подобная обстоятельность удовлетворяла какую-то насущную психологическую потребность.

Это была, по словам самого Томаса Манна, потребность «запечатлеть уходящий день в его чувственных, а отчасти и духовных проявлениях, запечатлеть его содержание, не столько ради того, чтобы потом вспоминать это и перечитывать, сколько ради отчета, обобщения, осознания и обязывающего контроля» (11 февраля 1934 года). Записи, делавшиеся обычно к концу дня, обретали характер некой медитации, вечерней «молитвы», по выражению самого писателя, помогали собраться, сосредоточиться.

И опять же — держал ли он при этом в уме специфично писательскую мысль когда-нибудь отдать эти записи — то есть самого себя! — на суд читателя? Отнюдь не всегда на этих страницах он представал в наилучшем виде. Известно, как нервничал Томас Манн, когда в 1933 году все его ранние дневники оказались в руках гитлеровцев, какое необычайное облегчение испытал он, когда удалось их выручить. Надо полагать, слишком многое в этих записях можно было при желании использовать против него, к тому времени уже эмигранта, противника режима. Все эти ранние дневники (за исключением четырех тетрадей 1918–1921 годов, понадобившихся, видимо, для работы над романом «Доктор Фаустус»), Томас Манн в мае 1945 года собственноручно сжег во дворе своего калифорнийского дома. Но дневники 1933–1955 годов завещал сохранить с разрешением опубликовать спустя 20 лет после его смерти.

Такое решение далось ему, видно, не сразу. «Зачем я пишу все это? — размышляет Томас Манн 25 августа 1950 года. — Чтобы перед смертью своевременно все это уничтожить? Или я хочу, чтобы мир меня знал?» Предназначив свои дневники для опубликования без каких-либо поправок и изъятий, он сам ответил на этот вопрос. Еще не завершившаяся до сих пор публикация каждого очередного тома становится заметным литературным и общественным событием.

Есть дневники, которые даже в литературном смысле оказываются самым значительным из всего, созданного писателем. Элиас Канетти считал, что таковы дневники Чезаре Павезе «Ремесло жизни», опубликованные посмертно. «То непреходя-

щее, что он создал, содержится именно здесь, а не в его художественных произведениях». Мне кажется, нечто подобное можно сказать и о дневниках Михаила Пришвина. Лесной старичок с двустволкой и ягдташем, деревенский отшельник, певец природы, знакомый нам еще по школьным хрестоматиям для начальных классов, он казался куда как отстраненным от потрясений века, от общественных и политических страстей: не совсем от мира сего. Лишь начавшие теперь публиковаться дневники Пришвина многое объясняют в этом отшельничестве и видимой отстраненности. В известной степени это был способ самосохранения, больше того — выживания. Потому что на самом деле Пришвин заинтересованно всматривался в свое время, пытался запечатлеть и осмыслить совершавшееся вокруг. Конечно, не было и речи о возможности что-либо подобное напечатать. Даже потайное ведение подобных записей было небезопасно по тем временам, когда никто не мог считать себя застрахованным от внезапного ареста и обыска, и надо полагать, в чем-то писатель себя и здесь на всякий случай сдерживал, не всему позволял излиться на бумагу. Однако и то, что оказалось записано, дает нам совершенно новое представление о Пришвине — вдумчивом и отнюдь не бесстрастным свидетеле небылой, трагической эпохи. «Я главные силы своего писателя тратил на писание дневника», — заметил он сам однажды.

Да, ведение дневников в советское время — особь статья; тут трудно было отделаться от мысли, что в любой момент твои сокровенные записи могут попасть в руки читателя непредвиденного и нежеланного, превратиться в вещественное доказательство, свидетельские показания против любого, кто был на этих страницах неосторожно помянут. Какой тут разговор об интимности, о глубине откровенности!

2

Для меня было неожиданностью прочесть у Элиаса Канетти, что он в своих дневниках пользовался «видоизмененной стенографией, которую невозможно расшифровать, не посвящая этой работе неделю за неделей. Так я могу записывать все, что хочу, не вредя и не причиняя боли ни одному человеку, и,

став наконец старым и умным, решить, уничтожу ли я дневник окончательно или спрячу в надежном месте, где его можно будет найти только случайно, в безопасном будущем».

У меня ведь то же самое! Более тридцати лет назад, отправившись надолго в больницу, я взял с собой самоучитель стенографии по особой системе одного ростовского преподавателя, чтоб на досуге попрактиковаться, — и с тех пор большинство повседневных записей делаю этими едва ли кому понятными закорючками. Кроме причин, упомянутых Канетти, кроме дополнительной, специфично советской опаски, они давали еще преимущество, для которого были, собственно, предназначены: скоропись. И при этом в значительной мере такой шифр избавлял от неизбежной все-таки оглядки, от лукавой задней мысли: а вдруг как это однажды вздумают напечатать — хорошо ли я буду выглядеть? Даже если вообразить, что у кого-то возникнет такое публикаторское желание — пусть попробуют разобраться.

Долгое время я делал записи на отдельных листках, подобно моему Милашевичу¹, иногда ставя даты, иногда опуская, не разделяя собственно дневник, записную книжку или рабочие заметки. Так было удобно при надобности изымать листки, понадобившиеся для других целей, то есть прежде всего для работы. Ведь тут было то же, что у многих писателей: всевозможные наблюдения, зарисовки, детали, мелькнувшие мысли, литературные и прочие впечатления, словечки, разговоры, сны, анекдоты, а то и наброски сюжетов. Со временем я стал их разделять: для дневников как таковых завел специальные тетради, для разнообразных заметок — коробки вроде картотечных; там постепенно обозначались разделы. Из этих записей отчасти возникла уже целая книга «Способ существования», что-то оказалось использовано в прозе, в статьях. Однажды мне показалось целесообразным вести специальные дневники очередной начатой работы: они помогали не упускать из виду первоначальный замысел и проследживать, как он видоизменялся, — интересно и полезно бывало к ним иногда возвращаться, перечитывать.

Интересно — порой сверх ожиданий — оказывалось перечитывать и сам дневник. Случалось ведь и к нему возвращаться

¹ Милашевич — герой моего романа «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» (опубл. 1992). *Здесь и далее прим. автора М.Х.*

для рабочих целей: когда я начинал, например, писать воспоминания об умерших друзьях. Я листал в поисках нужного испещренные густыми значками страницы — и, признаюсь, увлекался, зачитывался. Я, оказывается, столько забыл, в том числе самого себя давнишнего. Память — в слишком большой мере инструмент самосохранения, чтобы быть вполне достоверной, — собственные записи выдают тебя с головой тебе же самому. Я уже писал об этом по другому поводу: со временем забываешь, например, насколько ты когда-то был глуп, хотя никогда себе таковым не казался. То, что представлялось в свое время откровением, личной находкой, оказывалось теперь общим местом, давно всему миру известным. Но при всем том: тебе случалось встречаться в самом деле с замечательными людьми, иногда записывать их слова. Ты был свидетелем событий, которые уже вошли в историю. Да что бы ты ни видел, ни пережил — ты видел это не так, как любой другой, и осмысливал по-своему.

Разве мне самому не интересны дневники чужих, не обязательно даже знаменитых людей? Работая над историческими повествованиями, я разыскивал любые свидетельства об ушедшем времени и предпочитал как раз самые простые, житейские — они бывают особенно ценными. А как я люблю и сейчас раскрыть, например, дневник Томаса Манна на странице, обозначенной как раз сегодняшним днем, и сопоставлять со своим, и задумываться о разном... А иногда раскрываешь и собственный дневник на дате, совпадающей с сегодняшней, — что изменилось за эти годы в тебе, в жизни, что осталось неизменным?

И вот я сижу в раздумье над уже необозримой грудой густо исписанных листков и тетрадей: что мне с ними все-таки делать? Или не делать ничего? Все-таки жалко, если это совсем исчезнет, как жалко бывает всякой бесследно ушедшей жизни. Просто расшифровать и перепечатать записи более чем за тридцать лет? Даже представить не могу, сколько это потребует времени — тоже, наверное, надо считать на годы. Отобрать для расшифровки поначалу то, что может показаться интересным кому-то другому, гипотетическому читателю? Но вот тут как раз в самом деле сразу возникает известное сомнение: купюры и редактирование откровенных записей всегда чреватые самоцензурой, приукрашиванием, стилизацией; захочется небось пощадить себя, подретушировать слабости, предстать лучше и умней, чем ты был на самом деле...

Ну, во-первых, я ни перед кем не обязывался заниматься стриптизом. По многим причинам (о которых я рассуждал в другом месте) он не менее сомнителен, чем любая стилизация, и дает о человеке тоже отнюдь не адекватное представление. Вторых, признание в своих слабостях, в былой глупости (которую ты теперь вроде бы превзошел), по моим наблюдениям, не только не роняет пишущего, наоборот, делает его как-то ближе и симпатичнее любому читателю. По себе замечал: всегда ободряет и помогает собственному самоутверждению, когда узнаешь о чьих-то неудачах, сомнениях, об эпизодах постыдных; особенно утешительно и приятно бывает читать сетования и самообвинения знаменитостей, которые казались такими удачливыми, неуязвимыми. А уж прямо назвавший себя неудачником едва ли не обречен на умиленное сочувствие. Он как бы становится сразу ближе, понятней; более того — на него можно глядеть чуть свысока; мы все же так себя не называем. Мы ведь поневоле сравниваем с пишущим себя — и как важно удостовериться, что не нам одним бывает плохо, не мы одни испытывали постыдные минуты, у других бывало и похуже — вот как казнится, сердечный...

Может, этим и бывает особенно ценно чтение чужих дневников: оно помогает переносить собственные невзгоды и несовершенства. Если уж даже Лев Толстой... Или вот перечитываешь сейчас свои повторяющиеся из года в год сетования на невозможность напечататься, на безнадежность своего литературного положения, вплоть до мыслей, что ты можешь так и не дожить до публикации — сколько вокруг не доживало. Если это прочтет теперь кто-нибудь другой, который мучается тем же, — может, это его дружески приободрит и поддержит: ничего, мол, видишь, не у тебя одного так бывало, и ведь обошлось как-то. Элиас Канетти рассказывает, как чтение дневников покойничего с собой Чезаре Павезе спасло его самого от самоубийства: он узнал там свое. «Вчера ночью, почувствовав себя униженным, как никогда, и мечтая о смерти, я ухватился за его дневники...»

Это дорогого стоит...

Или вот, скажем: с какой стати выдавать другим свои болезни? Такое всегда лучше оставлять при себе. Но как меня приободрило однажды, когда я прочел в чьих-то воспоминаниях, что у Александра Керенского была всего одна почка, а он

дожил, помнится, до 89 лет, и при этом, по свидетельствам, не отказывался даже выпить. Я-то после пережитой в молодости операции не рассчитывал на долгую жизнь, тем более что не особенно берегся, по части выпивки в том числе. Может, и это мое признание будет для кого-то поддержкой?..

Не знаю, как на самом деле все у меня пойдет и что из этого сложится. Попробую потихоньку, между прочими делами, воспроизводить свои давние записи — может, для начала не очень плотным пунктиром, но при надобности возвращаясь, дополняя дневники записями, выделенными когда-то на листочки. А иногда, может, наоборот, собирая записи вокруг темы или какого-либо человека. У меня, например, давно когда-то возник замысел сочинения о дорожных попутчиках — я даже написал на эту тему повесть, уничтоженную потом в числе многих прочих. Но, может, тут и сочинять не обязательно, просто собрать под одним заголовком записи разных лет о дорожных встречах и разговорах — интересно ведь бывало.

В конце концов, не может быть неинтересной любая жизнь, даже в самых повседневных своих проявлениях. Все зависит от способности взглядеться в нее, запечатлеть, осмыслить, найти слова.

Январь, 1995

Из предисловия к книге «Стенография конца века» 1975–1999

Написав более шести лет назад эссе «Дневник писателя», я стал на досуге заниматься расшифровкой своих дневниковых записей. Занятие оказалось медленным, трудоемким.

«Не знаю, насколько это может быть интересно для других, — записал я 31.08.1996 (опять же, разумеется, стенографически). — Понемногу сокращаю повседневность: политические новости, отставки (кто этих людей теперь помнит?), редакционные неурядицы, проблемы с зубами. Это не означает «спрямления» жизни; краткие упоминания на эти темы я оставляю. И просто скучно перепечатывать так много. Если потомкам будет интересно, разберутся...»

За пять лет удалось ввести в компьютер записи 1975–1999 годов — как раз последней четверти века. Сокращены они оказались раз в пять, и все равно получилось 85 печатных листов. Всего, значит, было исписано листов 400, и нерасшифрованного осталось еще полстолько. Вот уж действительно — способ существования. Так, кстати, я назвал книгу эссе, скомпонованную тогда же в основном из разрозненных повседневных записей. В 1998 году ее опубликовало издательство «Новое литературное обозрение», и я убедился, что это все же может быть интересно.

Возникла теперь мысль о книге «Стенография конца века». Отбирая для нее записи, я решил ориентироваться на тематику преимущественно литературную. Заметки о прочитанном, встречи и разговоры с писателями, литературоведами, философами, культурологами, профессиональные размышления литератора. Эти размышления, конечно же, не могли не быть связаны с моей собственной работой тех лет. Как раз тогда писались книги «Провинциальная философия» (первоначальное название «Лизавин»), «Два Ивана» («Легенда»),

«Линии судьбы, или Сундучок Милашевича», «Учитель вра-
нья» («Сказка»), «Сторож», «Голоса», «Возвращение ниотку-
да» («Прозрачный туман»), «Времена жизни», «Приближе-
ние», «Amoges poví». Записи из «рабочего» дневника не про-
сто комментируют возникновение и развитие некоторых за-
мыслов (психология литературного творчества — тоже тема
небезынтересная для филологов) — они напоминают об атмо-
сфере времени, о событиях, подробностях, нередко уже забы-
тых: о том, что в немалой степени определяло тогдашнее ми-
роощущение, развитие мысли, звучание текстов.

Разговор о литературе невозможен без разговора о време-
ни, о разнообразнейших проявлениях жизни. Проблема в том,
что всего не вместишь. «Я чувствую, — отмечал я 15.03.85, —
что эти записи совершенно не передают подлинного содержа-
ния каждого дня: перемены настроения от надежд к унынию в
зависимости от того, как идет работа, лепет Леночки, которая
подставляла льдины под струю воды из водосточной трубы и
наблюдала, как вода пробивает во льду дырку, загадки, кото-
рыми она докучала мне, пока я печатал на машинке положен-
ные мне три страницы перевода, ослепительное сияние луж,
досаду, когда обнаружилось, что в холодильнике не осталось
продуктов...» Тем более не передать этой полноты, когда при-
ходится сокращать и сокращать еще больше. Я убирал едва ли
не все, что касалось меня лично, семейной жизни, детей, роди-
телей, убирал житейские зарисовки, встречи и разговоры вне-
литературные, путевые впечатления, хлопоты о заработке —
многое. В иные годы записи делались ежедневно — оставля-
лась одна за месяц, а то и за два, за три. Какая тут «стенограм-
ма конца века»? Скорее фрагменты, пунктир.

Но вот хотя бы пунктир таких повседневных впечатлений
я все же постарался оставить. Литература не может возникать
и существовать в стерилизованном, безвоздушном простран-
стве. Некоторые записи я решил, как и намечалось, выделить,
сгруппировав вокруг заглавной темы, — так возникли «При-
ложения к стенограмме».

Сентябрь, 2001

2010

1.1.10. Можно бы написать: начинается новый год, но можно: переходим во второе десятилетие XXI-го века. Звучит внушительней...

23.1.10. Для рабочей надобности открыл «Деревушку» Фолкнера на главе про любовь идиота-подростка к корове¹. Космический, гениальный уровень. Как можно обсуждать нынешние простенькие поделки, фантазии на тему борьбы с мировым злом и т.п., не оглядываясь на него? Перечитывает ли сейчас кто-нибудь Фолкнера? Меряют ли себя по его уровню? Какое духовное напряжение ушло из нынешней культуры, оставив расслабленные подобия?

Пишу сейчас с мыслью об этом². Только на этот уровень надо ориентироваться. Не дотяну — сам виноват. Пока что оформляется сюжетная основа, некоторые эпизоды уже наполнены.

25.1.10. Вчера вечером я вдруг обнаружил, что совершенно не помню «Грифельную оду» Державина, ни строчки, ни слова, только ритм. Пытался вспомнить, даже просыпаясь ночью. Откуда-то из пустоты возникало то слово, то рифма, без уверенности, что правильно. Утром, проснувшись, вдруг обнаружил, что вспомнил почти все, кроме двух строк. Решил посмотреть в интернете. «Река времен в своем стремлении...» Но прежде, чем открыл эту строку, вдруг вспомнил все, неточным осталось только одно слово. Интересен этот процесс, а главное, возможность при долгом усилии восстановить, казалось бы, безнадежно забытое. Это, кстати, на тему моей нынешней работы: в нашей памяти хранится больше, чем мы подозреваем, думает герой или автор.

¹ См. здесь 8.1.14, где цитируется эпизод.

² Речь здесь и далее (до конца 2011 г.) идет о работе над романом, получившим название «Увидеть больше» (2012).

29.1.10. Умер Сэлинджер на 92-м году жизни. Сразу появились сообщения, что дом писателя оказался «завален» его никому не известными рукописями. Я однажды над этим задумывался: что может написать человек, почти полвека не нуждаясь в публикации, отклике, контакте с людьми, страной, миром, временем? Пишут, что он выходил за ограду своего стоящего на холме дома только за покупками в супермаркет или чтобы выпить рюмочку в ближнем кафе. Что он мог знать о современной жизни, обществе, людях, быте, проблемах, даже о языке, который менялся все эти полвека? Откуда? Из телевидения, из Интернета, который появился сравнительно недавно? Может, он писал что-то историческое, философское, фантастическое? Если оставшиеся после него рукописи окажутся шедеврами, это будет действительно чудо, оно может стать примером для многих. Я помню себя во времена, когда приходилось писать в стол: главное, чтобы это не устарело со временем. Но при этом надо было вступать в отношения с жизнью, людьми, государством, зарабатывать, перерабатывать ежедневные впечатления, искать, сомневаться, переделывая тексты. Мандельштам нуждался в читателе, Булгаков и Платонов искали возможность напечататься, переделывали ради этого тексты. В гордом отказе предьявлять свои шедевры был элемент страха перед критическим мнением, боязнь оказаться на самом деле вовсе не гением. Очень интересно почитать, что мог породить полувековой добровольный уход от мира.

7.2.10. Совершенно нет времени читать. Вспомнив «Грифельную оду» Державина, открыл давно купленную, но так и не прочитанную книгу Ходасевича о Державине. Какая превосходная проза, какое чувство времени, истории, какое понимание поэзии, государственной политики! Показалось, что я по аналогии вдруг что-то стал понимать и в нынешних политических отношениях. Но нет времени. Услышал по радио главного редактора журнала «Искусство кино» Дондурья, весьма разумные рассуждения об ограниченности нынешних либеральных проектов, упускающих необходимость сначала изменить сознание людей, живущих, что ни говори, в виртуальном обществе. Государственное телевидение заботится о том, чтобы создать в головах мешанину — как это преодолеть? Для начала хотя бы осознать проблему, целенаправленно этим

заниматься. Иллюзия думать, будто достаточно свободы высказывать разные точки зрения. Общество может развиваться только тогда, когда удастся консолидировать его значительную часть вокруг фундаментальных общих идей, для этого нужна воля власти. Я помню, как перестраивались мозги людей, для которых, как для меня, сталинизм был единственной возможной идеологией, других мы не знали — как быстро они изменились после разоблачений 56-го года. Сейчас президенту достаточно сказать, что Сталин был политический преступник, виновный в убийстве миллионов наших сограждан — и все нынешние полуофициальные сталинисты во мгновение ока заткнутся, у нас народ привык бояться начальства, не прекословить, поддерживать. Наивно думать, что общественное мнение возникает стихийно и власть должна его учитывать. В нашей стране как раз наоборот. Я годами обращаюсь к этому кругу тем.

8.2.10. Неожиданное письмо: доцент Нанкинского университета Чжао Дань защитил диссертацию о «Сундучке Милашевича» и на основе диссертации издал книгу, которую он хочет мне переслать, спрашивает адрес. Я попросил его, если можно, прислать вместе с его книгой китайское издание «Сундучка» .

9.2.10. Таня [старшая дочка] передала неожиданный рассказ мужа. Одну из его сотрудниц в банке зовут Катя Левитанская, он спросил ее, не имеет ли она отношения к поэту Юрию Левитанскому. Та буквально расцвела: вы первый, кто меня об этом спросил, кто знает моего отца. Не знаю, мог ли Витя рассказать, что в детстве эта женщина носила валенки его жены. Мы с Галей когда-то принесли Юрию Левитанскому валенки, из которых выросла Таня, он об этом попросил. Благодарил, говорил, что скоро поедет в Венгрию, привезет нам оттуда что-нибудь. Я знал его тогдашнюю жену, мать этой женщины, она была намного младше Юрия, студентка университета. Потом, помнится, он с ней развелся, я однажды встретил его у Сидура с новой женой, мы вместе ехали потом в метро, о чем-то разговаривали.

Из житейских историй. Галя встретила в поликлинике нашу бывшую соседку по первому подъезду. Муж ее, полковник, уйдя со службы, устроился начальником охраны на

ближний хлебозавод, не поладил с тамошней мафией, его по пути на работу, у гаражей, стукнули чем-то по голове, он до сих пор не работоспособен, плохо со зрением, был инсульт и т.п. Оба седые, пришли в поликлинику. Как быстро бежит время, сказала она. Давно ли ваш муж получил Букеровскую премию. Это была для всех такая радость! Как будто нашего родственника наградили. А я и не подозревал. Спросила, что у меня с равновесием. Должно быть, видела, как меня иногда пошатывает. Все мы на виду, только не замечаем.

11.2.10. Интересная статья И. Роднянской в «В.Л.». Стоит здесь кое-что воспроизвести:

«Ощущение культурной неудовлетворенности и тревоги разрастается все явственней. “Мы стоим на грани крупнейшего слома времени, крупнейшей качественной трансформации культуры, — цитирует Роднянская другого автора, — ... и это неминуемо повлечет за собой другой способ существования человечества”».

Тут ничего не скажешь, это происходит уже сейчас, мы перемены чувствуем каждый день на себе (наша электронная переписка и чтение статей в интернете — тоже элементы нового культурного существования, как и фотография, вынудившая когда-то меняться традиционную живопись, как кино и телевидение, породившие не просто новые искусства — новый взгляд на мир, новое ощущение мира), и развитие непредсказуемо ускоряется.

«Люди, обретшие зрение в 40–70-х годах XX века и еще являющиеся “носителями культуры”, — цитирует автор дальше, — окажутся в роли того “естественного человека”, глазами которого цивилизация предстанет как немислимая диковина».

Нет ли тут высокомерия — себя, то есть нынешних стариков считать последними «носителями культуры»? Может, те, кто «обретают зрение» в новом тысячелетии, скорей вправе ощущать себя «естественными людьми»? Культура не может не меняться. Проблема в том, чтобы не допустить провала, пропасти между унаследованными ценностями, которые мы продолжаем считать основополагающими, вечными, и тем, что формируется на наших глазах, еще не совсем различимое.

Хазанов время назад писал мне, что возможна «инкапсуляция творчества по примеру и образу Высокого средневеко-

вья». Не совсем представляю, что это такое в наше время. В Средние века об этой инкапсуляции могли позаботиться церковные, монастырские структуры, они поощряли и субсидировали искусство. «Инкапсулированная» литература — это не то же, что уединившийся на десятилетия литератор. Таких обособленных одиночек сейчас тысячи, а может, миллионы в интернете, иногда они объединяются в группировки, других могут не знать и вполне обходятся без авторитетной экспертной оценки, довольствуются друг другом или сами собой. Считать ли это литературой?

Мне часто приходит на ум сравнение с временами, когда великая римская цивилизация сменялась христианской, не из-за варварских вторжений, насильственных разрушений — больше от внутренней усталости, изжитости. Забывались прежние имена, исторические, культурные ценности, праздники, боги, заменялись новыми, постепенно, почти незаметно, из века в век. Не знаю, насколько допустимо такое сравнение. Сейчас перемены происходят несравненно быстрее, потому мы их и чувствуем. Стоило бы, наверно, добавить, что бессмысленно обсуждать, лучше ли была римская культура или христианская. Сложилась постепенно просто другая культура.

19.2.10. Гале позвонила соседка Т.К.: объясни мне, что это такое? Я смотрю телефильмы о Лунгиной — и не могу оторваться, не пропускаю ни одной части, даже Олимпиаду не смотрю¹. Почему? Там же ничего особенного, просто лицо, голос, рассказ о своей жизни. Хочется смотреть и смотреть. И не только я, я и от других то же слышала.

Приятно было это слышать, не первый раз. Что тут можно объяснить? Настоящий человек, естественный, умный, правдивый разговор. Я как раз на днях вспоминал Лилю, когда писал о Самойлове. Достал книжку воспоминаний Семена [Лунгина] с его надписью, в нее оказалась вложена газетная вырезка с его рассказом, надписанная Лилей. Открыл памятную страницу, где Семен приходит к Михоэлсу, в 1947 году, у него только что отобрали театр. Михоэлс обратился к Симе на идиш, тот не понял. «Грустно, — сказал Михоэлс. — Грустно, когда еврейский юноша не знает своего языка».

¹ Речь о фильме Олега Дормана «Подстрочник» Жизнь Лилианны Лунгиной, 2010.

20.2.10. Тамара Эйдельман переслала на подпись письмо протеста против намерения властей украсить город портретами Сталина в честь 65-й годовщины Победы. Мерзкое чувство, нельзя не протестовать. Подписал, переслал письмо детям.

21.2.10. Третьи сутки снегопад, мороз, к вечеру сугробы до плеч. Давно такого не было. Вспомнилось детство и молодость, когда я ходил среди таких сугробов, расчищал дорожки возле нашего дома в Лосинке.

Хорошо работал. Вечером поехали в театр «Эрмитаж» на премьеру спектакля «Кто автор этого безобразия?» по Эрдману. Шли от метро пешком по Садовому, воскресные улицы были непривычно пустынные, но главное, в многоэтажных домах по сторонам ни одно окно не светило — здесь теперь не живут, сплошные офисы. Вспомнилось, что такое же я видел вечером в Цюрихе: безлюдный, неживой банковский центр. Это уже не моя Москва. Спектакль составлен из сцен, интермедий, цирковых реприз. Эрдман был остроумнейший человек своего времени, задуманный не до смерти. В фильмах нашего детства («Веселые ребята», «Волга-Волга», «Весна») в титрах отсутствовало имя ссыльного автора. Спектакль выдающимся не назовешь, но смеялся иной раз до слез. Потом зашли к Левитину, поздравили, выпили.

4.3.10. Из злободневных публикаций неожиданное впечатление на меня произвело интервью Марины Салье, бывшего депутата, геолога, доктора наук. Я ее хорошо помню. Ей сейчас 76 лет, 10 последних лет живет в отдаленной псковской деревне, от интервью отказывалась, пока не увидела фильм о Собчаке, где его дочка и вдова интервьюируют Медведева и Путина, произносятся высокие слова о покойном. Она о Собчаке говорила разоблачительно, резко, но главной была история с Путиным, который был заместителем Собчака по внешнеэкономическим связям и проворачивал вместе с ним сомнительную сделку, бартерный обмен редкоземельных металлов на продовольствие, в котором Петербург жизненно нуждался в 1992 году. Опускаю подробности: металлы ушли за бесценок, продовольствия город не получил, 100 тыс. \$ неизвестно куда исчезли. Прокуратуре, контрольным органам злоупотребления были очевидны — по неизвестным причинам все закрыли. У Салье сохранились документы. Путина от расследования

прикрыл Собчак, сам чуть не погорел, с помощью Путина бежал за границу, вернулся, когда Путин пришел к власти, умер внезапно при подозрительных обстоятельствах. Упомянуты еще многие имена. Таких историй было немало, но эта как-то особенно расставила для меня точки над *i*. (Можно вспомнить, соединить известные мне раньше истории, сведения — когда-нибудь все раскроется.) Я немного посмотрел видеозапись беседы с Салье, сам ее вид, речь внушают безусловное доверие. Теперь есть опасения, что ее могут убить, она этого не исключает, но уезжать не хочет.

10.3.10. Хазанов откликнулся на мои возражения по поводу «катастрофы христианства» в жестокие времена Андрея Рублева. Какая «катастрофа христианства» в XV-м веке? — написал я. «Жестокость и бесчеловечность сопровождала все века при всех религиях». Он настаивал на своем: «Христианство не удалось». А другие религии удались? А проект Человечество удался Творцу?

Вчера прочел в журнале «Звезда» окончание воспоминаний Комы Иванова о Пастернаке: самые драматические события конца 50-х годов, Нобелевская премия. Производит впечатление уровень отношений, уровень разговора, достоверная, предельно уважительная, но без подобострастия, объективная интонация, множество неизвестных мне замечательных подробностей. Особенно последний, философский разговор, ради которого Пастернак позвал к себе Кому перед смертью. Я скопировал для себя выписки.

«Я попытался рассказать Борису Леонидовичу, как можно подобные совпадения попробовать истолковать в духе теории информации, тогда увлекавшей меня и моих друзей-математиков. Мы тогда ее перетолковывали так. Если у каждого события есть своя мера неожиданности, то чем больше эта мера, тем больше сообщаемая событием информация. Жизнь — поток событий — можно было бы понимать как шифр, который, если уметь его разгадать, сообщает нам очень много, нужно только понять, когда случаются события, несущие наибольшее количество информации (какую-то версию этих мыслей, которых я придерживался и позднее, с моих слов пересказал потом Солженицын в “Теленке”, вопреки своим правилам конспирации называя меня по имени в тогдашней нелегальной публикации).

Он говорил о том, что манера письма, которой он вместе с другими писателями, художниками и учеными своего времени следовал, не нацелена на передачу мира или его частей. Они как бы скрыты занавесом. И мы пытаемся передать не предметы как таковые, от нас скрытые, а колыхание этого занавеса. Занавес шевелится, и по его движению мы угадываем, что вызывает это движение. Это и есть особенность науки и искусства (в том числе и литературы) нашего века по сравнению с предшествующими. Вспоминая потом этот разговор с Пастернаком, я думал о том, что этот его образ отчасти напоминает уподобление пещере у Платона: сидящие в пещере видят только тени, отбрасываемые теми предметами, которые движутся за ее пределами».

«Он говорил о том, что ему только недавно стало ясно, насколько то, как он занимается искусством, связано с наукой нашего века... В том последнем большом разговоре он как бы излагал мне свое философское завещание, возвращался к своему давнему интересу к истории науки... Он говорил о бесконечно малых величинах и пределах, об аналогиях знанию нашего времени, которые ему открылись в искусстве. Он сказал: “Я только теперь понял, что я здесь как дома, как в лесу — в науке своего времени”...»

Пытаясь позже проявить для себя смысл этого разговора, я перечитывал то, как в “Людах и положениях” Пастернак перелагает оставшееся для него неизменным понимание искусства как “безумия без безумного”... Отвлекаясь от себя как личности, писатель с предельной точностью передает свои субъективные состояния, свою степень смещения восприятия, становящуюся частью субъективности общеродовой — человеческой. Суть нового антропного принципа в физике состоит в том, что Вселенная неотделима от наблюдателя с самого своего начала — еще до того времени, когда в ней (по словам Священного Писания и современных астрофизиков) после ее возникновения зажегся свет. Этот наблюдатель еще не возник, но Вселенная была устроена так, чтобы сделать возможным его появление. Взаимодействие прибора и предмета, им исследуемого, наблюдателя и наблюдаемого было предметом постоянных раздумий Пастернака. К своей любимой мысли о временности и смертности знака и бессмертии значения он вернулся перед самой своей смертью».

Некоторые из этих суждений напомнили мне разговоры с Комой по поводу «Линий судьбы», над которыми я тогда работал. Сегодня я коротко написал ему об этом.

21.3.10. Дождь, +9°, снег тает на глазах, лужи мешают гулять. Утром сидел над романом, после обеда оформлял книгу «Стенография начала века», начал 2001 год. Оказалось, прожил уже довольно долгую жизнь, и всю ее, приближаясь к концу, можно вместить в конечное количество страниц. Добавляй сколько угодно подробностей — все равно вместится в несколько папок. И ведь подробности нельзя не пропускать, большая часть жизни — пустое, непрожитое время: время сна, не заполненное запомнившимися сновидениями, беспамятная повседневность, без впечатлений, без мыслей. Чем ближе к концу, тем отчетливей это осознаешь. Сейчас хотелось бы только завершить последнюю, может быть, работу, которая, глядишь, оправдает жизнь.

Сейчас, открыв последние работы Бродского, прочел: «В писательском же деле наживаешь не опыт, а неуверенность. Каковая есть лишь другое название для ремесла». Я писал не раз примерно о том же, но он формулирует резче, без оговорок: «область, где навык губит дело».

29.3.10. Взрывы в метро, на станциях «Лубянка» и «Парк культуры». 38 погибших.

2.4.10. Занятый работой, я даже не нашел сил, чтобы прокомментировать жестокие взрывы в метро. В комментариях недостатка нет. Сейчас думаешь о последствиях. Реакция властей, прежде всего нашего «дуумвирата», производит гнетущее впечатление. Ставится задача «выковыривать террористов со дна канализации» (10 лет назад было «мочить в сортире»), наносить по ним «точечные удары». Нет даже попытки проанализировать комплекс проблем, причин, порождающих этот повседневный ужас: социально-экономических (коррупция, безработица), национальных, религиозных (былой сепаратизм перерос в радикальный исламизм), произвол властей, милиции, чувство несправедливости и бесправия. Не могут люди, стоящие у власти, быть настолько умственно ограниченными, чтобы не понимать вещей, давно очевидных. Боюсь, так будет и продолжаться.

10.4.10. На Арбате две милых девушки несли плакатики: free hugs — бесплатные объятия (по-русски на обороте). Мы

были единственные, кто откликнулся, обнялись. От неожиданности я не догадался задержаться с ними, расспросить, что для них значит эта акция

20.4.10. Пришло приглашение на фестиваль в Die, во Французских Альпах, с 15.9 по 3.10. Обширная программа включает поездки, выступления в библиотеках и т.п.

27.4.10. Я возвращался из бассейна вдоль Яузы. Совсем близко дорогу мне стал переходить крупный скворец, в клюве птичья пушинка или клоч собачьей шерсти, для гнезда. Какая прелесть: деловито шел пешком, не летел, не боялся меня!

30.4.10. Злободневные, политические новости читать и комментировать нет желания. То же инерционное, вялотекущее состояние, всплески в виде стихийных бедствий. Разве что портреты Сталина к празднику все-таки вывешивать отказались. После решения открыть катынские архивы, европейской резолюции о голодоморе пропагандировать это преступное, мерзкое чудовище невозможно. Придется на время заткнуться. Боюсь, только на время.

2.5.10. Традиционная поездка с Валерой и Леной¹: Калуга, Малоярославец. Поездка началась с неприятности: Валера пошел в обгон через сплошную линию, даже я это заметил. Примерно через километр остановили, предложили перейти в патрульную машину. Можно было издала понять, как он долго объяснял, возражал. Подошла еще одна машина, не милицейского вида, как я потом понял, с записью видеонаблюдения. Видно было, как достали бумаги, пригрозили составить протокол. Наконец, Валера вернулся. За это нарушение его могли на 4 месяца лишиться прав, сторговались на 500 руб. Дорога была не оживленная, участок пути прямой, видно далеко, никакого риска в обгоне здесь не было. Нарочно сделали сплошную линию и устроили засаду в незаметной машине. Тут же остановили еще одну, с таким же нарушением в том же месте. Денежный конвейер, на праздники можно подзаработать. По пути было встречено еще несколько таких патрулей.

¹ Здесь и далее: Валерий Эдельман — брат моей жены Гали Эдельман, доктор физико-математических наук, ст. научный сотрудник в институте физпроблем им. П.Л.Капицы, Елена Гилярова — его жена, поэт, переводчик, прозаик. Мы каждый год совершали вместе путешествия на их автомобиле.

В Калуге я не был без малого 30 лет, домишко Циолковского стоял среди таких же. Сейчас город существенно изменился, новые здания отблескивают пластиковыми панелями, восстановлены и обновлены красивые церкви. Плакат с изображением скоростного поезда объявляет: «В Калугу пришел скоростной интернет». На чистенькой стене обновленного особняка мое внимание привлекла надпись, спреем по трафарету: «Узники совести, вы не забыты!» И лицо на фоне лагерьной вышки. Неподалеку я встретил эту надпись еще раз. Другие надписи в проходной арке приклеены, бумажные, порознь: Чти. Молчи. Терпи. Спи. Слушай. На церковной оgrade красная трафаретная надпись: «Россия превыше всего!» (Не отделяться от кальки: «Deutschland über alles!») На верхнем ярусе Троицкого собора фрески в разных стадиях реставрации — право, до конца обновленные производят меньшее впечатление. Новый мост через Оку. Мы с Е. Поповым, помнится, в марте 81-го переезжали на автобусе через Оку по льду, по вешкам, обратно тем же путем выбраться уже не смогли, весна. Сверху, со смотровой площадки я видел остаток старой дороги, упиравшейся в реку; летом, наверно, был понтонный мост. Много иностранных надписей русскими буквами: кафе Чилл Оут, к/т Синема-арт. В Малоярославце объявление: ремонт картриджей.

С утра к вечеру на глазах все больше зеленело, в Малоярославце увидели даже расцветшую вишню, в Москве их было уже много, цвели яблони.

5.5.10. Так призрак Оксфордской библиотеки бродит в сумерках по второму этажу, ноги обрезаны по колено позднейшим настилом, ему это не мешает, позднейшая перестройка для него не существует.

14.5.10. Хазанов пишет о немецком документальном фильме «Diebe im Gesetz», «Воры в законе». Российские бандиты, ставшие богатыми бизнесменами, «контролирующие целые отрасли промышленности, обширные территории, добычу ископаемых, торговые связи, но также и политическую жизнь страны», не скрывая лиц и фамилий, гордо рассказывают, как воровали, убивали, давали взятки, крышевали — только так в нашей стране можно и нужно вести дела, мы не Запад.

Мы сами многое об этом знаем — но так откровенно, не боясь, что этот фильм может быть использован прокуратурой для возбуждения дела? Наши масс-медиа, для которых тема преступности — хлеб насущный, фильм как будто не замечают. Только потому, что он показан в Германии?

В том же письме другая история. Гене¹ сказали, что один известный критик мог бы написать о его книге, которая готовится к выходу, хорошую статью для толстого литературного журнала, но для этого надо ему заплатить. Он только так работает, это всем известно. Я знал, что такое обслуживание существует в шоу-бизнесе и других областях, но в «большой» литературе? Надо бы все-таки знать имя, чтобы ориентироваться в этом мире.

20.5.10. Вечером в Политехническом музее вручали премию «Поэт» Сергею Гандлевскому. Я считаю его действительно хорошим поэтом, он заслуживает премии. Вручать ее должна была Инна Лиснянская, но она оказалась в больнице, прислала приветствие лауреату. Прямо передо мной сидел учредитель премии Анатолий Чубайс, поблизости околачивались два-три охранника. Выступление Чубайса произвело приятное впечатление, в деловых заявлениях он не выглядел таким интеллигентным. Интересно выступил Евгений Ясин, ректор Высшей школы экономики. Он рассказал, что хотел на какой-то университетский вечер пригласить поэтов-шестидесятников, Вознесенского, Евтушенко, Ахмадуллину. Молодая сотрудница сказала ему, что молодые люди сейчас этих поэтов не читают, рекомендовала других, в том числе Гандлевского. Интересно, если так. Вознесенский последние годы, кажется, не выступал в печати, Евтушенко, к сожалению, печатался. В последнем «Еврейском слове» появились его стихи: «Игра большая на земле и небе шла, / И не смог помочь Ален Делон, / Когда разбился о Россию Лебедь / И не отжался, и не выжил он». Как он может на восьмом десятке считать это поэзией?..

21.5.10 Мысли о посмертном бытии, которое надо заслужить. В них ничего божественного, всего лишь забота: достойно завершить свое дело, осуществить работу, не погрешив про-

¹ Борис Хазанов — литературный псевдоним Геннадия Моисеевича Файбусовича. Я здесь иногда называю его Геной.

тив Замысла. Если Кто-то оценивает неизвестный нам итог, пусть расшифрует земное достоинство, переведет на свой окончательный язык. Нам доступно лишь придуманное нами же.

29.5.10. Мариэтта Чудакова прекрасно говорила на канале «Совершенно секретно» о необходимости противостоять попыткам реабилитации Сталина, а вместе с ней реставрации советского режима, который надо назвать преступным, о том, что многое тут зависит от действий, сигналов руководства страны. Я, кажется, писал (увы, лишь для себя) о том, что общественное мнение не станет противоречить начальству, переметнется легче, чем кажется. Достаточно было президенту сказать о преступлениях Сталина, как на ТВ исчезли (впрочем, я ТВ обычно не смотрю, но могу судить по программам передач) одиозные передачи, и тон речей изменился. Не говоря о том, что Лужков вынужден был отказаться от своей мерзкой затеи с портретами. Беда, что канал «Совершенно секретно» смотрит немного людей. В чем Мариэтта идет дальше многих критиков режима: она говорит о необходимости поддерживать позитивные движения, шаги президента, не морщиться презрительно: все равно ничего не получится, он зависимый человек. Нельзя говорить, что от нас ничего не зависит, надо действовать. Она меня восхищает своей несравненной активностью. Помнится, когда-то она взяла у меня согласие ставить мою подпись под коллективными обращениями, которые сама составляла, сделала это единственный раз, письмо было в поддержку Ельцина, не по самому убедительному поводу. Она говорит, пишет, действует, и в форме она прекрасной.

Слова коррумпция (от лат. corrumpere — растлевать) и коррозия (corrosio — разъедание) кажутся родственными не только по звучанию.

31.5.10. Позвонил Мариэтте Чудаковой, сказал, что высоко ценю ее позавчерашнее выступление по «Совершенно секретно». Беда, что немногие это услышали, и напечатать мало удастся. Ей почудилось, что я сказал: ничего сделать нельзя, стала резко возражать. «Имейте в виду, приближается 12-й год. Если эти люди останутся, нас ждут еще 12 лет их режима. 12 лет! Сейчас еще пускают за границу — могут и границу закрыть. Вот, уже собираются закрыть пункты обмена валюты». Я спросил, не кажется ли ей, что к перемене политики могут побу-

дить экономические проблемы. Нет, только сопротивление. Говорила все время она, повторяла то, что я уже слышал.

11.6.10. Приезжала китайская студентка (или аспирантка) Чжень Чао. Привезла книжку своей «учительницы» Чжао Дань о моем «Сундучке Милашевича» (что-то, как я понял из ее перевода, «в свете постмодернизма»). Ни слова, конечно, прочесть не смог. Жаль, что не привезла китайское издание «Сундучка». (Вспомнил Мандельштама: «И может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Китаец какой переводит / И прямо мне в душу проник». У Мандельштама, впрочем, кажется, японец.) Подарил им свои книги. (Нам она привезла в подарок китайский веер.)

14.6.10. Для работы понадобилось заглянуть в Конрада Лоренца, прояснить его связь с нацистской идеологией. Одно цеплялось за другое, стал проясняться объединяющий круг тем. Попробую начерно кое-что сформулировать, оформить.

По-иному, чем 100 лет назад, но все явственней мы ощущаем угасание европейской культуры, цивилизации, которая несколько веков утверждала свое превосходство во всем мире, экономическое, научное, техническое, военное. Европа (а теперь и Америка) начинает словно стесняться своего превосходства, просит прощения. Пацифизм, политкорректность, права человека и т.п. имеют мало отношения к изначальным основам человеческого бытия, тем, о которых можно узнать хотя бы из Библии (Ветхий завет христиан, Танах иудеев). Лоренц сравнивал нынешних людей с одомашненным скотом, который потерял жизненную силу своих диких предков. Фашисты призвали противостоять распаду и разложению. Реализация теоретических концепций привела к последствиям чудовищным, людоедским (уничтожение неполноценных, душевнобольных и т.п.). Возможно, этому развитию противостоять на самом деле нельзя. Какой можно вести разговор о верности традиционным ценностям в век глобализации, скоростного общения, связи, в век компьютеров, интернета? Попытки национального сопротивления понятны, только реализация обрывается кровью.

И который раз возвращается мысль о непонятной роли (или, может быть, миссии?) евреев. Ортодоксальное религиозное ядро, это хасиды и миснагед, раскачивающиеся в молитве,

ничем, кроме изучения торы, себя не проявившие, не вызывая у меня чувства подлинной близости. Дальше от ядра к краям — все более ассимилированные особи, вроде меня. Именно они представляют для мира известные превосходства евреев, становятся лауреатами, знаменитостями и т.п., все более растворяясь в окружении. Но может быть, в совокупности именно эта общность останется в конце концов основой какого-то общечеловеческого самосохранения. (Модель самосохранения человеческой цивилизации, проект высшего замысла: законсервированное предание в центре, свободное сияние по краям? Не удастся выразить то, что среди ночи сегодня показалось очень ясным.)

17.6.10. Пришла местная газетка «Ростокинская панорама» с интервью, которое в апреле брал у меня Костя Чупринин, сын Сергея. О моей «Провинциальной философии», о том, давно ли я живу в Ростокино, о друзьях, про которых он читал в книге «Способ существования». Я сказал:

«— Многие из них, между прочим, сидели вот за этим самым столом, где сейчас мы с вами. Вадим Сидур, Давид Самойлов, Натан Эйдельман, Григорий Померанц, всех не перечислишь. Когда в мой день рождения здесь начинали хором петь Юлик Ким, Алик Городницкий, Володя Лукин, нынешний уполномоченный по правам человека, нас слышно было в открытые окна далеко на улице».

21.6.10. *Из рабочего дневника.* Если реальность — это пузыри икряных рождений и лопающихся смертей, головастикимладенцы в колясках, стоны совокуплений, изнеможение подземного труда, восторги вдохновения, ресторанный загул богатых бандитов, отчаянные бунты голодных, молитвы и смех, если это война, ошметья разметанных взрывом тел... продолжайте сами до бесконечности, добавляйте каждый свое, но только свое, то, что вы знаете по себе, испытали, почувствовали, потому что каждому доступна лишь ничтожная часть того, что мы условились называть реальностью — если признать реальностью всю эту полноту, надо будет согласиться, что она доступна лишь воображению каждого, в меру способностей.

28.6.10. *Немного статистики.* В 1990-м 10% семей в СССР имели дома свыше 1000 книг. В 2005-м таких семей в РФ было 4%. В 2009-м — 2%. Совокупный тираж книг в РФ упал

с 1990-го в 2,5 раза. Средний тираж издания — в 6,5 раза. В 2008-м 34% респондентов с высшим образованием вообще не читали книг. Никаких, никогда. Книги по специальности читали 18–19% «дипломированных». Книги о науке — 3–6% из них. Об IT-технологиях — 4–6%, об истории — 5–8%. Словари нужны 2–4% выпускников российских вузов. На иностранных языках систематически читал 1% населения РФ.

ТВ ежедневно смотрят 83% респондентов. Денег в 2009-м не хватало 72% опрошенных. А прав и свобод — 4%.

Главная мифология российского общества сегодня — деньги, пишет социолог Б.Дубин.

Теперь немного о деньгах. С конца 1980-х резко вырос престиж проституции, по опросам, он сравнялся с престижем космонавтов, пишет еженедельник «Огонек». Эта профессия оказалась очень прибыльной. В 2000-м году проститутки заработали 618 млн. \$, насчитывалось их тогда в России, по разным данным, 260–400 тысяч.

Проституцией теперь занимаются не ради прокорма, пишет журнал. Люди приезжают в города и хотят вести шикарную жизнь. Средний возраст начала занятий проституцией в России снизился с более чем 18 лет до 14–15 лет.

Но тут имеются в виду только «профессиональные» проститутки. Множество людей «включаются в сексуально-денежные отношения», как выражается журнал, имея при этом другое основное занятие, учатся или работают. Причем плату за секс берут не только деньгами, но и хорошим местом работы, машиной, погашением кредитов, дорогой одеждой и элитным отпуском. При этом по большей части никто не считает свое поведение зазорным. Более 60% российских женщин, по опросам, вообще не видят смысла в интимных отношениях с партнером, если не получают от них материальных выгод.

Стереотипы за последние 15 лет изменились очень сильно, продолжает журнал, секс за деньги перестал быть аморальным. Для потребителей он становится частью обязательного набора. «Триада «баня, выпивка, девочки» прочно вошла в деловую культуру определенной части российского бизнеса».

Вопрос писателю: представляет ли он, для кого пишет?

Хороший анекдот. Рыбка говорит другой: я готова согласиться, что Бога нет, но кто тогда меняет воду в аквариуме?

2.7.10. Догадался посмотреть в интернете Мишу Марутаева: он, оказывается, умер 1.2.10, 85 лет. А я ему не звонил. На сайте разные материалы о нем, цитируются А.Эшпай и Роман Леденев (с которым я знаком): «Наша культурная ситуация такова: можно, подобно стеклодувам, практически из ничего выдуть что угодно... и можно не замечать того, что является настоящим искусством... Сегодня оказался в тени Михаил Марутаев». «Вообще непризнание художника, если он настоящий, отражается не только на нем, но и на культуре в целом, лишая будущее поколение некоторых ориентиров и обедняя творчество»... У меня с ним многое связано. Вечная ему память.

4.7.10. Думаю о Марутаеве: надо бы перебрать разбросанные по «Стенографии» странички о нем, вспомнить, как мы с ним гуляли по улице, напевая друг другу мелодии, которые надо было угадать (или хотя бы определить композитора). Я тогда еще мог и напеть, и услышать, он мои напевы узнавал сразу, для него это была азбука. Как он объяснял мне (показывал на рояле), что в большой форме главная тема вводится не сразу, ей должна предшествовать подготовка. И в литературе тоже, в «Анне Карениной» героиня появляется не сразу. Объяснял и показывал мне, как строится сонатная форма, что такое додекафония. Он мне многое дал для понимания музыки, в чем-то на профессиональном уровне. Помню, как Каверин решил даже, что я музыковед. Многое, конечно, с тех пор забыл.

(В одном из коробков нашел листок, где застенографировал, должно быть, как это бывает, фразу по ходу телефонного разговора с ним: «Шостакович за год до смерти подошел ко мне и говорит: где музыка? А что я мог ему ответить? Я тогда работал над наукой и заканчивал ораторию».)

5.7.10. Вспоминал Апта. Я где-то уже записывал, как начинал читать по-немецки «Иосифа и его братьев», примеривался к возможности его перевести. (Апт над переводом тогда только еще работал, я об этом не знал.) До сих пор запала в память первая фраза: «Tief ist der Brunnen der Vergangenheit». «Глубок колодец прошлого» — дословный перевод казался очевидным. А потом вышел перевод Апта (он мне подарил два тома), и я прочел: «Прошлое — это колодец глубины несказанной». Сразу оказалось задано не просто словесное содержание — музыка текста. Недостижимый уровень искусства.

11.7.10. Вещество мозга расходуется, не убавляясь, наоборот, обогащаясь. Только устаешь, и на многое другое тебя не хватает.

14.7.10. Довел две последних главы до полуготовой стадии — как и многие другие главы. Теперь предстоит этап, который можно назвать «ямочный ремонт» (термин, который я прочел в позавчерашней газете: дефекты на асфальте, углубления, трещины обводятся мелом, отбиваются отбойным молотком или фрезой, вычищаются, заполняются бетоном, а потом бетонно-асфальтной смесью. Заплаты, еще не то что готовое, гладкое покрытие. Очередной этап)

26.7.10. Наконец гарь от горящих торфяников добралась и до нас, это уже слишком. Каждый день новый температурный рекорд, теперь 37°, ожидается повышение до 40°. Сегодня впервые не прогулялся в лесу: опасно дышать на ходу. Зато работаю с утра до вечера.

27.7.10. Уже совсем не до юмора: вместе с торфяниками и лесами горят целые деревни, люди остаются без домов. Герои Платонова в такую засуху брали котомки и уходили побираться. Сообщают, что кольцо горящих торфяников уже замкнулось вокруг Москвы. Но к полудню запах гари стал слабей, я упоенно работаю.

5.8.10. Каждый день ставит температурные рекорды, сегодня за 36°, завтра ожидают около 40. Такого не было за всю историю метеонаблюдений. Горят леса, деревни, уже более 50 погибших от огня, и то лишь это о чем сообщают. Подлинные размеры и последствия катастрофы (уже произносится это слово) станут понятны, когда она кончится. Блогеры в интернете матерно ругают власть, но она, пожалуй, только укрепляется, как при всяких чрезвычайных событиях. У нас жару можно бы терпеть, если бы город не окутывала время от времени ядовитая гарь. Сегодня ночью загрязнение воздуха превышало норму в 2–3 раза, и продлиться все это может еще неделю-другую. Жалко видеть на улице малышей. Наши внуки, слава Богу, блаженствуют у моря, мальчишки в Болгарии, девочки под Калининградом.

16.8.10. Очередной раз стал перечитывать роман. И, кажется, нашел заглавие: «Увидеть больше». В тексте на первой же странице это звучит развернуто: «Увидеть больше, чем показывают». Действительно, сквозная тема.

20.8.10 Журнал «Эксперт», посвященный теме интернета («Интернет вывел новую породу людей — человек кликающий»), очень интересно. Среди прочего, о «книжной» литературе. Немецкий специалист пишет: «Лишь 30% покупаемых книг действительно читается. 70% книг покупается в Германии для того, чтобы их подарить, или поставить на полку, или положить на журнальный столик».

Культура меняется на глазах, никто не берется предсказать будущее «книжной» литературы. Я продолжаю думать, что зачем-то она людям нужна; с упадком интереса к ней связаны тревожные перемены в обществе. Чтобы не произошло худшего, должен сохраняться хотя бы узкий круг хранителей устоев (в том числе литературы). Мы (наше поколение) вошли в интернетовскую эпоху, еще храня в себе память о прошлых измерениях культуры, обладая уже утвердившейся системой ценностей; входя в интернет, мы знаем, что искать, что выбирать, что предпочитать, для нас это великое подспорье. Новые пользователи, погружаясь в этот хаотический мир, бывают лишены предварительных ориентиров, они могут обходиться в лучшем случае информацией о разрозненных фактах. Пока еще непонятно, чем это чревато. Важно, чтобы совсем не терялась связь с традиционными представлениями, с основой, системой ценностей, жизненно необходимых для функционирования культуры. Надо следить за происходящим, сопротивляться разложению, искать, осмысливать свое место, наводить мосты. Как бы при этом зарабатывать на жизнь, доходить до аудитории — вот вопрос.

2.9.10. Пользуясь освободившимся временем, заглядываю в журналы. В №8 «Звезды» интересная статья В. Якобсона «История с математикой» — о вульгарных, дилетантских попытках математиков трактовать историю, культуру и т.п. (Сам автор — математик.) Резко и убедительно о концепциях Л. Гумилева (помню заголовок давней статьи о нем в «FAZ»: «Русская паранаука»), Фоменко (этого я никогда всерьез не принимал, удивительно, почему о нем благожелательно отзывался Кома) — и неожиданно в масть мне — о концепциях А. Мелихова, по образованию математика. Решив »заняться философией истории, — пишет автор, — Мелихов ... просто обозвал все побудительные мотивы человеческой деятельности и все

виды мировосприятия, кроме очевидно чисто биологических, грезами, фантомами, мечтами, сказками, химерами и прочими уничтожительными именами (иногда добавляя определение “коллективный”). По совпадению, в только что законченном романе я прямо его цитирую (о грёзах и т.п.) и тут же представляю персонажам возможность поспорить.

В том же №8 меня привлекла еще одна статья, С. Яржембовского, о постмодернизме. «Постмодернизм... выдвигает в качестве своей ведущей метафоры грибницу — *ризому*. Метафора ризомы противопоставляется метафоре дерева как иерархической структуры. Ризома — это плесень, в которой все со всем безнадежно перепутано, где ничего главного, основополагающего, центрального — станового хребта, ствола, корня». «Постмодернизм превращает весь мир в “метатекст”... В этом смысле “гипертекстуальность” мира — это просто его пронизанность глумливой ризомой метастазов метатекста (раковая опухоль — это глумление над здоровой тканью)».

5.9.10. С удовольствием прочел книжку неизвестного мне до сих пор Олега Зайончковского «Сергеев и городок». Хороший, крепкий писатель. Ему 51 год, работал слесарем-испытателем ракетных двигателей, дебютировал лет 6 назад, живет в Хотьково. Эту станцию я не раз проезжал. Угадывается что-то близкое к Сергиеву Посаду, монастырь. Точно, жестко, но с добрым юмором описывается жизнь знакомого городка, химический завод, работа, семейный, домашний быт, еще советский и постсоветский. Во всех рассказах все герои пьют, это их объединяет. Описано без морализаторства, с сочувствием, читаешь с удовольствием, с интересом. Но чем дальше, тем больше чувствуешь, что сам бы эту жизнь долго не выдержал, и люди не ощущают в ней смысла, просто живут. В заключительном рассказе, озаглавленном «Растительная жизнь», автор сам опережает критиков: «Растительная жизнь — чем она плоха?» Он сам один из персонажей: «Обычный мужик, на заводе работает, квартира, семья — все, как у людей. Однако рассказы пишет не хуже писателя». Интересно, читают ли его соседи, персонажи этих рассказов. Ни в одном из них не упомянута хотя бы одна книга (кроме того самого, пишущего автора).

8.9.10. Из рассказов Юлика Кима: как в метро какой-то хмырь, ухмыляясь, развернул перед ним, сидящим, маленький

российский флажок с надписью «Россия для русских». Как возник и быстро угас театр «Третье направление», где поставили два спектакля по его пьесам. Сначала студийцы собрались вокруг режиссера, самоотверженно, с увлечением работали, за два года, на пике перестройки достигли небывалого успеха, в Москве, в стране, за границей, актеры «через одного» обзавелись машинами. И вдруг началась другая стадия: споры, кто должен получать больше, кто меньше, в зависимости от участия в спектакле, кто по первой категории, кто по второй, стали отказываться от ролей, возражать режиссеру, наконец, уходить. И театр кончился. У режиссера не хватило волевых, диктаторских качеств, актеры где-то растворились.

12.9.10. Выступление Комы в Музее Цветаевой. Он говорил о разных обстоятельствах жизни Цветаевой, основываясь во многом на рассказах своих знакомых. Кое-что я знал (рассказ Липкина о дне, проведенном с Цветаевой). Среди новых для меня эпизодов: Б. Пастернак рассказывал о поездке в Париж на Конгресс антифашистских писателей. Первым человеком, который его встретил на вокзале в Париже, был С. Эфрон, который сразу стал убеждать Пастернака не говорить Марине про Сов. Союз ничего плохого: мы должны туда непременно вернуться. (Известно, что ему во Франции грозил арест за участие в политическом убийстве.) Это по-новому объясняет, почему Пастернак не отговорил ее от возвращения. Эпизод с Тарковским, в которого Цветаева была, очевидно, влюблена: ее последнее предсмертное стихотворение, возможно, было связано с этим, как и стихотворение Тарковского 1941 г., еще при жизни Цветаевой. Кома прочел оба, я их впервые, кажется, слышал, и впервые услышал такое толкование. Вообще Кома читал много стихов на память, не заглядывая в бумагу, даже по-французски; память его не перестает изумлять.

Вспомнил про Т. Манна, открыл его дневник 1948 г., мой возраст, 73 года. Сверх ожиданий неинтересно. Перечень занятий, политических, домашних новостей, упоминание об откликах на «Доктора Фаустуса» — и никаких размышлений, короткая информация. Сын Клаус очередной раз попытался покончить с собой, открыл газ. «Катя (жена) поехала к Клаусу». И все. Комментарии обширней самих дневников (комменти-

руются упомянутые имена, газетные события и т.п.). Десять лет назад его дневники местами были интересны, тут просто нечего читать, не над чем думать.

У входа в кафе «Старая усадьба» (по пути к Музею Цветаевой) объявление: «К шашлыку подарок — кружка пива». Кафе, где шашлык предлагают запивать пивом, доверия не вызывает.

20.9.10. Вчера на меня произвел впечатление блог, озаглавленный «Страна умерла». Воспроизводятся заметки журналиста (Юрий Панов) о поездке по просторам Сибири. На пять дней он задержался в Братске. Вот его впечатления: «Невероятное количество бандюганов и пьяниц. Церквей нет в принципе... Люди ездят на такси даже за хлебом, потому что на полном серьезе боятся воров и убийц... Учитель в сельской школе зарабатывает 3,5 тыс. Зам. главврача Братской гор. больницы — 10 тыс. Трезвых пока не видел. Тайгу рубят нещадно (она продана американской компании)... Над городом периодически ревет сирена, как во время войны. Этим информируют, что Братский лесоперерабатывающий комбинат (БЛПК) начинает выброс отходов... Комбинат находится практически в центре города. Дым валит постоянно, но когда воет сирена..., граждане сразу закрывают окна, зажимают носы. Вонь дикая... Разит хуже, чем в общественном сортире». «Видел детей, стоящих на коленях у железнодорожного переезда и просящих милостыню». (У меня, вспомнилось, дети просили милостыню в Муроме.) «Был в районных городах и деревнях... Таковую нищету представить невозможно». «На трех баб один мужик. Поэтому сплошь и рядом мамаша и дочка живут с одним мужиком. Полным-полно матерей в возрасте 15–16 лет... Они боятся делать аборт, потому что гинекология дореволюционная, и после процедуры бесплодие гарантировано». «Каждый день жизни здесь — реальный подвиг... Местные мужики, работающие на «БрАзе» и в «Илим Папл», к 40 годам импотенты. Покупают виагру».

Много чего еще. Похоже на мрачную антиутопию, но выдумать такие подробности трудно. Из Москвы жизнь так не увидишь. Интернетовские блоги все больше заменяют газеты и радио, не говоря о ТВ, становятся реальной силой. Хотя пользуются компьютерами пока немногие.

23.9.10. *Die*. 9 утра. Записываю пунктирно. Позавчера проснулся в 3 часа ночи, не мог заснуть. Выехал в пол шестого. Ожидание в аэропорту, потом в Праге. В Праге при досмотре у меня отобрали лезвие бритвы: возможное орудие террориста. Прекрасная библиотека в Лионе, слушателей немного, но выступлением доволен, слушатели, кажется, тоже. (Говорил о том, что сейчас всюду меньше читают, как важна литература, попросил французскую ведущую прочесть пассаж Шаламова из моей «Апологии литературы», потом говорил об одиночестве, она очень высоко говорила о «*Projet Solitude*», подписал 4–5 книжек.) Прекрасный ужин в ресторане. Короче: в Лионе лег в 10 вечера, по московскому времени в 12, т.е. не спал 20 часов и при этом работал, пытался говорить по-французски. Довольно рискованная нагрузка в моем возрасте. Но, кажется, обошлось. Портье в отеле заговорил по-русски: он из Молдавии. Вообще во Франции много русских, даже в *Die*...

Меня поселили не в отеле, а на квартире... Милейшая, очаровательная хозяйка Lilian, ее муж Gerard Trezini, который считает себя потомком петербургского архитектора. Итальянец, его отец-антифашист, как я понял, еще до войны вынужден был переселиться во Францию. Занимается живописью, она была медицинской сестрой, оба на пенсии. Мы сразу подружились, вчера вечером пили вино... Я подарил им книжку «*L'orchestre muet*»...

24.9.10. *Die*, 9 h. Продолжаю без связи, может быть, на компьютере выстрою. За 5 минут до начала своего выступления приехал на машине Жорж Нива. Он покрасил волосы, помолодел. Боли прошли. Исцелил его необычный экстрасенс: в 6 утра у него уже были одновременно 30 пациентов, он подходил к каждому, ни о чем не спрашивал, минуту держал над больным местом руку, отходил к следующему. Но боль в первый же день прошла. Следующие 40 дней он продолжал лечение мысленно, на расстоянии, всех помнил.

Жорж прочел лекцию по истории русской литературы... по поводу Гоголя упомянул мое имя, читал отрывки из «Дня в феврале»... Под конец меня попросили прочесть отрывок по-русски, я прочел фрагмент из «Апологии литературы», о Шаламове, Жорж о нем много говорил; потом читали перевод. Зашел к нему в отель, потом прогулялись по городу. Он осмат-

ривал улочки и дома со знающим интересом, я с ним по-новому оценил красоту этого городка, домов XVII-го века, небольшие скульптуры святых, никем не разбитые, ухоженность, чистоту. Я спросил о керамическом устройстве над крышей (вроде кувшина). Он мне объяснил, что это для вентиляции; летом здесь очень жарко, в полдень устраивают сиесту, как в Испании. Зашли посмотреть выставку картин, потом посидели в уличном кафе за бокалом вина, он много и интересно говорил (я больше слушал). Об истории с высылкой из Франции цыган, о готовящейся выставке Солженицына и о другой выставке: о двух русских литературах, известной и потаенной, о раскольничьих книгах (потом показал мне их)... Об Андрее Волконском и Никите Кривошеине, с которыми дружил в Москве в студенческие годы. О Шишкине, который, по его словам, «ненавидит Россию» (я в его книгах этого не заметил, возможно, читал невнимательно), становится все более высокомерным. «Его книги продаются во Франции даже хуже, чем твои». О моих издательских перспективах. Заинтересовался моим новым романом, я обещал прислать.

25.9.10. *Die*, 8.35. Вчера поездка с Жоржем Жорж путешествует, как и ходит по городу, не торопясь, обстоятельно, с ним больше видишь. Остановился возле магазина старых вещей, искал подарок для своих киевских друзей, долго рассматривал каждую, кое-что мне комментировал. Старинные инструменты, мебель, плетеные снегоступы, посуда. Выбрал фаянсовый аптечный сосуд для молодоженов и две старинных тарелки с рисунками в духе начала XIX-го века для их родителей.

Старые городки среди зеленых гор, остатки крепостных сооружений, высокие башни. (По пути показал мне гору, за которой скрывался монастырь Шартрез, я любил когда-то ликер, который готовят здешние монахи.) Остановились в городке Crest, побродили по улочкам, по крутым лестницам, под крепостной башней... Самое интересное, конечно, разговоры, но я сейчас не берусь их воспроизвести, надеюсь вспомнить потом... Долго искали знакомого Лириан, телефон, который она нам дала, не соединялся, Жорж предположил, что здесь не работала спутниковая связь. Мы (т.е., конечно, Жорж) стали стучаться в разные дома, спрашивать, где живет этот человек, все, конечно, знали друг друга, показали. Дом,

старинный, как в иллюстрациях к сказкам Перро, деревянный потолок, топился железный камин, старик 90 лет, в теплом зеленом колпаке, как на тех же иллюстрациях. Он давно когда-то работал во французском посольстве, хорошо говорит по-русски, но я попросил говорить по-французски, сам только слушал...

Что я пропустил?.. Эпизод в Crest: когда мы сидели в кафе, с какой-то женщиной заговорил, проходя мимо, чернокожий парень, оба веселые. Жорж обратил на это мое внимание: здесь нет никакого расизма, что бы ни говорили. О «расизме» Андрея Белого и Блока.

После пребывания во французской провинции еще острее чувствуешь обиду за свою страну, почти боль, очевидней, сгущенней сознаешь мерзость режима, издевательскую фальшь властей. Гламурные пиршества нуворишей, звезд ТВ — и пьяная нищета, лачуги, истерические сеансы ненависти к Западу, который хочет погубить Россию, задурманенные мозги тех, кто не видит эту жизнь своими глазами...

Зимой, когда здесь нет ни фестивалей, ни туристов, сказал Жорж, жизнь в этом городке не такая уж простая. Проблемы не экономические, здесь даже бедным людям на жизнь хватает, есть социальная помощь. (Занятная подробность: если больницы нет поблизости, пациента обязаны отвезти в нее на такси за счет социального обеспечения.) Проблема, чем заняться, чтобы не ощутить пустоты, бессмысленности. Тут должна помогать религия. Мне на эту тему хотелось бы поговорить, но не хватает времени.

Я передал ему разговор с лионской библиотечаршей о том, что здесь после кризиса жить стало хуже, растет недовольство. Жорж возмущен: обычные левацкие разговоры, все готовы жаловаться. Рассказал о том, как лечился в прекрасной больнице бесплатно, вместе с самыми простыми людьми. Социальные различия не имеют значения, и лекарства, самые дорогие, он получает бесплатно (правда, только у себя в Esery).

Die. Город, в котором не бывает грязи. Все улицы замощены вплоть до стен, а дворы засеяны травой. Входя в дом, здесь гости не переобуваются в тапочки — незачем. В квартирах, кажутся, не бывает пыли.

26.9.10 Вчера «отбомбился»: table ronde с Андреем Дмитриевым и Валерием Поповым вел Жорж Нива. Встреча в café littéraire с французским писателем Guy Coffete, который восторженно рассказывал о поездке на «транссибирском экспрессе». Мне, среди прочего, задали вопрос о «провинциальной философии», я рассказал о своем «провинциальном» детстве, о своих впечатлениях от французской провинции, Guy охотно стал рассказывать о своем деревенском детстве.

Потом я задал ему обычный вопрос, есть ли сейчас во Франции крупные писатели, он пожал плечами. Я назвал Уэльбека — отмахнулся, Бекедера — просто поморщился с отвращением. Странно, тот же вопрос о наших я задавал и русским коллегам, они отвечали так же.

Прогулки по улицам. Тихий воскресный день. Магазины закрыты (кроме булочной), безлюдно, нет машин. Ходил по воскресному базару, высматривал сувенир — не вдохновился. Нет интереса к вещам. Мысль о том, что я хотел бы здесь жить — но полное отсутствие творческих идей. Всюду цветы. Стены увиты хмелем, самодельные вывески, надпись из зеркальных осколков «Le poisson d'or». Плакаты с именем «Политковская». (Жорж мне говорил о новой здешней мифологии. Кто эта Политковская, никто не знает, но это уже знак России.) Встречаются туристы с фотоаппаратами. К полудню на зеленую лужайку стали съезжаться велосипедисты, машины, какие-то соревнования.

Train Valence-Paris, aeroport. Бизнес-класс, отдельное место, похоже, я действительно заставил организаторов раскошелиться. Решил продолжить записи на обороте Feuellerie de route, фестивального расписания, чтобы оно тут и сохранилось. Впрочем, хочется пока смотреть в окно...

Вчера обедали вместе с Вазгеном (Тадевосяном), Дмитриевым и Бавильским. Мы с Дмитриевым поехали к Вазгену и его жене в деревню (или городок) Recombleu. Они там снимают просторные appartement на третьем этаже. Большая мастерская, но зимой отапливаются только жилые комнаты, он там работает.

Ему, если не ошибаюсь, 51 год. Он служил в армии, в Казахстане, пережил землетрясение в Ленинакане (мы больше

знаем про Спитак), карабахскую трагедию, видел трупы, кровь, перевозил оружие. («Сам я не стрелял, я не мог, я человек не военный, но оружие другим доставлял и не жалею об этом»), спасал семьи армян и азербайджанцев. («Я не держу ни на кого никакого зла, но была трагедия, я понимаю».) Его жена Доминик австралийка, давно обосновалась в Париже, но с ней он говорит по-английски, может и по-французски. Объездил много стран, участвовал во многих бьеннале, был куратором и автором разных «проектов», инсталляций, перформансов, издавал и редактировал армянские журналы, книги по искусству. Собственной живописью занимается последние два года... Я прочел ему стихотворение «Почувствовать, понять загадку», ему очень понравилось (особенно близким показалось слово «вибрирует», заговорил на эту тему), попросил меня написать на листе бумаги. Этот лист он облил чаем, потом немного вином, чтобы произвел впечатление древней рукописи, образовавшиеся пятна дорисовал — возникло что-то вроде рыбы-ангела с крыльями, один из его «вазонов». (Вечером он сделал с него ксерокопию, дорисовал еще — уникальное произведение, подарил мне.) А еще предложил в подарок на выбор репродукции своих работ, которые тоже дорисовал от руки. Я выбрал монтаж-апликацию: фигура овцы среди разных линий. На обороте он надписал: «Сентябрьский день 26.9.2010. Вечер. Горы. Вино. Искусство. Поэзия» И подписал: ВазДом — двойным именем, своим и жены...

В Ди Доминик спросила меня, какую из моих книг я порекомендовал бы ей купить (мы довольно прилично объяснялись по-французски). Я посоветовал ей «Прохора Меньшутина», она купила еще «Amores», узнав, что тут рисунки Гали. А при выходе я неожиданно увидел совсем отдельно лежащий «L'orchestre muet», он был издан давно, не для продажи, для рекламы, какая-то дама привезла ее с собой. Услышав, что это за книга, Вазген купил и ее (хотя сказал, что предпочитает читать по-русски), я ему ее надписал.

На обратном пути они повезли нас посмотреть удивительно красивое горное место, речку. По дороге Доминик обратила мое внимание на подстриженные, как в парке, деревья, кусты. Когда здесь строили дорогу, рабочие остались без дела, стали просто подстригать деревья. Эта традиция сохранилась.

Повторить ли общие впечатления? Прекрасная провинция, достойная жизнь, достойные люди, интересные встречи, некоторые могут оказаться существенными. И чувство горечи, обиды за свою деградирующую страну. Здесь, во Франции, нельзя себе представить чудовищных особняков среди нищеты, построек, разрушающихся из-за ворованных материалов, поборов на дорогах, в школах, в больницах, новостей об ежедневных убийствах, торжествующих воров и убийц, испорченных, замусоренных пространств, вырубленных лесов, отравленных рек, воздуха. (В Шатийоне я попил воды из городского фонтана, она сюда течет с гор; не записал про этот городок.) Я заглядывал в здешние газеты: другие проблемы, другая цивилизация, другой мир По контрасту отчетливей, чем раньше, а главное, безнадежней видишь разницу. При всех нефтяных богатствах, машинах, не уместяющихся на московских улицах, деградация все очевидней.

28.9.10. Москва. Домой добрался уже сегодня, за полночь. Реклама в метро: «Пошоптесь и пожарьтесь». Что делают с языком! Возле метро парень на мотоцикле долго дождался кого-то. Вместо номера табличка: «Первое занятие бесплатно». Я подумал было, что это реклама занятий на мотоцикле, потом увидел под самым сидением: «Секс-инструктор высшей категории».

Особенных новостей нет. ТВ смотреть не мог. Все обсуждают отставку Лужкова (который не захотел уходить добровольно) — «утратил доверие президента». И ничего не смог читать. После Франции (в самолете я читал «Le Monde» и «Liberation») — мафиозная, выморочная политика.

29.9.10. Надпись на бетонной ограде у железной дороги: «Слава героям Приморья!» Это о молодых людях, устроивших охоту на милиционеров, которые над ними издевались. Потом некоторые покончили с собой, один, совсем юный, сдался. Официальные власти их называли бандитами, уголовниками. Но вот отклик: велика ненависть к «ментам».

30.9.10. Утеха. Прилетели вчера вечером. В самолете читал брошюру Немцова и Милова «Путин. Итоги», ее нам, как и другим, бросили в почтовый ящик. Все это я по большей части знал раньше, убедительно и невесело.

В Подгорице нас встретил Б., Ленин риэлтор, довез бесплатно (рассчитается с Леной, когда продадут дом). Пока по-

купатели думают. («Богатые покупают виллы, бедные не покупают вообще».) Этот бизнес для нее не назовешь удачным, но для нас чистая радость: четвертый раз оказаться в любимом месте. Вчера уже в темноте искупались, сегодня утром я поплавал всласть. Солнце, не жарко. Сейчас (15.30) Галя рядом со мной рисует, потом пойдем поплавать еще.

Я, увы, пока не работаю, голова проветривается. Взял с собой читать поэтов, словари, буду читать, думать. Винограда меньше, чем в прошлом году. Купили вино, хлеб, помидоры.

3.10.10. *Утеха*. Перебирал взятые из дома листки со стихотворными строчками. Удивительно: все их оказалось можно вставить в текст, уже начавший мерещиться.

Пока я перечитываю Мандельштама, Бродского, Пессоа, заполняю новые листки.

Странное расположение духа: можно блаженствовать, наслаждаться, ни о чем не думать, как другие только мечтают, как сам, казалось, мечтал — но ни о чем не думать, оказывается, не абсолютное благо. Без мысли блаженство словно бы не совсем полноценно. Четыре дня, уже пятый, прошли, сжавшись в один — рабочая неделя во Франции была растянута, насыщена, расчленена. А ведь так и жизнь пройдет, не заметишь. Вот что надо бы передать.

Извлекать, выцарапывать смысл, находить слова, настоящие, не фальшивые. Они доходят не прямо, сначала для слуха близкого меньшинства, потом разбавляются, переиначиваются, чтобы стать доступными. Пусть другие даже не подозревают, от кого они пришли. Нам самим не дано этого знать. Наше дело создавать миры, не существовавшие до нас, невозможные без нас.

13.10.10. *Самолет Подгорица — Москва*. В аэропорту, у стойки регистрации для выхода к самолету, двое полицейских улыбочиво беседовали с парнем в теплой куртке, белых кроссовках. Коллега, подумал я, только не в форме. Парень стоял спиной к нам, и мне стало казаться странным, что он не меняет положения рук, держит их все время перед собой. Отошел посмотреть сбоку: он был в наручниках. Депортировали, должно быть, в Москву.

В самолете средних лет, холеного вида, человек, прикрыв глаза, положил руку на откидной столик. Молодая женщина в соседнем кресле делала ему тщательный маникюр. Секретарша или нанятая девушка.

Перед нами села еще одна рослая красивая девушка, в широко открытом вырезе приподнятый, а может, увеличенный загорелый бюст, крупное кольцо. Ее сопровождал низкорослый лысоватый хмырь с явно бандитской рожей. Явно купил ее. Черногория — курорт новых русских.

В самолете словно впервые, с открывшимся пониманием, заучивал наизусть Мандельштама: «Может быть, это точка безумия». Как раньше не понимал: это о последнем, сверхжизненном подведении итогов, о том, что в мифологиях называли «страшным судом». «Узел жизни, в котором мы узнаны / И развязаны для бытия». И дальше — поворот почти каждой новой строчки. Наверно, об этом уже написано, но открывать важно самому.

19.10.10 *Москва*. Вечером поехали на выставку Шелковского: макеты воображаемых зданий, картонные коробки разной формы... Замечательно было помещение, называемое «Руины» — часть Музея архитектуры, на реставрации, как можно понять. Обнаженная мощная кирпичная кладка, деревянные конструкции. И во дворе фрагменты скульптур, чугунового литья, спасенные из разрушенных зданий.

На уличном щите меню «Столовой архитектора»: зеленая икра летучей рыбы, прочел на ходу.

В метро вагоны заполнили парни с красно-белыми шарфами, со свернутыми российскими флагами: болельщики «Спартака» ехали на матч с «Челси». Прямо в вагонах доставали «пузыри», пили, заранее возбужденные. Что-то мрачное было в этом возбуждении («черное», выразилась Галя). Вернувшись, я успел посмотреть по ТВ матч: «Спартак» проиграл 2:0, соперник был явно выше уровнем. Представил на трибунах этих парней. Устроили бы драку, если бы приехавших англичан не защищали. Не нравятся мне нынешние фанаты, их патриотизм. Добрая половина игроков «Спартака» — иностранцы, при чем тут российский флаг?

16.11.10. Десять лет со дня смерти мамы. Съездили на Воскресское кладбище. Мой дедушка родился в 1878 г. Я стал искать на памятниках более ранние даты, уже почти на выходе нашел одну: 1866. Похоронен в 1920 г. Могилы более давних предков исчезли вместе с местечками, деревнями, монастырями, церквями, перепаханы, заняты новыми. Сохранились могилы людей знаменитых — но сколько их? Долго ли будут ходить дети, внуки на наши могилы? (На могилы бабушек и дедушек они все эти годы не ходят.) Я поймал себя на том, что не так уж для меня важна память материальная, задержалась бы другая.

Л. рассказывала о юбилейном вечере в МГПИ: студенты встречали аплодисментами упоминание имени Ленина и пели советские песни («Ленин всегда живой»). За что боролись?

21.11.10. Первый снег, дети уже кувыркаются с горки без санок, что-то лепят. Какой-то поворот мысли побудил меня открыть книгу Чхартишвили «Писатель и самоубийство». Задержался на разделе о писателях, которых толкнуло на самоубийство сознание творческой импотенции, исчерпанности, невостребованности. Я о чем-то близком начинаю сейчас писать в «Закатах Утехи»¹. Который раз ощутил поверхностность, приблизительность — надо еще углублять и углублять. И не стоит корить себя за непродуктивность. Попутно еще раз захотелось вернуться к теме культурного состояния, будущего литературы.

25.11.10. Дождь вчера смыл снег. Распечатал начерно «Утехи», вводил в компьютер «Стенографию». Отправил письма Хазанову и Нива.

Читаю поэтов, одновременно разных, со странной мыслью: в чем отличие высоких от средних, а тех от плохих? После Мандельштама открывал «Арион» — ну, тут все очевидно; угнетает массовая инфляция, не нашли, чем заполнить страницы, и сами же себя обсуждают. Потом открыл сборник «Поэт»: тут все-таки можно сравнивать. У Лиснянской многое превосходит. Кушнер — свежий голос 60-х годов заметно стал превращаться в заслуженного профессора стихосложения. Доказать это не просто — таково чувство. Замечательное эссе Лурье о Мандельштаме впервые открыло мне кое-что в стихотворе-

¹ См. Приложение к Стенограмме.

нии «С миром державным». А Немзер опять раздосадовал не критичным восхвалением откровенно слабых стихов Самойлова. «России нужны слова о России, / Поскольку пути у нее непростые». Неужели не чувствует, что это звучит почти пародийно? «России нужны слова о правде, / Поскольку живет она правды ради»...

28.11.10. Всю неделю у нас была Лиза [внучка]. Позавчера она рисовала, когда я поставил музыку Марутаева. Вдруг сказала: «Это лебединая музыка», — и стала рисовать лебедей, белых, черных, в гнезде. Получилось поразительно. Все дети гениальны, но у Лизы, право, незаурядный талант к рисованию, как бы его не задушить.

30.11.10. Умерла Белла Ахмадулина, моя ровесница. Уходит целая плеяда: за один год Аксенов, Вознесенский, теперь она. Для меня — мое поколение.

11.12.10. Вчера вечером приехал Жорж Нива, хорошо посидели. Днем он побывал на полигоне Бутово — месте массовых расстрелов. Я к своему стыду не счел нужным туда поехать. (А в прошлый приезд он побывал на процессе Ходорковского-Лебедева.) Рассказывал, что городок Овернь, из которого он родом, во время войны был уничтожен фашистами, жителей согнали в церковь и сожгли — единственное такое место памяти во Франции.

17.12.10. Всю неделю бегаю на лыжах — прекрасно! Перечел роман Хазанова «Нагльфар в океане времени», который еще лет 20 назад он мне показывал в Lindau. Это серьезная, настоящая проза, в которую надо углубляться, анализировать в контексте всего его творчества, предыдущего и последующего. Работа уже не критиков, а литературоведов. Сегодня написал ему об этом, процитировав слова Л. Гинзбург: «Книга перестает существовать, когда о ней перестают говорить литературоведы».

18.12.10. ТЮЗ. После спектакля «Записки сумасшедшего» в режиссерской комнате, за столом, режиссер Хржановский начал свой дифирамб Гинкасу стихами Пастернака: «В нашу прозу с ее безобразьем / С октября забредает зима». Дома я открыл начало «1905 года» — гениальное пейзажное четверостишие: «Небеса опускаются наземь, / Точно занавеса бахро-ма». Стал читать дальше: во втором четверостишии открыва-

ется, что зимнее чудо — это революция: «В неземной новизне этих суток / Революция, вся ты, как есть». Вспомнилось, как я однажды обнаружил заложенные в книгу страницы, выдраные из «Нового мира», не указано, какого года, явно еще советского, с неизвестными (тогда) стихами Пастернака о революции. Он до конца жизни воздерживался от их публикации. В одном из стихотворений человек, возвращающийся в Россию из-за границы в пломбированном вагоне (надо ли гадать, кто?), провозглашает: «Мы у себя, эй, жги, здесь Русь, да будет стерта!» И заканчивается словами: «Плещет ад... людскую кровь, мозги и пьяный флотский блёв». Другой — об убийстве Шингарева и Кокошина. Е.Б. Пастернак, публикуя эти стихи, (которые, по его словам, могли войти в книгу «Темы и вариации», 1916–1922), обстоятельно рассказывает, как высоко ценил поэт Ленина, как восхищался революцией, цитирует «Доктора Живаго» («Ураган пронесся с его благословения»), «Высокую болезнь» и т.п. Все правильно. Просто лишь задним числом проясняется, как заставлял — и заставил себя в конце концов Пастернак не просто принять кровавые события, но восхититься ими как очистительной стихией. Все видел, все понимал, и стихи непосредственной, органичной последующих.

Я говорил об этом в Ди с Жоржем Нива, он отвечал: а Мандельштам с его одой Сталину? Вспомнил своего учителя Паскаля, восхищенного революцией. Нет, Мандельштам все-таки другое, вынужденное, здесь добровольная самодрессировка. Пастернак всем приносил счастье, ничего, кроме счастья; если кому он и навредил желанием быть счастливым, несмотря ни на что, так это лишь своим стихам. Нельзя некоторые теперь читать без оговорки. Там, в поэме, дальше: «Жанна д'Арк из сибирских колодниц, / Каторжанка в вожжах». «Ты рыдала, лицом василиска / Озарив нас и оледенив». «Ты бежишь не одних толстосумов: / Все ничтожное мерзко тебе».

Когда-то я написал об этом: «Попытка (или имитация) внутренней свободы в стране, где рабы все, включая верховного правителя, который сам загнал себя в системный кошмар — не вырваться».

Можно ли корить людей незаурядных за многолетние усилия души и ума, чтобы убедить себя: это вовсе не рабство, это новое измерение свободы, невиданной в истории челове-

чества? Недаром ты не сразу сумел проникнуться. Вокруг же все прониклись, проникаются чем дальше, тем искренней, добровольнее — почитай, послушай; немногие, кто упорствуют в своей отщепенческой неправоте, скорей раздражают. Освободись окончательно от сомнений. Ты ведь хочешь писать достойно, как дано только свободному человеку, и при этом не отказываться от жизни — ну вот, совмести. Кто этого не сумел, о тех не узнают».

Право, это не только о Пастернаке.

31.12.10. Как и в прошлом году, конец года снежный, лес прекрасен. Я бежал на лыжах и который раз ловил себя на том, что не люблюсь, не вбираю в себя эту дивную красоту, перебираю в уме какие-то посторонние мысли. (В том числе и эту: надо будет записать, когда приду.) Я хожу на лыжах почти каждый день, набегал больше 100 км.

Знаковое событие — вчерашний приговор Ходорковскому и Лебедеву, 14 лет, жестокая заказная расправа. В интернетовских комментариях называют это поворотной точкой нашей современной истории. Пишут об откровенном давлении на суд, (процесс выглядел абсурдным гротеском), всячески ругают Путина, насмеваются над очевидной беспомощностью и несамостоятельностью президента, рассуждают о возможной реакции Запада, о неизбежном отказе от инвестиций, бегстве людей и капитала, обреченности так называемой модернизации. Я, впрочем, читаю сайты определенного толка, либерально-оппозиционные. Но вчера заглянул в последнюю запись 2008 года: разрастающийся кризис, нефтяные цены рухнули, экономика рушится, растет безработица, предрекают неизбежные протестные выступления. Прошло два года — нет, система пока держится. Громадная, инертная страна, она раскачивается медленно. Хотя, конечно, угрозы накапливаются, разрастаются. Многие напоминают, как вдруг, без явного толчка рухнул устойчивый, казалось, Советский Союз. Предчувствия, увы, невеселые.

А в прошлом году в этот же день я записал прогноз на 2010 год: среди прочего, перевороты в Пакистане и Венесуэле, кризис в Китае и Европе, обвал фунта стерлингов.

Приложение к Стенограмме

ЗАКАТЫ УТЕХИ

1

Утеха — по-русски утешение.

Четыре года назад наша младшая дочь купила здесь, на окраине, восхитительный двухэтажный домик над морем. Толком обосноваться ей в Черногории не удалось, вмешался кризис, теперь она пытается этот дом продать. Мы опять приезжаем сюда с мыслью: может, это последний раз? Ничто так не обостряет восприятия.

Конец сентября — начало октября, курортный сезон позади. Отели и виллы вокруг пустуют, многие здания годами не достроены, серый бетон, редкие окна по вечерам светятся, местных жителей здесь почти нет. За целый день можно никого не встретить. Куда-то девались даже длиннорогие козы, которые паслись, бывало, среди крутых каменных осыпей.

Славная страна, где прощаешься за руку со стариком, у которого по дороге купил гранаты. (А можно сорвать их на диком склоне бесплатно.) Где кельнер ловит на удочку рыбу прямо с ресторанного парапета, можешь потом заказать. Где в роще олив под стволами неохватными, сказочными, в многовековых бороздах и наростах, подбирают в ведра падалицу. (Масло здесь лучше покупать не в магазине.)

Мы снимали комнаты в разных местах, поехали с детьми на машине, насмотрелись достопримечательностей. Но нет для нас ничего лучше нынешнего уединения. Окрестности нам давно знакомы, поднимемся при надобности в ближний мага-

зин или прогуляемся вдоль шоссе к дальнему. Внизу, в полусотне метров, бухта для нас двоих, больше сейчас никто не плавает. Мандарины в небольшом садике еще зеленые, но винограда хватает на каждый день.

С погодой нам опять повезло, море теплое, плаваю по километру и больше в день, просолился настолько, что соль, кажется, проступает кристалликами на коже, усах, мышцы, наработанные кролем, на ощупь каменные. Чего может еще не хватать, о чем можно мечтать? А ведь не хватает чего-то, что-то свербит, вот ведь не сразу поймешь.

Вечером, когда мы очередной раз собрались провожать вином заходящее солнце, я вдруг увидел нас со стороны. Как бы это запечатлеть? Фотографическое плоское подобие безжизненно, разглядывать его потом — омертвить вибрирующий сейчас трепет. Разве что обозначить словами — ни на что не претендуя, зацепки для памяти, чтобы ей потом проще было заполнить.

Просторная терраса над морем. Галина мастерская, верхний свет во все небо. На белых стульях, пластмассовом и металлическом, закреплены две белые пенопластовые доски, одна вертикально, другая в ширину — удобные мольберты, на них листы работ. Одна сделана сегодня: дом над изогнутым по горизонту морем, женщины под деревьями, другая вчерашняя, стволы олив. На белом столе кисти и краски. Мы смотрим на них от своего стола, запахнувшись для тепла в пледы. Перед нами литровая бутылка черногорского Vranas, стаканы с темно-красным вином, виноград, собранный тут же сегодня, в маленькой стекляшке нежно-лиловые крокусы и неизвестные цветы помельче, тоже лиловые. Темно-рябое стекло круглого стола повторяет рябь просторного моря внизу.

Мы на лучших местах: царская ложа, первый ряд.

Солнце выглянуло из-под черной тучи над черным морем минут на десять, коснулось воды, разрослось, собираясь удвоиться. Можно проследить по миллиметру ускоренное, как в кино, погружение невообразимой громады. Меняется окраска неба, облака внизу рельефно багровеют, как поверхность фан-

тастической планеты, к которой мы приближаемся вместе с кораблем-землей. Божественное зрелище, языческий ритуал. Чокнулись, благодаря ушедший день.

Потом все погасло, стало быстро темнеть.

2

Утром воздух, прозрачный до горизонта, оставляет пространству только линейную перспективу — даже слабая дымка не свидетельствует о расстоянии. Прорисованы дальние постройки, зеленые горы, каждое дерево. Четкость восточной миниатюры.

Фрукты, овощи на магазинных уличных лотках открыты, продавщицу надо вызвать звонком, спускается со второго этажа, еще сонная. Мы здесь как будто единственные покупатели. Перед дальним магазином за столиками уже с восьми утра сидят двое, перед каждым бутылка пива, смотрят молча перед собой, один курит. Рановато для выпивки, но нечем заняться, нет работы, не сезон. Думают ли о чем-нибудь? Блаженное растительное существование: ни о чем не думать. Что все-таки не так?

Я ведь сам только что закончил и отослал в издательство работу, она потребовала непростых, многолетних усилий и нервов — казалось бы, освободился, отдохай, наконец, наслаждайся бездумно жизнью. Нет, почему-то долго не получается. Четыре дня, уже пятый, прошли, сжавшись в один. А ведь так и жизнь пройдет, не заметишь.

Тоже, считай, мысль, но не ее же записывать, вот что смущает. Расслабленность, пустая голова. Знакомое состояние, пугающее, как импотенция. Вдруг ничего больше не смогу? Без напряженной творческой мысли блаженство словно бы не совсем полноценно. Профессиональная болезнь пишущих, психиатры охотно расскажут. Иные, испугавшись бесплодия, кончали даже с собой. Какая-то встроена в организм помеха, вот ведь беда. Еще и месяца не прошло — уже тоскуешь. Другим хорошо, обходятся.

Лопаются пузыри на волнах, миг — и нет их, сменяются, обновляется пена, ничто не остается навечно. Мгновения жиз-

ни обретают, сохраняют реальность в тебе, в твоих мыслях, чувствах, памяти. Достоверно запечатленные, сохраненные, внутри или вот на этих листках.

На террасе хорошо обложить себя книгами. Для чтения я взял с собой главным образом поэтов, Мандельштама, Бродского, Пессоа на французском языке. Поэзию, даже знакомую почти наизусть, можно перечитывать понемногу, додумывая, вникая, она не исчерпывается, как сюжетная проза, быстрым чтением, хватает надолго.

— Когда читаешь умных поэтов, иногда кажется, что в жизни есть смысл.

— А если не читаешь?

— Тогда приходится самому думать. Только времени все нет. Писатели этим по службе должны заниматься.

А ведь верно, у людей слишком много других дел, мысли заняты, не хватает не то что времени — души, чтобы приостановить житейскую гонку, вспомнить, что все неминуемо должно кончиться, ощутить какую-то недостаточность. Тут начинается служба таких, как ты. Извлекать смысл, находить слова — для себя, но ведь и для других. Создавать миры, не существовавшие до нас, невозможные без нас.

Вот что стоит сейчас додумать, зацепилась вдруг мысль. Оформить, поставить в связь то, что мимоходом набрасываешь на сподручных осьмушках стенографическими закорючками. Не работа — способ существования: так шелкопряд сгущает выделения своей жизнедеятельности. Спасительная привычка. Попутные заметки, строчки начатых, еще не оформленных верлибров, захватил с собой вместе с книгами. Перебираешь время от времени с чувством, что едва ли не каждый просится в текст, уже начавший мерещиться.

Возвращаются рыбаки, поднимают сети. На рассвете они плыли вдоль берега на юг, отмечая оставленными буйками гладкие следы на ровной ряби.

(Вспомнилось, как на Па-де-Кале паромы и разные другие пешдые чередом суда отчетливо обновляли постоянную, казальсь, дорогу между Францией и Англией.)

Облачная полоса на закате — растекающаяся акварель. А под ней полоса маслом, светятся изнутри засохшие струпы, как застывшая рябь.

Самолеты в высоте один за другим добавляют к прихотливым облакам ровные, как по линейке, следы — человеческую составляющую. Для тренировки, что ли, каждый вечер летают, после заката? Для удовольствия.

3

Бродский у меня почему-то в Утхе не пошел. Не раз читанные строки стали вдруг вызывать словно сопротивление. *«Кто не жалуется на судьбу, тот ее недостоин»*. Но я, прости Господи, не жалуясь. Может, от легкомыслия? Кто из нас, в конце концов, Нобелевский лауреат? Нет, слишком эффектно. Судьбы надо удостоиться, осилив, приняв ее, это не всякому дается. У меня, помнится, даже был где-то об этом листок. Вот: *«Судьбы удостоивается не каждый, /Лишь способный ее творить, /Осуществляя предназначение»*. Жалуются на судьбу неудачники. Господи, почему ты ни разу не дал мне выиграть? — Да ты купил бы хоть однажды лотерейный билет.

Я болел много и тяжело, неудач у меня было больше, чем удач, — подыскиваю слова дальше — и останавливаюсь. Что считать неудачами? Чего-то не получал, что-то не получалось, чего-то не смог осуществить? Но как сравнить эти мелкие частности с единственной, всеохватывающей удачей (если не заниматься сейчас поиском более точного слова) — с жизнью, которая мне дана и которая пока продолжается, со способностью вбирать ее восхищенно? Право же, зная кое-что, как и Бродский, о ее мрачных глубинах, о неминуемом, теперь совсем уже близком конце? Если это легкомыслие — так ли оно отличается от светлого религиозного мироощущения, которое при всех бедах не оставляло Манделъштама?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

(Ёмкость и глубина вопросительной формы: требуется ли ответ?)

У Бродского: *«Мир создан был из смешения газа, воды, огня, /воздуха с вкрапленным в оный криком «не тронь меня!»»* Потом возникли *«в лице /сходство прошлого с будущим, арии с ТБЦ»*. Почему ничего не подвернулось лучше туберкулеза? Ради рифмы, право. И от общего расположения духа. (Скорей, нерасположенности. Уж я-то про ТБЦ мог бы рассказать.) *«И пустоте стало страшно за самое себя. /Первыми это почувствовали птицы — хотя звезда / тоже суть участь камня, брошенного в дрозда»*. Почему, кстати, не есть, а суть, множественное число?

Поднимаю глаза от книги. Облака, сказка превращений. Птицы с вытянутыми устремленными шеями мчатся без ветра, не удаляясь, хвосты теряют очертания. Стремительная неподвижность, в пространстве, во времени. Растворяются, исчезают. Как мы. С удаленных высот — что наши мелкие передвижения?

«Только господь вас видит с изнанки». Это Бродский про облака. Он, что ли, не летал на самолете, не видел?

Почему-то все цепляюсь. Не идет просто, бывает. Может, Бродский адекватней звучит в городе? Может, он как-то не так воспринимается на сияющем открытом просторе? (Не могу, кстати, вспомнить у него солнечных летних пейзажей. Надо проверить.)

Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

Вот где его подлинная глубина. Несравненные строки. Надо будет еще дочитать, додумать, пусть не сейчас.

Темное тире баржи на горизонте кажется неподвижным. Время спустя поднимаю глаза от книги — оно уже сдвинулось. Пусть эти строки ему будут морем.

Не перестаю удивляться: сколько ни перечитываешь Мандельштама, едва ли не каждый раз открываешь заново еще не отмеченное, не воспринятое, пропущенное мимоходом.

Читая «Воронежские тетради» подряд, явственно ощущаешь тягостность подневольной жизни среди пустых однообразных равнин:

О, этот медленный одышливый простор!
Я им пресыщен до отказа.

Но в тот же день (16 января.1937) — готовность все-таки любоваться, проникаясь странной, пугающей красотой:

И все уютится, плоится без морщин
Равнины дышащее чудо.
А солнце щурится в крахмальной нищете...

Не знаю, оценят ли жители юга это несравненное описание с ранних лет знакомого мне пейзажа, сияющего на солнце наста. Действительно чудо!

Но в тот же день:

Что делать мне с убитостью равнин,
С протяжным голодом их чуда?

Стихи сквозь одышку, от голода не уйти —

И все растет вопрос: куда они, откуда,
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим —
Народов будущих Иуда?

Сияние снегов бывает невыносимым, испытавший подтвердит. *Повязку бы на оба глаза!* — написано в тот же день.

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы.

Но через день, 18 января 1937 — мое любимое:

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин.

Давно повторяю это наизусть: «Где больше неба мне — там я бродить готов». Мое чувство — чувство человека, готового (способного) видеть чудо в пейзаже, который другим покажется убогим, пугающим, тягостным. Но это проще повторять, когда легко скользишь на лыжах по сияющей равнине, и ты не голодный одышливый невольник, помнящий другую жизнь.

И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

Надежда Яковлевна вспоминает, как сам Манделъштам иронизировал над этими строчками, возникшими словно нечаянно: вот что, оказывается, меня не отпускает, всего лишь ясная тоска.

Но в тот же день:

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и выюгой.

Вот величие подлинного поэта, его служба — способность среди всех невзгод ощущать счастье повседневного существования и напоминать о нем, передавать, наделять им других.

Каким спасением, каким глотком живительного воздуха были для Манделъштама среди ссыльного воронежского задыхания воспоминания о Европе, образы средиземноморской культуры, архитектуры, живописи, природы, музыки! Я выделял эти любимые стихи, заучивая их наизусть, но подлинная, драматическая полнота проявляется, когда прослеживаешь чередование датированных стихов.

«К ноге моей привязан / Сосновый синий бор» (9 января 1937) — самоощущение невольника! И в тот же день: «Улыб-

нись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста» (воспоминание, образ искусства, глоток свободы). Но этого хватает лишь на время, чувство повторяется: «В нашей памяти впервые/ Чувствуй вмятины слепые» (12–18 января). «Скучно мне: мое прямое/ Дело тараторит вкось — / По нему прошло другое, / Надсмеялось, сбило ось» (тот же день). «И, спотыкаясь, мертвый воздух ем» (1 февраля 1937).

И в те же дни: «Как светотени мученик Рембрандт / Я глубоко ушел в немеющее время» (4 февраля). Знание о другом, историческом времени, связь с культурой, оживающая то и дело память о других краях — спасительная отрада. «Разрывы круглых бухт, и хряц, и синева... / Я с вами разлучен, вас оценив едва» (тот же день). «И вспоминаю наизусть и всуе» (8 февраля). «Я молю, как жалости и милости, / Франция, твоей земли и жимолости» (3 марта). «Я видел озеро, стоящее отвесно, / С разрезанною розой в колесе» (4 марта).

Можно цитировать без конца, наслаждаясь, восхищаясь, вбирая в себя. Оживает каждая деталь, дышит насыщенная память — а ведь многое поэт видел лишь однажды, в юности, смотрел потом репродукции — но это наполняло жизнь не меньше, чем тягостное окружение, помогало переносить ее. Душевные события, не туристические впечатления.

«Я думаю, откуда мне известно имя Дали? Да ведь у меня есть духи Дали». Дама в экскурсионном автобусе на пути в Фигуэйрос, в музей Сальвадора Дали.

Соприкасаясь с гениями, вникая в них, сам вырастаешь, мысль, чувство работают интенсивней. Думаешь: с ними и прожить бы недолгий остаток, не тратя времени на разбавленную, приблизительную продукцию современников, не отвлекаясь на мутную злобу дня.

Нет, нельзя не думать о повседневности, о новостях, которые исподволь становятся неуследимо меняющейся, все быстрее уходящей жизнью. Современники помогают ощутить недолговечное переменчивое вещество окружающего времени, воспринимать себя в нем на пересечении с вечным. И блеснет порой среди серости искра подлинного.

Переменчивые формы, небольшое светлое облако щеголяет ровно, как по линейке, обрезанным слева полукругом... Впрочем, это не облако, это подросшая луна.

Едва засветясь на западе, чуть к югу, низко над морем, Венера на глазах, стремительно опускается в воды, уже ночные.

В прошлые годы я долго после заката наблюдал последовательное появление звезд. Названий по большей части не знал, что знал, успел забыть. Отчетливо, как первый ориентир, отмечал Большую Медведицу, сначала звезду на ковше, потом на ручке, и вот начинала мерещиться следующая — проверяй остроту зрения.

В этом году неподалеку поставили яркие фонари, чтобы увидеть звезду, надо теперь загоразживать фонарь ладонью — но увидит ли ослепленный глаз неисчерпаемую густоту сияющего небосвода?

Жители городских освещенных пространств успевают забыть, как выглядит звездное небо. Если видели прежде. Представь себе человека, который от рождения не успел его увидеть, вырос под электрическими огнями, не выезжая. Новая цивилизация позволяет обходиться. При желании можно посмотреть в планетарии.

Телевизионный сюжет про европейца, который по служебным делам прибыл, кажется, в Сингапур, и надолго обосновался в новом центре цивилизации, даже не выходя из громадного здания. Незачем, дом-город оснащен был всем, необходимым для жизни, для работы, отдыха и развлечений. На одном этаже располагались офисы, жилые помещения выше или ниже, эскалаторы поднимали или опускали на уровень ресторанов и кафе, на уровень спортивных площадок и залов. Бассейны с речной или морской водой помещены в нужный пейзаж, островки разнообразной природы снабжены соответствующими запахами. Обезьяны качаются на лианах, может, даже настоящих, движущаяся дорожка позволяет по

пути полюбоваться подводными существами, стекла в аквариуме прозрачные, будто их нет. Солнце для загара по желанию регулируется.

Что еще нужно душе? А, женщины... Ну, с этим, естественно, проблемы нет, обслуживающий персонал. (Для женщин свой.) Романтические отношения, продолжение рода, семейная жизнь — это уж если кому вздумается.

Улицы коридоров или коридоры улиц под электронным красивым небом. Кварталы исторических зданий, модели, допустим, уменьшенные, но можно войти внутрь, попробовать, что заинтересует, послушать, даже понюхать, приобрести антиквариат. Ну, это на понимающего ценителя. Ведь и предметы совсем недавнего прошлого уходят, становятся непонятными на протяжении одной жизни. Пожалуйста: керогаз, примус, лампы для радиоприемника, пишущая машинка, логарифмическая линейка. А вот это, что это такое? Продавец сам не знает названия, можно пригласить консультанта. Виниловые пластинки, знаменитые когда-то голоса, ария для колоратурного сопрано, помните еще такое? До сих пор кого-то еще учат петь, ставят голос так, чтобы без усилителей подать его в оперный зал, чтобы слышно было на верхних ярусах. Бельканто, антиквариат для гурманов, вроде пекинской оперы или тувинского горлового пения. Зачем, если есть доступный всем микрофон, не считая добавочных эффектов? Современная культура перестает быть достоянием касты, аристократической или интеллигентской, она становится общей.

Не слышно вчерашних кумиров. Уточните настройку
Тембры или частоты не совмещаются, не совпадают

При надобности здесь же наготове и ритуальные услуги, похоронная служба на мировом уровне, с учетом национальных и религиозных предпочтений. Даже и это, значит, не забыто? А как же! Клубы по национальным интересам, национальная кухня, фольклор, соревнования национальных команд, столкновения национальных фанатов (для эмоциональной разрядки — хорошо, если не больше). Глобализация, равноценность, терпимость — это само собой, но человеческая

природа все еще никак не забудет о животных основах, пленное самоощущение не хочет исчезнуть совсем, может, даже к нашему облегчению, разбираться со своей индивидуальностью в одиночку — увязнешь.

И так ли грядущая, электронно-компьютерная, виртуальная цивилизация окажется отличной от прежних? Новыми будут скорей способы, инструменты. Во всех футуристических построениях речь идет, в общем, о том же: о поддержании жизни, наращивании знаний или богатства, производстве, распределении, экспансии, а там неизбежно и о борьбе, столкновениях, агрессии — все заранее смоделировано в компьютерных играх или в фантастических боевиках. Полюбопытствуйте, если угодно.

В каком-то отдаленном будущем научились оживлять убитых людей, делать бессмертными тех, у кого на это есть деньги. Но все фантастические изобретения, обезболивающая целительная фармацевтика, электроника не принесли почему-то ни счастья, ни мудрости, ни радости, ничего, кроме утверждения власти и финансового успеха. Сюжет, в сущности, тот же, что в бандитских сериалах, только мотаются по Вселенной на межпланетных кораблях, вместо пистолетов с глушителями у героев условные бластеры и т.п. Не пренебрегают, впрочем, холодным оружием, изощренным мордобитием, единоборствами с инопланетными тварями, эффектно. Женщины, и те занимаются пытками, да еще с особым сладострастием. И ради чего все? Ради возможности после победы насладиться синим или желтым вином, поужинать «при свечах», узнаем ближе к финалу. Дальше фантазия человеческих существ зайти, видно, не может.

Смысла, вот чего все не уловить. Жизнь, которую можно продолжать сколько угодно, требует все-таки не просто денег, хоть какого-то смысла, тут-то и начинаются проблемы. Ни в какое межпланетное будущее от этого не уйдешь.

Перемигивание городских огней наряжает прохожих в цвета переменчивого карнавала, в стороне от огней все оказываются разоблаченными. Мягкое домашнее кресло, в полудреме или наяву примеряешь продолжение сюжета, когда, за-

блудившись в лабиринте свехгорода, среди путаницы указателей, выходишь нечаянно за его пределы и не можешь вернуться. Дождь, ливень, (вот как сейчас за окном), ветер, волны перехлестывают через парапет — куда деваться, где укрыться в этой сырой, непонятной, необустроенной жизни?.. Нет, еще страшней: в обжитом пространстве вдруг отключается электричество, единственный источник жизнеобеспечения. Хорошо если есть резервные, а если нет? — думаешь, вслушиваясь в громыханье грозы за окном. Дремотные мысли соблазняют ясностью. Вспышки молний проникают сквозь закрытые веки

6

Записываю это на другое утро. Всю ночь лил ливень, гремела обширная гроза, несколько раз выключалось электричество, оставляя нас в кромешной темноте, потому что и уличные фонари гасли. Отключался мотор, поднимавший на второй этаж воду. Хорошо, что нам достаточно было просто добраться до постели.

Тем радостней оказалось с утра солнце. Пол на террасе еще блестит влагой, но просыхает быстро. Стрижи носятся в высоте, добывая пропитание — восхищаются.

В безлюдной тишине, над морским простором, мысль работает все-таки по-особому. Можно отвлечься от забот и проблем, которые всегда готовы подменить что-то другое, важное, предлагают считать жизнью себя.

Стили, строи клубятся бесцветной массой,
превращаясь в окаменелость.
Где уж тут в собственной разобратся сути.

Это Чеслав Милош в переводе Бродского.

А я — я тоже
взял от жизни, что мог: города и страны.

Города и страны — это, что говорить, особенно понятно тем, кого, как нас, всю жизнь никуда не выпускали. Внешние впечатления расчлениют время, удлиняют, обогащают жизнь. Но вот, кстати, Фернандо Пессоа. Детство и часть юности про-

вел в Южной Африке, в Дурбане, но ни город, ни страна никаких следов в его творчестве, кажется, не оставили. Вернувшись в Португалию, он до самой смерти жил в Лиссабоне, почти его не покидая, каждый день пешком шел на службу в свою контору, гулял обычно вдоль реки Тежу, по центральным улицам, не более, к кафе «Мартиньо», где стал завсегдатаем. Но тот и поэт, для кого простая городская прогулка оказывается незаурядным душевным событием, стоит любых путешествий.

«Внимательный, брожу я по улицам, и каждый прохожий мне сообщает новость, каждый дом готов что-то поведать, каждая афиша обращается ко мне с посланием.

Моя молчаливая прогулка — непрерывный разговор; все мы — люди, дома, камни, афиши и небо — огромная толпа, содружество, мы толкаемся локтями слов в великом шествии судьбы».

Томик Пессоа, французский перевод, мне когда-то подарила в Бургундии добрая знакомая, не перестаю ее благодарить. Книга сильно потрепана, поля испещрены карандашными пометками — я занимался по ней языком. Замечательная французская традиция — регулярные, рифмованные стихи переводить верлибром (да у Пессоа и верлибров было достаточно). Потом я нашел в интернете русские переводы — насколько же поэт оказывался в них порой малоинтересным, заурядным, (конгениальный перевод в поэзии всегда чудо), насколько поэтичней (и, разумеется, точней) звучали французские подстрочники! С них показалось позволительно кое-что для себя переводить, не зная португальского.

Я давно поймал себя на особом пристрастии к людям, не знавшим прижизненного успеха. Бах, открытый миру более полувека спустя после смерти. Музиль, кое-как печатавшийся, но едва замеченный и уверявший, что пишет для читателей, каких еще не существует... Да что перечислять! О наших гениях разговор особый. Мандельштама, Платонова, скольких еще просто душили — известная советская драма.

Но как могли не заметить, не оценить при жизни Пессоа? Напечатал кое-что в молодости, издавал с друзьями журнал — и потом почему-то замолк, всю жизнь переводил скучнейшую

деловую корреспонденцию для торговой фирмы — а для себя писал днем и ночью, от своего имени или от имени созданных им двойников-персонажей. Отказали раз-другой издатели, потом сам не захотел к ним стучаться? Предпочел добровольное затворничество?

«Верх величия, о котором я могу только мечтать — быть помощником бухгалтера в городе Лиссабоне, — горько иронизирует в прозаической «Книге беспокойства» наиболее близкий поэту двойник, Бернардо Соареш. — Но этот контраст не сокрушает меня — он меня освобождает». «Обернем неудачу нашей победой!» — не перестает ободрять себя вместе с ним Пессоа. «Я потерпел поражение и несу с собой это сознание, словно знамя, покрытое славой». «Знамя поднято вопреки всему высоко, а зыбучие пески между тем засасывают... мою жизнь, мои сочинения, мою вечность».

Какой ум — и какая судьба! Сколько других кончали с собой, страдая от одиночества, непонятости, невостребованности! Опору, основу жизненной стойкости Пессоа искал внутри. Он творил ее для себя сам вместе со своим поэтическим миром, населяя его такими же творцами, наделяя созданных персонажей внешностью, биографией, судьбой, делая их своими корреспондентами, собеседниками, оппонентами. Право, единственный в своем роде способ спастись от чувства пустоты, неуслышанности. «Если другой литературы сейчас нет..., остается самому стать литературой»

Больше прямых высказываний говорят о его самоощущении эссе о Шекспире (написанные по-английски, на втором языке поэта). У Пессоа к нему какое-то личное, чуть ли не родственное отношение. Шекспир для него не просто величайший гений, но и «величайший неудачник литературы». Да, да, что бы об этом ни думали потомки. «И не будет ошибкой предположить, — пишет Пессоа, — что он сам это признавал. Этот бдительный дух не мог обольщаться иллюзиями на сей счет». Современники не способны были оценить его подлинного величия, шум посмертных похвал был всего лишь шумом, таких же похвал удостаивались люди, имен которых сейчас никто не помнит, понимания в них не было. «И как было восхититься

гением! — продолжает Пессоа. — Можно было понять создателя Фальстафа, но не создателя Гамлета. Гамлет, одно из воплощений своего создателя, больше себя самого. Как больше себя был и сам Шекспир».

Конечно же, это не просто о Шекспире — унижение паче гордости. «Какая ночная слава — быть великим, не будучи ничем».

Чего он мог не бояться, так это творческой истощенности. Он писал до последних дней, на службе, в кафе, ночами, мучаясь бессонницей, держал у изголовья тетрадь, чтобы записывать, просыпаясь. Количество написанного Пессоа впечатляет, тут не только стихи и проза, но и драмы, и философские сочинения, и работы по математике, истории, религии, даже астрологии — до сих пор в его наследии продолжают разбираться. Изрядно выпивал, это само собой, умер от цирроза печени сорока семи лет.

Я зримо представляю его: невысокого, подвыпившего, в очках, с тонкими усиками.

...Он выходит на улицу под аркады, поднимается по Руа Аврора. Его почти не шатает. Бриз с моря, как материнская ласка. Черепица, стены, бульжник возвращают дневное тепло. Этажи налезают один на другой — нагромождения жизней. Где-то стихает радио, громко хлопает дверь, Цоканье каблучков, беседа двойных шагов. Плоть живого роения у фонарей делает свет телесным, Как стихами становятся мысли. Тени, множась, сменяясь, Обгоняют друг друга. Которая из них чья? Все твои. Впрочем, их отбрасывает не тело — пиджак, шляпа, штаны. Тебя, считай, нет. Перед архангелами предстанешь нагой, Не отбрасывая теней, невидимый для живых.

Может, тогда начнется
Ваша посмертная жизнь, их и твоя — та, где Гамлет и Макбет
Ведут разговор с Шекспиром, где творенья творят творца.
Из громоздкого сундука извлекут бумажные кипы,
Многие сотни страниц, драмы, прозу, стихи.
Назовут тебя величайшим поэтом...

Одно за другим гаснут окна,
Луна уходит за тучи — ночь снимает маску с лица,
Закрывается черным плащом, растворяются тени.
«Какая ночная слава — быть великим, но неизвестным!» —
Бормочет Фернандо Пессоа. — Кто из нас это сказал?»

Облака-птицы, облака-рыбы, облака-деревья, облака-звери, облака-чудища, готовность преобразиться. Листки с заготовками разных лет, строки, все еще ждущие, нащупывающие связь.

Легкая, из ничего, поволока над бездной
 Возобновляется непрерывным усилием
 Удержать, удержаться...

Осмушки, на которых я обычно пишу — не просто особенно удобная для меня, экономная форма. Потом можно приставлять одну к другой, так ли, иначе, обнаруживая вдруг нечаянные связи. Мне уже случалось философствовать над феноменом таких заметок. «Сведенные воедино, они демонстрируют неожиданное для самого пишущего единство жизни и единство мысли. Заметки, разделенные годами и месяцами, как будто продолжают друг друга: ты думаешь над близким кругом тем и проблем, обнаруживаешь все те же пристрастия — в совокупности все это, помимо намерений, обрисовывает твою личность».

Так возникла мысль о фантиках, которыми был наполнен сундучок никому не известного провинциального философа в романе «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». (Не предполагал тогда удивительной переклички: ведь и Пессоа, оказывается, складывал свои рукописи в сундук, обнаруженный уже после его смерти.) Не первый и не последний раз пришлось осмысливать горестный феномен нашего времени: когда от бумаг, книг, сочинений остаются лишь клочки, фрагменты, соединять, домысливать их приходится за авторов потомкам. В только что законченном романе герой-сочинитель вспоминает свою (то есть, конечно, мою) давнюю повесть.

«Там старый, больной философ, чудом выживший лагерник, у которого погибли, оказались уничтожены неопубликованные рукописи, труды всей жизни, перед смертью размышляет об измерении, где должны же сохраняться идеи, мысли, даже нигде не записанные, о возможности хоть когда-нибудь проявить их... Это фантазия о бессмертии... если угодно, о

смысле жизни или ее бессмысленности. Каждый однажды задумывается над этим, как же без этого? Не все ведь гении, не всем дано оставить после себя творения, музыку, изобретение, хотя бы построенный дом, чтобы пусть не на века, пусть ненадолго, но как-то обозначить свое существование, не совсем, не сразу исчезнуть...»

В персонаже повести узнаваемо проступали черты реального человека. Яков Голосовкер, философ, литератор, знаток античности не просто разрабатывал всю жизнь «учение о духе как о высшем инстинкте, как о побудителе к символическому бессмертию» — в процессе труда осуществлялся для него миф собственной жизни. В этом мифе выстраивался свой сюжет, в нем можно было различить композицию, «возникновение, сплетение тем». Труд, который творился втайне от всех, были принесены в жертву комфорт, личное счастье, карьера.

Мог ли Голосовкер представить заранее, как трагически переиначит судьба его замысел, какой миф предложит философу не трактовать — воплотить на самом деле? Не миф ли о Фениксе, об огненной гибели, о попытке возродиться из пепла? Об осуществлении судьбы вопреки обрушившимся испытаниям?

Почти неизбежная по советским временам каторга оказалась для Голосовкера не самым из них страшным. Вернувшись после трехлетнего заключения, он обнаружил, что человек, которому оставлены были на хранение его рукописи, собственноручно их сжег перед смертью.

Что это было? «Безумие ли, страх или опьянение алкоголика..., — пытался потом понять философ, — или же просто ад темной души руководили им? Моя жизнь осталась неоправданной. От того, что было создано вдохновением, страданием, любовью, напряженной мыслью и трудом, остался пепел».

Тема нашей истории, трагедия страшной эпохи, сюжеты моих книг. Из века в век горит, едва успевая отстраиваться, деревянная, уязвимая страна, вновь и вновь вынужден наращивать память Иван, прозванный Беспамятным (в моем романе «Два Ивана»), провинциальный литературовед восстанавливает по клочкам, по разрозненным фрагментам жизнь и труды никому не известного мыслителя («Линии судьбы»), пловец, об-

служивая под водой загадочное устройство, фантазирует о реальном воздействии мысли (повесть «Сторож»), герой моего последнего романа пытается хоть что-то узнать о бесследно пропавшем отце.

«Если прожитая жизнь никак не запечатлена, — размышляет он, — неужели совсем бесследно? Наше тепло, дыхание, выделенная энергия — они ведь что-то меняют в воздухе, в мире, пусть неощутимо, на миллионные доли градуса, поддерживают общее тепло. А были же мысли, чувства, любовь, память... Религиозный ответ не менее условен, чем другие..., образ, идея Бога, посмертной жизни созданы человеком из той же потребности в объяснении».

Учение о символическом бессмертии... Нет ли самоутешительного лукавства в этой надежде «на миллионные доли градуса»? Дух, у которого «вместе с воплощением отнято и бессмертие», начинает мстить — вот что испытал на себе Голосовкер. Неуслышанность, невоплощенность — драма не только самого художника, это беда культуры. Нереализованность творческих потенций, заглохших, задушенных, отзывается болезненными процессами в обществе, в умах, в душах. Уж мы это знаем.

Однажды я полушутя предложил знакомому писателю, у которого безвозвратно была изъята при обыске только что завершенная рукопись: перескажите, посоветовал, своими словами. Увы, Голосовкеру пришлось убедиться, что это лишь кажется просто: вспомнить те самые, неповторимые, единственно нужные для единственной мысли. «Иные слова, иной ритм, иные образы, иное зрение», сетовал он. «Мне осталось только воображение — память, в которой живет мучительно то, чего уже нет и что безвозвратно». Всю жизнь одинокий, без прямых учеников, он писал о попытках умиловить «дух невоплощения», о том, что дух этот грозен и опустошителен — еще не зная, что под конец жизни его подстерегает безумие.

Не утратить, пронести сквозь чистый огонь,
Очнуться, преобразясь,
Уже не здесь, налегке, без боли...

Его видели на дорожках дачного поселка, босого, седобородого, неразговорчивого. Кому-то старик казался трогательным, кого-то вдруг смутил неожиданным вопросом. Люди большого ума, но с детской душой, заметил однажды он сам, стесняются сами себя, кажутся то сухими, то насмешливыми. И вспоминал древний миф о стране, где люди, от рождения седые, чернеют к старости.

8

Пока я писал эти строки, из-под облака выпростался краешек солнца, послав перед собой лучи вниз, к горизонту. Нет, снова закрылся, но розовеет закат

Диск, потускневший, размером с большую монету,
Снизился к морю, к размытой границе,
К темной кайме, и вот прикоснулся низом,
Уже обрезана кромка, погружается в глубину,
Уменьшается на глазах, продвигается все быстрее,
Как в ускоренной съемке, миллиметр за миллиметром.

Так все быстрее, все ощутимей движется с возрастом время.
Его почти не осталось. Только забрезжила мысль,
Не задержалась, погасла, не возвратить, не успеть,
Не найдено слово, осталась не завершенной строка,
Остались долги, обязательства, обещания...
Вот и конец.

Запоздалая ласточка перечеркнула светящийся воздух.
Лодка пристала к берегу, почти с ним слилась.
Угасают письма и узоры скальных морщин,
Воспоминания погружаются в тень, подробности тают.
Прохладой повеяло из пустоты без пространства...

Кружишься, возвращаешься из года в год все к тому же.
Не помню, кто это сказал, что писатель всю жизнь пишет по существу одну книгу. Себя не перечитываешь, забываешь, что об этом однажды уже написал.

Вдруг из-под пелены, заменившей, оказывается, горизонт,
Выбился луч, выглянул краешек, стал расти, возрождаясь,
Не пятикопеечный диск — огненный мир, светило.

Значит, еще не закончен день, голоса не утихли,
Высветляются заново, укрупняясь, резные листья и травы,
Разрастается каждый миг — как в палате реанимации
Возвращение из беспмятного провала.
Небывалая ясность, похожая на понимание.
Значит, еще даровано время, конец отсрочен,
Надолго ли, нет ли — переживи еще раз сполна,
Заново, как до сих пор по-настоящему не сумел.

Высвободился во всю мощь раскаленно-холодный диск,
Сияет, не ослепляя, прекрасней, ясней, чем был,
Чтобы уйти неизбежно в края, где его еще ждут,
Но все-таки не сейчас, погода. Ночные спокойные тени
Дожидаются там, где закат уже пережит.

На просвет чернеет остаток вина в стакане.
Что ж, допьем. Сияние не бесконечно.
Вознесем на прощание благодарность за все, что нам было дано.

Спасибо по-сербски хва́ла.
Ударения здесь на первом слоге.
Útjeħa. Утеха, по-русски утешение.

ЭССЕИЗМ РОБЕРТА МУЗИЛЯ

1

В романе Роберта Музиля «Человек без свойств» есть замечательные размышления об «эссеизме» как своего рода жизненном принципе, способе отношения к жизни. «Примерно так же, как эссе чередую своих разделов берет предмет со многих сторон, не охватывая его полностью, — ибо предмет, охваченный полностью, теряет вдруг свой объем и убывает в понятие, — примерно так же следовало... подходить к миру и к собственной жизни». Причем эссеистики как таковой среди литературных сочинений Музиля совсем немного — почти всю жизнь он потратил на этот свой единственный, так и не заверченный, мало кем воспринятый поначалу роман. И в самом романе с иронической (на самом деле заметно уязвленной) усмешкой поминает куда более удачливых, чем он, популярных эссеистов, мемуаристов, авторов так называемых биографий.

Что мешало ему, черт побери, самому добиться заслуженного успеха? Ведь умел же, да еще как! Сам роман читается местами именно как грандиозное эссе. Можно вообще считать его, если угодно, грандиозным эссе, написанным в виде романа. При всем разнообразии лиц, историй, характеров все эти великолепно вылепленные персонажи в одном до неправдоподобия схожи — способностью непринужденно, экспромтом высказывать суждения, доступные на самом деле одному лишь Музилю. А ему-то они давались пожизненным усилием, были выношены, выверены, отточены — ни слова случайного, приблизительного, пустого, никаких промежуточных междометий, без которых на самом деле редко обходится повседневная речь. Мысли элегантные, ироничные как бы сами собой выпадают из многолетнего насыщенного раствора. То есть уже очевидно перенасыщенного — столь концентрированную эссеистику оказывается тоже не так просто усвоить. Лучше всего одолевая за раз страниц по шесть-семь, попутно разбавляя эссенцию. Недаром, чтобы оценить Музиля, публике потребовалось время — дожидаться прижизненного признания ему не довелось.

Хотелось бы, однако, понять, что такое для Музиля эссеистика, «берущая» жизнь с разных сторон, но не претендующая на возможность охватить ее противоречивую полноту. Подлинно великой эссеистике, пишет он, чужда «именуемая субъективностью безответственность фантазий, но и «верно», «неверно», «умно», «неумно» — понятия тоже неприложимые к таким мыслям, которые тем не менее подвластны законам столь же строгим, сколь тонкими и невыразимыми они кажутся». Ничего себе сказано, а? Надо понимать, законы вроде бы есть, но формулировке не поддаются: как в самом деле выразить невыразимое? И мы вроде бы догадываемся, что он имеет в виду, а попробуй перескажи, растолкуй. Растолковал бы сам автор. Но похоже, он как раз и работал для того, чтобы добраться до какого-то трудновыразимого понимания. Мне особенно понятен и близок феномен именно такого писателя. Человека, не излагающего заранее ему ясное — пишущего, чтобы что-то прояснить. Может, мы и живем-то, чтобы понять, зачем.

«Многие предпочитают сумасшедшие мысли трудным», — усмехается снова Музиль. Ну, мы и это по себе знаем. Думать всерьез, говоря между нами — работенка скорей для

слишком уж самоотверженного любителя. Или для сдвинутого профессионала, который в такую работу запрягает себя сам, как Музиль. А ведь умел, глядишь, выдать и легкий афоризм — едва ли не на каждой странице встретишь что-нибудь не менее блистательное. Вычленишь и выпустить бы их отдельной книгой — она могла бы, наверно, стать популярной, куда популярней, чем весь трудноподъемный роман. «Зоология учит, что из суммы неполноценных особей вполне может составиться гениальное целое». Право же, хорошо! Сложность в том, что сам автор слишком чувствует недостаточность любого частного утверждения. «Такие фразы пребывали среди его занятий, — пишет он об Ульрихе, умном герое романа, а в чем-то своем alter ego, — как не связанные друг с другом и редко посещаемые острова; но когда он окидывал их взглядом, насколько это позволяло его знание, ему казалось, что между ними есть связь, словно эти острова, на небольшом расстоянии один от другого, лежали недалеко от берега, который скрывался за ними, или представляли собой остатки материка, погибшего в незапамятные времена. Он почувствовал мягкость моря, тумана и низких, черных, спящих в желто-сером свете холмов».

И на схожую тему в другом месте: «Фраза эта была неотделима от определенного пространства, от комнаты с желтыми французскими брошюрами на столе, с портьерами из стекляруса вместо дверей, и в груди возникало такое чувство, словно запускаешь руку в распаханную тушку, чтобы вытащить сердце».

Вот тут действительно проявляет себя подлинный романист, художник, которому нужен все-таки емкий пластичный образ — он способен вобрать в себя, выразить больше иных рассуждений. И Музиль это умеет, да еще как! Роман полон картин, звуков, запахов, впечатляющих описаний, психологических сцен, житейских подробностей. И такие подробности для Музиля — не литературная частность, не антураж. Оставаясь одновременно эссеистом, он старается осмыслить их значение и роль — уловив раньше и лучше многих, сколько они определяют в самой жизни, культурной, частной, общественной.

«В кино, в театре, на площадке для танцев, на концерте, в автомобиле, самолете, — пишет он, — в швейных мастерских и коммерческих конторах непрерывно возникает огромная поверхность, состоящая из впечатлений, выражений, жестов, ма-

нер и переживаний... И совершенно неважно, что из этого удержится, а что снова исчезнет, как подумаешь, сколь великие и, вероятно, напрасные усилия понадобились бы, чтобы прийти к таким революциям в быту ответственным путем умственного развития, через философию, художников и поэтов; ведь из этого видно, какой творческой силой наделена поверхность вещей по сравнению с бесплодным упрямством мозга».

«Бесплодное упрямство мозга» — не слышится ли в этих словах ирония автора по отношению к себе самому? Не о своих ли он мучительных литературных попытках создать «ответственным путем» что-то действительно безусловное, долговечное? «Многие предпочитают сумасшедшие мысли трудным», — о да! А сколько усилий направлено на то, чтобы вообще вытеснить мысли: громом ли электронных инструментов, ритмическими ли движениями — чем угодно, что можно было бы назвать этим нынешним словом «кайф». Какой опыт мог всерьез рекомендовать другим человек, всю жизнь мучительно ворочавший в мозгу свои сизифовы глыбы?

Знавшие Музиля отзывались о нем по-всякому. Отмечали в нем эlegantность, замкнутость, вежливость, суховатость, иногда уничтожительную резкость, отмечали чувствительность к похвале и уязвленность преобладающим непониманием — много чего. Но в способности к самоиронии он никем, кажется, не был замечен. Похваливший при Музиле Томаса Манна рисковал испортить с ним отношения. Когда так непросто складывается жизнь, литературная судьба, в самом деле не всегда удается насмешливо взглянуть на себя со стороны. А вот в романе, где доверяешь героям выношенные свои мысли — и тут же, как положено автору, с добросовестностью объективного исследователя их перепроверяешь, неизбежно осознавая их недостаточность — вот тут-то, подчиняясь тому же бестрепетному писательскому долгу, поневоле усмехаешься, словно перед честным зеркалом, а то и покажешь язык самому себе.

Размышления о «бесплодном упрямстве мозга» и о силах, определяющих реальное развитие, Музиль доверяет на этих страницах человеку, которого он себе довольно откровенно противопоставляет — «сверхлитератору» Арнгейму, человеку, сумевшему во всем добиться успеха. «Осторожно, в виде пробы

и с приятным чувством личной застрахованности Арнгейм пытался приспособиться к этому неминуемому, как он считал, ходу событий». В словах о «застрахованности» нетрудно уловить, конечно, уже знакомую нам усмешку — Музиль то и дело вынужден был отмечать, насколько ему самому приспособиться не удастся. Над успехом он продолжает иронизировать не без блеска. «Существовала предпочтительная дозировка, сулившая в мире наибольший успех, маленькая, в обрез отмеренная добавка суррогата.» Можно подумать, он сам-то знал точный рецепт, только не хотел воспользоваться — «как того требует чувство социального благополучия».

Знал ведь и об этом требовании — он все мог понять. (Что не мешало ему быть беспомощным в делах житейских: он словно не умел обращаться с деньгами, предоставлял жене расплачиваться за него в кафе и покупать билеты в трамвае — без нее он ходить не любил.) «Чистейшая банальность всегда человечней, чем новое открытие», — блистательные выписки можно множить. Вот снова на ту же тему: «В ходе времени обыкновенные и неличные мысли сами собой усиливаются, а необыкновенные пропадают, отчего почти каждый становится все посредственней». Для нас это звучит, пожалуй, даже более современно, чем в пору, когда писался роман. При этом Ульрих, герой романа, отдает себе отчет и в другом: «Нельзя злиться на собственное время без ущерба для себя самого».

Когда читаешь дневники Музиля, его письма или эссе, возникает, право же, впечатление, что сам он порой все-таки злился. Другое дело роман. У него бывало на душе «совсем так, словно он родился с каким-то талантом, с которым сейчас нечего делать», — это автор пишет о герое романа — но, конечно, и о себе тоже. Как положено творцу, Музиль внимательно и бестрепетно, с высот все той же иронии продолжал осмысливать свое время в разных его проявлениях — пробываясь если не к недоступной, может быть, полноте цельного понимания, то к чему-то, что в романе называется «другим состоянием».

Понять бы, к чему он в конечном счете пришел. Это эссеист предложит нам свои размышления и доберется вместе с нами до результата. В романе Музиля мы вовлечены, так ска-

зять, в поле незавершенных художественных поисков, и мыслей нам предложено тут в избытке, только разбираться приходится самим. Наши толкования скорей всего заставили бы самого автора то и дело скептически вскидывать брови. Иначе не может быть. Ведь это становится уже отчасти не просто его — нашим миром.

В романе есть пассаж о людях, уверяющих «с горькой скромностью», будто они «хотят, чтобы о ценности созданного ими судили лишь через три или десять столетий, но все ощущают как ужасную трагедию немецкого народа тот факт, что действительно великие никогда не становятся его живым культурным богатством, потому что они слишком далеко уходят вперед».

Отрезвляюще действует сейчас сама эта насмешливая, на удивление современная интонация...

2

Почему за столь долгий срок не удалось Музилю довести до конца уже во многом выстроенный роман, даже приблизиться к завершению, которое в основных чертах заранее было намечено и не раз как будто мерещилось?

Писатель, как известно, человек, которому писать особенно трудно. Проблема Музиля была не в так называемых «муках слова» — он исписал за годы работы необозримое множество страниц. Была ли она в том, чтобы на чем-то остановиться, удовлетвориться достигнутым? Если бы сам Музиль мог себе определенно сказать! Выглядит все именно так: чем дальше он продвигался, тем больше открывалось сложных, разветвленных, требующих осмысления и разработки возможностей.

«Я хочу одновременно слишком многого, — записал он однажды... — Отсюда возникает нечто судорожное». Затруднения в работе иногда обострялись до такой болезненной степени (представляется что-то, похожее на заикание), что пришлось даже обратиться к врачу. Доктор Лукач попросил изложить, проанализировать письменно, что же пациенту мешает. Музиль добросовестно выполнил предписание. В своем пространном отчете он, среди прочего, сравнивает себя с человеком, который пытается зашнуровать футбольный мяч размером больше себя самого; пишет о попытках расчленить работу,

чтобы справиться с ней по частям; однако возникающие при этом идеи оказывается трудно объединить в целое, это действует парализующе.

Доктор, прочитав отчет, посоветовал писателю просто переждать несколько дней, расслабиться, как теперь говорят. «Новая мысль позволит что-то перегруппировать. Или наоборот, перегруппировка породит новую мысль. Важное станет вдруг неважным и отпадет».

Рекомендация дельная. Но ведь то, что предлагал врач, с Музилем как раз и происходило, вот в чем была беда. В марте 1934 года он пишет знакомому, что ему пришлось пересмотреть планы и наброски, сделанные десять лет назад, пожертвовав почти всем, что первоначально должно было составить, собственно, весь роман. И через полгода: «Завершение романа уже обозримо — но путь к нему!»

Так, поднимаясь в гору, уже, бывает, видишь вершину, однако радость оказывается преждевременной: это всего лишь промежуточный выступ, заслонявший вершину другую, только теперь открывшуюся впереди — настоящая ли, однако, и она, окончательная ли? Снизу, от подножья, путь представлялся гораздо более обозримым. А если каждый очередной шаг видоизменяет перспективу, порождает непредвиденные задачи, требует новых решений, поисков? Если каждое найденное решение не прибавляет ясности, а, наоборот, от нее удаляет?..

Нет, продвижение к вершине — пожалуй, тут не самое подходящее сравнение. Скорей возникает чувство, будто человек годами преодолевает разнообразное, необозримое пространство в наивной — при таком-то опыте! — надежде добраться когда-нибудь до места, где земля сходится с небом. Как еще назвать это стремление соединить несоединимое — не сюжетные линии, не судьбы героев, тут дело, как говорится, техники: неуловимую, неохватную реальность с определенной, словесно выраженной мыслью? Если бы опыт хоть прибавлял с годами уверенности! Какое там!

Выразить надо всегда намного больше, чем позволяют ограниченные способности, возможности самого языка. И ведь в каждой работе выкладываешься предельно, словно она единственная и последняя — как же иначе? Но любое завершение

оказывается условным, да и может ли оно быть другим? Музиль словно не хотел примириться с этим.

В первой части романа иронически обсуждается некая «утопия точной жизни», возможность все делать осознанно, целенаправленно. «Это значило бы... примерно то же, что молчать, когда тебе нечего сказать; делать только необходимое, когда тебе не надо добиваться чего-то особенного...» И тут же, в следующей главе, можно прочесть о той самой «утопии эссеизма», когда продвигаешься не в литературе — в жизни как бы на пробу, нащупывая и осмысливая каждый очередной шаг («который может быть сделан в какую угодно сторону, но, чтобы сохранить равновесие, непременно ведет к следующему шагу и всегда вперед»). Во второй части романа герои, брат и сестра, обсуждают возможность действительно полноценного жизнеощущения, они называют его «другим состоянием» (*der andere Zustand*) — понятие так и остается не вполне определенным. Да и какая может быть в таких материях определенность? В рабочих набросках Музиля возникают намеки на инцестную связь между братом и сестрой, на некое «путешествие к пределам возможного». Там же говорится о «мистике яви» (*tägliche Mystik*), «о свободе, с какой математика иногда пользуется абсурдом, чтобы придти к истине»...

Музиль, как известно, имел неплохую математическую выучку. Но как он, интересно, предполагал совместить ощущение бесконечно разнообразной, неисчерпаемой, иррациональной жизни с безусловностью математически точного, истинного решения? Это можно бы обсуждать в рамках представлений религиозных, однако от них герои Музиля далеки, и сам он ко всяческим готовым системам относится явно скептически. Ближе к концу романа (впрочем, о конце тут можно говорить совсем уж условно), отчасти в неопубликованных главах, возникает персонаж, проповедующий веру в высшие ценности, покорность заповедям и т.п. «Глаза его сверкали, как два проповедника на возвышении, образованном его длинными ногами».

Ничего не скажешь, Музиль-художник силы своей не утратил, и способность к иронической усмешке до конца ему не изменяла. Сколько попутных идей, эссеистических размышлений, сюжетных линий было оставлено им за пределами тек-

ста, в рабочих записях, вычеркнуто из уже готовых глав! Хотя при этом варианты, вызвавшие сомнения, окончательно все-таки не отбрасывались. Он продолжал их хранить, словно не исключая возможности к чему-то вернуться. Исследователям, которым пришлось разбираться в рукописях после его смерти, это дало, что говорить, великолепный простор для самых разнообразных версий и построений; каждый мог скомпоновать на свой вкус наиболее убедительное финальное разрешение.

Но самому-то автору — что ему стоило закруглить сюжет романа хоть так, хоть этак? В жизни чего только не бывает, в романе тем более. Чего было вообще доискиваться, если будущее героев было для него, пишущего, уже хорошо известным прошлым: впереди их всех ждала мировая война, которой суждено было перевернуть судьбы, отменить планы, обесценить великолепные концепции. «Все линии сходятся на войне», — это Музиль определил заранее в одной из рабочих тетрадей.

Господи, да в конце-то концов — разве нам и без того не ясно заранее, чем все кончится? И к чему бы ты ни пробивался всю жизнь, что бы тебе ни открылось, понимание в конце концов всегда будет недостаточным, давно проверено. Ну и что? Разве мало того, что удалось вместить в написанные страницы?

«Просто смотри, что происходит, перестань честолюбиво помышлять о каком-то совершенно новом теоретическом познании (а ты, значит, был бы его Магометом!)», — словно спохватывается в дневниковых записях Музиль. Увы, рассказчика житейских историй из него просто не могло получиться. Стоило тогда ворочать так долго в перегруженном мозгу те же самые глыбы, изводить себя, не думая о читателе? Неужели непременно требовалось решить что-то все-таки еще и в мыслях?

Какие там утопии померещились его героям? История так называемой «параллельной акции», идеологической подготовки к императорскому юбилею, которую так много обсуждают в романе, оказывается все более безвыходным занудством. «Путешествие к пределам возможного» оборачивается в черновых набросках всего лишь поездкой брата и сестры на юг, к теплому морю. Первоначальный восторг сменяется разочарованием, возникает мысль о самоубийстве. Н-да... всего только...

Самого Музиля, продолжавшего писать, тем временем уже настигла Вторая мировая война, он вынужден был эмиг-

ривать, бедствовал — но даже для заработка отказывался отдавать в печать уже оформленные новые главы романа. Смерть дожидаться долго не захотела.

«Трагедия потерпевшего крушение человека», — записывает он в рабочих тетрадах. Только ли это о судьбе своего героя — или тут уже предчувствие, что не хватит все-таки жизни, чтобы соединить несоединимое, дотронуться — не в воображении, а взаправду — до влажного холодного краешка, прикоснуться к мерцающей трепетной звезде?..

Помню, какое впечатление произвела на меня история музиевского романа еще до того, как мне его довелось прочесть — история бескомпромиссного стремления к совершенству, в самом деле почти запрограммированного поражения. Почудилось в ней что-то понятное, близкое, даже родственное — как близким и родственным может казаться недостижимый, увы, идеал. Музиль как-то высказался в том смысле, что довольствоваться можно лишь гениальным (*nur das Genie sei erträglich*, — передает его мнение один исследователь). Слишком лестно было бы, конечно, равнять себя с ним. Дал бы еще кто гарантию, что гениальность эта подтвердится когда-нибудь, хоть после смерти.

Роман оказался действительно выдающимся — но сопоставимы ли были бесспорные достоинства текста с совсем уже беспримерным, самоотверженным, самогубительным усилием автора? — вот ведь какое стало примешиваться сомнение. Можно ли было в самом деле примерить к себе такой опыт? Чужой опыт вообще не про нас, опыт поражения, признаем честно, тем более. Если из него для себя что-то можно извлечь, то урок скорее остерегающий. Жизнь вынуждает быть не то чтобы поскромней — реалистичней, что ли? О себе можно всякое вообразить — но кто станет хотя бы поддерживать наше скромное существование до маловероятных лучших времен, как сделал это кружок добросердечных ценителей Музиля, собиравших для него деньги? Некоторые из них даже знали, что Музиль высказывался о них пренебрежительно (а деньги при этом принимал, да с таким видом, словно им оказывал честь). Увы, среди этих добряков оказались преимущественно евреи, которых фашизм скоро лишил возможности ему помогать.

Нет, дело не просто в масштабе таланта. Человек устроен так по своей природе: он не может не стремиться к концу, к желанному завершению, в работе ли, в любви ли. Невыносимо бывает томление, ожидание, сладостно дрящущее осуществление, и хочется продлевать это состояние бесконечно, зная заранее, что всему должен рано или поздно придти конец, что самый счастливый миг, озарение, вспышка тут же неумолимо сделают все прошлым и окажутся прошлым сами — а впереди новое бессилие, новое ожидание, новая надежда, воспоминание о пережитом. В этом, увы, грусть жизни, но из этого она состоит. Иначе нельзя...

И тогда приходит на ум: может, Музиль, не отдавая себе в том отчет, просто не хотел завершать счастливую, мучительную работу? В ней осуществлялась, продолжалась, преображалась собственная его жизнь? Что такое приключения его героев, никогда на самом деле не существовавших, как не приключения его собственной души, его мысли? Усилие этой работы позволяло возобновлять себя бесконечно, не повторяясь, не исчерпываясь ни в каком результате. О да, это бывало мучительно, как бывает мучительна жизнь, это, вообще говоря, непосильно. Нам нужно хоть время от времени удовлетворение, отдача, успех, если уж договаривать до конца. Незавершенность невыносима, как поражение. Не зря Музиль обронил те самые слова о трагедии.

За время, отданное работе, в мире столько произошло! Передуманное, перечувствованное, пережитое ни в какой объем невозможно было вместить. Да разве в объеме дело? Для озарения, вспышки не требуется большого пространства, поэт или музыкант могли бы сказать об этом больше прозаика.

«Найти в этом чередовании явлений опору так же трудно, как вбить гвоздь в струю фонтана», — умел же писатель сказать! «Надо иметь мужество жить среди моральных противоречий». После каждой такой фразы в самом деле можно бы поставить точку и сказать читателю: здесь, друг мой, расстаемся. Сказанное будет разрастаться уже внутри тебя, входить в твою жизнь...

Жалко дочитывать книгу до конца, хочется задерживаться чуть ли не на каждой фразе. «Он был как бы зашит в отвратительную, безглазую, тропную кожу, которая еще составляет

часть человека и уже чужеродна ему. Дорожный мешок жизни». Это Музиль о покойнике, о самом что ни на есть конце. Что нужно было ему еще искать, к какому завершению устремляться дальше? И увидишь появление горячей воды и человеческой крови. Какого он, в самом деле, доискивался философского камня? Только писателю и взбрдет в наше время на ум заниматься таким делом. Непосильное, безнадежное устремление. Но без таких попыток нам тоже оказалось бы вовсе уж неуютно, обидно, невыносимо.

Каждый выстраивает вокруг себя реальность, какую может, какую способен выдержать; оправдывать ожидания она не обязана. К какому-то возрасту жизнь все равно предложит нам довольствоваться чем-то, мало похожим на идеал. Относительным, условным. Житейским, в конце концов. На этом она, если угодно, держится...

3.1.11. *Сон.* Незнакомый автобус останавливается где-то на проспекте Мира, я захожу, сажусь спиной по ходу движения, так что в заднее окно мне ясно видна уходящая дорога. Мы как будто поднимаемся все выше, я вижу удаляющийся Северянинский мост, за ним разрастается все дальше простор, кажется, видны Мытищи. И вокруг знакомый простор, автобус мчится не по проспекту Мира, а по какой-то новой, только что проложенной дороге. Ни встречных, ни попутных машин, вдалеке невысокие дома. Неожиданно быстро, без остановок, мы приезжаем к Рижскому вокзалу. Открылся какой-то неизвестный скоростной маршрут. Пока неясно, сколько придется платить, но это не тревожит, я чувствую себя при деньгах. Под конец мы выходим с Галей и маленькими детьми, обычный алогизм сна, но я просыпаюсь с каким-то радостным чувством, вспоминая этот образ удаляющейся дороги. Больше не смог заснуть.

Вчера вечером у нас были гости, Эдельманы и Галя Ц. с немецким мужем. Перебирали воспоминания: как стирали и сушили полиэтиленовые пакеты и т.п. Советская экзотика для иностранца. Мы с Валерой говорили по-немецки. От Ц. узнал, что сын Бабеля, которого я встретил однажды у Т.В. Ивановой¹, был ею усыновлен, женой Бабеля она не была Сыну Бабеля Тамара Владимировна сменила имя Эммануил на Михаил, надо было его обезопасить. От Ц. же узнал, что вдова Бабеля Пирожкова еще в прошлом году была жива, ей был 101 год, она жила в Америке. Галя в Германии занимается литературным просветительством среди русских эмигрантов, преимущественно евреев. Молодец.

¹ Жена писателя Всеволода Иванова, мать Комы (Вячеслава Всеволодовича) Иванова

8.1.11. Право, интересно проследить движение мысли. Вчера вдруг промелькнула идея сюжета: возможность вывести новую культуру слизистых грибов, которая решит для человечества проблему пропитания. Тема новой культуры, подмены, эпидемия тоски, загадочных самоубийств. Сегодня проснулся, еще не было пяти, мысль закрутилась дальше: исследовательский институт, закрытый научный городок (типа нынешнего Сколково), открытие украдено, автор исчез, самозванец процветает... И вдруг все погасло: вспомнилось «Возвращение ниоткуда», почти буквально тот же сюжет: закрытый городок, производство загадочного «продукта», которым можно прокормить весь мир. Какая досада! Забыть самого себя — и возвращаться все к тем же построениям! Попробовал заснуть (вчера не выспался, не пошел на лыжах). Но предрассветная мысль продолжала работать: а может, и сослаться на «Возвращение ниоткуда» (имя автора герой не может вспомнить, только сюжет, идею: удивительная переключка с реальностью)? И сразу стали разветвляться варианты сюжета. Я их сейчас запишу не здесь, на листках. Спыхватывался время от времени: надо бы выспаться. Но никогда мысль не работает так ярко, ясно, как в предрассветной темноте. Так и не заснул, встал около семи. Чувство находки, счастливое предвкушение работы.

9.1.11. Набрал первые странички замысла, пока без названия¹.

10.1.11. Перечитывал «Возвращение ниоткуда». Это густая, пожалуй, слишком густая проза, ее трудно воспринимать с первого раза. В отдельные фрагменты можно вчитываться, как в поэзию; глубина кафкианских алогизмов, кинематографический сюрреализм. Но писать так было, пожалуй, нельзя, комментировать надо не меньше, чем Джойса. Может быть, нынешняя работа послужит «апологией» «Возвращения», комментирующим воспоминанием. Заполняю листок за листком.

Вечером в Рахманиновский зал на концерт «Nachtmusik» («Возвращение»). В первом отделении подумал: такую музыку хорошо слушать перед сном, успокаивает. Но завершившая концерт «Просветленная ночь» («Verklärte Nacht»), струнный секстет Шенберга, напомнила, что ночь — это еще и время страстей, разрастающихся, утихающих и снова нарастающих. (См. Приложение к стенограмме.)

¹Здесь и дальше о работе над повестью «Узел жизни» /Прим. 2016/

14.1.11. Ночь бывает творчески плодотворным временем. Сегодня опять проснулся, вдруг сразу пошли рабочие мысли. Надо было доспать, но жалко было прерывать работу. Утром оставалось только записать на листках, потом садиться за компьютер. Но такое состояние (можно его назвать вдохновением) днем возникает редко.

Для стимула после работы пробую что-то читать. В последнем номере «Октября» знакомые авторы, Пьецух, Левитин, Асар Эппель, ничего для себя не нашел Акунин заявил, что современных авторов вообще не читает, может быть, правильно делает. По воспоминанию показалась близкой нынешним поискам «Чума» Камю, она когда-то произвела на меня впечатление. Открыл, стал читать — черт побери, все показалось сомнительным, описание эпидемии просто недостоверным. Гибнут крысы, десятками, сотнями, кровь проступает на мордочках — никому, даже врачам не приходит на ум мысль о чуме. Даже я бы догадался. Люди умирают один за другим, рвота, гнойные опухоли, бубоны — диагноз не могут поставить, ждут результатов каких-то анализов. 1948 г., Франция (на алжирской территории, но арабы тут фактически не появляются), не средние века, микроскопы уже существуют, не говоря о литературе. Неправдоподобно. Жаль, не могу спросить у Хазанова, он сейчас в Америке. Понятна авторская метафора: люди, общество не хотят признать опасности, бедствия, закрывают глаза, продолжают вести разговоры о чем-то всегдашнем. Весь роман, по сути, развернутая метафора, но сейчас она сверх ожиданий показалась конструкцией. Я, впрочем, пока прервал чтение, может, дальше лучше¹.

¹ Я тогда же все-таки поделился своими сомнениями с Хазановым, профессиональным врачом. Он ответил, что со мной не согласен. «Оставим в стороне символический подтекст... Повествователь рассказывает о реакции на события с точки зрения своих сограждан, которые ничего не хотят знать». Это не значит, что сам он (доктор Рьё), не догадывается, в чём дело. «Чума в цивилизованном мире давно преодолена, о ней забыли, чумы «не может быть»... Что касается властей, то они прилагают все усилия, чтобы затушевать происходящее у всех на глазах, — слово «чума» не произносится даже тогда, когда уже всё ясно.

И приводит по этому поводу случай из собственной практики. «В моей больничке, в родильном отделении, появился на свет ребёнок, девочка с гноющимися глазками. Это была бленоррея — гонорея слизистой оболоч-

Вообще все чаще замечаю, что не всё даже в «большой», как ее называют, литературе выдерживает испытание временем. Не говоря о старом кино, которое сейчас обильно показывают по ТВ — невозможно без усмешки смотреть. И на ослепительных звездах. Остается очень немного.

24.1.11. Словно откликаясь на записи последних дней — последний номер журнала «New Times» об умонастроениях нашей молодежи. «В жизнь входит поколение, буквально облученное путинской пропагандой». Среди детей «нулевых годов» готовность голосовать за «Единую Россию» доходит до 85% (при среднем по стране уровне 45%). Правда, за высокими цифрами одобрения и поддержки скрывается то, что социологи называют «гнилая лояльность». Высказывания молодых людей в опросах могут не соответствовать их поведению в реальной жизни. Они больше конформисты, но к государству критичны.

Моя нынешняя работа отчасти соприкоснулась с этой темой, надо вникнуть глубже в эту область, до сих пор не очень знакомую

А вечером известие о чудовищном взрыве в Домодедово.

9.2.11. Внучка Лиза сказала Гале: знаешь, я недавно поняла, что Бог действительно есть. — А как ты его представляешь? — спросила Галя. — Это старик с седой бородой? — Нет, это не старик, это вся природа.

20.2.11. Сегодня мороз ослабел, сбегал на лыжах по лесу, пришел, выпил водки. Жизнь, как в заброшенной деревне, о такой когда-то мечтал: только работа и лес. Никуда не хочется. Вчера попробовал посмотреть в интернете знаменитый фильм Пазолини «Сало, 120 дней Содомы», ликвидировать культурную отсталость. Такой беспросветной мерзости я даже не ожидал. Не так давно мне попал в руки де Сад, «Философия будуара», в русском переводе оказалась скучнейшая порнография.

ки глаз, штука опасная, так как заканчивается слепотой. Я вылечил ребёнка закапыванием пенициллина каждый час, попутно роженица созналась, что перенесла триппер. По правилам каждый случай венерического заболевания подлежит извещению в высшие инстанции — в данном случае это был вышневолоцкий райздравотдел. Я так и сделал — и получил выговор». История испортила начальству отчетную статистику, следовало промолчать (прим. 8.2.11)

Но это еще хуже. Немецкие солдаты во время войны помогают итальянским гомосексуалистам-педофилам вылавливать на улицах подростков, мальчиков и девочек, для своих оргий. Это германские-то фашисты, у которых гомосексуализм карался как преступление? Мерзость самих оргий не изобретательна, фальшива, не вызывает никаких чувств, кроме отвращения — не к участникам, к автору, не сумевшему даже придумать ничего соблазнительного. Бедные подростки участвуют, как бесчувственные объекты, не страдают, не пытаются сопротивляться, даже ничего не обсуждают, один только был застрелен при попытке побега. А ведь девочки могут за 120 дней забеременеть... Впрочем, я долго смотреть не смог, пробежался по кадрам: те же голые тела, совокупления, дошел до какашек в горшках... Причем тут искусство? Вспомнил, что я видел у Пазолини, его «левую» риторику, сделавшую его знаменитым больше, чем фильмы — что от всего этого осталось? Убили его, как предполагают, подростки, над которыми он так, видимо, измывался. Мне чужд гомосексуализм, но ведь и в нем есть своя любовная нежность, своя эстетика.

Позвонила Галя Самойлова: в марте предстоит презентация книги Давида «В кругу себя», в нее вошло письмо ко мне в виде пьесы «Мяско». Он мне писал о ней, но письма тогда не отправил. Предложила мне эту пьесу прочесть. Конечно, с радостью. Поговорили о том, как все меньше остается бывлых друзей-собеседников.

На ночь слушал концерты Моцарта для фортепьяно с оркестром.

21.2.11. Вчера перед сном, послушав Моцарта, по какому-то наитию открыл «Деревушку» Фолкнера — и с первых страниц подумал: вот настоящее, вот, может быть, что мне нужно, стиль, к которому надо приблизиться. Сегодня утром, немного выправив, распечатал три первых главки. Буду читать, думать.

Я не записываю политических новостей, а они могут оказаться важными. Внезапные волнения в арабском мире, два режима, в Тунисе и Египте, уже пали, это можно называть революциями, в Ливии кровопролитные беспорядки. Впервые уличные столкновения можно увидеть по ТВ в прямом эфире, часами, сутками. Движение частиц, атомов вдруг набирает энергию: заряжаются ли друг от друга, направляет ли кто-то

извне или просто использует? Потом станут озирааться: что получилось? Перспективы пока неясны. Мы уже научны опытом: после переворотов к власти могут придти силы, ничуть не более симпатичные. Комментаторы, конечно, примеривают сходное развитие событий к нашим обстоятельствам, там тоже несменяемые лидеры держались десятилетиями, побеждали на выборах, уверяли (и, может быть, сами были уверены), что народ их любит. Вдруг оказалось, что не так уж любит. Обнаружилось, что правители наворовали миллиарды, прятали в кабинетах за книгами драгоценности. Очень похоже на наши дела, только у нас климат морозный, народ более пожилой и более усталый. Но какие-то изменения в атмосфере накапливаются. А главное (для меня): профессиональные экономисты все громче заявляют об угрозах, которые нынешняя политика несет экономике. Надо менять курс, не откладывая, чтобы не грохнуться, как в арабском мире. Лучше, если это сделают сверху. Бунт голодных может быть страшным.

26.2.11. В Музее Сахарова показывали фильм Светланы Резвушкиной, жены Марата Кима, «Преступление Пастернака». Зал оказался сверх ожиданий переполнен (была информация по «Эху Москвы», думаю, поэтому), Марат нам поставил дополнительные стулья рядом с Юликом Кимом и Е.Б. Пастернаком. Перед фильмом исполнили фортепьянные пьесы Пастернака, я впервые их слышал. По рассказу Светланы, от фильма отказались все телеканалы: это «неформат», не рейтинговый фильм. (Бродский тоже не имел рейтинга.) Откровенно смеялись: кому интересен голос Пастернака? Для чтения текстов Пастернака на его, так сказать, роль, пригласили актера Меньшикова, думали, этот «бренд» прибавит фильму популярности. Еще раз осознал, что такое нынешнее ТВ. Меньшиков мне больше всего мешал, не может актер изображать Пастернака, читать своим голосом от его имени. Я в фильме отметил некоторые кадры: неизвестная мне раньше фотография Пастернака с плохими зубами, он здесь очень живой (известная история, как ему заменили их красивым протезом), юный Жорж Нива с Ивинской (он говорил в фильме, и Мишель Окутюрье говорил). Кому Иванова тоже приглашали в фильм, он отказался говорить в очереди с другими, предпочел бы свой, особый сюжет. Думаю, это правильно, он знает и

мог бы сказать несравненно больше, точнее, чем получилось в фильме. Даже я знал больше. Обсуждение после показа напомнило мне, что новое поколение всю эту историю, уже часть нашей хрестоматийной культуры, просто не знает, что-то молодым людям открылось впервые. Так что фильм делает доброе дело. Жаль, что я не запомнил точно слова Пастернака, которые привел Евгений Борисович: надо заполнять творчеством образовавшуюся пустоту. Сейчас, сказал Е.Б., опять возникло ощущение пустоты, и пока некому ее заполнить. Что-то в таком духе. Чувство понятное.

27.2.11. «Как там в Ливии, мой Постум, или где там?» Западные политики, профессиональные знатоки региона в растерянности: не ждали, именно в этих странах. Как будто вдруг заразились друг от друга (новые технологии помогают распространять заразу), режимы казались устойчивыми. Прорвался внутренний гной. Как реагировать, какие принимать меры? Критерии размазаны вместе с системой ценностей. Революция — проявление болезни, надо вовремя лечить терапевтическими средствами, нельзя доводить до кризиса. Болезнью затронута и Америка, и Европа (о России не говорю). Новая геополитическая реальность, будущее тревожно.

6.3.11. Позвонил Фазилю поздравить с днем рождения, ему 82 года. Трубку взяла Тоня, сказала, что он до 4 часов к телефону не подходит, обещала передать. Сказала, что в «Российской газете» помещено его хорошее интервью с Лидой Графовой. Я посмотрел: действительно, достойные мысли, в его афористическом стиле. Мне вдруг почудилась тут подсказка для работы, которой я в это время занимался. Потом перечел: афористичная простота вызывает оговорки, многие слова надо сначала определить, уточнить. Но славно было ощутить его интонацию.

К интервью приложены стихи, Фазиля и Тони. (Я знал, что стараниями Лиды Графовой вышла их совместная книжка.) Неожиданно кольнуло у Тони: «Над ним Дамоклов меч иль молот — / Бессонницы. Он день не чаёт / Прожить, кошмаром перемолот». И раньше: «Таблеток смесь в горсти — / И свет успокоенья, / И, Господи, спаси». Я давно знал о его депрессиях, но такой степени не представлял. И такая откровенность!

Пришло письмо от Хазанова Гена каждый раз ритуально поминает 5.3 день смерти усатого упыря, почти в одних и тех же выражениях вспоминает, как встретили это известие в лагере. А в ходе телевизионного ток-шоу в тот же день 71,5% зрителей согласились считать его «великим вождем», еще 19% «исторической личностью», и только 10% — кровавым преступником.

7.3.11. Варя Самойлова привезла книгу Дезика «В кругу себя». Там незаконченная пьеса «Чтение и почтение», где один из персонажей я. Надо бы найти письмо, где он упоминал этот текст, который хотел мне послать, но не закончил. Галя Самойлова предложила его прочесть на презентации книги, которая намечена на 1.4. Варя прекрасно выглядит, стала рыжей, задержаться не смогла: должна развезти экземпляры. Занималась каким-то бизнесом, сейчас без работы. Я засомневался, позволительно ли обращаться на «ты» к взрослой теперь женщине, но иначе не получилось. Подарил ей две своих книги.

Работал, написал и отправил письмо Хазанову. Листал книгу Давида. Блистательный был остроумец.

13.3.11. Утром поздравил Померанца с днем рождения. Он бодр, ходит «гулять в роцу».

Совпадение чудовищного японского землетрясения, самого страшного землетрясения в истории, и внезапного социального взрыва в арабском мире со вспышкой солнечной активности побудило меня заглянуть в Чижевского. Не знаю, вспоминал ли сейчас кто-нибудь его идеи о влиянии солнечной активности на земную жизнь: на вспышки эпидемий, на физико-биологические свойства крови, о влиянии космических факторов на динамику социально-исторических процессов. Открыл в интернете его работу «Физические факторы исторического процесса» (Калуга, 1924). «За редчайшими исключениями, во всей истории человечества мы не отыщем фактов ясного предвидения историческими лицами ближайшего будущего своих народов и государств или конечных результатов войн и революций. Исторические события, завершившись, всегда давали иные итоги, чем те, которые были предположены при их возникновении. Получалось как будто не то, к чему стремились или чего желали люди и целые общества». Как будто сегодня написано, неловко читать комментарии и прогнозы так называемых политологов и других «специалистов».

В этой истории, где все ощутимей хаос и все сомнительней закономерности, нам выпало жить (мне доживать). Влиять на ее ход я не могу — но хотя бы создавать островки духовной опоры для ближних — а может, и для будущего. Как делали для меня те, к кому я сейчас обращаюсь, кого читаю, чьи строки бормочу, вспоминая.

17.3.11. В ЕЖ пересказ старой книги Хоффера «Истинноверующий» — о формировании и функционировании массовых движений (типа нынешних революций в арабском мире). «Потенциальный рекрут массового движения — это отнюдь не люмпен, бедняк, бродяга и т.п. Напротив, бедность очень часто создает вполне устойчивые формы жизни, когда каждый обед, каждая бутылка вина — праздник, человек не помышляет ни о каких протестах». Дело и не в государственном устройстве. «При тоталитаризме можно быть вполне счастливым, более того, жестокая власть окружает человека кордоном страха, лишает его сомнений». Так было при Сталине. Сомнения, протестные настроения возникают, когда гайки отпускают. Человек теряет почву под ногами. Перемены разрушают устойчивое состояние. «Отвращение к себе, появляющееся при зарождении сомнений — тяжелое психологическое состояние, от которого можно излечиться, присоединившись к новому массовому движению, неважно какому, национальному, религиозному, политическому».

Для возникновения в России влиятельного массового протестного движения нужна не политическая программа, а утопия, мечта, «возвышающий обман» (пересказ М. Берга).

18.3.11. Японское землетрясение вызвало мерзевший приступ злорадства в блогосфере, я этого не читаю, знаю по откликам. Сайт «Дерьмометр» выделяет некоторые имена. Православный иерей, высокопоставленная газетная дама в один голос уверяют, что эта трагедия — ответ высших сил японским претензиям на Южные Курилы. «Знаменательно..., что катастрофа произошла в дни Великого поста. Практически все русские люди в один голос, не сговариваясь, утверждают, что страшный природный катаклизм в Японии есть возмездие этой стране за оскорбление нашего отечества». И дама (зам. гл. ред. «Известий»): «Тут не восторг, тут эмоциональная лихорадка, вызванная близостью чуда, святого и грозного».

Не промолчал и Лимонов: Я давно говорил, что прогресс вреден, читайте мои книги. Не упустил повода для саморекламы. На него обрушились, он ответил руганью: это все от зависти, талантливых не любят.

Персоны текущей жизни.

26.3.11. Проложил первые пять глав. Заглянул в сайты разных «псевдорелигий», кажется, нашел то, что мне нужно. Надеюсь справиться, может быть, даже в апреле.

Неожиданно приморозило, с удовольствием сбегал на лыжах, Галя ходила пешком. Она сегодня сделала прекрасную темперу на картоне: «Небо вечери в стену влюбилось», вдохновилась стихотворением Мандельштама. Оно сейчас раскрыто передо мной: «Той же росписи новые раны — / Неоконченной вечности мгла». Как будто впервые понял, почувствовал: «Неоконченной вечности мгла»!

28.3.11. Красноярский журнал «День и ночь» готов печатать Галины «Стеклышки» (воспоминания о детстве) в 6-м, декабрьском номере.

31.3.11. Неожиданно пришло письмо из «Знамени», они готовы печатать «Стеклышки» (которые пролежали там с 11.1). Сегодня Галя созвонилась с Ивановой, решила оставить текст за Красноярском.

1.4.11. Вечером с Галей в Пушкинский музей на презентацию книги Д. Самойлова «В кругу себя». Читали тексты в основном артисты. Я тоже прочел «Чтение и прочтение», предрешил это некоторыми воспоминаниями.

Застенографирую выступление задним числом.

«У нас сегодня праздник. Эта книга — праздник. Ее чтение — праздник. Сам Давид был праздничный человек. Те, кто близко его знал, могут рассказать, какой он был искрометный, остроумный, в общении, в застольной беседе, в блистательных стихотворных экспромтах. Помню, как он мне подарил свою «Книгу о русской рифме», открыл на титульном листе, чтобы надписать, и, задумавшись не больше, чем на 2–3 секунды, написал: «Эту книгу подарив / Сочинителю не рифм, / Думаю, окажет честь, / Порешив ее прочесть». Для меня, прозаика, эта способность писать, импровизировать в рифму была чем-то чудесным.

Когда Давид уехал в Пярну, мы много переписывались. Мне хотелось писать ему не всегда серьезно, иногда шутливо. Помнится, как-то я написал ему в Эстонию, как за границу, в отделившуюся страну. Потом я не раз думал, что нам, людям пишущим, надо бы поосторожней с такими шутками, они обладают способностью материализоваться. Как-то я написал ему письмо в виде пьесы. Мы писали тогда друг другу от руки, копий, естественно, не делали. Но буквально на днях, заглянув в папку с письмами Самойлова, я обнаружил там черновик одного письма, с нумерацией: стр. 3, 4, первых двух я не нашел. Почитаю фрагменты.

Письмо строится как пресс-конференция, корреспонденты задают Самойлову вопросы:

«Корреспондент газеты «Эх, Пярну!»: Господин Самойлов, верны ли слухи, что ЦДЛ вместе с рестораном намерен перебазироваться в Пярну?

Д.С.: Отчасти верны. Я хотел бы перевести сюда один ресторан, без ЦДЛ. Остановка за визами

Корреспондент журнала «Вопросы филологии»: Много разговоров ходит о ваших новых стихах на эстонском языке. Не прочтете ли нам что-нибудь по-эстонски?

Д.С.: По-эстонски я могу пока только писать, читать еще не могу

Сразу трое корреспондентов: Позвольте несколько вопросов, волнующих мировую общественность, к Galine Ivanovne.

1-й корр.: Где вы теперь?

2-й корр.: Кто вам целует пальцы?

3-й корр. Куда ушел ваш китайчонок Ли?»

Ну, и т.д. Давид ответил, что пишет мне письмо в виде пьесы, уже известно ее название «Мяско», я буду одним из персонажей, и некоторые действия будут заменяться ремаркой: т.к. М.Х. в этом действии не участвует, оно интереса не представляет.

Я, конечно, с нетерпением ждал эту пьесу, он ее все не присылал. Когда я его о ней спросил, он ответил, что никак не закончит, не получается. Делать нечего, так я ее и не получил.

И вот сейчас, спустя 30 лет, я обнаружил ее в этой книге. Она действительно не закончена, Давид мог считать, что не получилось, но я все-таки сейчас прочту.

(Читаю пьесу до действия IV, Наровчатов.)

Тут надо немного про Наровчатова. В 1976 г. «Новый мир» напечатал мою первую прозу, повесть «День в феврале», с предисловием Самойлова. Наровчатов был главным редактором журнала, он друг Самойлова с ифлийских времен. Как-то Давид рассказывал, что встретился с ним в ресторане ЦДЛ, тот очень хвалил мою повесть, Давид приводил его высокие слова. Разговор шел за столом, в присутствии многих гостей, и Давид, показав на меня, сказал: «Вы посмотрите, какое выражение у Марка». Наверно, выражение у меня было достаточно глупое.

В 1980 г. я закончил свой роман «Два Ивана» и повез Самойлову в Пярну. Он сразу сказал: «Я это пошлю Наровчатову». Я говорю: «Ты сначала прочти, может, тебе не понравится». Он сказал: «Это неважно, все равно пошлю, мы с ним в таких отношениях». Роман ему активно не понравился, об этом у нас была интенсивная переписка, она не раз публиковалась. Но рукопись Наровчатову он все-таки послал. Это говорит больше многого прочего об этом человеке: не понравился, но все-таки послал.

Наровчатов роман, конечно, не напечатал. Он как раз в то время сам написал рассказ из времен Ивана Грозного, не нужно гадать, какое из двух произведений на близкую тему он выбрал.

(Продолжил читать до конца.)

Многоточие. Пьеса не закончена.

8.4.11. Все эти дни интенсивно работал, поэтому других записей так мало, все короткие. Сегодня завершил очередную прокладку, близкую к окончательному тексту. ТВ оба теперь не смотрим, Гале не позволяют глаза, а мне неинтересно. Слушаем музыку. Все меньше интереса к новостям. На сайте «Свободы» интервью Явлинского, давно не выступал. Считает нынешнее состояние страны безрадостным, перспектив не видит,

единственный выход: создать некий Круглый стол, собрать Учредительное собрание (вместо разогнанного в январе 1918 г.), начать заново историю страны. Удивительно: как это собрание будут избирать, по каким партийным спискам, почему эти выборы окажутся более легитимными, чем нынешние, которые Явлинский считает заведомо лживыми. Если это начало предвыборной кампании, оно безнадежно. Как и усилия других партий. Боюсь, новый взлет нефтяных цен оттягивает неизбежные перемены, у нас сначала должны дойти до крайности, потом неизвестно, как грохнут.

Давно не имея вестей от Жоржа Нива, решил посмотреть новости о нем в интернете — и обнаружил распечатку в ней его лекции, прочитанной в Киеве 29.10.10. О переводах, о невозможности перевода, о французских переводах Пушкина, о плодотворности верлибра. Замечательная лекция, удивительное чувство русского языка.

Я тотчас написал ему, он тут же вместо ответа прислал мне положение о некой новой швейцарской премии «Prix Jan Michalsky de litterature» со списком 7 номинантов (уже, видимо, шорт-лист). По фамилиям можно узнать венгра, китайца, и я там. Премия, как я понял, будет вручаться в ноябре.

20.4.11. Свобода от обязательств, конкретной работы открывает возможность просто произвольного чтения. Перечитывал Мандельштама. Нашел в интернете замечательную работу М. Гаспарова о «Грифельной оде» и А. Добринцева о «Нашедшем подкову», перечитал, как и стихи, несколько раз, обозначил на листках несколько тем, над которыми показалось возможно подумать, что-то сформулировать. Еще раз подумал, что филология — одна из важных наук о человеке, когда она пересекается с культурологией, философией и др. (Д., например, связывает «Нашедшего подкову» с идеями Гераклита.)

Между тем сошлись еврейский Песах и христианская Пасха (в этом году общая для всех). Вечерами слушали с Галей Баха, «Страсти по Иоанну», сегодня, думаю, послушаем «Страсти по Матфею». Почитывал по-французски «Евангелие от Марка», отчасти чтобы вспомнить язык. Чтобы кое-что для себя уточнить, сегодня открыл русскую Библию, задержался на эпизоде Марк 7.2–3: «И увидевши некоторых из учеников Его,

евших хлеб нечистыми, то есть, неумытыми руками, укоряли. Ибо фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умывши тщательно рук». (Между прочим, русский перевод «старцев» показался мне немного тенденциозным, снижающим: почему «старцев», а не предков?) По-французски звучит более уважительно: «conformément à la tradition des anciens» — «согласно древней традиции». По-английски «holding to the tradition of their ancestors» («традиции предков»). Я бы, как и прежде, не обратил на это внимания, если бы не увидел в Еврейском центре, что омовение рук — действительно серьезный ритуал, над умывальником там вывешена молитва, на русском и еврейском языках. Известно, что во времена эпидемий, холеры, чумы евреев обвиняли в том, что это они наслали на христиан мор, потому что сами не болели, начинались погромы. А они просто обязательно мыли перед едой руки (ну, еще ели чеснок, соблюдали другие правила гигиены). Что же ответил «фарисеям и книжникам» Христос? Назвал их «лицемерами», которые «устраняют слово Божие преданием». «Ибо ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека». Про микробов тогда не слышали. Произносить такие гневные высокие слова всего лишь по поводу обычая мыть руки, опровергать в непререкаемом Священном писании проверенное многовековым опытом! Я, перечитывая, не раз упирался в странные, сомнительные утверждения, которые, конечно, за две тысячи лет уже тысячи раз обосновывались, комментировались, объяснялись (скажем, проклятие смоковнице, которой вовсе не положено было плодоносить в это время года).

Недавно, кстати, шуму наделал важный протоиерей Чаплин, который обосновал страсть нынешнего духовенства к роскоши. «Когда делают дорогие подарки, это естественно: люди хотят, чтобы их иерархи выглядели не хуже, чем представители светской власти». Роскошь необходима, «чтобы отражать общественный престиж церкви». Людей, которые упрекают духовенство в роскоши, он сравнил с Иудой: ведь тот говорил, что не надо тратить драгоценное миро на помазание тела Христа, что лучше продать это миро и раздать деньги нищим. Иуда говорит эти слова только в Евангелии от Иоанна, в других это мнение высказывают другие ученики, и женщина не моет

маслом ноги, а выливает ему миро на голову, и Христос объясняет ученикам, что она заранее готовит его к погребению. Это особый случай, не надо возмущаться. У него самого много отповедей богатым (проще верблюду пройти через игольное ушко, раздайте свое имущество и т.п.) Вряд ли он назвал бы своими последователями нынешних церковников, которые уже не впервые в русской истории возмущают подлинно верующих своим непотребным образом жизни.

Как, однако, наполнено оказывается время, освободившееся от работы.

24.4.11. Пасха. По-настоящему теплый день, пишу на лоджии в одной безрукавке. Гуляли с Галей по лесу, пили березовый сок. Писал небольшое эссе на тему ночной и дневной мудрости¹, возможно, получится, и прояснится поэтическая мысль. Прочел присланные Хазановым рассказы, хорошие, сразу ему написал, он сегодня же ответил. Читал Евангелие от Иоанна. С тех пор, как я больше стал понимать в религии иудейской, немного понятней становится, как воспринимали Христа, проповедника одной из тогдашних сект, традиционно верующие евреи (не обязательно «фарисеи» и «книжники»). Со времен патриархов и пророков они знали, что их дело — ждать Мессию, приход которого преобразит мир. Это может случиться хоть завтра. Смысл религии — в этой вере, которая всегда откладывает конец мира сего на будущее. И вдруг Христом, т.е. Мессией, объявляет себя хорошо известный многим выходец из Назарета. Все знают его мать, его братьев. Не то чтобы отвергают его с порога — слушают, присматриваются. («Может ли из Назарета прийти что хорошее?») Ждут новых чудес. Когда он возвращает зрение слепому и оживляет покойника, некоторые готовы ему поверить, другим этого мало. (Сейчас многие из этих чудес могут продемонстрировать экстрасенсы, не обязательно шарлатаны, да и во времена Иисуса были, наверно, такие, кроме него. Вот, только сегодня объявили о смерти какого-то индийского гуру, который мог исцелять и оживлять; на его погребение собираются приехать 400 тыс. человек.) Но когда Иисус объявляет себя Сыном Божиим, сомнения возобновляются: ведь знают, кто его родители.

¹ См. Приложение к стенограмме «Ночное, дневное»

В Евангелии от Иоанна он все яростней поносит неспособных поверить в него безоглядно. «Сколько чудес сотворил Он перед ними, и они не веровали в него» (И.12.37) «Почему вы не понимаете речи Моей?.. Ваш отец диавол, и вы хотите исполнить похоти отца вашего; он был человекоубийца... он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне» (И. 8. 43–45). С нынешней точки зрения, такими ругательными словами убеждать нельзя. Возможно, Иоанн уже задним числом, по собственному разумению их стилизовал. Для тогдашних церковников это просто опасная ересь, их можно понять. Трудней (с современной точки зрения) понять, за счет чего эта сектантская ересь стала постепенно набирать влияние и завоевала весь мир.

Вчера вечером посмотрел по ТВ фильм Абуладзе «Покаяние». Мы видели его впервые ровно четверть века назад — в другой стране, в другом обществе. И вдруг начинает казаться, что изменилось не так уж много. На праздники опять грозят пустить частные маршрутные такси с портретами Сталина и т.п. И какая грусть — разрыв, нарастающее отдаление от Грузии, прекрасной страны, близкого народа. На днях цитировали слова Иоселиани: «Мы раньше вас презирали, теперь вас ненавидим». Хорошо, если цитата неточная: кого презирать, кого ненавидеть?

8.5.11. Вчера — и уже сегодня после полуночи — смотрели музыкальную мистерию «Полифония мира» Гинкаса-Бакши с участием исполнителей из разных стран. Трудно даже представить, как удалось собрать для репетиций и вдохновить такое множество разных, разноязыких людей. До «Полифонии» показывали фильм о Каме. Похоже, что все его высшие достижения возникли уже в пору нашего знакомства; более ранних работ я не видел.

10.5.11. Принес из леса букеты вишни, черемухи, уже готовятся расцвести купавки, появились листья ландыша.

С каждым годом все ужасней состояние леса. Бурелом 10-летней давности остался почти не убран, гниет, заражая соседние деревья, сейчас все завалено упавшими сухими стволами, другие еще стоят, неживые — больной лес. Вспомнилось, как после убийства (так и не раскрытого) американско-русского журналиста Пола Хлебникова его американский брат сказал о

России: больная страна. Этот лес — наглядный образ. Нет былых ягод, грибов (кроме опят, которые паразитируют на гнилых стволах), цветы, траву, мох вытесняет крапива, мусорная растительность. И человеческий мусор всюду.

12.5.11. Услышал в лесу первого соловья, еще слабенького, дневного.

13.5.11. В «Новой газете» лекция экономиста А. Аузана о перспективах модернизации в России. Если она не удастся, «апокалипсиса не будет. Страна не погибнет, не рухнет... Будет страшно скучная страна». Все сколько-нибудь талантливые люди увезут своих детей. При этом («по причине мне непонятной») в России «почему-то все время рождаются талантливые дети. Уж чего только не делали: родителей расстреливали, учителей ссылали, детей вывозили и т.д. Продолжают рождаться. Проводились «замеры креативности» по известным методикам. «Так вот: креативность младших школьников в России максимальная. А старших уже нет. В университетах тоже». Одна из причин: в России при нынешнем социально-экономическом устройстве не нужно такое количество талантливых людей, им негде самореализоваться. Или угаснуть, или уехать.

Дальше сравнительно известные проблемы, затрудняющие модернизацию.

19.5.11. В Политехническом музее вручали премию «Поэт» Виктору Сосноре. На сцену неожиданно вывели под руку седого старика, глухого. Он с трудом говорит, как после инсульта. Всего на год старше меня. У Гали воспоминание, как она в 1964 году танцевала с ним в Новосибирске. Потом на выходе мы получили его сборник и аудиодискету. Я пока просмотрел бегло. Что-то близкое футуризму. Прозвучавшие записи его чтения произвели впечатление ритмического камлания. Во вступительном теоретизировании он пишет: «Если поэт интересен ритмически, значит, им пойман ритм своего организма. Ритм, а не “мысль” — мысль слишком философична». Один из выступавших говорил о противостоянии акмеистической традиции, которая стала господствующей в современной поэзии (почему акмеистической?), и традиции футуризма, которую представляет Соснора, другой (или тот же?) утверждал, что поэзия XX-го века — дело прошлого, XXI-й век создаст дружную поэзию.

Известный премиальный ритуал. Играл замечательный ансамбль Алексея Айги, с которым я познакомился в прошлом году в Ди. Жаль, что не удалось с ним встретиться, он сразу ушел.

21.5.11. Вчера мне принесли из МЕОЦ книгу воспоминаний хирурга Трахтенберга «Спасенный, чтобы спасти». Я по телефону опрометчиво согласился выступить на обсуждении, название показалось знакомым. Он 31-го года рождения, пережил в Бессарабии оккупацию, гетто, был спасен украинской женщиной, студенческие годы совпали с «делом врачей», взрывом антисемитизма. Но основная часть книги — рассказ о медицинском опыте. Задержала внимание фраза: «Я считаю, что врач должен найти повод прикоснуться к больному. В разговоре это может быть простым ободряющим жестом, во время осмотра — пальпирующим и перкутирующим действием для сбора информации» (204). Вспомнилось, как я говорил о личной роли врача с Крелиным — на эту тему найдется, что сказать.

25.5.11. Вчера вечером поставил «Казанову» Феллини — смотрел, как будто впервые. Восхитительно! Когда порой включаешь ТВ, перебираешь кнопки — смотришь как будто один и тот же стандартный фильм. Не говорю о боевиках: мордобой, пистолеты в вытянутых руках, стрельба, погони, взрывы, — но и повыше качеством: говорящие головы, любовные сцены. А тут с первых же кадров — ни с чем не спутаешь: создан свой, небывалый художественный мир. Поворот взгляда, лица, решения, изобразительный ряд, мысль. Как в живописи у Шагала.

1.6.11. Где-то над нашей лоджией, в пазу между панелями свили гнезда трясогузки. То и дело птица садится на верхнюю перекладину решетки, в клюве у нее насекомое. В гнездо сразу не летит, ходит по решетке туда-сюда, иногда отлетает, снова садится. Птенцам ли принес еду? Но их не слышно. Может быть, кормит самку? (Птенцам еще рано.) Плохо я разбираюсь в птицах. Как зовут самца трясогузки? Трясогуз?

Сегодня в лесу пошли к месту, где вчера соревновались в пении соловьи, замечательные мастера. На этот раз они молчали. Я уловил момент, когда в их сторону полетела птица. Соловьяха. Кончилась, что ли, романтика, началась семейная жизнь?

17.6.11. Вдоль железной дороги на оградах надписи. «Русские, все на выручку Квачкова!» (бывший полковник ГРУ, пытавшийся взорвать Чубайса, арестован сейчас по подозрению в организации нелегальных военных формирований.) «Буданов — герой» (другой застреленный недавно полковник, осужденный за убийство чеченской девушки). Новые герои. «За Русь!» «Русский социализм». «Рабочий порядок» «Уличные бои». «Убей в себе страх!» (Подписано инициалами, кажется БП.РУ.) «Реформаторы жида, ограбили Россию». И совсем уж неожиданно: «Гитлер был еврей». «Берегите детей от еврейского фашизма». У Г. было чувство, что едем через чужую, враждебную страну. Подмосковье застроено безобразными многоэтажками, коттеджами новых богачей.

25.6.11. Как я люблю ласкающихся, целующихся, на улице, на скамейках! В метро напротив меня парень прикрыл рукой руку девушки на своем джинсовом бедре, справа от ширинки, выглядывают наманикюренные тонкие пальчики, под ними угадывается вздутие. Как я это еще могу чувствовать — сочувствовать! Много рослых, красивых, одеты все, как никогда прежде.

27.6.11. Письмо от Жоржа: мое «Одиночество» сейчас третье «на первом этапе» премии Михальского. «Можно еще побороться». Просит прислать фрагменты романа для перевода на английский и весь текст — что я тут же и сделал.

28.6.11. Читал книгу эссе Ст. Лема, в основном 90-х годов. Оказывается, он еще в 80-х годах перестал писать беллетристику, science fiction. Причиной послужило, как он сам пишет, «осуществление или переход многих разнообразных моих идей из фантазмагии в реальность». В этом ему увиделось что-то опасное. «Я увидел, что нужно сдерживать себя, ибо еще додумаюсь до чего-то такого, что мне совершенно не понравится». Не раз комментирует свою «Сумму технологии», сбывшиеся прогнозы. Я сам это отмечал, писал об этом

3.7.11. Перед пробуждением приснился Юра Карякин. Не совсем похожий на себя, выше обычного роста, красиво подстриженная русая борода, моложавый, но я точно знал, что это Карякин. Пришел с Иррой. Рассуждал о каких-то книгах. Я подумал, что надо бы ему подарить свою книжку, но он сам не просит, нехорошо навязываться. И не могу спросить: в самом ли деле он так неожиданно выздоровел? А Юра вдруг произнес

странную фразу: «Все становится видно, когда его не станет». И показывает на два свечных огарка. На солнечной стене их тень, и над одним из них — тень слабого испарения, поднимающегося от фитилька. Над другим испарения не видно, над ним нет солнечного пятна, и подвинуть его на солнце не удастся: тогда уходит в тень первый. Они как-то соединены. Тут я проснулся — поэтому четко запомнил.

(Галя сразу позвонила Ире узнать, что с ним, но оказалось, что она уехала в Грецию.)

9.7.11. Фильм «Iris» по книге Джона Бейли о жизни с Айрис Мёрдок. Необычайно трогает — особенно, конечно, потому, что я встречался с обоими. Актеры очень похожи. Джон Бейли голосовал за меня, когда присуждали Букеровскую премию, потом написал обо мне... Мы встретились с обоими в Оксфорде, куда нас пригласили после премии. Айрис пришла на устроенный для нас обед в домашних шлепанцах, домашнем платье. Ужасно жаль, что я не мог говорить с ней по-английски. Говорила с ней Галя. Айрис спросила, где она купила свои бусы, Галя ответила, что в Праге, на Карловом мосту. Айрис сказала, что Галя очень хорошо говорит по-английски. Возможно, уже тогда начиналась ее болезнь. Ее последний роман, (как пишут, холодно принятый критикой), вышел в 1996 году, а умерла она в 1999, 80 лет. За Бейли вышла в 1956, уже 37 лет. Это помогает лучше понять чувства Бейли.

27.7.11. Размышлял о новом чувстве реальности, о соблазне уйти от нее — и вспомнил давнее (1827 г.) стихотворение Баратынского «Последняя смерть».

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разумье.

.....

Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

И вот поэт увидел «без покрова / Последнюю судьбу всего живого». Вначале ему открылось торжество разума: «Везде искусств, обилия приметы». Он увидел даже летательные аппараты.

Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

Однако «прошли века», и взору открылось другое видение:

Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах...

.....

И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,

Живописуется что-то вроде торжества виртуальной реальности — хотя во времена, когда это писалось, такого понятия не существовало. В самом деле — читаю дальше:

И умственной природе уступила
Телесная природа между них.
Их в Эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих.
Но по земле с трудом они ступали
И браки их бесплодны пребывали.

Вдруг сопоставилось с записанным мной время назад суждением Сергея Хоружего¹: «Уход в виртуальную реальность чреват мягкой гибелью типа эвтаназии».

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывалися в гробах!
Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали».

Неожиданная переключка, не правда ли? «Человек не понимает себя, не справляется с собой. Антропологическая ситуация тяготеет к сценариям гибели», писал в одной из статей Хоружий. По-иному прочитываются поэтические видения 200-

¹ Известный физик, философ, богослов, переводчик Джойса.

летней давности. Назвать ли их прозрениями? Поэт, опережая позднейшие фантазии (еще не опыт), интуитивно ощущал опасность ухода от реальности, ее подмены.

28.7.11. В «Лехаиме» поразительное эссе американки Синтии Озер «Исаак Бабель и вопрос идентичности». Я, оказывается, по-настоящему не знал о Бабеле (и не только о нем), а значит, не понимал его. Не знал, что существует его дневник, изданный у нас только в 1990 г., еще более трагический шедевр, чем его «Конармия». Не знал, что Лютов — не просто имя, которое он дал своему герою, под этим именем служил в конармии сам Бабель, был для всех славянином. Про то, что автобиографизм его рассказов — вымышленный, он себя сочинял (и не только в литературе). Поразительно! Эту статью не пересказать, надо перечитывать еще и Бабеля. И думать, думать.

29.7.11. В либеральном интернете, который я читаю («Эхо Москвы», «Свобода», «Новая газета»), все определенной гущается чувство бесперспективности, безнадежности. Появились намеки, что Путин, наверно, вернется в президенты на ближайшие 12 лет, симпатичные мне люди бьют тревогу: это будет катастрофа, призывают поддержать Медведева. Хоть он не совсем настоящий президент, но все-таки есть надежда. Тот молчит (хотя отказ избираться на второй срок — уже признание своей несостоятельности). Неопределенность настораживает бизнес, инвестиции в страну не вкладываются, капиталы убегают, люди уезжают, коррупция, беззаконие с каждым днем возрастают. Недавний отказ в досрочном освобождении Лебедеву — откровенная палаческая мерзость. Всех подробностей (катастрофы, разоблачения, самоубийства) воспроизводить не буду. И все упираются в то же, что я: ничего невозможно сделать, люди, захватившие вместе с властью экономику, продолжают двигать страну к катастрофе, ничего другого не могут. Предстоящие выборы могут быть только издевательским жульничеством

Светлана Алексиевич по поводу чудовищного преступления в Норвегии¹, где она некоторое время жила — «поймала се-

¹ В июле 2011 норвежский националист Брейвик открыл стрельбу по молодым людям, собравшимся в лагере на острове. Стрельба продолжалась более часа. Не встретив никакого сопротивления, Брейвик убил почти 70 человек..

бя на мысли, что долго не могла бы там жить — скучно». Зло для жителей этой страны — что-то из кино, вампиры, инопланетяне. «Что меня поразило — этот норвежский стрелок тренировался на компьютере. Компьютер — это другая реальность, ощущение боли, зла делается эфемерным, как бы не всерьез». («Свобода», 28.7)

31.7.11. Одна тревога: стало вдруг подступать что-то вроде сердечной слабости, не знаю, как это назвать точно, раньше такого не было. Иду легко, после первого километра вдруг начинается неприятное чувство. Не слева, у сердца, а в середине груди (наверно, это называется за грудиной), отдается в руках, минуты через 3–4 проходит. Иногда подступает ночью, когда просыпаюсь.

6.8.11. Решил не работать, немного расслабиться, пошел в лес, далеко, до лесничества. Увы, с самого начала ощутил сердце, оно не отпускало долго. Тем не менее, я шел 5 с половиной часов, обычным, т.е. достаточно быстрым шагом, километров, думаю, 18–20. Иногда останавливался, читал взятого с собой Бродского, ранние стихи, раньше в них не вчитывался. 1961–65 гг., в моем кругу его совсем не знали, спорили о других. Теперь видно, что никого из них рядом не поставить. На обратном пути сердца уже не чувствовал. Видел двух лосей, больших, красивых, непуганных, прямо у дороги. А вот грибов на удивление нет, даже поганок, не говоря о сыроежках..

По какому-то движению мысли взял читать Пелевина «ДПП» — остроумная, легкая, поверхностная публицистика. Когда-то казалось, что можно представить себе современную литературу, она казалась обозримой. Сейчас в уголках читают друг друга, остальных не знают.

13.8.11. Как и вчера, проснулся затемно, еще не было пяти, хотел быстрее заснуть, чтобы выспаться, но не удержался, стал перебирать эпизоды повести, пошли новые решения — и надо было ценить это предрассветное вдохновение, на грани яви и сна. Все-таки ненадолго заснул, встал в 8. Все утро писал на листках эпизоды «Незачета»¹. В мыслях почти все кажется ясным: сюжет, персонажи, круг идей, но уже знаю, что это обманчивое чувство.

¹ Речь здесь и дальше о романе, получившем название «Джокер, или Заглавие в конце».

Опять жара. Прогулялся по лесу, километров 7 — без проблем. Тьфу-тьфу, не слазить, буду надеяться, что болезнь отпустила. Очень хочется работать

В блогах подробности непотребств во время беспорядков в Лондоне. Не только темнокожие иммигранты, даже небедные англичане не упускали случая что-нибудь ухватить, вынести из магазинов. Мне вспомнилось удивительно достойное поведение японцев во время катастрофического землетрясения и цунами: даже малейшего мародерства не было. Сейфы с деньгами остались нетронутыми. Верность традиционному воспитанию — при вполне современном образе жизни. В Европе какое-то нравственное неблагополучие, не только финансовое.

19.8.11. Отмечается 20-я годовщина августовского путча, вспоминают, оценивают. Все больше людей разочарованы, жалеют о советском прошлом, считают произошедшее катастрофой, стало только хуже. Я уже не раз писал, что крах советской системы был и остается до сих пор для меня политическим чудом. Да, многие надежды не оправдались, есть о чем сожалеть, в чем разочароваться. Но я вдруг подумал о победе в последней войне. Еще помню праздничный салют 1945 года. Потом уже я стал понимать, какие надежды оказались разрушены, как обошлась чудовищная советская система с победителями, как проехала по ним, продолжая отправлять в лагеря, держала впроголодь — да что перечислять! Но праздник Победы это не отменило, его продолжают отмечать (правда, уже выморочно). И эти дни будут вспоминать светло.

22.8.11. Для рабочей надобности посмотрел в «Стенографии конца века» запись о разговоре с Борисом Гройсом (3.11.89) о дифференцированности западной культуры. «Для каждого небольшого круга населения есть свое искусство, практически все могут найти спрос, но общенародной популярности быть не может. Разве что у таких, как Майкл Джексон, и то...» Он как-то спросил своих студентов, ученых-славистов, кто читал Толстого, «Анну Каренину» — подняли руки два человека. Кто читал Библию? — 2 (!) Кто смотрел «Даллас» (популярный боевик)? — 3. И это естественно». Я подумывал о подобном эпизоде для моего героя. Гройсу 20 лет назад было ясно то, что я до сих пор продолжаю осмысливать. Что-то еще не устоялось в сознании, еще беспокоит. Придется копать глубже.

В сегодняшней «Новой газете» прекрасные размышления Гриши Померанца. «Глубинное ядро одной религии ближе к глубинному ядру другой религии, чем к собственной поверхности».

И еще любопытное рассуждение: «Потерян вкус к трудным книгам, на первое место попадает то, что не мучает совесть и не тревожит ум. У читателей классики Чехов теснит Толстого и Достоевского»

23.8.11. На скандальной выставке «Осторожно, религия» среди прочих работ было изображение Микки-Мауса в виде Христа. Задним числом кто-то поясняет смысл картины: «Художник сокрушается о том, что из нашей жизни уходит вера, а на ее место приходят чужие идолы». Что ж, можно и так понять — в виде, скажем, газетной карикатуры, иллюстрирующей статью на тему коммерческих поделок, вытесняющих, подменяющих подлинные ценности и т.п. Но к живописи это будет иметь мало отношения, даже если перенести ее на холст 2х3м. Как и нашумевшая датская карикатура, изображавшая Мохаммеда в виде террориста с автоматом. (Об этом я уже писал.) Обсуждение идей, концепций — еще не искусство.

1.9.11. Леночка рассказала нам о своем «Центре филантропии», о работе с бывшими воспитанницами детских домов, которые сами рожают детей, получают квартиры, но совершенно не приспособлены к обычной жизни, не знают, как приготовить макароны, заваривать чай, не понимают вопроса: какое ты хочешь яйцо? Они в детдоме видели только крутые яйца, которыми их кормили, только бурду под названием чай, которую им подавали. Санэпидемстанция запрещает детям находиться в пищеблоке, наблюдать за приготовлением пищи. Благотворители заваливают детские дома подарками, игрушками, конфетами, дети смотрят на каждого проходящего, как на спонсора, который приносит подарки, одежду, сладости. Пишут, что бы они хотели получить: мобильник, игровую установку и т.п., все это сразу ломается. Но к жизни совершенно не приспособлены, не умеют искать работу, не знают, что это проще всего сделать в интернете, хотя интернетом пользуются для другого. Фонд Лены ищет деньги для оплаты специалистов, психологов, которые могут работать с этими девочками, с родителями, которые хотят бросить детей, не зная, чего нужно бояться. Так оказалось спа-

сено от детдомов много новорожденных. Я слушал и думал, что мог бы передать этот рассказ жене героя, Нине, потому и записываю подробно.

Занятная подробность: Макс попросил маму показать наш телефонный аппарат с дисковым набором номера, он таких до сих пор не видел. Я заговорил с ним о компьютерном сленге (мне для повести нужно было словцо), он ничего особенного не знал, но зато рассказал о своих занятиях, о международном проекте, в котором участвует, через интернет переписывается с ребятами из Канады, Америки и др., по-английски, конечно. Новое поколение.

7.9.11. 74 года — разве это не старость? Именно в этом возрасте Ионеско записал: «Подумать только, еще недавно, шестнадцать месяцев назад... я был молод — и вдруг психологически и физически впал в старость... Нет, не по страсти, не по духу... и все же. Часть меня молода, не подвержена старению, но другая часть...»

Не знаю, какая это «другая часть», цифры я опровергнуть не могу, уже 70 лет для меня всегда означали старость. Сердце стало напоминать о себе, надо признать, в чем-то себя умерять. Но старость — это все-таки не мое состояние. Внутренне. Возможно, еще доживу до него. А можно и умереть, не чувствуя старости — не сознавая ее.

16.9.11. Из воспоминаний И. Голомштока («Знамя», № 3, 2011, с. 161). Эренбург опасался, что не будет опубликована очередная часть его книги «Люди, годы, жизнь». «Пишите в стол», — сказал ему Синявский. «Я средний писатель, — помрачнев, ответил Эренбург, — я не могу писать в стол». Редкостно глубокое, вызывающее уважение понимание — и душевная смелость!

Преимущество моего возраста: я с пониманием смотрю на всех, на младенцев в колясках, на играющих детей, на целующихся молодых людей, на мужчин и женщин, стариков и старух. Все так обозримо и быстротечно, так, в сущности, просто, я это уже прошел. Но чего-то еще не прожитого, не дожитого я тоже не понимаю. Полной немоги, предсмертного состояния. Откроется ли что-то большее в самый последний миг, миг перехода по ту сторону?

27.9.11. *Утеха*. Пошла вторая неделя нашего пребывания здесь, я уже думал, что ничего не буду записывать. Но вчера e-mail доставила мне новость: вышла «Стенография начала века». Тут же выпили за это событие Vtnac.

Я с самого приезда — еще до приезда — настроился не работать. Сказывается накопленная усталость — и, увы — сердце. Таблетки нитроглицерина замечательно стали помогать, к концу недели (тьфу, тьфу, не сглазить) неприятные ощущения прошли, кожу в гору, только что принес из дальнего магазина довольно тяжелый рюкзак (пока без таблетки) — дай Бог, успокоится. Плаваю полкилометра, на всякий случай отдыхаю. Пробую понемногу писать «Незачет», мысль пока работает вяло, но что-то движется. Уже ясно, что работа предстоит большая, она может стать значительной. Читаю понемногу все тех же Мандельштама, Бродского, Пессоа, французский язык сильно подзабыл. Можно читать тексты в компьютере, который привез с собой. Темнеет рано, в 7, но пока смотрим с Галей кино: «Казанова» Феллини, «Истина в вине» Иоселиани, «Чонтвари». Галя каждый день работает.

Мы живем в «Apartments Majero», который строился на наших глазах рядом с бывшим Леночкиным домом. Мимо этого дома я даже не прохожу, спускаемся к морю по нижней, зеленой дороге. Никаких ностальгических чувств он не вызывает — все, чужой. До вчерашнего дня нашими соседями была компания симпатичных поляков (на машинах краковские номера). Позавчера они предложили нам прокатиться на моторной надувной лодке до острова и вокруг него, потом мы пригласили их к нам выпить. Вечером посидели у нас на террасе за столом, кое-как сумели объясняться на смеси славянских языков. Теперь мы остались одни в большом доме.

С нашей террасы, как и прежде, прекрасный вид на море. Все эти дни то легкая волна, то штить, мягкое солнце, теплая вода — блаженствуем. Мыслей особенных нет, впечатлений тоже.

10.10.11. Вчера вернулись из солнечной Утехи в дождливую сумрачную Москву. Сейчас перечитываю сделанные там на листке записи: мало что можно добавить. Редкостный подарок природы или судьбы: 18 солнечных дней, тихое теплое море. Только в субботу (8.10) поднялся прибой, мы пошли к дальнему

пляжу. Я поплавал на волнах, но выходить стал неосторожно, забыл, что надо следить за волной, попал под самую большую. Она меня у берега дважды перевернула, показалось, что сверху на голову посыпалась галька — на самом деле меня, видно, протатило головой по дну. Хорошо, что не стукнуло о камень, это было рискованно. Галя на берегу испугалась: не надо больше так играть. А я вдруг подумал: в самом деле, нельзя, но удивительно: никакого чувства возраста. 75-й год, только что напомнило о себе сердце

Заглянул в новости. После того, как стало ясно, что на ближайшие 6–12 лет президент уже назначен, бурление в «оппозиционном» интернете вдруг как-то утасло, стало неинтересно. Непонятно, как себя вести, к чему призывать, что делать — и можно ли что-то сделать? У одной известной дамы прочел, что неизбежна революция. Ой ли?

12.10.11. Кажется, покончил с посторонним чтением, завтра надеюсь вернуться к прозе. То и дело попадают публикации, которые можно использовать. В сегодняшнем «Еврейском слове» интересное интервью с М. Эпштейном о деградации русского языка. До Октябрьской революции он динамично развивался наравне с английским, в обоих словарях было примерно 200 тыс. слов. А в 1934 г. в новом словаре Уэбстера было уже 600 тыс. слов, в словаре Ушакова в 1940 г. было лишь 80 тыс. слов. «Сегодня этот разрыв усугубляется. С вырождением языка вырождается и наша жизнь, уходят эмоциональные оттенки, нравственные понятия, которыми изобилует русский язык еще в XIX-м веке». Приводятся примеры. Я вложил вырезку в дневник: тоже может пригодиться.

18.10.11. Кое-как работал. Прогулялся с Галей по лесу. Слева, прямо передо мной, на дорожку вышел большой рогатый лось, я едва успел посторониться. Прошел, чуть не коснувшись, стал рядом щипать зелень. Вечером Галя нашинковала и заквасила полтора ведра капусты.

Позвонил по скайпу Хазанов, он продолжает читать мою «Стенографию». Стал говорить о Блоке, о Померанце, о моем непонятном оптимизме, о нашем страшном веке. Я последнее время перечитывал нашу переписку — увы, все это обсуждалось в тех же выражениях десять лет назад. Возможно, с возрастом и у меня будет то же, а может, и сейчас уже повторяюсь, не заме-

чая. Отвечал то же, что всегда: надо жить, несмотря ни на что, не биться же головой о стену. Подошла Галя, рассказала ему про лося в лесу, про капусту, которую как раз шинковала. Вдруг я ощутил, что мы по умолчанию обходим главную беду: он остался один, без Лоры. А теперь еще и работать, и писем написать не может.

9.11.11. В «Еврейском Слове» А. Найман вспоминает, как ему, серебряному медалисту, в 1953 г. на собеседовании в ЛГУ, на химическом факультете, задали вопрос об «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталина, которые все вынуждены были читать, причем цитировать буквально. Его не приняли. Найман прямо связывает систему собеседований со способом отсеивать нежелательные элементы. Я, кажется, до сих пор не записывал: у меня был точно такой же случай. В 1955 году я, золотой медалист, пришел на собеседование в МГУ, на филологический факультет. Доцент Шанский, я запомнил это имя, щупленький человечек, под конец беседы (я, помнится, назвал любимым современным поэтом Симонова, а кого я тогда еще знал? Не Маяковского же) спросил меня, с чем сравнивает товарищ Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» морфологию, а с чем синтаксис? После этого собеседования запомнил навсегда: морфологию товарищ Сталин сравнивал со строительным материалом языка, синтаксис — с правилами строительства. Мы это, конечно, проходили, но я забыл, и в университет не попал. Пришлось идти в пединститут, там я встретил всех своих будущих друзей, не говоря о Гале. (В университете, впрочем, моими однокурсниками в том году могли оказаться Аверинцев, Мариэтта Чудакова, Галя Медведева (будущая Самойлова).

19.11.11. Умер Юра Карякин, ему был 81 год. Позвонили Ире. Он умер дома, умирал тяжело. Похороны в понедельник. Созвонились с Лукиным: возможно, поедем вместе.

22.11.11. Похороны Карякина. Панихида в ЦДЛ. Текст под его фотографией: «В недавние годы надежд он был одним из властителей дум соотечественников, и не его вина, что наши чаяния не получили должного воплощения». (На сайте news.ru. о смерти Карякина сказано: получил известность своим афоризмом «Россия, ты одурела». Это главное. Лукин потом на это сказал мне: Околокультурная масса только так знает о многих.

О Сократе: Я знаю, что ничего не знаю. О Декарте: Я мыслю, следовательно, я существую.) Слушал речи из вестибюля. Встретил знакомых. Эдик Графов, Аня Наль, Марк Розовский, Женя Попов, кто-то еще. Поехал с Володей Лукиным и Лорой к ним домой, попили чаю, пока Юру отпевали в Переделкинской церкви Могилу Юре вырыли за кладбищенской оградой, прямо возле автомобильной дороги, у моста через Сетунь. Хорошо поговорили с Ирой Зориной. Рассказал ей про свой сон, в котором видел Юру. Она назвала историю «провидческой» К разговору присоединился Евгений Сидоров, дал мне свою визитку. Обрат-но меня вез Саша Лукин. Он теперь проректор Дипломатиче-ской академии по научной работе. Спросил, почему я не привез свою книгу. Я ответил, что его отец в недавнем интервью зая-вил, что не читает современной русской литературы. «А вы не современная литература, вы классическая». Я все-таки пра-вильно сделал, что не захватил свою книгу, было бы чувство, что навязываю ее, не дожидаясь просьбы.

26.11.11. Под морозящим дождем съездили с Галей в мага-зин за холстами, купили два больших, один поменьше. Дома нашлась непристроенная рамка, она почти подошла к картине «Белый шарф», я ее немного расширил, приспособил. Картина заново ожила. Поставили рядом еще одну, другую, стали смот-реть, расставили у стены экспозицию. Я еще раз увидел, какой она сильный, настоящий художник. (Вчера вечером мы тоже смотрели работы крупного формата.) Как всегда, разволновал-ся. Потом посидели за вином. Счастливые часы жизни. Впро-чем, у нас и утром счастливые часы, и днем. Съездить за хол-стами, тащиться в полном автобусе было почему-то радостно. А ведь еще поработал с утра неплохо.

28.11.11. Швейцарскую премию, о которой хлопотал для меня Жорж, присудили какому-то венгру, еще 17.11. Написал Нива — стало проще

2.12.11. В «Новой газете» интересная статья М. Эпштейна о перспективах России. «В генетике и в теории эволюции есть та-кое понятие — «обнадеживающий урод» («hopeful monster»). Речь идет о внезапной мутации организмов, которые отклоня-ются в своем строении от нормативов и могут иногда успешно адаптироваться к переменам окружающей среды, давая начало новым видам. В слове «урод» нет оценки, в каком-то смысле к

«уродам» можно отнести и птиц (такими они казались пресмыкающимся), и человека. Это понятие можно применить и к социальным организмам, а если расширить понятие — к обществам, культурам, этносам, странам, например, к России. Перечисляются известные признаки «ненормальности» России, (ее достоинства: огромные пространства, вековая способность людей приспосабливаться к неблагоприятным условиям жизни и т.п.) — но парадоксальным образом при катастрофических сценариях развития именно эта ненормальность позволяет уродам лучше других приспособиться и выжить.

«Признаки нынешнего устройства могут оказаться эволюционно выигрышными в случае катастрофического мирового развития». Отсталая Россия окажется позади самоубийственного прогресса, более близкой к природе, самодостаточной и т.п.

Можно рассуждать и так. Вопрос только: велика ли радость для страны, народа, людей, сейчас или в будущем выжить, довольствуясь малым, обходясь без достижений развитой, разнообразной культуры (которая, конечно же, более уязвима, чем примитивная непритязательность.) И главное: разве за два тысячелетия, со времен Иудеи и Рима, не исчезли десятки, сотни государств, народов, культур?

9.12.11. Ночью спросонья вдруг померещилась стихотворная строка, утром записал, пока начерно. Может быть, оформлю короткий верлибр и введу сюда.

Говорил по скайпу с Хазановым, он совершенно не может ничего читать — кроме моей «Стенографии». «Открываю каждый день на произвольной странице, читаю немного — как Библию». Я сам иногда делаю то же: открываю, читаю глазами кого-то из читателей, уже мне известных.

Сделал для Хазанова небольшую подборку записей 1960–63 (о Шостаковиче, рассказы Левина), отправил ему. Сейчас по ТВ фильм «Товарищ Сталин». Главную роль играет Юрский, иначе я не стал бы смотреть. Больше 20 минут не выдержал, стало тошнить. Досадно за Юрского, не ожидал.

10.12.11. Верлибр, который вчера набросал начерно:

Быть пашнею, изнемогать, сочиться
Под пенье жаворонка, не видя, слышать,
Как он взлетает, падает, трепещет.
Взволнован воздух. Семя в борозде
Готовится ожить.

Следил по ТВ, интернету, радио за митингом на Болотной площади против фальсификаций на выборах. Собралось, по разным данным, 50, а может, 100 тыс., сосчитать трудно, уходили и приходили новые. Некоторые называют это историческим событием, такого не было с 91-го года. Ощутимо нарастают перемены — в настроениях общества, в самой атмосфере. Полиция на этот раз вела себя корректно, никого не задержали. Похоже власть в растерянности. Жюльнические выборы сделали ее посмешищем, этого не справишь.

11.12.11. Вчера поздно вечером позвонил Жорж Нива, начал словами: «Поздравляю тебя! Россия, кажется, проснулась (или пробудилась)». Такое впечатление на него произвел вчерашний митинг и то, что о нем, о протестах против фальсифицированных выборов *впервые* сообщило центральное ТВ, даже первый канал. (Кто-то, ссылаясь на полицейские переговоры, утверждает, что на митинге было 140 тыс. человек.)

17.12.11. Объемная стереоскопичность двуязычия, когда языки дополняют один другой. Так принадлежность к двум культурам, двум нациям придает взгляду объемную стереоскопичность.

27.12.11. Литературный уровень Проханова я до сих пор представлял только по случайным фрагментам. «Журнальный зал», в который я заглядываю, его обычных публикаторов игнорирует. Но вот увидел в журнале «Сибирские огни» (№ 12) его новый опус «Русский» (продолжение). Хватило первых страниц, не побрезговал сделать выписки.

Русского героя зовут почему-то на французский лад Серж. «Серж очнулся в полном мраке... Страшным прозрением обрушилось на него беспощадное знание — он потерпел поражение. Поражение это было космическим... Как сказочный витязь, он бросил вызов мировому злу., надеясь повторить сюжет русских сказок». Это вне обсуждений. В плену он встречается с белорусом. «Вижу, тебя не пощадили приклады карателей. Но ты не унывай. Придет полк Красной Армии и отомстит за нас. Батька Лукашенко нас не забудет».

Посмотреть на казнь героя приезжает на пони барышня в розовом платье. «Серж не сразу узнал в барышне тата Карима». (Таты, как известно — горские иудеи, намек прозрачен.) Белоруса Андрея бросают в огонь, он кричит «Да здравствует Совет-

ский Союз!» Серж, конечно, спасается. Описывать эту чушь бесполезно. Как это могут печатать (кажется, даже в «Дружбе народов» опубликовали Проханова), как могут читать?

И вдруг подумал: а если заменить откровенную идеологию (Советский Союз, Красная Армия, Лукашенко, дальше будут «красные марши» и т.п.) вымышленными, «инопланетными» реалиями, именами — обнаружится та же стандартная конструкция: борьба с мировым злом, сражения, пытки, ну, и секс, конечно (я, пролистывая, заглянул.) Это уже можно читать без идеологического сопротивления. Многим ли лучше популярный Лукьяненко? Тот же стандартный набор.

30.12.11. Обрадовал отзыв Силиса о «Стенографии». Я книгу ему подарил больше месяца назад, немного странным казалось его молчание. Оказалось, он еще не дочитал. Читает по пути в транспорте, один раз проехал остановку, так это чтение его захватывает. «Это как будто разговор с ним — как будто мы шлепаем вместе по улицам и говорим обо всем на свете. Как будто он прочитал мои мысли. С чем-то можно поспорить, но это замечательно». Пересказываю со слов Гали. Она ему позволила, он говорил долго.

31.12.11. Заканчиваем предновогодние дела. Галя готовит ужин, я нарезал (напил) для нее найденный вчера на прогулке оргалит. На улице мрачно, оттепель, гололед, дети не могут кататься с горок. Очередной аномальный декабрь. Пора подвести итоги.

Начну, как всегда, с работы. Вышла «Стенография начала века», она кажется мне важной книгой. Написаны и опубликованы «Узел жизни» и «Ночное, дневное». Роман перенесен на следующий год, надеюсь, месяца через два появится. Грех жаловаться. 30 Галиных работ маслом будем смотреть вечером, на темпера и графику не хватает ни места, ни сил, ни времени, их очень много. Ее «Обнаженные» участвовали в трех-четырёх выставках, какие-то работы были проданы. Опубликованы «Стеклышки».

Отчет получается общий для обоих. И жизнь в Утехе была общей. Поэма об этой жизни, «Закаты Утехи», осталась пока не опубликованной.

Со здоровьем были проблемы. У меня уже определенно можно говорить о стенокардии. Не хотел признавать, сдаваться,

но ничего не подделаешь, возраст, пока удалось справляться. У Гали хуже с глазами — но ведь работает! Будем надеяться.

Общий тонус этого года — тот же, что я стенографировал десять и больше лет назад: чувство счастья и благодарности за то, что это нам еще дано. Любовная восхищенность не только не угасает — как будто разгорается.

Беда: продолжают уходить близкие люди. Умерли Кнабе, Карякин Другие отношения, увы, все более угасают.

Обозначилась и возможность общественно-политических изменений, но об этом я уже писал. Продолжу в будущем году.

Приложение к Стенограмме

НОЧНОЕ, ДНЕВНОЕ

1.

Вспомнилось, как я слушал в Рахманиновском зале консерватории концерт «Nachtmusik», и в первом отделении подумал: такую музыку хорошо слушать перед сном, успокаивает. Но завершившая концерт «Просветленная ночь» («Verklärte Nacht»), струнный секстет Шёнберга, напомнила, что ночь — это еще и время страстей, разрастающихся, утихающих и снова нарастающих... не удавалось найти слова. Было чувство, что это как-то связано с моей работой — понять бы, как.

Я тогда писал повесть «Узел жизни». Дня через три-четыре ночью вдруг проснулся, высветилась внезапная мысль, за нее зацепилась другая, третья. Надо было доспать, но жалко было прерывать работу, именно работу — не открывая глаз, не поднимаясь к столу, я уже не сомневался, знал, что решение найдено, не забуду. Утром оставалось только записать на листках, начерно, а потом и сесть за компьютер, выстроить завершающий эпизод.

Там герои, женщина и мужчина, пробираются без дороги через ночной лес.

«Ночь, майская ночь — это не пора успокоения, дремоты, расслабленности. Это время, когда соки живой бегут по древесным жилам, по травяным стеблям, закипают, рвутся все выше, выше, чтобы уснувшие, непричастные к таинству на рассвете изумились, очнувшись, преображенному без них миру, зеленой кипени. Они, двое, сейчас причащались к священнодействию, были внутри него, проникались им. Счастливое беспокойство почек, готовых раскрыться, еще не понимающих этого, предчувствие, ожидание. Мы ничего не знаем, понима-

ние лишь предстоит, будет всегда предстоять, манить, мерещиться — только не объявлять его заранее невозможным, не отступаться».

Знакомая история: после долгих бесплодных усилий — неожиданные, мгновенные прозрения на грани сна. Состояние, близкое вдохновению, можно его назвать ночным, только не путать с бессонницей. Бессонница продолжает дневную, черновую работу мозга: перебираешь события, недоделанные дела, нерешенные проблемы, незаконченные разговоры, споры:

Доводы, как всегда, подспевают вдогонку.
Возвращаешься, переигрываешь с середины,
Убедительно, не оспоришь, —

так я об этом когда-то писал. Малоприятное, тягостное состояние, оно бывает болезненным.

В бездействии ночном живею горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток...;

Это Пушкин. Нет, речь сейчас не о том умственном поиске, который можно последовательно проследить, днем ли, ночью ли. Речь о вспышках, которые рождаются из неизвестных, непроглядных, темных глубин, об особой, неявной работе мысли или души — которая вообще-то не зависит от времени суток, ночной ее назвать можно только условно. Вновь и вновь хочется здесь что-то прояснить, додумать, осмыслить.

2

В самом заглавии знаменитого стихотворения Ф. Тютчева «День и ночь», в первых же его строках декларируется противопоставление. День — спасительный «златотканый» покров, брошенный богами «на мир таинственный духов», над «безымянной бездной», он — «души болящей исцеленье». Ночь срывает с мира «ткань благодатного покрова»:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна

Страшен хаос — эту тему двадцатый век стал осмысливать заново. М. Гаспаров пишет о «Грифельной оде» О. Мандельштама:

«Ночь — творческое время, ночью активизируется та творческая память о человеческом прошлом, которая борется с рекой забвенья. Но с другой стороны, ночь — воплощение первозданного хаоса, носитель прапамяти о вселенском прошлом, для которого человеческое прошлое — ничто».

Вчитываюсь в Мандельштама.

Как мертвый шершень возле сот,
День пестрый выметен с позором.
И ночь-коршунница несет
Горящий мел и грифель кормит.
С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатленья,
И, как птенца, стряхнуть с руки
Уже прозрачные виденья.

Как это понимать? Дневные видения прозрачны (призрачны?), есть другое, скрытое, может быть, более глубокое — ночное знание. Сохранить память культуры — значит соединить рациональное и иррациональное, прозрения ночи с ясностью дня.

«*И я ловлю могучий стык / Видений дня, видений ночи*», так это сформулировано поэтом в первоначальной редакции «Оды». А в окончательной редакции —

Я слышу грифельные визги.
Ломаю ночь, горящий мел,
Для твердой записи мгновенной,
Меняю шум на пенья стрел,
Меняю строй на стрепет гневный.

Грифельная доска, знаки, оставленные на ней, «твердая запись» (все-таки дневная) — символы культуры, традиции, учительства и ученичества, это, допустим, понятно.

А стрепет — что это такое? Пришлось заглянуть в Даля. Стрепет — резкий шум или шорох со свистом, как от полета ночной птицы

То есть получается так: в одной фразе, через запятую: готовность менять неясный, еще не проявленный ночной шум «на пень стрел» — дневную нацеленность, точность, строй. Но тут же: *Меняю строй на стрепет гневный.*

Двuruшник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик, —

не побоялся определить себя поэт. (Стоит иметь в виду, что в лексике 1923 г., когда писалась «Грифельная ода», слово «двuruшник» звучало как политическое обвинение.) Призвание, служение художника: извлекать из таинственного ночного гула дневную четкость, ясность грифельной записи, искать способ совместить то и другое — ловить «могучий стык». Так возникает подлинное, глубокое искусство.

3

Неожиданную переключку я почти одновременно обнаружил в лекции, прочитанной на Украине Жоржем Нива. Разговор о проблемах перевода он начал с книги Маргерит Юрсенар «L'Oeuvre au poir». В русском издании название переведено как «Философский камень». «Но это-то как раз и непереводаемо, — замечает Нива, — потому что L'Oeuvre au poir — это, скорее, «черное деяние». Это из лексики алхимии. И нормальный французский читатель этого не поймет. Лишь прочтя книгу, он поймет, что алхимик Зенон... ищет какое-то понимание мира через хаос. Потому что черное деяние — это первый этап этого поиска, это разрушение видимого порядка, для того, чтобы иметь потом фундамент для создания нового порядка».

И вслед за этим — неожиданно для меня — профессор ссылается на «фантики» моего Милашевича: «Он писал, как Гераклит, фрагменты... Получаются вот такие кусочки: «Слово от боли» — это один фантик... Или: «гроздь пены», или: «Само-

вар владелец неевклидова пространства», и так далее. Мне кажется, что Марк Харитонов, — продолжает Нива, — тут ищет темноту. Он хочет написать темными словами, и вот нашел для их оправдания этот прием — фантики».

Я об этом такими словами не думал, про фрагменты Гераклита никогда не знал. Но, как и «Грифельная ода», эта нечаянная переключка побудила еще раз задуматься о проблематике «дня» и «ночи», хаоса и гармонии в человеческом сознании, в творчестве, в культуре.

Я с давних пор привык противопоставлять хаосу гармонию, видеть задачу искусства в преодолении хаоса. Между тем в двадцатом веке стало все отчетливей складываться новое понимание хаоса. «Хаос может быть конструктивен — он порождает новый порядок и не ведет к потере гармонии», — обнаружил Илья Пригожин. Надо лишь переосмыслить понятие.

С каждым годом приходится все больше осмысливать заново. Опровержимыми оказываются прежние, казалось, абсолютные истины, еще недавно соблазнявшие возможностью надежных умственных построений. Иллюзорность объединяющей идеи вытесняется догадками об иррациональных составляющих развития. (Современное искусство — тоже об этом.) Вместе с новым знанием разрастается наше незнание. Во многом еще предстоит разбираться.

Неопровержимой остается лишь музыка — и поэтические прозрения.

Пробуждение от бессонницы, движение без звуков, без стыков.
Растворяется плоский свет без теней, очевидная ясность.
Ум без защиты открыт излучениям бездны,
Бормотанию трав, шевеленью зародышей, пению соков.
Словно вспышка звезды, внезапно рождается слово.

СТИХИ И ПРОЗА

Один мой герой признается, что не может долго читать прозу. Многословная, недоделанная, непереваренная литература. Все можно выразить куда более сжато, емко. Он даже пытается проиллюстрировать свои слова собственными стихами —

поэт с репутацией несерьезного графомана. Сочинять их пришлось для него мне самому — слегка над собой, конечно, посмеиваясь.

И между тем чем дальше, тем все серьезней, все заинтересованней поглядываю в ту сторону — задумываюсь о поэзии.

Поэзию, как известно, отличают от прозы не рифмы, не количество строк или ритмическая организация. Поэзией может быть и проза. Определить ее особое качество непросто. Мандельштам говорил о невозможности пересказать подлинно поэтический текст. Набоков писал о поэзии как способе познать тайны иррационального при помощи рациональной речи. Мне, прозаику, всегда хотелось стремиться к этому.

«Чему научается прозаик у поэзии? — писал в своем эссе «Поэт и проза» Иосиф Бродский. — Зависимости удельного веса слова от контекста, сфокусированности мышления, опусканию само собой разумеющегося».

Я этому старался учиться. Просматривая иногда заметки, наброски разных лет, сделанные, по обыкновению, на небольших листках бумаги, я все отчетливей сознавал, что многое надо еще до конца додумать, то есть более концентрированно, емко — в конце концов, адекватно выразить, проявить, оформить впечатление, мысль, чувство. Не до конца додуманное, оказывается, значило: не до конца оформленное.

Как поначалу пробные, черновые строки могут стать однажды поэтическим текстом? Вряд ли кто объяснит. «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется»... — только и ответит поэт.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит», — когда читаешь такое, слова кажутся уже существовавшими неизвестно где — услышанными, проявленными, запечатленными:

«На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег»...

Каково было, однако, прочесть потом в комментарии, что это всего лишь «необработанный отрывок». Как необработан-

ный, как отрывок? В подтверждение приводился оставшийся в рукописи план продолжения:

«Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он *домой*.

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть».

Да, ничего не скажешь, тут перед нами проза. Написано, вероятно, в июне 1834 года, когда Пушкин пытался выйти в отставку и поселиться в деревне. И сказано вроде о том же. Уехать бы в деревню. Ну, пусть чуть более поэтично: «перенесу я мои пенаты в деревню». Начинаться, значит, могло и так, у самого Пушкина. А потом вдруг: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Как выразился бы Мандельштам: «И вдруг дуговая растяжка звучит в бормотаньях моих». Вспышка, порожденная накопленным напряжением. Вначале было все-таки бормотание, непростой, иной раз долгий труд; надо было перечеркивать слова, перемаривать черновики — сколько их у Пушкина! — шевелить беззвучно губами, откладывая перо, корить себя за праздность...

«Как ни ломают голову, определения поэзии нет и не будет, — признавала Н.Я.Мандельштам. — Нет также критериев, чтобы отличить подлинную поэзию от мнимой, суррогатной».

То же можно сказать и о прозе — о ее поэзии. Остается лишь изумление перед чудом, возникающим непостижимо. И постоянная попытка к нему приблизиться, с пером в руке что-то для себя проясняя, улавливая, укрупняя — чтобы на миг ощутить себя по-настоящему, полноценно живущим.

«ПРОТИВ ШЕРСТИ МИРА ПОЕМ»

Вдруг становятся прозрачными стихи, еще недавно загадочные.

Я по лесенке приставной
Лез на включенный сеновал.

Я всегда любил залезать на сеновал, не раз ночевал там; запах свежееубранного сена, который вскидывал туда на вилах,

мил моему сердцу. Но у Мандельштама сеновал «всклоченный», т.е. сено уже слежалось, пересохло, стебли трав покروшилились.

Я дышал звезд млечной трухой,
Колтуном пространства дышал.

Чувствуется, каким трудным, астматическим становилось здесь его дыхание. Сенная труха, колтун, «склока» перепутанных, «сухоруких» трав враждебны мировой гармонии — «удлинненным» звучаниям, «эолийскому строю».

Распряженный огромный воз
Поперек вселенной торчит
Сеновала древний хаос
Защекочет, заporошит.

Возом называли созвездие Большой Медведицы, оно и впрямь напоминает крестьянскую повозку. Но распряженный воз — это, возможно, еще и босховский «Воз сена», его тащат куда-то жуткие твари, из которого спешат урвать хотя бы клоч бешующиеся вокруг люди. На картине этот символ многозначен. Мандельштам чувствует жизненную необходимость сопротивляться хаосу, «строить лиру», «вернуться в родной звукоряд», где можно будет свободно дышать. Гармония не дается сама собой, требуется постоянное усилие: «Против шерсти мира поем» —

Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон
Распростились: одна — скрепясь,
А другая — в заушный сон.

В ПОИСКАХ ЯЗЫКА

Читая эту книгу, я не раз вспоминал разговор, возникший однажды при мне между Аркадием Стругацким и Мерабом Мамардашвили. А. Стругацкий — при своем уме и таланте относившийся к себе с удивительной строгостью — вдруг заговорил, как ему не хватает настоящей философской подготовки. Но чте-

ние специальной литературы мало что дает — слишком усложненный язык как бы не соприкасается с собственной мыслью. И Мераб с неожиданной заинтересованностью стал объяснять, что видимая сложность философии — от недостаточности общедоступного языка. Полноценно выразить нестандартную мысль без терминов бывает непросто; вот у поэтов есть прямые, образные средства, а философу приходится искать обходные пути...

Однако нет надобности пересказывать его теперь своими словами. Почти буквально то же можно встретить в «Лекциях о Прусте», прочитанных им несколько лет спустя, в 1982 году, в Тбилиси: «К сожалению, философия имеет свой технический язык, который годится скорей для общения между философами. В действительности же этот язык выражает вещи, которые мы все переживаем, но когда философы, как птички, беседуют друг с другом, то это уже птичий язык. И когда мы возвращаемся к тому, что в нем зашифровано, и начинаем переводить это на нормальный язык, то возникают трудности и приходится идти очень медленными кругами».

Я слушал несколько лекций Мамардашвили во ВГИКе, куда он приглашал и проводил нас с В. Лукиным. Они производили впечатление импровизации: никакого писаного текста, даже, кажется, плана. Было чувство мысли, рождающейся вот сейчас, в твоём присутствии. Впечатление, конечно, обманчивое — и не только потому, что нередко можно было узнать суждения, уже звучавшие в какой-нибудь застольной беседе. Мысль была давно выношена, в её развитии имелась своя логика, но неподготовленному слушателю, вроде меня, не так просто бывало уследить за многосложными изгибами её движения. Мамардашвили был философ в старинном смысле слова: он предпочитал мыслить вслух, а не писать. В текстах, собственноручно написанных им для печати, разумеется, больше четкости — но, может, что-то существенное приходилось при этом отсекасть?

«Я не уверен, конечно, что мы что-нибудь понимаем в предмете, — повторяет он слушателям, — и поэтому мне, чтобы и самому понять и вам было понятно, приходится ходить кругами, с разных сторон заходя к одной и той же теме, к одной и той же проблеме. Музыканту это удалось бы, видимо, лучше. Если бы у меня был музыкальный слух, то вариацию тем я исполнил бы лучше».

Можно лишь поблагодарить издателей книги «Лекции о Прусте», расшифровавших магнитофонные записи тбилисских лекций с максимальной бережностью к авторской интонации, к самому этому способу мышления. Есть возможность вчитываться, возвращаться к предыдущей странице, обнаруживая не замеченные на слух переключки. Одному своему герою, мучившемуся невозможностью четко выразить многослойную мысль, я как-то приписал желание воспроизводить в тексте зачеркнутое слово наряду с найденным вместо него: какая-то частица истины есть и в том, и в другом. И вот у М. Мамардашвили читаю: «Текст должен быть как палимпсест, быть рукописью, на которую нанесено одновременно много слоев, и их нужно различать, потому что в каждом слое всегда есть какой-то оттенок слова, мысли, который связан со всеми другими слоями, — такой слоеный пирог, который мы должны вкушать одним куском».

(Между прочим, замечательный эксперимент на схожую тему продемонстрировал А. Битов, воспроизведя подряд и зачеркнутые, и найденные взамен строки одного стихотворения Пушкина: получился впечатляющий текст.)

Не странно ли: поиск философского языка переключается для меня, писателя, с проблемами поиска литературного? Нет, и не только потому, что лекции М. Мамардашвили посвящены писателю Прусту. Образы и метафоры, повторяет не раз он, помогают понять философскую мысль лучше, чем «определения и понятия». Недаром проводником Данте по Аду был поэт Вергилий. «То есть проводником является идея артистического труда как необходимого элемента нашей способности вообще что-либо понять и увидеть. Элемент артистического труда рассматривается здесь как элемент нашей жизни, как элемент воспроизводства нами себя как живых».

На этом стоит задержаться особо. Речь идет не просто лишь о профессиональных усилиях философа или «артистического» художника. Воспроизвести себя как живых — «припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо»: не то же ли самое, только другими словами, стремился выразить Пастернак? И не к этому ли пробивается, по сути, каждый из нас? Только вот дается это в обыденной жизни лишь проблесками, в момент подлинно духовного, по сути, творческого напряжения, когда не просто открываешь для себя что-то в мире, но воссоздаешь, рождаешь в

самом себе заново. «Ибо... нет готового, заданного мира, он воспроизводится и длится именно потому, что воссоздается каждый раз в каждой точке».

Мир, не воспринятый, не пережитый, не преображенный усилием собственной души, — еще не вполне подлинный, не вполне живой мир. «То есть природа, как мы ее видим, не есть природа, — настаивает М. Мамардашвили, — а природа, как она есть, — это та, которая увидена поэтически. Поэзия не добавка к природе; поэтически увидеть — значит увидеть так, как есть на самом деле. Или увидеть философски. Здесь термины “философия” и “поэзия” совпадают».

Не так это все-таки, выходит, для нас недоступно... «В какие-то моменты мы все философствуем, — подтверждает М. Мамардашвили, — знаем мы об этом или не знаем, применяем для этого специальные понятия или не применяем». Только философ он, надо признать, все-таки необыкновенный. И размышляя о Марселе Прусте, вновь и вновь призывает читателя видеть перед собой «не задачу усвоения литературного текста, а задачу собственной жизни».

Потому что чтение книги в его понимании — это не просто «занятия рядом с жизнью, но психологические события самой души». Читать книгу, говорит он, значит, по сути, «читать в себе». С удовольствием повторяет философ слова Паскаля: «Не в писаниях Монтеня, а во мне содержится все, что я в них вычитываю». Вычитываю — то есть отнюдь не привношу от себя, нет, но открываю, вспоминаю, воссоздаю в себе то, что внутренне во мне уже созрело. Иначе я бы этого попросту не воспринял.

Сколько раз при чтении этой книги возникало у меня знакомое многим, наверное, чувство: что-то подобное мне вроде бы уже самому приходило на ум — или, может, мерещилось, я только пытался выразить это иначе. Разумеется, чувство это требует оговорки. Ведь М. Мамардашвили идет дальше:

«Пруст говорит... что можно открывать великие истины или великие красоты не только в “Мыслях” Паскаля, но и в рекламе туалетного мыла». Ничего себе! Мне вспоминается, с каким искренним интересом этот высокоумный философ (держа притом, впрочем, рюмку в руке) слушал магнитофонные записи подпольных тогда музыкальных ансамблей. Что они могли для него значить? Что он из них извлекал? Мамардашвили знает,

естественно, о «нашей культурной иерархии и классификациях», но продолжает: «Пруст же говорит, что “Мысли” Паскаля мало для нас значат, если, читая их, мы не встречаемся с поднявшимися из глубин этой книги нашим же собственным предшествующим переживанием».

Все дело в уровне этой встречи, во внутренней готовности (которая дается ценой усилий), в интенсивности собственного «воссоздающего» переживания. И не в последнюю очередь в способности выразить его. Вот тут и возвращаешься все к той же проблеме — к проблеме «воссоздающего» языка.

«Мы находимся в такой области, — говорит М. Мамардашвили, — которая максимально трудна именно потому, что слова обо всем уже есть и они мешают. Хотя пользоваться можно только ими, других слов у нас нет, мы не можем изобретать язык. И в то же время мы говорим о вещах, которые самим употреблением этих слов искажаются и скрываются. Будто слово, наклеенное на вещь, сразу эту вещь от нас закрывает... Мне все время приходится бороться с готовыми значениями языка, поэтому вы должны простить меня за такое крутящееся изложение».

Как это знакомо — и не только пишущим! Готовые слова, мысли, «суждения-формулы», готовые оценки, реакции, стандартные, штампованные, механистические элементы в разных областях повседневной жизни позволяют проходить через нее, как бы не замечая, автоматически — в понимании Мамардашвили, умерщвляют ее. Задача подлинного художника — не просто обновить звучание слов. «Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо...» Философ, как мы видим, пробивается к тому же:

«Мы оживляем мертвые слова, мы оживляем мертвые жесты, мертвые конвенции... Мы ищем жизнь. И себя как живущего. Ибо ощущать себя живым совсем не просто». Вот почему произведения искусства значат для него особенно много. Они являются «органами жизни, которые производят нас в качестве людей».

Примечательный, однако, парадокс: художественное совершенство произведения иногда мешает подлинному углублению в текст: слишком легко, слишком быстро он читается, тянет скользить по поверхности. В емком художественном образе

как бы сконцентрирован, свернут опыт жизни, многоплановый смысл — но мы, очарованные, на бегу, не удосуживаемся его развернуть. «Ибо текст красив, — говорит М. Мамардашвили, — слова в нем цепляются одно за другое, и такие вещи могут не остановить нашего внимания. А внимание работает только тогда, когда оно остановлено. То есть когда что-то “утруднено”».

Я думал о чем-то близком, читая А. Платонова. Вот кого вряд ли прочтешь бегло. Как непривычно соединены слова, каким «неправильным» должен был казаться любому редактору его слог — но сколько обретаешь при таком поневоле замедленном чтении! Здесь применимы, наверное, слова, сказанные по другому поводу Н.Я. Мандельштам: «Мысль — сырая, необработанная, с еще не стершимися углами. Не в таком ли смысле говорил О.М. о сырьевой природе поэзии, о том, что она — несравненно большее сырье, чем даже живая разговорная речь».

Цитируя в своих лекциях Марселя Пруста, М. Мамардашвили пользуется не известными художественными переводами — он переводит тексты сам. И сам же называет свои подстрочники ужасными. По-французски это, конечно же, не могло звучать так коряво, переусложненно, да еще с вариантами и длинными комментариями в скобках. И нормальный перевод, естественно, должен был соответствовать стилю оригинала, иначе его просто невозможно стало бы читать. Но кто из читавших этого блистательного стилиста по-французски или по-русски проникал в такие же глубины, которые теперь открывает и растолковывает для нас на своем непростом, поневоле многословном языке этот удивительный философ? «Моя задача состоит не столько в том, чтобы пояснять текст Пруста, сколько в том, чтобы его утруднять. Иначе говоря, чтобы морочить вам голову...»

Так и видишь при этих словах знакомую, едва заметную усмешку Мераба.

Я читал эту книгу не один месяц — и зачем было быстрее? Она полна открытий, которые мне еще надо осмыслить. Вот напоследок хотя бы еще пример: поразительное толкование Гамлета: «Все интерпретации, которые мне встречались, — говорит М. Мамардашвили, — литературно-психологические: одни доказывают, что он был нерешительным, другие наоборот, и гамлетовская драма выступает как драма психологических свойств

человека. А в действительности проблема Гамлета... — проблема жизни мира со мной, с моим участием. И вот, живой человек попал в готовый мир. Представьте себе, что есть цепочка, в которой для меня оставлено пустое место, и я должен его заполнить. В данном случае это цепочка кровной мести. Уже все задано — кто такой Гамлет и что он должен сделать. Убили отца, мать изменила, ясно, что надо делать. Но Гамлет, слава Богу, поэт и мистик, он хочет, чтобы его действие не было заполнением заранее заданной ячейки. Гамлет — живой, и если он что-то делает, то хочет, чтобы началом этого действия был он сам. Он может сделать то же самое, но сделает как свое».

Об этом ведь, по сути, вся книга — о необходимости преодолевать на каждом шагу все заданное, заранее готовое, общепринятое, умертвляющее жизнь.

«По сути дела, всякий великий человек, всякое прекрасное произведение нам возвращает веру в жизнь и мысль, а посредственное произведение оставляет нас без всякой надежды», — цитирует М. Мамардашвили Марселя Пруста. «Или посредственный человек, — добавляет он. — Конечно, не в смысле иерархии талантов, — я имею в виду красоту усилия».

Как прекрасно это усилие поистине живого человека — и как много пробуждает оно в нас самих!

2012

2.1.12. Встал в 6, наконец-то хорошо поработал. Сбегал на лыжах, 6 км, не так быстро, как прежде. Солнце, кружевной лес, прекрасное скольжение

12.1.12. Пишу на обороте листов с распечаткой «Стенографии», не удерживаюсь, начинаю читать. Я уже не раз замечал, что это чтение действует (на меня) успокаивающе, умиротворяющее, смягчает сомнения, комплексы.

Все еще мешают, отвлекают мысли о политике, чтение новостей, блогов. Многим кажется, что общественное настроение прояснилось. До этого, думаю, еще далеко, но что-то уточняется. Для меня было неожиданно узнать, что список выступавших на последнем митинге (проспект Сахарова) определялся голосованием в сети. Об этом написал один уважаемый ученый, которому в списке места не нашлось; преобладали разные «медийные персоны». Повторяющаяся ограниченная обойма, вплоть до Ксении Собчак, светской дивы. (Имен, звучавших 20 лет назад, сейчас не вспомнить.) Толкуют о переговорах (кого с кем?), о списке требований... Важней всего нарастающее сознание нелегитимности существующей власти, которое делает проблемным ее существование. Психологический фактор, психологическое состояние общества больше способствует смене режима, чем экономические проблемы, (как я по-марксистски привык думать.)

21.1.12. 75-летие Кима в каком-то НИИ с громадным залом, переделанным под ресторан. На этот раз, как я понял, торжество оплатил хозяин заведения, ценитель Кима. Было роскошное угощение, почти целиком оставшееся на столах. Обошлось без речей. Юлик был блистателен, выступали разные барды, им подпевали, но лучше всех был ансамбль детей: Туся, трое ее детей, Марат и его сын. При множестве незнакомых людей была дружеская атмосфера, доброе общение. Разговоры не перескажешь, только некоторые эпизоды. Я подошел к Сергею Ковале-

ву (он сидел за отдаленным столом, с Лукиным, в одиночестве, когда тот отходил к нашей компании), спросил, почему его последнее время, в разгар общественной активности, не видно и не слышно ни на сайтах, ни на радио. «А кому я нужен? — неожиданно оживился он. — На «Эхе Москвы» говорят: что за чушь несет этот старый дурак, на «Свободе» не так резко, но тоже... Сиж у своего компьютера». И стал говорить о разброде в так называемой оппозиции, каждый говорит свое, друг с другом ругаются, не могут выработать общую позицию, объяснить людям, что нужно делать. Вспомнил про польскую «Солидарность»: у нас это невозможно. Пересказываю не дословно, опускаю свои наводящие вопросы. Я сказал: «Но вы знаете, что нужно, можете это сказать, почему не говорите? Я писатель, человек не публичный, могу сидеть у компьютера, писать для себя. Но вы всегда были человеком общественным»... Тут разговор очередной раз прервался, стал петь семейный ансамбль Кимов...

30.1.12. Мороз, ночью —20°, а снега мало. Работаю плохо. В самочувствии ли дело, в возрасте? Включаю компьютер — отвлекают политические блоги. Вспомнился 96-й год, «коробки с ксероксом», я все воспринимал только с экрана ТВ, ничего не понимал. Сейчас такие манипуляции не прошли бы так просто: наблюдают, обмениваются информацией, мнениями тысячи, миллионы: интернет, с картинками, документами.

7.2.12. Все чувствительней сдвиг в общественном настроении. Нет сомнения, что президентом через месяц станет Путин, только радости ему это не принесет. К нему относятся все насмешливей. Власть утрачивает свою сакральность, ее не считают легитимной.

В интернете обсуждали отправку «агитпоезда» по транссибирской магистрали с участием «звезд протестного движения». Идея, наверное, хороша, но слова «звезды протестного движения» заставили меня покачать головой. Кто это? Журналисты, публицисты, считанные литераторы. Подумал о политических звездах 20-летней давности: большинство фамилий уже не вспомнишь.

К чему я все это размазываю? К тому, чтобы подтвердить: нужно заниматься своим делом, ничего не ждать, не надеяться, радоваться тому, что дано. Сегодня продвинул немного работу, прогулялся по морозу.

20.2.12. Вчера до полуночи смотрели «Амадея» Формана. Я единственный раз видел его в Праге, по-английски, с чешскими субтитрами, все понимал. Тогда это было событие: эмигрант Форман в Праге! Фильм очень хороший, прекрасные артисты, но, сопоставляя с «Маленькими трагедиями» Пушкина, сознаешь, что это не гениально.

Умер Асар Эппель, на 78-м году. Он сделал для меня много доброго, прекрасный писатель и человек. Мир праху его!

21.2.12. Вышла книга «Увидеть больше», тираж уже в издательстве. Ее хотят выдвинуть на «Большую премию», меня попросили подписаться, что я согласен. Завтра поеду сделать это. И экземпляры надеюсь получить. Ура!

Вышел «Балтийский альманах» с моей статейкой о Самойлове, спросили адрес, чтобы прислать. Я в ответ упомянул свои новые книги, предложил послать электронные верстки. Попросили прислать, что я тут же и сделал.

Приезжали две дамы смотреть Галины работы, хотят предложить ей выставку в ЦДХ вместе с Силисом. Были в восторге, заговорили не просто о выставке, но о «бизнес-проекте» с презентациями, продажами и т.п.

25.2.12. Больничный анекдот. Больной сестре: «Может, все таки попробуем в реанимацию?» — «Больной, не занимайтесь самолечением. Врач сказал в морг, значит в морг».

26.2.12. Вчера поздно вечером позвонила галеристка Люда, она была у Силиса, он согласился на выставку, предложил для нее замечательное название: «Город ню». Очень хвалил Галю. Галя загорелась. Выпили за это.

4.3.12. Пришло долгожданное письмо от Хазанова, первое почти за год. Эссе «Эпилог» с посвящением мне и Гале. Семь страниц, отстуканных одним пальцем. Грустно. Несправедливый итог собственного творчества, всей прожитой жизни. (*«Обозревая до неприличия многое, написанное и опубликованное за полвека, чувствуешь себя как в чулане с рухлядью. Я понимаю, что как литератор я безнадежно устарел»... «Старая рухлядь» и т.п.*) Я тут же ему ответил. Стоит, думаю, кое-что процитировать.

«Приходится сразу опровергнуть твои разговоры о «старой рухляди», о том, что ты никому не нужен и т.п. Достаточно вспомнить, сколько высоких слов о тебе было написано, сколько

ты наполчал премий и т.п. Меланхолия, недовольство собой, разного рода разочарования, усугубленные возрастом, самочувствием, обстоятельствами жизни — все это понятно, естественно, только окончательные оценки себе, своей жизни и творчеству, выставляет все же не сам автор, и не при жизни. Никому не дано осуществить все, что хотелось, и так, как хотелось — главное, если написанного и сделанного тобой ты сам можешь не стыдиться, остальное — дело потомков.

Я не раз писал тебе, что можно вносить поправку в меланхолические суждения о себе, о своей жизни, противопоставляя им мироощущение, которое можно назвать религиозным, вне конфессий. «На стекла вечности уже легло мое дыханье и мое тепло» — Манделштам. «За радость тихую дышать и жить / Кого, скажите, мне благодарить?» Не буду, однако, повторяться. Пережитого не отменить и не опровергнуть, но имеет смысл напоминать себе и о возможности другого взгляда на мир. Перечитай свой текст с этой точки зрения, уточни акценты».

По какому-то совпадению позвонил Янович, он готовит к изданию сборник писем Хазанова, почему-то никак не может с ним связаться. Говорил о Геннадии Моисеевиче очень высокие слова.

8.3.12. Вчера пробежал на лыжах 7 км. Солнечный белый лес, сияющий снег, густо-фиолетовое мартовское небо. Но ощутил, что в моем нынешнем состоянии два дня подряд по 7 км. — многовато. Положительные эмоции принесли два звонка. Г. Ф. в больнице (в реанимации) читает (перечитывает) мою «Стенографию начала века», говорила, как благотворно это чтение на нее действует, хочется читать и читать. А сегодня Коля Силис с восторгом говорил Гале о «Стенографии конца века», которую стал перечитывать после «Стенографии начала века». «Я будто заново проживаю собственную жизнь, там столько мне знакомого! Марк такой молодец!» Как не радоваться, что именно стенография вызывает теперь уже у разных читателей благодарные чувства: она, видно, и впрямь действует благотворно. Я и сам люблю иногда перечитывать, глазами разных читателей.

11.3.12. Читая вчера статью о современной эстонской прозе, думал: а что такое сейчас современная эстонская литература, эстонская культура, может ли в ней быть что-нибудь значитель-

ное — при населении немногим больше миллиона, в основном крестьянском, с несамостоятельной историей? С этой мыслью я когда-то писал о своей провинции: может ли вне великой истории, вне великой культуры, из одной частной жизни — где есть все же, как у всех великих, жизнь и смерть, любовь, природа, мироздание, в конце концов, мировая литература, мировая философия, Библия, религия — может ли на этой почве возникнуть непредсказуемый гений? Теперь думать приходится не о крохотной Эстонии, а о великой до сих пор, хотя бы размерами, России. Происходящее не обнадеживает.

Разочарованным публицистам, присяжным говорунам меньше всего стоило бы сейчас заполнять эфир и страницы рассуждениями о несбывшихся надеждах, о бесполезности протестов, митингов, голосований. Это не просто констатирует факты — это воздействует на ситуацию, формирует настроения. Если тебя ситуация не радует, если сознаешь, что надо что-то делать, но не знаешь, что — лучше промолчать. Решай для себя, говори про себя: да, у меня нет сил что-то изменить, я не знаю, как — но не сей уныния, не уверяй ищущих, способных на что-то, что пытаться бесполезно. Нельзя мириться с происходящим, надо что-то менять.

13.3.12 Что бы я был бы рад о себе сказать — что напечатанного могу не стыдиться. Хотя многое со временем неизбежно стареет, гаснет. Я подумал об этом, перечитывая на днях прекрасного Эшпеля: как он поэтичен, точен, глубок в описании быта 40–50–60-х годов, как помнит вещи, словечки, песенки, как умеет передать атмосферу — но воспринимают ли это люди, сами не жившие, как я, в это время, не способные сравнить с собственными ощущениями? Многие у меня требуют теперь пояснений, увы.

Позвонил Померанцу поздравить с днем рождения, говорил с Зиной, Гриша вышел погулять — в 94 года! Начала с рассказа о бедах: сгорела дача (это я уже знал), умер сын близких знакомых («почти наш сын»). Молодой? — спросил я. — Какой молодой, 63 года! У Гриши снова дала себя знать меланхолия. Но при этом грех жаловаться: на ТВ с ними снят 4-серийный фильм «Достоевский и современность», во «Времени» начинают издание их совместного собрания сочинений, первым томом будут стихи Зины, какой-то спонсор оплатил издание еще двух

книг («Гадкий утенок» и «Мировые религии»), обещали оставить для меня экземпляры. «Не думайте, что мы о вас забыли, мы постоянно вас вспоминаем».

17.3.12. В «Новой газете» статья неизвестного мне до сих пор И. Яковенко («культуролог, историк, политолог») «Что делать». Неожиданная переключка с главой, над которой я как раз в это время работал. «Необходима сознательная стратегия разделения общества на людей вчерашних и сегодняшних. Вчерашним создают комфортную социально-культурную среду и условия пристойного доживания. Сегодняшним — пространство адекватного саморазвития, дистанцированного от исчерпавшего себя исторического качества». Не говоря о том, что приходилось оглядываться на себя — много и других переключек, требовавших что-то еще продумать, переосмыслить. (Россия может исчезнуть как культурная страна и т.п.) По поводу каждого утверждения стали возникать оговорки, вопросы, над некоторыми местами своего текста придется еще посидеть. Работа сверх ожиданий разрастается — не в первый раз.

19.3.12. Вечер памяти Вацлава Гавела в ТЮЗе. Режиссура, прекрасно выстроенная Гетой Яновской, замечательные музыкальные номера (ансамбли Покровского, Айги). Встретился с Лубошем Добровски (он выступал), с Яном Махониным, потом в режиссерской комнате познакомился с Д. Дондуреем (он подарил мне номер «Искусства кино»). Хржановский, услышав мою фамилию, откликнулся: «А я вас читал, вы болели за московское “Динамо”» (читал, видно, «Родившийся в 37-м»). Пообщался с Пастернаком из «Времени». Всем попутно рассказывал, как впервые увидел Добровского с балкона Милуши [Задражиловой]¹, он мыл витрину магазина напротив. Расспросил его о Милуше: она плоха психически, Ладя, как я понял, тоже. Иру Прохорову встретили аплодисментами. Она среди прочего говорила о Гавеле как образце политика-интеллекта, в противовес «мачо из подворотни». Потом нам с Галей сказала: мы не думали, что опять вернемся к диссидентским временам. Смахов прочел замечательный текст Гавела (один из последних),

¹ Чешская переводчица и литературовед, специалист по русской литературе, она перевела и способствовала изданию по-чешски моих работ, возила меня по Чехии, когда я гостил у нее. Ладя (Ладислав) Задражил — ее муж, Ян Махонин учился у нее. Подробно о ней в «Стенографии конца века».

где тот предупреждал от заблуждения: в нынешней России нет настоящей демократии, есть элементы демократии, переплетенные с весьма опасными тенденциями. (Пересказываю неточно, текст известный.) Я первый начал аплодировать и поддерживал длительные аплодисменты, пока это было возможно. В брошюрке с текстами Гавела было его замечательные эссе о Горбачеве 1987 г. — за год до этого меня хотели познакомить с ним, побоялись.

20.3.12. Добровски предложил сегодня в 12 встретиться в Чешском доме. Я подарил ему две «Стенографии», показал запись 86 г. о том, как я впервые увидел его в Праге. Галя подарила ему свой альбом и открытку из цикла «Amores», другую, с письмецом, попросила передать Милуше. Он обещал.

Был еще бывший журналист «Известий» Леонид Шинкарев, он был когда-то знаком с Ганзелкой и Зигмундом, написал о них книгу...

Добровски попросил нас прокомментировать политическую ситуацию в России. (Десять с лишним лет назад, когда он был в Москве послом, я пробовал заговорить с ним о политике, он сказал, что дипломату это не положено.) Что такое нынешняя оппозиция, просматриваются ли лидеры и т.п. Сам попутно высказывался по этому поводу... Я потом сказал, что, может быть, самое существенное — психологический фактор, оскорбленное чувство собственного достоинства. Даже те, кто в разных формах поддерживали Путина, нередко вынужденно, чувствовали себя униженными. Разрастается отчуждение от власти, кристаллизуется атмосфера неприятия. Во что это выльется, сказать заранее трудно, но эти настроения будут сгущаться. Добавил кое-что об отсутствии лидеров и т.п. Для Добровского, кажется, такой подход оказался неожиданным, он оживился, стал говорить, что и Гавел был не совсем политиком, он пробуждал в людях именно чувство достоинства, личного, гражданского. Его удивило, что в России к Гавелу относятся лучше, чем в Чехии. Там его помнят скорей формально, считают, что он не сделал для страны того, что от него ожидали, на что надеялись. И неожиданно заговорил о том, как плохи дела в Чехии, в чем-то хуже, чем в России. Коррупция в политических кругах, партии враждуют одна с другой, он ни за одну голосовать бы не стал и лично никого бы не отметил. «Вы льете нам бальзам на

души, — сказал я. — Оказывается, у нас еще не хуже, чем у всех». Он потом долго, подробно рассказывал о разных политиках, этого я не воспринимал.

Печальная новость: умер Станислав Рассадин. (Я знал, что ему отрезали одну ногу, приняли за другую.)

21.3.12. В статье на смерть Рассадина рассказывали о женщине, которая самоотверженно ухаживала за ним во время болезни. (Жена умерла раньше.) Гавел в позавчерашнем фильме комментировал свою вторую женитьбу после смерти любимой жены: он говорил ей, умирающей, что больше не женится, останется один, она уговаривала его жениться: ты один не сможешь. Второй его женой стала женщина, которая ухаживала за ним во время болезни. Я знаю несколько таких историй. Женщины, овдовев, чаще остаются одни.

Перед встречей с Добровски я взял почитать распечатку своей Стенографии 80-х годов: Господи, насколько это богаче книжной выборки! Жизнь была разнообразней, богаче, подробней.

7.4.12. ...К 4 часам поехали в музей Герцена, который начинает принимать гостей после долгого ремонта. В честь 200-летия Герцена приехали его потомки со всего мира, несколько десятков (не знаю, за чей счет.) Многочисленные выступления переводились на французский и английский языки и с этих языков на русский. Пришлось сидеть 4 часа, ругая себя за потраченное бессмысленно время. Даже на устроенный швейцарским посольством богатый фуршет остаться не смогли: надо было спешить на седер в МЕОЦ, где нас ждало еще угощение.

Но там пришлось еще два часа слушать проповедь раввина Боруха Горина на двух языках... Банкетный зал был не полон, едва ли не четверть мест пустовала, люди вокруг (среди них неожиданно много молодых) откровенно скучали, дети визжали, бегали, ползали под столами. Желанное угощение стали подавать почти в 11, мы поели только холодную рыбу, больше не захотелось, вернулись домой в час ночи...

На седер мне предложил придти Мамедов, чтобы передать там номер «Лехаима» с моими стихами и гонорар. А еще надо было подарить роман Боруху Горину, который перевел для него несколько слов на иврит...

В журнале материалы памяти Эппеля. Кабаков считает его «совершенно недооцененным». Достойной критики у него не было, премиями он не был избалован. «Вообще Асар очень ревниво относился к критике и разного рода литературным наградам. Скажу честно..., он тяжело переживал эту свою недооцененность».

(Только что я вводил в компьютер запись от 7.2.12: «Я приучил себя не допускать уныния...» Можно прямо скопировать сегодня. И завершение этой записи: «Ничего не надо ждать, не надеяться, радоваться тому, что дано»)..

Добавлю попутные подробности. Перед входом в МЕОЦ стояли охранники с автоматами, но встречали с подчеркнутой вежливостью, показывали, в какую дверь входить. На втором этаже, куда я поднялся, чтобы получить кипу (свою забыл), множество хасидов в черных шляпах и кафтанах особого покроя, разного возраста, были совсем юные. Некоторые стояли с молитвенниками лицом к стене, молились, покачиваясь, как в каком-нибудь Иерусалиме.

Из проповеди Боруха. Кто-то (имя забыл), увидев Ниагарский водопад, сказал: разве это чудо, вода падает сверху вниз? Если бы она падала снизу вверх — вот это было бы чудо. Глупец, он не понимал, что именно все это чудо: вода, земля, водопад... Близкое мне понимание, я бы тоже так сказал.

И еще один анекдот: человек не мог на Манхэттене припарковать машину (вы же знаете, что такое Манхэттен, как невозможно там припарковаться). А человеку нельзя было опаздывать на какую-то встречу, деловое совещание, от этого зависела его карьера. И он взмолился Господу: сделай чудо! Только он это сказал, выехала из парковки машина, освободила место. Не беспокойся, Господи, сказал человек, место и так освободилось.

Я люблю такие анекдоты, вставленные в проповедь. Но Горин после каждого пускался в бесконечные толкования, я при своем слухе их плохо воспринимал...

15.4.12. Вчера Кама Гинкас нас пригласил на своих «Шекспировых шутов». Наш мир театр, все в нем — шекспировские персонажи, Ромео и Джульетта, Гамлет, король Лир, Макбет — могут оказаться шутами, комическими или трагическими. Изобретательный, яркий, блистательный спектакль, не знаю, что

тут можно сказать. Я и не мог сказать ничего, когда после спектакля зашли, как всегда, в режиссерскую комнату, где посидели с другими за столом, послушали разные дифирамбы. Галя была восхищена. Я на беду к концу вечера стал совсем плохо слышать (а вообще Кама обеспечил нам замечательные места в середине третьего ряда.)

Перед спектаклем я перечел «Короля Лира» в пастернаковском переводе — это несравненная литература. Именно литература. Я мысленно представлял себе, как достойные этого уровня артисты могли бы сыграть разные роли — не осовременивая, строго следуя тексту. Но есть ли сейчас такие актеры? На сцене были не те. Кто-то, обсуждая спектакль, сделал ему комплимент: вот сжатая квинтэссенция всего Шекспира, зачем ему было столько слов? Помолчу. Мне с некоторых пор стало мало что нравиться. Перечитываю — все не совсем то. Но вот «Король Лир» несомненен до каждой строки.

Раньше мы бывали рады остаться с Камой и Гетой после всех, поговорить. Но вчера мы слишком устали. Я сказал Каме, что колебался, захватить ли с собой мою новую книгу, где есть и о нем, и о его спектаклях. Он сам говорил, что в рабочую пору не может читать ничего постороннего. Пусть скажет сам, когда сможет. Может быть, летом, ответил он без особого энтузиазма. Я вдруг подумал, что наши разговоры после разных спектаклей бывали односторонними, я с искренним удовольствием слушал Каму и Гету, раз-другой что-то вставлял, их это не особенно интересовало. Что я пишу, что рисует Галя, чем мы живем. Только с недавних пор Гета стала обсуждать с Галей беды с глазами, общие у обеих. Вчера она интересно начала говорить о поколенческой разнице, ей (как и Каме) приходится иметь дело с молодыми артистами. Ее не стали слушать. Я перед уходом подошел к ней, сказал, что мне сейчас интересно было бы с ней об этом поговорить (действительно, интересно.) Боюсь, что это уже не получится.

16.4.12. Вчера вечером поставили Баха, «Страсти по Матфею», посидели за вином. Кончилась и православная Пасха.

19.4.12. «Город Нью», вернисаж в ЦДХ, Силис и Эдельман. Множество людей, атмосфера праздничная, пела Катя Силис и ее друзья. В маленьком зале скульптуры Силиса смотрелись даже эффектней, чем на прошлой его выставке в большом зале. Я

сказал ему об этом, он согласился. Очень доволен. Две женщины, Лариса и Люда, проделали громадную работу, не только перевезли его скульптуры (наш Арсений потом помогал им перетаскивать тяжести), но почистили их, прекрасно выставили. Галя рядом с ним по-настоящему не была представлена. Три портрета Силиса, «Площадь Нью» («Hommage à Silis») и несколько городских пейзажей на стенах, всего 14 работ. Больше представляли ее «Amoges» и графика в папках, но их на вернисаже смотрели немногие, обстановка, теснота не позволяла. Настоящая работа с клиентами, покупателями начинается после вернисажа, но обольщаться не приходится.

Вообще громадное здание ЦДХ вызывает ощущение пустоты: безлюдные обширные залы. Никто сюда не приходит знакомиться с современным искусством, приходят только на вернисажи. (И смотреть, увы, почти нечего.)

Радостью было увидеть всех троих детей, были Арсений, Лиза, братья... Было продано несколько наших книг... Мы выходили из ЦДХ вместе с Норштейном, я предложил ему свою «Стенографию», надписал «с восхищением» (искренним), Галя тоже, как всегда, подписала. Там в тексте упоминается его имя, возможно, заглянет, заинтересуется.

20.4.12. Прогулка по лесу разбудила невеселые мысли. На огромной территории все больше становится упавших гнилых стволов, их совсем не убирают, вместо этого поставили вдоль дорожек на бетонных, уложенных плиткой постаментах ярко раскрашенные металлические урны, по четыре в ряд: «Для бумаги», «Для стекла», «Для пластмассы», «Для металла». И на металлических штангах таблички, запрещающие собирать ягоды и грибы, которых после бурелома конца прошлого века практически не осталось. Бессмысленные сооружения раздражают глаз, на них потрачены огромные деньги (наполовину, конечно, разворованные), вместо того, чтобы убрать бурелом, привести лес в порядок. Не говорю о свалках мусора по всему лесу (зелень скоро его лишь прикроет.) Можно считать это символом состояния страны. На дорогах наскоро залатываются выбоины — ненадолго, прошлогодняя плитка на тротуарах разрушается, после дождей лужи. Фотографии провинциального запустения удручают. И фальшь, ложь, насилие, коррупция, дороговизна лечения, да тут еще церковное разложение... не хочу

повторять общеизвестного. Почему все это терпят, никто об этом не скажет? — думал я, как всегда обращая вопрос к себе. Надо бы выложить эту запись в интернет вместе с фотографиями. Есть в чем себя упрекнуть, и фотоаппарата у меня нет, и выходить в интернет не научился, опять получается для себя.

21.4.12. Неожиданная новость: Хазанов договорился с издателем Савкиным («Алетейя») выпустить нашу переписку в двух томах, по 24 п.л. в каждом. Мой первый вопрос был: кто это оплачивает? — Я, ответил Гена. Работа, конечно, на мне: составить, вычитать, снабдить необходимыми комментариями. Если сделать это за два месяца, оба тома могут издать к сентябрю (как раз к моему юбилею)

Прогулялся по лесу, попил березовый сок, символически, для меня это многолетний знаковый ритуал.

22.4.12. Вычитывал, сокращал, уточнял переписку с Хазановым. Прогулялся с Галей по лесу. На поляне под высоковольткой группы молодых людей устроили кулачные бои. «Стенка на стенку», — объяснил парень, когда я спросил, что это за новая забава. «Все честно». Группа парней, обнаженных до пояса, поджидала других, подходивших от станции. «Один за всех, все за одного», — провозглашал время от времени заводила, все откликались воплем. На руках у некоторых перчатки, лицо одного было прикрыто маской. Пришедшие сразу кинулись в атаку, начали молотить друг друга. Стиль обычной уличной драки, ничего спортивного. Упавших били ногами, несколько человек на одного. Упали некоторые из пришедших, один не мог встать, длилось это не более полутора минут. Как ни странно, крови я не видел. Победили полутолые, пришедшие их поздравили, зрители аплодировали.

Галя шла по другой дорожке, по пути неподалеку увидела парочку, еще не раздетую, но явно готовую совокупиться, женщина сверху. Крик бойцов их спугнул. «Чё там?» — подняла голову женщина. «Пойдем глубже».

А на смену закончившим бой подходила новая группа. Похоже, по воскресеньям у них теперь на этом месте бои. Им кажется, что это похоже на старые кулачные бои. Лица не жлобские, интеллигентные. Новое явление. Несколько лет назад так собирались толкинисты, сражались на деревянных мечах, наш внук был одним из них.

26.4.12. «Увидеть больше» не попал даже в «длинный список» премии «Большая книга». Я огорчен: это хотя бы обратило на роман внимание, побудило бы хоть кого-то прочесть. И неловко перед Гладковой: одной из немногих (считанных), кому роман серьезно понравился. Она была уверена, что в шорт-лист он, во всяком случае, войдет.

27.4.12. Вчера прозвучал звонок, Галя взяла трубку. Мужской голос предложил записать приглашение на поэтический вечер. Галя поблагодарила, записала адрес, час, потом спросила: а кто это говорит? Григорий Соломонович. Гриша, очевидно, обзванивал по списку, даже, наверно, не понял, что звонит нам...

Вечер проходил в Музее предпринимателей, меценатов и благотворителей (Донская ул., 9), первый раз о таком слышал. Я пришел к самому началу чтений, зал был уже полон... Нашел свободное место в дальнем углу, куда был отодвинут деревянный ткацкий стан и долбленая ступа с пестом внутри. Сидел весь вечер между ними, рассматривал, трогал. На стенах фотографии и портреты этих самых промышленников, меценатов и благотворителей, в двух небольших комнатах рядом изделия фабрик, громоздкая старинная мебель, что-то еще.

Слушателей было человек 80, может быть, 90, преобладали молодые, лет до 30, женщины, пожилых были считанные мужчины, вроде меня, потом я увидел двух-трех женщин. Стихи показались знакомыми. Вопросов было два-три, Зина отвечала. Продавались книги обоих, многие покупали. В стеклянный сосуд опускали благотворительные деньги.

Когда я потом подошел к ним, оба удивились: оказывается, и вы пришли? Наверно, Гриша обзванивал многих, но никого из привычных знакомых я не увидел. Были рады, мы с Зиной расцеловались. Я спросил Гришу, что у них за такая молодая аудитория, раньше были постарше? Он объяснил: это их семинар, они ведут его уже 16 лет. Он совсем усох, но был бодр, как и Зина. Я был рад, что увидел их.

А вечером мы смотрели по ТВ замечательный фильм Дормана «Нота»: о дирижере и скрипаче Рудольфе Баршае. Изумителен был разговор профессионала о музыке (она все время звучала). Эпизоды советских издевательств (к нему не пускали жену-японку, его сын остался в Японии, травля Шостаковича и

т.п.). Но главное — его личность. Он умер в Швейцарии 86 лет, съемки закончились недели за две до его смерти. Он с трудом ходил, но слушать его можно было бесконечно. Неправдоподобная идиллия швейцарской деревни, в доме орган, на котором играет жена. При этом эмиграцию Баршай воспринимал как трагедию: пришлось оставить выпестованный им камерный оркестр, другого он создать не мог.

1.5.12. В журнале «Большой город» удивительное сочинение мальчика-аутиста. Хочется переписать его целиком, но хотя бы дать о нем представление.

«Люди. Люди бывают добрые, веселые, грустные, добрые, хорошие, благодарные, большие люди, маленькие. Люди бегают, прыгают, говорят, смотрят, слушают... Люди бывают сидячие, стоячие, горячие, теплые, холодные, настоящие, железные... Люди терпят... Люди пьют компот ...Люди думают, молчат... Люди живут в домиках, в комнате, на кухне, в батарее, в коридоре... Люди... купаются, мешают, едят, умирают, снимают носки... Люди не терпят... Люди конечные, люди летают».

Звучит, как поэзия. Я подумал: так бы писать. То, что я пишу, пока даже не приближается к поэзии. Галя на прогулке читала мне Мандельштама, она его помнит больше, чем я. Хотелось просто выть: это недосыгаемо. Но стремиться, видеть это перед собой надо.

Я работаю, как никогда, добросовестно, до обеда пишу, после обеда вычитываю переписку с Хазановым, часов до 7 вечера, до усталости.

Вечером, когда мы обмывали очередную Галину работу («Они устали»), поставив на пианино завершённый триптих «В красных тонах», я подумал: если вспомнить сегодняшний день, пробуждение, работу, наслаждение едой (днем уха из горбуши, вечером запеченные хлебцы, с помидором, майонезом и чесноком, красное вино, салаты с травами, которые любит Галя), потом прогулка вдоль Яузы, солнечное сияние, прохлада, стихи Мандельштама и эта живопись (не говоря о несказуемом) — неправдоподобно хорошо. Если отвлечься от того, что мы оба больны, она плохо видит, если отвлечься от мысли о нецененных работах, непрочитанных книгах. Совсем не думать об этом нельзя (и попробуй не думать, если здоровье напоминает.)

6.5.12. Утром я решил позвонить Померанцу: как он определяет различие между гедонизмом и счастьем? (В статье, которую я читал вчера, он говорит о гедонизме Запада как об одной из примет кризиса.) Трубку взяла Зина, я задал вопрос сначала ей. Она ответила: счастье — это обращенность к другим, связь с другими, связь с миром. Вы не поверите, сколько мы получаем отзывов, какие письма нам пишут. На недавний вечер специально приехали люди из других городов. (Я начал разговор с впечатлений о вечере, об аудитории.) Я спросил: а любовь молодых — чем это не гедонизм? Она стала говорить об отличии любви от влюбленности... Разговор был долгий. Я сказал: такими словами не объяснишь другим, что гедонизм — это еще не счастье. — А и не надо объяснять, ответила Зина, это надо чувствовать, знать. Потом подошел Гриша, я задал ему тот же вопрос. Его ответ меня сразу убедил. Счастье — это внутренне чувство. Гедонизм связан с внешними ощущениями. И рассказал, какое для него счастье: подойти к окну и увидеть рощу, освещенную солнцем. Третий год это чувство счастья. Тут я его опроверг: а разве в прошлом доме, где у них рощи под окном не было, он не мог чувствовать себя счастливым независимо от вида за окном?

И тут вспомнил собственный довод: какое ощутил счастье в палате реанимации после операции. Не потому, что очнулся, остался жив. Необъяснимое, полноценное чувство жизни, я ощущал его не раз, без внешнего повода. (В этих записках немало таких эпизодов.) Внутреннее чувство — вот это, пожалуй, ответ.

7.5.12. *Лягушиная рапсодия*. Мостик через протоку, небольшой пруд, на дне затонувший мусор, бутылки. Молодая пара лужгает семечки, сплевывает. Мощный лягушиный хор заглушает голоса птиц.

13.5.12. Проснулся в 5, почувствовал, что заснуть больше не смогу, сел за работу. Последнее время я сплю не больше 7 часов и чувствую себя вполне работоспособным, давление нормальное. Может быть, это уже возрастное.

К 12 часам поехали с Галей на Пушкинскую площадь, где у памятника Пушкину собирались участники «писательского» шествия по бульварам. Идею подал Акунин: устроить контрольную проверку, можно ли ходить по Москве без плакатов и лозунгов, не спрашивая разрешения. Председатель городской думы П. разразился предупреждением: лучше не надо, могут быть

провокации. Все больше доказательств, что провокации могут устроить только власти. Я на всякий случай взял с собой паспорт (и устаревший писательский билет), ничего не потребовалось. Никаких рамок-металлоискателей. Симпатичные, улыбочивые, интеллигентные лица. Писателей я почти не увидел, лишь в одном месте, у памятника Пушкину, образовалась толпа, судя по книжкам, поднятым над головами, шли за автографами к Быкову, там же куча журналистов, микрофоны. Да потом на Чистых прудах увидел со спины лысину Акунина, вокруг него тоже толпились с книгами, поднятыми над головами в ожидании автографа. Мы пошли по бульварам раньше других, на Петровском присели на скамейку, смотрели на идущих, ожидая увидеть знакомых. Увидели только Улицкую, ее журналисты не сопровождали. Расцеловались. Знакомых, конечно, среди такого множества искать было бесполезно. Впрочем, у памятника Пушкину встретили Тамару Эйдельман, немного пообщались. Да на Рождественском бульваре нас окликнула Ксюша Ким, она шла со своим молодым человеком. С Рождественского бульвара было видно множество людей, шествие без конца, по мнению некоторых, не меньше 10 тыс. Какая-то незнакомая женщина, обратившись к нам, сказала, что никто не ожидал такого множества людей. Кто-то стал играть на дудочке, на органчике, начинали петь. Время от времени сами себе аплодировали. За столиками на бульварах делали рисунки ко «дню мамы», оказывается, есть такой. Гале подарили красивую розу. По пути мы встречали женщин с такими розами. Красивые бульвары. Мы дошли до Чистопрудного бульвара, попробовали углубиться, но там становилось тесно, вышли к метро. Галя поехала в ЦДХ, где договорилась о встрече, а я домой

Очень светлое ощущение. Без всяких речей и плакатов было ясно, что это шествие оппозиции, и с ней уже ничего не поделаешь, она существует без лидеров, ей достаточно интернета. У очень многих были белые ленточки с надписью «За Россию *(крупно, а внизу помельче)* без Путина». А на груди безрукавки у молодого человека: «Путин не очень». У девушки: «Я раскачиваю лодку». Что, задерживать за такие майки? Замечательный крупный значок: «Путин всех любит» — есть такой лозунг у наших. Но на значке из засады выглядывает зубастый крокодил — очень красноречиво. У Тамары Эйдельман значок «Не уйдем». Теперь ждут реакции властей.

16.5.12. Жорж очень тепло откликнулся на мой рассказ о прогулке по бульварам, сказал, что его хорошо бы перевести для газеты, если та проявит к нему интерес. Очень интересно размышлял о новых настроениях в России, вспоминал, как он сам с отцом срывал немецкие плакаты. («V Rossii idet nechto opasnoe; chuvstvuetsja naprazhenie ostroe, chrevatoe virtual'nym nasiliem. I vashe protivostojanie grubosti vlasti radostju, prostym guljanijem po gorodu — eto novoe orudie, nechto dejstvitel'no napominajushee luschie stranicy evropejskoj «poezii svobody», naprimer v 1848 godu. Ili, iz moix lichnyx vospominaj den' kogda ja xodil kazarmam nashej officerskoj shkoly v Cherehell i agitiroval za De Gaulle, protiv putschistov. a esce ran'she, v 1944 osvobozhdenie nashej derevni ot nemexkix vojsk, oni prosto vdruk uexalii iz Randan, gde oni zanimali park i zamok (i sobstvenno govorja eto byla skoree radost' moego otca — my vmeste shli otorvat' plakaty na nemeckom jazyke) i chuvstvoval gluboko ego radost'»).

21.5.12. Читая Бродского «Трофейное», сознаю, насколько я с детских, юношеских лет был по сравнению с ним не западным человеком. Бродский вырос в Ленинграде, ходил по историческим улицам, работал в Эрмитаже, рано встретил Ахматову. У меня достаточно почитать воспоминания о детстве («Родившийся в 37-м» и др.), чтобы понять, в какой я рос обстановке. Той Москвы, о которой любят вспоминать другие: арбатские дворы, Чистые пруды, знаковые, как говорится, площади, улицы, я тогда почти не видел. Места моего детства, деревянные развалюхи в Нижних Котлах даже трущобами не назовешь. Да и в этой Москве я прожил всего два года после эвакуации (1944–46). В 1947–48 жил с семьей в Белоруссии, после возвращения почти сразу, в 1949-м оказался в больнице, потом в туберкулезном санатории. Домой я уже не вернулся, родители купили часть деревянного двухэтажного дома за городом, в зеленой зоне, чтобы я мог дышать чистым, не туберкулезным воздухом. Тогда это было еще Подмосковье, город Бабушкин, поселок Красная сосна. Жизнь там была почти деревенская, хотя Москва начиналась метрах в трехстах от моего дома, у дороги стоял большой плакат с названием. У нас был небольшой огород, вишни, яблони — и, конечно, никаких удобств. Я колол дрова, ходил за водой к колонке. Многие наши соседи держали коров, молоко мы покупали у них. И лес, Лосиный остров, был рядом.

В годы, когда формировались вкусы, я был провинциалом, и приятелями моими были не интеллигентные пацаны, случалось с ними выпивать из горла на задворках барачного поселка строителей. (Знали бы родители!) Бродский, насмотревшись трофейных фильмов, хотел отпустить длинные волосы, носить суженные брюки — я мечтал о широких штанах, идеалом казались запорожские шаровары; единственный в городе кинотеатр был далеко. Он слушал джаз по трофейному приемнику, уже знал имена западных музыкантов, актеров, я по репродуктору, а во время болезни через наушники слушал Шульженко или русскую классику. В его подростковых впечатлениях, да и позже почти нет природы. Я больше бродил по лесу, находил яйца в птичьих гнездах. В Музей изобразительных искусств съездил однажды на выставку подарков Сталину. Запомнился бисерный кошелек, изделие безрукой женщины, она вышила его пальцами ног; портрет Сталина, выгравированный на зернышке риса — его надо было смотреть в микроскоп. У меня об этом написано, не буду всего повторять. Мое развитие можно считать в каком-то смысле задержанным, я слишком многое узнал запоздало. Можно лишь удивляться, как вообще из меня что-то получилось (если считать, что получилось).

22.5.12. Газета «Le Temps» опубликовала перевод моего письма Жоржу Нива, увы, сокращенный наполовину.

25.5.12. Задержался на мысли Бродского («Набережная Неисцелимых»): Доступ к «даровым, или точнее — дешевым радостям» природы свободен, «то есть избавлен от смысла и таланта, присутствующих в искусстве или в мастерстве. Потрясающим может быть и пейзаж, но фасад Ломбардини говорит тебе, что ты можешь сделать». Надо подумать. Природа — не просто радость для глаза, она тайна и чудо, способная приобщить человека к поискам высшего смысла. Среди архитектурных памятников можно ходить без всяких мыслей, фотографироваться на фоне. Талант естествоиспытателя (мыслящего наблюдателя) не второсортен по сравнению с талантом мастера.

Впрочем, достаточно процитировать Тютчева: «Не то, что мните вы, природа... / В ней есть душа, в ней есть свобода». Или у самого Бродского «Осенний крик ястреба» — лучшее, что у него есть.

2.6.12. День рождения Максика совпал со 100-летием его деда, в честь которого он был назван. Это был незаурядный человек. Во время войны артиллерист, попал в плен к немцам, сумел скрыть свое еврейство (объяснил, что ему делали операцию по поводу воспаления, остался какой-то зигзагообразный рубец, немецкий врач подтвердил), несколько раз бежал, был пойман, бит, участвовал в лагерном сопротивлении, в 1947 году в другом лагере, норильском, участвовал в восстании, после лагеря защитил диссертацию, стал доцентом. Он умер в 1984 году. Оказалось, я его знал еще в 1977 году, когда он с сыном Витей приезжал в литовское Качергине, о котором я недавно вспоминал. Нашей дочке Тане было тогда 7 лет. Годы спустя они с Витей встретились вновь, поженились. Юбилей отмечался в еврейском ресторане «Шагал» на Комсомольском проспекте, была фаршированная рыба, маца, вино испанское, но, надеюсь, кошерное...

Через Крымский мост под легким дождиком прошли к ЦДХ. Выставка, на которой Галя представлена тремя работами маслом и множеством графических листов, показалась мне замечательной. Большое пространство прекрасно решено. Силис, конечно, доминирует, но теперь он смотрится с именитым окружением (Зверев, Немухин и др.), это его поднимает. И Галя достойно смотрится среди всех...

5.6.12. Этой весной нам завезли чернозем, посеяли траву, сейчас под окном зеленеет — прекрасно! Мы оформили клумбу, ее окружили бордюром, покрасили. Галя купила на ярмарке цветы, бегонию, шесть хризантем, смотрели, радовались. И вот сегодня утром обнаружили, что хризантемы и две бегонии выкопали. Украли цветы с клумбы, увезли, должно быть, к себе на дачу. Противно.

Время назад я заметил, что новые граффити заменили прежние непристойности, трехбуквенные, с картинками. Может быть, в общественных сортирах остались, я там теперь не бываю. Теперь биотуалеты. Теперь порнографию можно смотреть в интернете, потребность утолена, зачем самодельные картинки?

17.6.12. Вчера поздно вечером, отступив от правил, посмотрел футбольный матч первенства Европы: Россия — Греция.

Наши проиграли 0:1. Когда-то я был футбольным болельщиком, теперь «фанаты» — совершенно чуждое, неприятное явление. В перерыве попал на концерт П. Маккартни и уже не мог оторваться. Хотелось понять это явление, которое так много значит уже не для одного поколения. Голос у певца не ахти какой, музыка хорошая, но не больше, ансамбль можно сравнить с другими — но почему это явление? Весь громадный стадион подпевал, лица светились искренним восторгом, это были прекрасные молодые лица. Я смотрел, думая о своем «Незачете». Показалось, что в самом замысле что-то не додумано. Возможно, придется от него отказаться, бросить эту работу. Понемногу примерял, что можно все-таки поискать, уточнить решение. Только для работы надо что-то переосмыслить, перестроить в самом мозгу.

27.6.12. Нас пригласил к себе в мастерскую Игорь Шелковский. По пути мы заглянули в Малый манеж на выставку «Зверев в огне». Представлены работы, уцелевшие во время пожара на даче коллекционера Костаки. Удивительный дизайн экспозиции: в затемненном зале рисунки, обгоревшие по краям, эффектно подсвечены. Производит сильное впечатление. Зверев блистательный рисовальщик, за десятилетия почти не менявшийся. В общем, подтвердилось то, что я и раньше знал о нем, но никогда еще не было так впечатляюще представлено. Замечательно!

Мастерская Шелковского расположена в самом начале Гоголевского бульвара, у метро Кропоткинская. На 4-м этаже (без лифта) мастерские восьми художников. В длинном коридоре по пути можно посмотреть картины некоторых. Работы самого Шелковского оказались знакомыми: конструкции из деревянных реек, фигуры из дерева, здания, абстракции. На тесном пространстве мастерской своеобразный художественный мир. Игорь прочел мою «Стенографию начала века», ему понравилось, сказал, как много тут ему близкого. Мы ровесники. Я стал его спрашивать о современной живописи, художниках. Оказалось, он знает немногим больше нас с Галей, (как и писатели не знают современников.) Сказал о своем «кризисе»: при всех выставках его не покупают. За мастерскую надо платить 440 € в месяц, во Франции он получает пенсию 400 €, зарабатывает его жена. Вспоминал, как помогал печатать журнал

«Синтаксис» Розановой. Рассказывал о каком-то французском художнике, которому правительство устроило выставку, а потом металлические конструкции разобрали, и где они, неизвестно. Держатся художники, которых поддерживает правительство. Перебирали имена, с симпатией он упомянул лишь Булатова. Был прекрасный французский «бордо», мы втроем распили три бутылки (у меня был граненый стакан с оббитым краем), я не ощутил хмеля.

Домой от метро возвращались под дождем, я снял безрукавку, Галя спрятала ее в сумку. Шел голый по пояс, в сандалиях без носок по лужам. Потом пошли греться под душем. Молодое ощущение.

8.7.12. «Je me suis senti heureux, simplement parce qu'il m'était impossible de me sentir malheureux». (*Я чувствую себя счастливым хотя бы потому, что чувствовать себя несчастным невыносимо.*) Это Pessoa, верней, один из его гетеронимов, его alter ego. Я о чем-то близком писал, только самоиронии не хватало.

«Зима, единственное подлинное время года» (Бродский, 4, 194). Я это у Бродского когда-то вычислил, теперь обнаружил прямое высказывание. Причем речь идет не о русской снежной зиме, он пишет это по поводу фотографии, на которой можно угадать Венецию. «Отсутствие цвета и общий мрак изображаемого приводит к заключению, которое меня устраивало». Он и в Ялту предпочитал ездить зимой, и в Венецию.

Я для себя не выделяю любимого (тем более подлинного) времени года, могу сказать только о нелюбимых, переходных, слякотных, действительно неподлинных неделях: между осенью и зимой, зимой и весной.

9.7.12 По ТВ стали показывать замечательный сериал по «Идиоту» Достоевского. В каждом кадре чувство настоящего: актеры, текст. Я открыл Достоевского, стал читать. Как ни странно, пошли некоторые рабочие мысли, я записал. Чувство, что все надо писать заново, раньше всего прочего найти стиль. Чувство, что поймать его можно только в процессе письма, но слишком много еще не решено, сначала надо накопить вещество в уме. Да тут еще накликал себе чтение, нет времени.

Сегодня вспомнил дневники Томаса Манна, взял посмотреть июль 1950, когда ему было 75, как мне сейчас. Открыл 9.7 — он томится любовью к аргентинскому юноше, которого встретил в отеле, гомозротическая поэзия, Микеланджело, ноги стройного Гермеса. Пока отложил, это от меня далеко — но способность к яркому чувству в моем возрасте!

10.7.12. В «Новой газете» поместили список «самых скачиваемых» книг электронной библиотеки: «Кулинария», «Хрустящие огурчики», «81 молитва на быструю помощь», «Как управлять мужчиной», «Золотая книга заговоров». И это предпочтения самых продвинутых людей, пользователей сетей.

Автор вспоминает, как когда-то придти в НИИ утром и не рассказать, что ты прочитал в «толстом» журнале, было неприлично. В книжном магазине на полках стоят Искандер, Битов, тираж 3 тыс. за два года не продан. Это на тему моих непроданных экземпляров. Хотя их, конечно, много переиздавали, может быть затоваривание. Чтобы мой роман стали читать, нужна какая-нибудь Сюзан Зонтаг. (Два месяца назад я писал, как она открыла Леонида Цыпина.) Даже премии уже не производят особого впечатления.

Не хотел ничего больше читать, но мимоходом открыл в последней «Звезде» заметку Омни Ронена «Послесловие», о дневниках покойной Ирины Эренбург — и не мог оторваться. Какая потрясающая правда жизни! Еще одно напоминание о камертоне, на который надо настраиваться.

Вечером приехал Игорь Шелковский, привез «Фрагментарий» Бокова и подборку своих публикаций в «Русской мысли». Хорошо посидели на лоджии (водка с картошкой и свежесоленными огурчиками, французское бордо с фруктами.) Помянули Бокова, художника Семенова-Амурского, который много значил для Шелковского, говорили об эмиграции, которую Игорь никому не советует — о разном. Потом проводили его до метро «Ботанический сад», через красиво разросшийся парк. Галя шла на удивление легко, да и я тоже — может, болезни на время отпустят?

Дома меня ждало письмо из «Звезды»: они собираются печатать мои «Закаты Утехи» в сентябрьском номере, заинтересовались упомянутым там романом, попросили прислать. Знать

бы раньше, они могли бы напечатать. Это журнал, где я не попался бы «слишком интеллектуальным», как мне однажды обосновали отказ.

12.7.12. Чехов, «Жена»: «Нас непреодолимо тянуло друг к другу, мы сходились и пускали в ход весь динамит, какой с течением времени скопился в наших душах» (7.17).

13.7.12. Позвонил Ян Махонин: умерла Милуша Задражилова. После смерти Лади она не хотела жить. После нее осталось много бумаг, книг, которые теперь надо пристраивать.

В интернете поразительное письмо И.П.Павлова в Совнарком от 21 декабря 1934 г. «Революция застала меня почти в 70 лет. А в меня засело как-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно 70 лет. И потому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: “чорт с ними! Пусть расстреляют. Все равно, жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня мое достоинство”. На меня поэтому не действовали ни приглашение в старую чеку... ни угрозы при Зиновьеве...

Теперь дело показало, что я неверно судил о моей работоспособности. И сейчас, хотя раньше часто о выезде из отечества подумывал и даже иногда заявлял, я решительно не могу расстаться с родиной и прервать здешнюю работу, которую считаю очень важной, способной не только хорошо послужить репутации русской науки, но и толкнуть вперед человеческую мысль вообще. Но мне тяжело, по временам очень тяжело жить здесь — и это есть причина моего письма в Совет. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было... Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком, без пропусков, со всеми ежедневными подробностями — это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учеными и учебными заведениями... Пощадите же родину и нас.»

(На машинописной копии письма резолюция: «т. Сталину. Сегодня СНК получил новое чепуховое письмо академика Павлова. Молотов».)

Потрясающее напоминание, что были в те годы люди, все видевшие, все понимавшие, сохранившие представление о ценностях, не одуренные пропагандой о днепростроях и пр. Люди другого поколения позволяли себе перестраивать мозги. И сейчас то же.

(Меня, среди прочего, зацепило, что Павлов 70 лет считал пределом для продуктивной работы.)

16.7.12. Все утро дочитывал «Руссо» Баткина и писал ему письмо. Пошел погулять, по пути получил на почте последний, 8-й том Собрания сочинений Хазанова, «В лучах чужих планет». Мелкая проза, эссе и записи разных лет, а кроме того, переводы разных авторов. Прочел превосходное эссе Голо Манна о Марксе, прогуливаясь босиком по траве у акведука. Чтение все прибывает, еще лежат два номера «Иерусалимского журнала», да надо было полистать «Дар» Набокова перед тем, как пойти на спектакль в театр Фоменко.

Спектакль получился интересный. С первых же минут меня очаровала Кутепова в роли мужчины-критика, я не сразу узнал женский голос. (Всегда мне нравилась эта актриса — впрочем, не знаю, которая из сестер-двойняшек; буду считать, обе.) Сень усадил нас в первом ряду, я неплохо слышал. Много неожиданных находок, с текстом Набокова режиссер Каменькович играл свободно. Спектакль длился немногим более 4 часов, все-таки меньше, чем «Улисс» того же Каменьковича. Мы пригласили с собой Марата, Светлану и приехавшую из Америки М.К. с мамой, все были в восторге.

В антракте я увидел Фоменко, он спускался по лестнице, опекаемый двумя молодыми людьми. Не поддерживаемый — именно опекаемый, на некотором расстоянии. Спускался тяжело, с палкой, рот без зубов — впервые его таким видел. Накануне по ТВ показывали в честь юбилея сюжет о нем, снятый год назад, он был подвижен, как всегда, артистичен. Увидел меня, остановился. Поздоровались. Я сказал: «Какая молодая у вас труппа, пожилых родителей играют молодые люди». — «Но вы заметили, как они за время спектакля постарели на двадцать лет?» — сказал Петр. Я сказал, что мы позавчера с Юликом пили за его здоровье

У выхода встретили Зою Богуславскую, она неожиданно потянулась расцеловаться... Сказала, что премии «Триумф» больше нет.

В книге Баткина о Руссо прочел: «Соединение почти скаредной скупости с величайшим презрением к деньгам... Деньги, которыми обладаешь, — орудие свободы; деньги, за которыми гонишься, — орудие рабства». И цитаты: «Я был воришкой, иногда бываю им и теперь, таская соблазняющие меня мелочи, которые я предпочитаю взять без спросу. Но ни в детстве, ни в зрелом возрасте я не помню, чтобы когда-нибудь украл у кого-либо хотя бы ливр...». «Листок хорошей бумаги для рисования больше соблазнял меня, чем деньги, на которые можно купить целую стопу».

Мне это, подумал, знакомо. Работая когда-то в издательстве, я не только бумагу — скрепки оттуда прихватывал домой. Какой-то из моих персонажей говорит так о себе.

22.7.12. Съездили с Галей в Третьяковскую галерею на выставку Шагала. Работы из частных коллекций перемежаются с предметами быта, которые запечатлены Шагалом, еврейской культуры. Замечательно! Купили две книги: Шагала и «Парижская школа».

24.7.12. Объявление у входа; «Акция! Коррекция межличностных отношений (за полцены)».

28.7.12. Объявление: «Изготавливаем антиквариат».

29.7.12. Приезжала Лора из Хайфы, проездом через Питер и Мурманск, хорошо посидели. Мурманск, где она 28 лет работала начмедом рыболовецкого флота, остался без флота и без медицины. Несколько частных рыболовецких фирм предпочитают сдавать улов в Норвегии, это проще; без врачей давно обходятся. В городе осталось единственное крупное предприятие, верфь, где строятся подводные лодки. Из города, в котором было 486 тыс. жителей (приближался к полумиллионнику), уехало больше 100 тыс. и продолжают уезжать. Стоят пустые дома, новые не строят. Сама она живет в Хайфе, работает в Иерусалиме, в приемном отделении больницы, приезжает на ночное дежурство раз в неделю. Ей 72 года, но ее ценят и просят еще остаться. Израильская пенсия у нее по возрасту, как у всех эмигрантов того времени, примерно 200 \$ (\$ — 4 шекеля), за каждое дежурство платят 400\$. В качестве трудовой пенсии будет получать, вероятно, долларов 700 в месяц. Но кроме того она одна из немногих получает еще советскую пенсию — не российскую, она эмигрировала, когда России еще не было. Она у нас уже получа-

ла северную пенсию. Нашелся адвокат, который (за хорошее вознаграждение) выиграл для нее через суд приличные деньги. Не нуждается, ездит по всему миру (только что вернулась из какого-то азиатского турне). Всюду ходит по музеям. Книг (прямо сказала) не читает, политикой не интересуется. Я с удовольствием ем слушал.

30.7.12. Умерла Роза Харитонова, редет наш круг.

31.7.12. Умер Е.Б.Пастернак. Не раз его здесь вспоминал.

8.8.12. Жара... Работаю на лоджии, без компьютера. В интернете все обсуждают суд над Pussì Riot, постыдный, позорный для страны, оттолкнувший многих от церкви, расколовший общество. Я ничего не могу добавить к сказанному тысячами людей. Как не комментирую войну в Сирии, лесные пожары, коррупционные скандалы. ФБ (Facebook) просматриваю, стараясь не задерживаться надолго, но некоторые новости цепляют. Просят найти родственников Виктора Славкина: его подобрала на улице милиция, он заблудился, забыл свое имя, потерял документы и ключи. Болезнь Альцгеймера. Нужно, чтобы кто-то за ним ухаживал. Когда-то мы были знакомы, он года на 2–3 старше меня. Иногда смотрим по ТВ Олимпийские игры, Россия пока не блещет. Не удался запуск космической станции, американцы между тем запустили станцию на Марс. Но спортивное и космическое отставание можно бы считать не столь существенным, как опубликованный недавно рейтинг: в списке 500 ведущих мировых университетов только два российских: Московский на 498-м и Петербургский на 499-м. Маленькие страны, вроде Южной Кореи и Израиля, не говоря о более крупных, представлены несколькими университетами с высоким рейтингом.

9.8.12. Умер Петр Фоменко. Посмотрел записи: я с ним разговаривал 16.7, три недели назад, он выглядел больным.

20.8.12. Приезжали из телеканала «Культура», два часа снимали, сначала у акведука, потом дома. Я заготовил небольшой сюжет минуты на 2–3, но они хотели говорить больше. Не знаю, что получилось. От меня они собирались к Коле Иванову — для меня была радостная неожиданность, что он вызвался говорить обо мне. Была мысль даже напроситься с ними. Но оказалось, визит перенесли на 28.8. Завтра у него день рождения, я послал ему «Увидеть больше» с небольшим письмецом.

21.8.12. Неожиданный звонок из ТК «Культура»: меня приглашают на передачу «Главный герой» с Ю. Макаровым. 70 лет почему-то не заметили.

31.8.12. 75 лет. Сделал несколько движений с гантелями 5 кг — знаковый ритуал. Утром смотрели юбилейный сюжет обо мне в «Новостях культуры». Получилось не так уж плохо. Почти все глупости, сказанные мной, не прозвучали, я вообще, слава Богу, звучал мало, говорил за меня диктор. «Как истинный мудрец, М.Х. ...» «Его проза не поддается точному определению..., она захватывает богатством и музыкальностью языка»... И шедевр: «Своей первой книги М.Х. ждал 51 год». Хорошо говорил обо мне Юлик Ким и совершенно неожиданно — Кама Гинкас. «Как-то не нащупать театрального способа, которым можно было бы адекватно дать почувствовать аромат этой прозы. Когда читаешь его, как будто во рту только немного обсасываешь персонажа, слова, какую-то привычку». Я был тронут, что он согласился обо мне говорить. Можно подумать, что и журналистка ТВ, и Кама Гинкас действительно читали меня. (О Юлике не говорю, он читал.) Хотелось бы так думать. Передача была выложена в интернете, видео и текст, я его распечатал.

Поздно вечером позвонила Света Иванова, потом трубку взял Кома. Разговор оказался неожиданно содержательным, жаль, что я не все мог запомнить и точно воспроизвести. Я упомянул его интервью в «НТ», спросил, была ли реакция. — Нет, сейчас вообще во всем царит равнодушие. — Вы в этом интервью сказали, что у истории есть некий план. — Да, я действительно так считаю. И стал говорить об опасностях, грозящих не просто России, а всей человеческой цивилизации. Как я его понял, возникновение человечества он считает результатом эксперимента, который поставила над нами более высокая сила, и похоже, что человечество каких-то надежд не оправдывает. Я решил уточнить: что это за высшая сила (он, похоже, не имел в виду Бога), вы имеете в виду какую-то неземную цивилизацию? Он ответил определенно: да. — Я знаю, вы были знакомы с астрономом Иосифом Шкловским, который сомневался в существовании таких цивилизаций. Кома оживился: да, он вначале верил в это, потом разочаровался. (Была еще фраза о том, что наша цивилизация не выдерживает какой-то конкуренции, но еще есть надежда.) «Вы знаете, к Земле неслось несколько огромных

метеоритов, которые могли ее уничтожить, пока пронеслись мимо. Можно, конечно, считать это случайностью». Я упомянул Т. де Шардена, он опять оживился, сказал, что высоко его ценит, но чего-то он не учитывает...

Конечно, сказано было больше, я воспроизвел не все. Но еще раз без сомнений убедился, что он считает возможным рассматривать возникновение жизни на земле, а затем и человечества, как результат эксперимента какой-то внеземной цивилизации.

1.9.12 Неожиданной радостью был звонок Камы Гинкаса. Сначала он говорил с Галей, сказал, что рад был, когда ему предложили сказать обо мне для ТВ. Насколько я понял, он меня эти летом по совпадению читал. Он говорил обо мне больше получаса, все это в сюжет, увы, не вошло. (Сам он сюжета не видел, понял с наших слов. Юлик тоже говорил обо мне больше, чем вошло в короткую передачу.) По его словам, девочка с ТВ говорила обо мне так, как будто хорошо знает мое творчество. А приехавшие с ней молодые люди (осветитель, звукооператор, оператор) смотрели на Каму, как будто он говорил об их родственнике. Неожиданно. Конечно, договорились встретиться, он обещал позвонить. У них было тяжелое лето, на даче, как я понял, прорвало водопровод, все залило, пришлось менять полы и т.п. Я был тронут и рад.

4.9.12. Вчера съездил на ТВ (канал «Культура», программа «Главный герой», с Юлианом Макаровым). Макаров меня читал, говорил хорошие слова, я вроде бы не сбивался, не заметил, как прошли 20 минут, не успел сказать того, что готовился. Да это и невозможно. Вернулся — и тут приехал Жорж Нива. Он в Москве выступал в каком-то религиозном обществе с докладом об образе Христа в живописи. Посидели за ужином. Я упомянул его статью в «Le Temps» («Ou est cette Khakassie?»), он увлекся, стал говорить о хакасских впечатлениях, о нынешней поездке.

13.9.12. Нашел в интернете упоминание о Жорже Нива. 1.9. он прочитал лекцию о христианской культуре на открытии 25-го учебного года в Свято-Филаретовском институте. «Жорж Нива напомнил мысль аббата Анри Бремона: рухнула классическая стена между поэзией и верой, творческий акт и есть акт веры... В ответ ректор СФИ священник Георгий Кочетков вспом-

нил слова Николая Бердяева о том, что христианского искусства в точном смысле слова никогда не было и не может быть — подлинно христианское творчество создает не просто культуру, но «новую жизнь и иной мир», преодолевая границы культуры». Это мне близко.

26.9.12. Utjeha. Первая неделя нашего пребывания в Утехе. По дороге сюда из аэропорта Подгорица я смотрел в окно с чувством грустного узнавания: все слишком привычно, знакомо, нет прежнего изумления. Приехав, мы обнаружили, что где-то потерялась Галина папка с бумагой. Потеря для нее существенная, она, как всегда, рассчитывала здесь работать. Где можно купить нужную, пока не поняли. И компьютер не удалось подключить к интернету.

Все эти накладки, как ни странно, не испортили нам настроения. По дороге к дальнему магазину мы выбрали 2–3 упаковочных картонных коробки, Галя сделала несколько работ яичной темперой — с неожиданным эффектом. Из-за фактуры ли, из-за цвета картона, из-за подбора пигментов возник волшебный колорит. Работы небольшие, но светятся нежно. Возможно, и дальше получится.

Но самая неожиданная, до сих пор непонятная радость (тьфу-тьфу, не сглазить!) — совсем не дает себя знать сердце. В прошлом году приходилось иногда подкрепляться нитроглицерином. Да что там, только накануне, в Москве, если шел гулять после обеда, начиналась тяжесть за грудиной, приходилось останавливаться. А тут пошли плавать — плывем без проблем, легко. Вначале еще береглись, сегодня наплавали за день без малого километр, а может, и весь километр. Непонятно, что это: солнце, воздух, море?

Я не озабочен работой, перевожу на компьютере Ценкера¹, без особых усилий, часа два в день. Иногда делаю на листках заметки к стихотворению «Сюита счастья» (название пока условное), к «Незачету», который, если и буду писать, то совсем заново. Книги читаю те же: Манделштам, Pessoa, Бродский (который у меня опять совсем не идет)... Вечером мы смотрим кино, которым в изобилии снабдил нас Сеня. Смотрели «Город

¹ Книга австрийского писателя Хельмута Ценкера «Дракон Мартин» (Helmut Zenker. «Der Drache Martin»), вышла в издательстве Махаон

женщин» и «Клоунов» Феллини, «Черная кошка и белый кот» Кустурицы, «Жестяной барабан» Шлёндорфа. Вчера смотрели «Сатирикон» Феллини...

27.9.12. Вечером смотрели фильм Кустурицы «Жизнь как чудо». Действительно чудо.

Еще стоило бы записать, как Галя, заинтересовавшись картонной коробкой возле мусорного ящика, обнаружила в ней целый набор посуды, глубокие и мелкие тарелки, стеклянную вазу и пр. Почти все мы сумели принести домой, теперь пользуемся. Эсме объяснили, что эту посуду дочка оставила здешним знакомым, она им не понадобилась.

Еще не записал разговор с хозяевами. Они оказались мусульманами, не едят свинину, вино, однако, пьют. В мечеть (посербски или по-турецки джамиля) ходят редко. Мы видели эту мечеть по пути, в Старом Баре, они там живут. По словам Адама, никакой вражды между нациями.

7.10.12. *Утеха.* Поездка с Эсмой и Адамом в Старый Бар. Обширные развалины старинной крепости, монастырей, целого города. Серый нетесаный камень, колодец, в котором давили оливковое масло, в воротах выставлен огромный деревянный пресс, которым его давили. С высоты открывается живописный каньон, с другой стороны закат над морем. Громадное красное солнце скрылось на наших глазах — и тут с ближнего минарета запел муэдзин, призывая к молитве. Я впервые слышал муэдзина, это производит впечатление. Как и соседство мечетей разного возраста с церквями, спокойное, доброжелательное отношение между людьми разных религий. Без сопровождения мы бы многого не ощутили. По пути Адам с Эсмой захотели показать нам свой дом, приятный, благоустроенный. Фруктовый сад, надстраивается второй этаж. Большой плазменный телевизор, сын 13 лет (он занимается в секции карате, имеет черный пояс) играл у компьютера в какую-то игру. Угостили рюмкой каберне. По пути в крепость на каждом шагу останавливались с кем-нибудь поговорить, пошутить — все знакомые, все улыбчивы, доброжелательны, здоровались с нами за руку. Адам показал: вот в этом кафе я работал когда-то менеджером, конечно, всех вокруг знал. У него в другом городе есть и кафе, но после сезона оно закрыто. На обратном пути из крепости остановились возле кафе прямо под крепостной стеной. Среди каменной

кладки выступали скалы, можно было увидеть в них очертания скульптур. Деревянные скамейки с подушками, по-сербски ястук (турецкое слово, турецкие подушки). Хозяин, рослый, разговорчивый (чем-то похожий на Петра Фоменко) вынес женщинам кофе, нам по рюмке — лозовую ракию какой-то многолетней выдержки, очень вкусную. Он, как я понял, известный в прошлом футболист, Зоран (если я правильно расслышал имя).

Всюду бродят мелкие собаки. В одном месте две козы забавно прогоняли собак со своей территории. Конечно, это впечатления туриста. Вспомнился Феллини: у него в городке были свои сумасшедшие, свои алкоголики, свои проститутки. Здесь я пока не могу этого представить.

(Я вспомнил наш Крым: сравнимая природа, море — и примитивное жилье, нищенская обстановка, вонючие сортиры, крикливые шалманы. Как раз перечитывал в компьютере дополнения к стенограмме о нашем пребывании в Коктебеле. А главное, отмершая, отбитая и еще не восстановленная предприимчивость без бандитизма.)

8.11.12. В последней «Звезде» (№11) появилась статья умершего на днях Омри Ронена «Головоломки» о некоторых особенностях поэтики Пастернака. Фоники П., пишет О.Р., ориентирована на скороговорку, т. е. затрудненный звуковой повтор, а семантика — на головоломку, условия которой заданы загадочной игрой слов. Приводятся примеры — и слова А. Белого, который жаловался Берберовой, что с трудом добирается у Пастернака до сути. «И ничего за это не получаешь!»

Эволюция Пастернака к «неслыханной», т.е. новаторской простоте, считает Ронен, не получилась. Простота «Доктора Живаго» — под Чарскую. О.Р. считает роман неудачей. Тем не менее он не без удовольствия упражняется в разгадках «темных мест» у Пастернака — тех, «где прошелся загадки таинственный коготь». Смысл здесь, по словам О.Р., организован так, что «добираться до него “вкусней”, чем оказывается сама приманка».

Я вчера стал перечитывать Пастернака в поисках стимула к своей работе над «Сюитой». Удивительно, как много я совершенно забыл и сейчас просто не могу в иные строки проникнуть, понять. Вдруг возникало памятное — проваливался в гениальные бездны. А что-то высвечивалось впервые, соединяясь с жизненными, биографическими реалиями, и то и дело вызы-

вало человеческое недоумение. Надо будет вернуться с карандашом в руках, подтвердить выписками. Раньше я просто считал это непонимание фактом своей биографии.

9.11.12. Москва. Проясняются дела у Померанца. Муравьев, опубликовавший вчера призыв о помощи больному Померанцу, оказался внуком Ирины Муравьевой, первой жены Померанца. Он вызвал шквал откликов, и вот сегодня появилось письмо Зины: к ней явился врач от благотворительного фонда «Доктор Лиза» — «с детства таких не встречала», внимательно все осмотрел, привез все необходимое для перевязок и т.п. Зина тронута, благодарит. «Но в помощи мы не нуждаемся». Я позвонил ей. Она взяла трубку, попросила перезвонить: занята перевязкой. Потом перезвонила сама. У Гриши нагнивает меланома. Я о ней знал несколько лет, но раньше удавалось купировать, теперь только менять перевязки. Со всех сторон предлагают помощь, «Эхо Москвы» готово оплатить год перевязок и визитов медсестры. «Но нам ничего не нужно». Гриша что-то подсказывал со своей постели. Последние два-три месяца ему существенно хуже. Вспомнила, что впервые за несколько лет не поздравили меня с днем рождения: у Гриши накануне был тяжелый приступ, вызывали скорую помощь, он лежал две недели. Стала говорить, что они с удовольствием читают мои статьи в новой книге, где я оказался под одной обложкой с Гришей. Я не сразу понял, что за книга: сборник ПЕН-клуба, который я не поехал получать, там мои «Уроки счастья» и «Родившийся в 37-м» У них вышли новые книги (переиздания), ожидается передача по ТВ. Собрание сочинений пока не начало выходить. Разговор прервал звонок к ней в дверь.

13.11.12. Утром, проснувшись, впервые за последнее время поспешил к столу, записал мелькнувшие строки к верлибру. Это хорошая примета: прихожу в нормальное состояние, думаю даже ночью.

Вчера вечером Галя увидела по телевизору, что Кама Гинкас получил премию Мейерхольда. Утром я позвонил ему. Заметил по часам, он говорил со мной с 10.20 до 11.20, целый час.

Как мы живем? Пробиваемся через какую-то пелену. Тяжелое состояние общества, мерзкие политические новости, скверное настроение людей вокруг. Приходится иметь дела с

разными людьми, что-то проталкивать, все толчется на месте... — Но мы с вами застали времена еще хуже. — Это верно. Но у нас разные профессии. Вы можете работать, ни с кем не сталкиваясь, а тут театр. О том, как быстро и резко в последние годы изменилось состояние общества, смысл некоторых слов. (Я начал с того, что вспомнил свои строки о «человеке чести», который оказывается просто мафиози, он поддержал.) Никогда так много не значили деньги. Раньше неудачник был человек скорей симпатичный, теперь иметь успех значит много зарабатывать. У нас актерам платят мало, ищут работу на стороне. О близких людях, которые сейчас в больницах (Бархин и его жена, Илья Смирнов).

Всего часового разговора не перескажешь, я изредка вставлял слово. Вспомнил свой роман «Увидеть больше»: я там упомянул, не называя прямо, Каунасское гетто, его это может заинтересовать. Романом он не заинтересовался, но стал говорить об этом гетто, в котором оказался младенцем. Потом он узнал от мамы, что она там сделала аборт. Это слово вначале на него не произвело впечатления. И лишь потом до него дошло: она и его отец, врач, были тогда молодыми людьми, значит, в этом ужасе продолжалась жизнь, можно было любить друг друга. Он продолжает собирать материал об этом гетто. Вы знаете Каунас? Знаете, где было гетто? — У реки, сказал я. — Да, у реки. Там все было загорожено колючей проволокой. Самое сильное впечатление на меня произвела фотография женщин в гетто на берегу реки, с такими тюрбанами на головах. Они там загорали! О том, как там старались сохранить жизнь детям, объявив их больными и поместив в больницу. (Я вспомнил дневники обитателей Терезина — и опять свой роман.)

Потом он вспомнил два фильма, в обсуждении которых участвовал на ТВ. (Вы можете не смотреть ТВ, а я должен, профессия требует.) Один про израильянина, выжившего в Освенциме. Он хотел, чтобы его жена и двое детей поехали вместе с ним в Освенцим, увидели, что это было такое, жена сопротивлялась. В Освенциме он захотел остаться на ночь в том же своем бараке, служащая пыталась объяснить, что это запрещено, он стал на нее кричать (все это в присутствии камеры), довел ее до слез, дошел до начальства, которое ему это разрешило. — Как вы к этому относитесь? — спросил я. —

Нужно ли заставлять людей, которые этого не хотели, туда ехать? — Обязательно нужно, — ответил Кама. — Нужно, чтобы об этом никогда не забывали.

И рассказал о другом фильме, немецком, про детей высокопоставленных нацистов, которые считали своим долгом искупить вину своих предков. Я знал об одном таком сюжете: про дочь какого-то гаулейтера, которая в знак искупления решила выйти замуж за еврея. — Есть более сильная история, — ответил он. — Внучатая племянница какого-то нациста кастрировала себя, чтобы эти преступные гены больше не возобновлялись. — Но это психиатрия, — сказал я. — Нет, не психиатрия, — горячо возразил Кама. — Надо, чтобы люди помнили о преступлениях, у нас все забывают. — Но ведь наука не может подтвердить, что преступление вызвано генетической предрасположенностью, сказал я. Он продолжал возражать.

Жаль, всего не перескажешь. Через месяц у него ожидается премьера, спектакль по пьесе какого-то молодого американца. Конечно, обещал пригласить. Но, пожалуй, встреча среди множества людей вряд ли будет более содержательной, чем такой часовой разговор.

Рабочие планы оказались сбиты, с усилием вернулся к верлибрам.

17.11.12. Проснулся в пол пятого, встал до семи, неплохо поработал (стишок о Пастернаке). Прогулялся один. Вчера я написал Хазанову о разговоре с Камой, сегодня он ответил: «Я бы не хотел снова переночевать в бараке и своего сына не повёз бы туда, просто не хотел бы, и всё. С меня достаточно, что я хорошо помню всё буквально до малейших подробностей, лагерь, можно сказать, постоянно присутствует в моём сознании. Лора даже утверждала, будто я по некоторым своим привычкам был и остался лагерником... То, что он [Кама] рассказывает о кастрации и пр., — это абсурд со всех точек зрения, в том числе и медицинской»...

18.11.12. Работа над «Сюитой счастья» побудила меня перечитать Пастернака... Не буду сейчас о стихах. Только что открыл «Доктора Живаго» — и вспомнил давние слова Симы Маркиша, что этот роман фальшив от первой до последней страницы. Я тогда ответил ему, что в романе есть разные места. Сейчас проверить не буду, но страницы, на которые я попадал, показа-

лись действительно фальшивыми. Дочитал до беседы Живаго со Стрельниковым. «Это была болезнь века, революционное помешательство эпохи... Люди фантазировали, наговаривали на себя не только под действием страха, но и вследствие разрушительного болезненного влечения, по доброй воле, в состоянии метафизического транса и той страсти самоосуждения, которой только дай волю, и ее не остановишь». Это, надо понимать, о саморазоблачительных признаниях на показательных процессах? И о причинах революции: «Был мир городских окраин... Была смеющаяся безнаказанная наглость разврата маменькиных сынков, студентов белоподкладочников и купчиков... Улица, вечерняя улица, вечерняя улица века, рысаки, саврасы, были повсюду. Что объединяло эпоху, что сложило девятнадцатое столетие в один исторический раздел?.. Все это были Тверские-Ямские века, и грязь, и сияние святости, и разврат, и рабочие кварталы, прокламации и баррикады». В стихах он революцию сравнивал со снегопадом. Я этим восхищался без сомнений.

25.11.12. Проследить сцепление ночных мыслей. Вечером посмотрел сюжет Паолы Волковой о «Корабле дураков» Босха. Среди прочего, впервые вместе с ней обратил внимание, что у группы дураков рты раскрыты — то ли в хоровом пении, то ли в общем возгласе. С этим фрагментом смонтированы были кадры хорового пения из фильма «Собачье сердце» и документальные кадры гитлеровских массовок, вскинутые вперед руки, раскрытые в идиотском восторге рты. Вдруг подумал, как это похоже на вопли и жестикуляцию нынешних футбольных фанатов...

И вспомнилось, как школьником слушал когда-то в Дарвиновском музее лекцию его основателя, профессора Котса. Более известной была его жена Ладыгина-Котс, ее книга «Дитя шимпанзе и дитя человека». В ней она прослеживала параллельно первые месяцы развития своего сына и родившегося одновременно с ним младенца шимпанзе, первоначально схожие реакции, все большие расхождения. С этим сыном я потом познакомился, он учил нас в Пединституте обращаться с простеньким кинопроектором, были у нас такие факультативные занятия. Дарвиновский музей тогда находился в здании института. Так вот, этот профессор Котс начал свою лекцию словами: «Люди, как известно, произошли от обезьяны. Кроме курильщиков и

болельщиков футбола». Болельщики, по его мысли, так и не ушли далеко от обезьян. Я, помнится, усмехнулся юмору. Сам был болельщиком, но это увлечение тогда можно было уважать. В нынешних фанатах действительно стало проступать что-то дочеловеческое. Недавно во время футбольного матча кто-то бросил на поле файер, вратарю обожгло глаза. Файеры проносить запрещено, мужчин при входе обыскивают. Выяснилось, что их приносят на стадион девушки в своих влагалищах, в женском туалете потом обнаружили множество презервативов. Я как-то ехал в метро со спартаковскими фанатами, они направлялись на матч с «Челси», заранее возбужденные, уже в вагоне пили из горлышка. По ТВ прокручивали кадры фанатских безумств в разных странах. Что-то в безумии этих толп, скандированиях, выкриках было фашистское, звериное... И мысль снова вернулась к «Кораблю дураков». Вспоминали фильм С. Кремера, я его когда-то видел...

Цепочка мыслей, перебирал все это в уме. (По совпадению, сегодня в интернете питерский житель делился ужасом от шествия фанатов, которых боится полиция, а кто-то организует из них штурмовые отряды, так напоминающие фашистские. О том, как они избивают в московском метро инородцев, требуют признать, что те любят ту же команду. Корабль дураков, да, но есть безумие, которое становится страшным.)

27.11.12. Оказывается, не только в интернете, но и в московских квартирах обсуждают конец света, который обещан 21.12 календарем мая. В газете маленького городка распечатаны подробности: Земле предстоит пройти через какое-то энергетическое завихрение, которое на сутки погрузит всех в темноту. Отключится электричество, все электронные приборы и т.п. Выйти из этого затемнения (жаль, я не списал точных цитат) удастся не сразу, нормальная жизнь будет невозможна, поэтому следует заранее запастись продуктами, водой, спичками, свечами и всем прочим. Даже в кругах, называющих себя интеллигентскими, принялись делать запасы. В маленьких городках исчезают крупы, соль, спички. Значит, и это можно принимать, обсуждать всерьез. Готовы уйти на время конца света в леса, оставив квартиры грабителям.

29.11.12. Падает снег, за окном бело. На горке у акведука уже дети с санками, поставлена ёлка. Перечитал и выправил

«Сюиту счастья», кажется, можно показывать. Я над этим циклом работал больше двух месяцев. Читаю сейчас Ходасевича: под стихами «Европейской ночи» стоят даты работы: 4.2–13.5.23, 23.3–10.6.23, 9.3–19.5.26. Конечно, он не каждый день сидел над одним и тем же, так ведь и я перемежал эту работу другими. После «Европейской ночи» в 1927 г. Ходасевич (как уверяют авторы предисловия) напечатал всего 7 стихотворений, писал разную эссеистику, а умер в 1939. Я его очень ценю.

27.11.12. Работал над стихами. Из «Звезды» пришла корректура верлибров. Позвонили из ПЕН-центра, надо получить гонорар за книгу «Есть ли будущее у настоящего». Оказывается, это 18 тыс. руб., я-то думал, пустяки. Расписался за 39 тыс., 20 тыс. взяли для каких-то пеновских нужд, не стал уточнять подробностей. Платили, как я мог понять, какие-то меценаты... Издательство не указано, год издания 2010. 40 тыс. руб., тысяча долларов за два небольших эссе, «Родившийся в 37-м» и «Мой век». Книга в магазины не поступает, я мог взять сколько угодно экземпляров, взял три. Вначале, посмотрев список авторов, пожалел: мог бы взять больше для новогодних подарков. Но в метро начал читать: это по большей части злободневная публицистика, за два года слегка потускневшая. Составители в предисловии написали о желании продолжить традицию «Вех». «В современной жизни почти не слышно писательского голоса. Пространством идейной жизни владеют журналисты, политологи, экономисты, порой даже деятели шоу-бизнеса... Между тем в соответствии с российской традицией писатель по-прежнему воспринимается в народе если не как властитель дум и учитель жизни, то, по меньшей мере, как несомненный нравственный авторитет». Два года назад это воспринималось, пожалуй, более несомненно, чем сейчас. «Воспринимается в народе». Что такое сейчас народ? Почитаю.

Кстати, авторами «Вех» были отнюдь не писатели, а социологи, философы (впрочем, тоже с литературным уклоном).

1.12.12 Заполняя паузу между законченной работой и еще не начатой, я позволил себе побродить по интернету. В Полит.ру сообщение: в возрасте 92 лет умер В. Багоцкий, видный электрохимик, главный разработчик аккумуляторов для советского спутника. В Институте физической химии, где он работал, повесили на стене некролог. Зам. директора по режиму, некий

А., снял некролог, вызвал авторов, топал ногами и кричал, с какой стати писать некролог эмигранту, бежавшему из СССР. Ему пытались объяснить, что это неправда, что Б. к тому времени уже вышел на пенсию и уехал к детям, которые жили в США... Я записываю это, вспоминая, как уверял Хазанова, что у нас эмигрантов теперь не считают предателями. Нельзя, видно, судить по литераторам.

А вот что в News.ru считают новостями культуры. Линден Лохан (не знаю, кто это) попала в полицию за драку в ночном клубе. Деми Мур оправилась после развода с Катчером. Отец Майкла Джексона попал в больницу.

Приложение к Стенограмме

УЧИТЕЛЬ РАДОСТИ

Дом, где родился Шагал, напомнил ему, напишет он впоследствии, «шишку на голове зеленого раввина с моей картины или картофелину, упавшую в бочку с селедками и разбухшую от рассола». Увидев его годы спустя, художник морщился и думал: «Как же я здесь ухитрился родиться? Чем здесь люди дышат?»

И о том же провинциальном, заплеванном Витебске, где на улицу выплескивались помои, где в луже посреди дороги блаженствовала свинья — несколькими строчками ниже: «Церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные строения, как на фресках Джотто».

Джотто — не более, не менее! Где теперь эти строения? Преображенными и увековеченными они остались лишь на картинах художника — и в его душе.

Вместе с трезвым недоумением: как здесь можно было дышать?

Я узнавал схожее чувство, вспоминая пейзажи своего московского детства: убогую деревянную халупу в Нижних Котлах, речку, которая не зря называлась Вонючка — ее окрашивал своими стоками каждый день в разный цвет стоявший выше кожевенный завод, пустырь, где среди камней и мусора прорастали цветы и травы, которые я до сих пор знаю лучше, подробней, чем всю флору последующих лет. Для благодарного детского восприятия это оказывалось такой же полноценной, прекрасной природой, как настоящие леса, луга, сады и реки, в которых можно было купаться.

Шагал, как никто, учит нас счастливой способности восхищаться дарованным нам миром. Через всю жизнь пронес он эту благодарную детскую восхищенность — соединенную с умудренной насмешливой трезвостью.

«Вы когда-нибудь видели на картинах флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, темно-карими, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жженой охры, в морщинах и складках?»

Это мой отец.

Или, может, вы видели картинки из Агады — пасхально-благочестивые и туповатые лица персонажей? (Прости, папочка!)»

Поразительны созданные им живописные портреты самых разных людей, родственников и случайных встречных. «Но описать их словами!» — восклицает Шагал, с нежной иронией любуясь своими тетушками. «У одной был длинный нос, доброе сердце и дюжина детей, у другой — нос покорооче и полдюжины детей, но больше их всех она любила самое себя — а что такого? У третьей нос, как на портретах Моралеса, и трое детей: зайка, глухой и еще неизвестно какой — совсем младенец».

Я провел детство среди таких женщин, хлопотливых, добрых, малообразованных, чадолюбивых, мастериц вкусно готовить. Они съезжались на семейные праздники, неумелыми голосами запевали непонятные мне еврейские песни. Если бы у меня хватило способностей написать о них с таким же родственным юмором! До меня дошли только обрывки воспоминаний об исчезнувшем мире времен моего деда и моих родителей. Я домысливаю черты этого мира, его воздух, глядя на картины Шагала и читая его. Мир тесной духоты и вкусных запахов, мир зеленых евреев, где пасли коров, учили Тору и помогали беднякам, зажигали по праздникам свечи, где щуплый мальчишка — мой отец — капал свечным воском на бороду ребе, задремавшего в хедере за столом.

«И вот я сижу, уставившись ему в бороду.

Я уже усвоил, что «а» с черточкой внизу будет «о». Но на «а» меня клонит в сон, а на черточке... В это время засыпает сам раби».

Я узнаю своего отца по рассказам Шагала.

Он вырос в этом мире — и он из него выросал.

«У меня было чувство, что если я еще останусь в Витебске, то обрасту шерстью и мхом», — сознает он однажды.

Чувство это было противоречивым. Достаточно посмотреть на его картины, чтобы понять, что значил для него Витебск. И много ли самому художнику было надо?

«При всей любви к передвижению я всегда больше всего желал сидеть запертый в клетке», — размышляет Шагал. «Я мог бы сутками не есть и сидеть где-нибудь около мельницы, разглядывая прохожих на мосту: нищих, убогих, крестьян с мешками».

Но не менее важной была для художника и другая, внутренняя потребность.

Как говорят некоторые знатоки иудейской религии, чтобы «ходить под Яхве», человек постоянно должен преодолевать инерцию привычного существования. На протяжении долгой истории евреям приходилось менять свою жизнь поневоле, преследования вынуждали их странствовать. Однако есть еще импульс душевный, требующий непрестанно развиваться, не задерживаться на месте — оставаясь при этом самим собой.

С тем же восхитительным своим юмором Шагал рассказывает, как, оказавшись однажды летом в одной деревне с «великим раввином Шнеерсоном», пришел спросить у него совета: ехать ли ему в Петроград.

«Думаешь, там вам будет лучше? — спрашивает раби. — Что ж, благословляю тебя, сын мой. Поезжай».

Художник в сомнении рассказывает, что его все-таки связывает с Витебском. Раби не возражает: «Ну что ж, сын мой, если тебе больше нравится в Витебске, благословляю тебя, оставайся».

«Господи! Велика мудрость раби Шнеерсона!» — восклицает Шагал. При всей ироничной интонации — разве не утверждался он всю свою жизнь именно в той же мудрости? Надо самому искать свой путь, ни на кого не оглядываясь, прислушиваясь лишь к голосу, который звучит в твоей собственной душе.

«Я бродил по городу, искал чего-то и молился:

«Господи..., яви мне свой путь... Я хочу видеть этот мир по-своему».

И в ответ город лопался, как скрипичная струна, и люди, покинув обычные места, принимались ходить над землей».

На картинах Шагала художник идет вперед, но голова его обращена назад. Внутренне он до конца жизни не оторвался от своего Витебска. Он унес его с собой в душе — вместе с детской способностью радостно изумляться миру. И мир не переставал открываться ему словно впервые.

Эту радость излучают краски его картин.

Знающие люди говорят о внутренней близости шагаловского мироощущения хасидизму. Хасидизм, — читаем мы у одного автора, — «учит, что Бог проявляется в обыденных вещах, что ему угодны не рассудок, а чувства, и не уныние, а радость, и что познать это дано только взволнованной душе».

Именно такой взволнованной и радостной была душа Марка Шагала — наперекор всем горестям и тяготам его непростой жизни. Сколько бы ему ни пришлось пережить: революцию и войны, нищету, болезни, опасности, голод — способность радоваться не оставляла его никогда.

«Затопили печь, — описывает он комнатушку, где ему после долгих поисков удалось поселиться с женой и дочерью. — С труб закапала влага в постель. В глазах слезы — от дыма и радости. В углу ватной белизной искрится снег. Мирно посвистывает ветер, плеск пламени похож на звучные поцелуи.

Пусто и радостно».

Дым, холод, снег в жилой комнате, бедный быт — ничто не может лишить человека этой радости, если способность к ней — в его душе. Вспоминаются стихи Осипа Мандельштама:

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Своим безразличием к внешним обстоятельствам жизни, к одежде Шагал напоминает мне другого великого мудреца, Альберта Эйнштейна. «Вообще терпеть не могу одежду и всю жизнь одеваюсь как попало». Он не горевал о множестве пропавших, украденных, отданных задаром картин. «Ну и ладно. По крайней мере, коль скоро картины достались даром, они не поленятся повесить их на стене».

Конечно, так проще было ощущать себя в сравнительно молодые годы. С возрастом, слава Богу, вместе с известностью пришла и несравненная обеспеченность. По рассказам, денежными делами сам Шагал занимался мало, передоверял их своей жене. Но один наблюдательный свидетель не без лукавства заметил, как во время переговоров о гонораре художник из-за двери на пальцах подсказывает ей желанную сумму. А что такого? — как сказал бы он сам.

Внутренне он до конца оставался все тем же витебским мальчиком — с глазами, распахнутыми в мир восхищенно и радостно. Я читал, каким просветленным оставалось его лицо даже в гробу. Вспомнились слова одного шумевшего в те годы философа о том, что всякая человеческая жизнь приходит к крушению. Нет, подумал я, не всякая.

Вот и художник — ребенок, заросший годами,
Как слоями древесных колец. Сквозь кору на щеке
Проступает лицо коровы, подсолнух — воспоминание
Обо всем, что не исчезает, пока хранится внутри.

Что ж, пора возвращаться в мир привычный, знакомый.
Но что с ним успело случиться? Как будто снялась
Поволока с переводной картинки, очертания, краски
Прояснились, освеженные влагой, — обновился зрачок.

МОЛИТВА ЯНУША КОРЧАКА

В дневнике, который Януш Корчак начал писать месяца за три до гибели, в мае 1942 года, воспроизводится разговор двух «дедов».

«Я вел правильную размеренную жизнь без потрясений и крутых поворотов, — с удовлетворением рассказывает о себе один. — Не курил, не пил, в карты не играл, за девицами не бегал. Никогда не голодал, не переутомлялся, не спешил, не рисковал. Всегда все вовремя и в меру...

— Я чуть-чуть иначе, — отвечает ему другой. — Всегда там, где достаются синяки и шишки. Еще был сопливым мальчишкой, как уже первый бунт, первые выстрелы. И ночи были бессонные, и тюрьмы столько, что любому юнцу было бы достаточно, чтобы поуняться. А потом война... Пришлось ее искать далеко, за Уральскими горами, за Байкальским морем, среди татар, киргизов, бурят, даже до китайцев добирался... Водку, разумеется пил, и жизнь свою, а не скомканный банкнот, на карту ставил. Только на девчонок, вот, времени не было... Папирос искурил без счета... И нет во мне ни единого здорового местечка. Но живу. Да еще как живу!»

Разговор, конечно же, вымышленный, но черты самого Корчака во втором собеседнике угадываются несомненно. И в

тюрьме он не раз сидел, и военным врачом во время трех войн служил, и в Китай его одна из войн занесла. Первый «дед» горделиво упоминает своих детей и внуков. «А у вас? Как у вас, коллега?»

— У меня их двести.

— Шутник вы, сударь!»

Если Корчак и подшучивал в своем дневнике, то немного над собой. Он никогда не был женат, единственной его семьей до конца жизни оставался созданный им Дом сирот.

Вместе со своими детьми он проделал последний свой путь — в лагерь уничтожения. Это доселе невиданное, потрясающее шествие описано неоднократно. Двести воспитанников приюта шли на вокзал по улицам, оцепленным эсэсовцами, стройной колонной, с пением, неся впереди свое зеленое знамя. И во главе колонны, держа за руки двух детей, шел невысокий рыжеватый человек, Старый доктор, Хенрик Гольдшмидт, известный читателям во многих странах мира как Януш Корчак.

По-разному пересказывались легенды, будто немцы «великодушно» предложили знаменитому доктору спасти свою жизнь, покинув детей. Известны свидетельства вполне достоверные: Корчаку задолго до расправы предлагали бежать из гетто, уже приготовлено было даже убежище, где он мог спрятаться, пережить оккупацию.

Обсуждалась целесообразность избранного им самопожертвования. Детей он не спас все равно, а мог бы еще сослужить службу другим — сирот в мире хватало. Не кончает же самоубийством врач, пациент которого умер от неизлечимой болезни. Он повел себя, говорили некоторые, не как обычный человек — как мученик, как святой.

Я, которого судьба от такого выбора, слава Богу, уберегла, который не может всерьез даже сопоставлять себя с этой несравненной личностью, все же пробую сам мысленно этот выбор к себе примерить. И позволю себе утверждать убежденно: не мученик, не святой, человек обычный, если его душа не извращена, поступить иначе не мог. Разве можно покинуть своего ребенка, когда он болен, когда попал в беду, когда ему угрожает опасность? Отказаться от своих детей, отпустить их на гибель, чтобы самому остаться в живых, — нет, даже представить себе, чем стала бы для тебя эта твоя дальнейшая жизнь, невозможно.

Ведь двести еврейских сирот, совершавших последний свой путь вслед за Янушем Корчаком, были для него своими детьми.

Мне труднее, признаюсь, представить себе другой, действительно не всякому посильный подвиг, которым оказалась вся жизнь этого во всем обычного, такого же, как мы, человека — подвиг, который он совершал постоянно, день за днем, в течение многих лет, в самые страшные времена, и не отказался от него до последних мгновений.

Он служил на фронте врачом, работал в больнице, к нему обращались за помощью не только евреи, но богатые, знатные христиане. Другие могли гордиться такой практикой. Он ушел из больницы ради Дома сирот — и записывает в дневнике: «Осталось чувство вины... Отвратительное предательство». Хотя и здесь он не переставал быть врачом — дети постоянно болели. Поносы, кашель, обморожение, дистрофия, сыпь на коже, — записывает он в дневнике. «Рвота — пустяки». «Незабываемые картины пробуждающейся спальни». Ежедневное измерение температуры, взвешивание, добыча пропитания для детей. Он сажает детей на горшки, моет им головы, стрижет им ногти. Это были его дети.

Между тем попадали они в Дом сирот по-всякому, доктор Гольдшмидт их не выбирал. «Город выбрасывает мне детей, как море ракушки, а я ничего — только добр с ними». Чаще всего это были дети из бедных, неблагополучных семей, с подорванным телесным и душевным здоровьем, нередко трудновоспитуемые. «У меня такое впечатление, что сюда присылают отбросы — как детей, так и персонала из родственных учреждений», — с горечью записывает Корчак. Удивительные, новаторские методы воспитания описаны им в знаменитых книгах, но можно иной раз лишь догадываться, чего это ему стоило.

«Пять стопок спирта, разведенного пополам с горячей водой, приносят мне вдохновение.

После этого наступает блаженное чувство усталости, но без боли».

Ведь и боли он чувствовал постоянно. Но больше боли, ухудшающегося здоровья, больше наваливавшихся одна за другой невзгод пугало его иногда другое:

«Вялость. Бедность чувств, безграничная еврейская покорность: «Ну и что? Что дальше?»»

Ну и что, что болит язык, ну и что, что расстреляли? Я уже знаю, что должен умереть. И что дальше? Ведь не умирают же больше одного раза?»

И в другом месте:

«Существуют проблемы, которые, как окровавленные лохмотья, лежат прямо поперек тротуара. А люди переходят на другую сторону улицы или отворачиваются, чтобы не видеть.

И я часто поступал так же...

Надо смотреть правде в глаза.

Жизнь моя была трудной, но интересной. Именно о такой жизни просил я у Бога в молодости.

«Пошли мне, Боже, тяжелую жизнь, но красивую, богатую, высокую».

Бог, видимо, и вправду услышал его молитву — сам Корчак жизни себе не облегчал. Дороже многого стоит это вырвавшееся признание: «И я часто поступал так же». Но он продолжал смотреть правде в глаза. Под грохот бомб и снарядов, вызывающе надев свой офицерский мундир, ежедневно, ежеминутно рискуя жизнью и презирая опасность, он носится по варшавским улицам, подбирает испуганных, заблудившихся, истощенных детей, поднимает с мостовой раненых. Он добывает им пропитание, обувь, одежду, он стучится в учреждения и частные дома, требуя помощи для Дома сирот — для своих детей, умоляет, кричит, угрожает. Словно царящие вокруг страх и растерянность наделяют его новой, неистощимой энергией. Он пишет обращения к евреям и к христианам: «Исключительные условия требуют исключительного напряжения мысли, чувств, воли и действий. Сохраним же достоинство в несчастье!»

Перечитывая эти строки сейчас, в сравнительно спокойные времена, поневоле снова оглядываешься на себя. Чему можем научиться мы, люди обычные, у воспитателя, вся жизнь которого оказалась подвигом, у человека, личность которого несравненна? Если бы хоть вот этому: способности бороться с такой знакомой каждому душевной вялостью, расслабленностью чувств, мысли и воли, способности хотя бы иногда заглядывать правде в глаза.

Сам Корчак именно этому учил своих воспитанников — никаких истин им не проповедуя.

«Мы не даем вам Бога, — говорил он, обращаясь когда-то к детям, покидавшим его Дом, — ибо каждый из вас должен сам найти его в своей душе.

Не даем родины, ибо ее вы должны обрести трудом своего ума и сердца.

Не даем любви к человеку, ибо нет любви без прощения, а прощение есть тяжкий труд, и каждый должен взять его на себя.

Мы даем вам одно, даем стремление к лучшей жизни, которой нет, но которая когда-то будет, к жизни по правде и справедливости.

И может быть, это стремление приведет вас к Богу, Родине и Любви».

Боже, мог он сказать перед смертью, ты дал мне, что я просил:
Жизнь, в которой прожить сполна каждый день
Было труднее, чем написать толстый том, как говорил поэт.
В каждом вмещалось больше, чем в книге или главе,
Сотни жизней входили в мою, становились частью моей.
Ты дал мне искать не для того, чтобы добраться до дна —
Чтоб, углубляясь, спрашивать вновь и вновь,
Дал понять, что не время делает нас — его делаем мы.
Жизнь оказывается не коротка — невероятно длинна.
Верны подсчеты Писания, я готов подтвердить:
Мафусаил вполне мог прожить почти тысячу лет.
Боже, ты дал мне жить, как я хотел, и даешь умереть,
Выбрав свою судьбу и не теряя себя.

2013

1.1.2013. Вчера долго смотрели картины Гали, не все, конечно, их за год оказалось 166 (не считая черно-белой графики). После полуночи, как всегда, прогулялись. У акведука грохотали фейерверки, в многолюдном кругу плясали кавказцы, нынешние дворники. Отовсюду слышалась нерусская речь.

Утром — ради символического знака — сделал несколько движений с 5-килограммовыми гантелями. И сегодня во время прогулки проскользил с разбегу на раскатанной ледянке. Всегда это любил, приятно было убедиться, что могу.

В книге Баткина цитируется стихотворение его знакомой: «Мой друг, какой позор — быть вечно юным! / Пора, мой друг, состариться, пора. / Душе — спустить натянутые струны, / Уму — спустить безумье со двора». Смешно не по возрасту молодиться, но быть вечно юным это, пожалуй, нечто другое. Состояние не зависит от цифры возраста. «Спустить натянутые струны» души — что это такое? «Уму — спустить безумье»? И дальше: «Пора утяжелить свою походку» — словно это зависит от желания. «Пора писать не главы — примечанья». Это почему? Баткин приводит слова Сахарова: научные открытия даются только в раннем возрасте. Не знаю. Силис не раз отвечал на мой вопрос, есть ли у него что-то новое: после 80 нового не бывает. У кого как. Великие художники работали и в 90. Для меня реален вопрос: смогу ли я написать еще что-то, кроме «Стенографии» (тех самых «примечаний»). Пока действительно не получается, но не оставляет чувство, что может еще получиться, надо только работать, думать. Независимо от результата мне это по-человечески что-то дает, помогает держаться. Как и способность к любовному чувству.

4.1.13. Ночью проснулся, заглянул в комнату, где спали девочки. Они лежали, разметавшись на раздвинутом диване в обнимку со своими игрушками. Такая нежность! Когда-то в этой комнате спал Алеша, один, потом с женой, потом Таня [моя

старшая дочь], потом Сеня [мой внук], потом Лена, мама девочка, одна, потом с мужем, их отцом, они для себя и купили этот диван, раздвигающийся на всю ширину маленькой комнаты.

Хазанов когда-то рекомендовал мне почитать книгу Пиа-мы Гайдено «Время, длительность, вечность». Открыть электронный текст не удалось, зато в аннотации я прочел цитату из французского философа Жана Лекруа: «Удовольствие всегда связано со временем. Всякая радость... возникает из отношения между временем и вечностью. Счастье связано с вечностью». Я написал на эту тему «Уроки счастья» (а совсем недавно «Сюиту счастья», хотя это немного о другом), но в таких терминах не думал. И про этого философа не знал, а ведь как хорошо сказано! Все неудержимей нарастает количество того, что мы не знаем. Во времена Пушкина можно было, в общем, знать всю современную русскую литературу, отчасти европейскую. Философы знали философов. Сейчас это физически невозможно. Выделяешь в меру возможностей доступный отсек, интернет помогает.

Сегодня в ФБ увидел замечательную «Молитву пожилого человека», которая висит на стене в доме кинорежиссера Алексея Германа со времен его отца-писателя. Вот одна из просьб: «Удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать». В разных отсеках интернета замкнувшиеся друг на друга блогеры занимаются именно этим: высказываются по очередному подкинутому им поводу, что-то с энтузиазмом одобряют, осуждают. Увидев, как осуждают очередную статью Захара Прилепина, решил заглянуть в нее. Есть много причин, по которым она может не нравиться, но кое-что у него перекликается с моими собственными мыслями. Например, упрек «либеральной интеллигенции», которая считает проблемами страны свои столичные проблемы, не представляя себе жизнь деревни, обширной провинции, даже не очень интересуясь этой жизнью. Когда-то мне понравилось высказывание А.Блока: «Я художник, следовательно, я не либерал». Но тогда либералами назывались совсем другие. (А перемены, потрясения в такой стране, как Россия, начинаются все-таки в центре, в столице, остальная территория вынуждена это принимать, так сформировалась история.) Желанным будущим для страны Прилепин считает не «либеральную эко-

номику», а «просвещенный патернализм». «Буржуазия — не наша аристократия». Это может пригодиться для одного из героев моего «Незачета»

6.1.13. «Звезда» опубликовала мои стихи. Дети часов до пяти оставались у нас

В интернете подряд публикации о положении в стране, о перспективах. Некоторые (Пионтковский, Буковский) пишут, что крах системы может произойти в любое время, даже в этом году Экономисты (Иноземцев, Ясин) оценивают ситуацию критически, однако наиболее вероятной считают стагнацию. Николай Вахтин, мой знакомый, опубликовавший вместе со мной в «Звезде», пишет, что выхода может и не быть, Россия продолжит медленно загнивать, распадаться

7.1.13. Утром обнаружил в компьютере письмо от Лены Макаровой. «Мы с мамой обалдели от твоих стихов в «Звезде». Такая сила!!!» (и еще много восклицательных знаков). Неожиданная радость (Инна Лиснянская!) Я сразу сел сочинять ответ им...

16.1.13. Сегодня Хазанову исполнилось 85, послал ему поздравление, выложил поздравление в ФБ вместе со своей статьей о нем из «Лехаима» и обложками нашей переписки. Ближе к вечеру поговорили с ним по скайпу, чокнулись о дисплей бокалами.

Поработал меньше, чем хотел, но мысли пока есть. Попалась на глаза прекрасная статья М.Гаспарова о стихотворении Мандельштама «Кому зима — арак...», я знаю его наизусть. Для меня прояснилось противопоставление заговорщиков («Пусть заговорщики торопятся по снегу») и бедного, но подлинного мира поэта («Я все отдам за жизнь»), связь стихотворения с известием о гибели Гумилева, которого Мандельштам мог представить себе заговорщиком. С этим стихотворением переключается другое, которое я тоже знаю наизусть: «Умывался ночью во дворе». Читая статью, я думал о своей прозе: надо выстраивать свой художественный мир так же крупно, глубоко.

20.1.13. В ФБ обнаружил замечательное письмо Аверинцева М.Эпштейну. Поразительна его вписанность в многовековую европейскую (не только русскую) культуру, его эрудиция, ум. И замечателен его неожиданно резкий отзыв о Чехове... «Вы повторяете... будто Чехова любят «все». Что значит «все»?... До чего Чехова ненавидел хотя бы Мандельштам... Как разделявает

Чехова в своих английских лекциях по истории русской литературы гениальный Мирский. (Безъязычие и т.п. удобно, мол, для перевода, поэтому иностранцы так любят)... Любопытно, к слову сказать, как из Чехова получилась икона интеллигентской порядочности...» (Дальше об антисемитизме Чехова.) «Из двух десятилетий густой и короткой литературной жизни сначала — суперодаренный технарь журнальной индустрии, по 120 рассказов по 1000 слов в год...» Конечно, тут он погибает. Чехов очень разный, в том числе в журнальных рассказах. А бескомпромиссный отказ Аверинцева признать право на будущее за шумными постмодернистами (Пригов, Рубинштейн, Сорокин), а также Глазнова, Церетели! «Неужели вам кажется, что они еще *есть*?»

23.1.13 Вечером посмотрел небольшой фильм об Алексее Германе, не уловил, какого года. Он занят съемкой фильма «Трудно быть богом» уже лет семь, еще не закончил. Повторяет несколько раз: я никому не нужен. Ни властям, ни интеллигенции. Интеллигенции остается все меньше, уезжают. О идее фильма: герой надеялся принести стране счастье, а стал всех убивать. О советских убийствах, об отце, о своей болезни. (Его лечили в больнице КГБ от воспаления легких, четыре раза, оказалось, в легких вода из-за болезни сердца.) И опять: я никому не нужен.

26.1.13. В Москве закрыли свои постоянные пункты немецкие газеты FAZ и Die Zeit. Слишком дорого и не имеет смысла: немецкие читатели теряют интерес к России. Когда-то именно эти две газеты я читал в спецхране БИЛ, делая обзоры прессы для журнала «Иностранная литература». Они считались самыми авторитетными.

Гена мне говорил, что в мюнхенских больницах сейчас много богатых русских: предпочитают поправлять здоровье здесь.

Что такое счастье? Оказывается, в вайнахском языке счастье и честь обозначаются одним словом.

5.2.13. Вчера весь день валил снег, сегодня выглянуло солнце. Давно не было такой красоты. Прогулялся на лыжах: сказочный, сияющий лес. Но ветки под тяжестью снега согнулись, приходилось наклоняться или обходить их.

С утра кое-как работал (Чехов, провинциальная философия), новые главы, вхожу с трудом. Вчера Лена прислала мне фото из учебника «Литературное чтение» для первого класса, по которому учится Лиза — оказывается, там есть задание по моему «Учителю вранья». «Сколько тебе лет? — Семь, — ответил Я. — То есть семь с половиной. — Ты что, не можешь запомнить точно? Я немного смутился. — Запоминаю, конечно. Но это все время меняется, надо перезапоминать». И т.д. Оказывается, этот забавный разговор можно использовать в дидактических целях. «В некоторых ситуациях важно знать и называть свой возраст... Почему нельзя точно запомнить свой возраст?» Неглупо. Я послал фото в издательство «Махаон», где собираются переиздавать «Учителя вранья». В письме Хазанову шутливо похвастался: «Сейчас у нас идут споры, кого из современных писателей можно рекомендовать школьникам — а я уже в учебнике».

5.2.13 Питерские физики направили запрос в городской «Водоканал», который официально заявил, что на станции ежегодно проводится обряд освящения воды. «Как отмечают работники станции, вода, прошедшая через него, действительно приобретает особые свойства». Физики попросили подтвердить (замерами физико-химических свойств воды), действительно ли она после «обрядя крещения» приобретает особые свойства. Один из авторов запроса констатировал, что «научное сообщество с опаской отнеслось к его инициативе. Коллеги побаиваются, что по новым правилам это назовут оскорблением чувств верующих, за это сажают в тюрьму... А что делать, если верующие оскорбляют чувства думающих и знающих?»

Одновременно пошли разговоры, не пора ли Волгограду вернуть имя Сталинград, призывали к референдуму. Кажется, немного утихло: не было отмашки с самого верху. Заговорили о возможности фашистской реакции. В Германии к фашизму привело не народное голосование (Гитлер не получил большинства), а сговор элит.

17.2.13. Умер Гриша Померанц. Вчера поздно вечером мне написал об этом Гена. Утром я сразу выложил в ФБ свою статью из «Лехаима» к 90-летию Гриши. Пришло предложение от электронного журнала colta.ru написать им о Померанце. Я согласился. Мой адрес им дал Борис Дубин

Позвонил Зине. Похороны будут в понедельник, в 12 часов панихида в малом зале ЦДЛ, потом на кладбище, не разобрал, какое...

19.2.13. Сегодня к 2 часам поехал в ЦДЛ на панихиду. Малый зал был полон (но всего лишь Малый зал). К своему удивлению, не увидел ни одного знакомого лица. Другой круг людей Из знакомых были только Лариса Миллер с мужем, да еще на минутку заглянул Володя Лукин, в официальном черном костюме, с Наташей. Расцеловались, обменялись обычными ритуальными словами, они спешили: много работы. Я слушал из вестибюля речи. Какие-то графоманы читали стихи. Меня попросили что-то сказать для канала «Культура», для ИТАР-ТАСС, я с трудом вспоминал слова...

Похоронили Гришу на Даниловском кладбище, за стенами православного монастыря. Думал, здесь уже не хоронят. Спросил Зину, как нашли для него здесь место, она сказала, что здесь похоронены его родители, мама умерла, оказывается, в 73-м. Отпевания не было, но какой-то бородач произнес над гробом православную молитву, положил Грише на грудь металлическую иконку, лоб повязал ритуальной лентой. Зина не крестилась, она держалась замечательно. Крестились и зажигали свечи другие. Я бросил в могилу Гриши горсть земли и ушел

О Померанце в эти дни говорили и писали во всех программах, во всех изданиях — в самых восторженных тонах. Вечером на канале «Культура», изменив программу, показали фильм о нем и Зине. Верней, о Зине и о нем. Фильм назывался «Второй». Гриша говорил о том, что Зина духовно выше, она открыла для него Бога и т.п., отодвигал себя на второй план, говорила Зина. Прекрасные лица, прекрасные фотографии — но что-то тут было не по мне. Я думал: кто это на самом деле воспринимает, при всей искренности дифирамбов? Женщины из их семинара, слушавшие стихи Зины в Музее предпринимателей и меценатов? Графоманы, читавшие стихи на панихиде? Люди, проводившие гроб до кладбища, крестившиеся, ставившие там свечи?

Еще раз заглянул в свой текст на colta — пожалуй, я, при всей уважительности, восхищенной любви к этому человеку, отметил оговорку, то, что, может быть, смутило интеллектуалов, писателей, не пришедших проститься с человеком, которого го-

товы хвалить, не понимая его по-настоящему. У меня много размышлений об этом разбросано по Стенографии. Невозможно повторить все здесь. Надо лишь следить за собой, чтобы не сфальшивить. Кажется, пока это удавалось.

21.2.13. Умер Алексей Герман — важный для меня человек.

23.2.13. Провели с Блюменкранцем беседу о Померанце в программе «Контекст» на канале «Культура» (ведущий Игорь Волгин.) Дали нам всего 7 минут, я готовился к большому. Потом прогулялись с Михаилом по холодной солнечной Москве. Он ориентируется в арбатских переулках лучше меня. Ему понадобилось зайти в знаменитый «Фаланстер», магазин интеллектуальной книги. Я, к своему стыду, был там первый раз. Я вообще давно не покупаю книги, смотрю, что мне нужно, в интернете. Несметное множество изданий, в которых невозможно ориентироваться. Михаил купил три тома каких-то западных философов. Я скромно спросил, нет ли у них книг Харитонов. Есть, ответил молодой продавец, не заглядывая даже в компьютер, издания НЛО и переписка с Хазановым. А переписку с Хазановым покупают? — осторожно поинтересовался я. Конечно, покупают, уверенно ответил молодой человек. Сегодня написал об этом Хазанову. В магазине было, к моему удивлению, много покупателей.

Потом часа два гуляли с Блюменкранцем по московским переулкам, он излагал мне свои философские и культурологические концепции о состоянии мировой цивилизации. Пересказать не берусь, это превышает возможности моего интеллекта, я только задавал вопросы.

1.3.13. Первый день весны. С утра выпал обильный снег

В «Новом времени» статья Баткина — анонс его книги «Эпизоды моей общественной жизни», которая выходит в марте. Очень хорошая статья, я тут же написал ему Рад, что он опять может стать актуальным, его еще помнят.

Баткин о «шестивиях по бульварам»: «Эта волна провалилась... Не на митингах происходит изменение режимов. Должна быть крепко сплоченная массовая структура, должны быть серьезные лидеры... Должна быть покрывающая всю страну организация, которая поставит на первый план социальные вопросы — зарплаты, пенсии, налоги, ЖКХ». Ближе к тому, что я думаю.

3.3.13. Ночью, засыпая или проснувшись, подумал, что мои собственные суждения о современной литературе и культуре, не только русской, могут быть только поверхностными. Я просто ее не знаю — и никто по-настоящему не может знать, как все-таки знали ее сто лет назад. Писателей стало неизмеримо больше, и это такая же особенность новой цивилизации, как появление новых медиа: кино, ТВ, интернета. Мечта о структуре, сообществе интеллектуалов, филологов, философов, критиков, которые могли бы давать оценки, просто неисполнима, и вероятно, уже навсегда. Гессевские касталийцы занимались умственными конструкциями, игрой в бисер, художественное творчество там было под запретом...

5.3.13. Мерзкое чувство от сталинской годовщины, опять обсуждают «противоречивую фигуру». Не хочется об этом.

Интересная публикация социолога Левинсона в «Неприкосновенном запасе»: интеллигенция для населения по влиятельности на предпоследнем месте, ниже только профсоюзы, ступенькой выше политические партии. Наверху, конечно, президент, а за ним его администрация и олигархи. Не правительство, не Дума. Интересно, что церковь к 2013 опустилась с 10-го места на 15-е: в ней не видят значительную силу.

Я прикинул: на Западе профсоюзы были бы на одном из первых мест — а интеллигенция? «Левые» интеллектуалы, например, довольно влиятельны, но интеллигенция ли они? Интеллигенция ли наши телеведущие, весьма популярные? Или они идут по другой графе: газеты, радио, ТВ? В 2001 году они были на 4-м месте, в 2013 — на 8-м.

8.3.13. Вчера в ФБ я увидел интервью Бориса Дубина: о сохраняющейся неопределенности в отношении к Сталину, о равнодушии значительной части общества, о катастрофическом состоянии интеллигенции. Решил написать ему: «Хорошее интервью Вопрос, на кого оно должно произвести впечатление. Все вопросы и упреки приходится обращать к себе, вот беда». Он тут же откликнулся: «Ну, да, конечно, об этом и речь. Тем более, что возможностей влиять на чувства, образы и мнения, что называется, народа ни у кого, кроме образованного сословия, как мы понимаем, не было: «советский человек» это ведь «советский интеллигент», — кто же еще был в шко-

лах, библиотеках, музеях, редакциях, на радио и телевидении и проч.» Тут же предложил встретиться числа 11–12-го. Я на такую реакцию и рассчитывал...

9.3.13. Съездили с Валерой и Леной в Переславль-Залесский и в Ростов Великий. Почти до самого Пушкино вдоль дороги теснились бесконечные торговые заведения, вывески, рекламы: стройматериалы, потолки, крыши, автозапчасти, тонирование стекол, дома, бани. «Квартирный романс» (с рифмой «финанс») повторялся на многих щитах... Всего не перечислить. Трудно представить, как люди могут столько покупать, а ведь покупают, и живут этим. Бедные, когда-то дачные домишки доживают свой век, приходят в упадок среди этих крикливых вывесок. Памятной с детства природы почти не осталось, жизнь обитателей представляю с трудом. За Пушкиным началась природа, прекрасные леса, снежные равнины. День был морозный, солнечный, я все пытался вспомнить Мандельштама, вспомнил, лишь заглянув дома в книжку: «И все уютится, плоится без морщин / Равнины дышащее чудо... / А солнце щурится в крахмальной нищете...» Как объяснить не видевшему это, что здесь каждое слово непостижимо точно, картинно. Ветер выровнял поверхность снега (уютится), но четкие края маленьких бурюнов застыли (плоятся, точнее не скажешь). Застывшая тонким настом поверхность снега отблескивает на солнце (щурится в крахмальной нищете). Чудо. Равнины дышащее чудо.

Переславль-Залесский отстроился за годы, что я здесь не был. Все церкви и монастыри, которых почти не было видно, восстановлены, покрашены. Я многого не узнавал, пока не увидел подлинную драгоценность, Спасо-Преображенский собор 1150 года. Несравненные пропорции, гармония, музыка. Вокруг сувенирная торговля, неплохая, не пошлая. На балконе жилого, барачного типа, дома рядом с прекрасным храмом российский флаг с надписью: «Господи, даруй России царя православного!» А при въезде реклама: «Ночной клуб «Армада»».

Ростов впервые меня по-настоящему восхитил. Восстановлена центральная жемчужина, Кремль, а главное, собор Успения Богоматери. Не буду описывать красоту, башни и купола, крытые серым и серебристым лемехом, золоченую резьбу колонн в храме. (Иконостас остался еще пустым, разоренным, после ослепительного солнца внутри глаза не сразу стали видеть.)

На обратном пути заглянули в монастыри близ Переславля, мужской Свято-Никитский, женский Свято-Никольский (если память не изменяет). Женщинам при входе предлагалось надеть юбки поверх брюк, не захотелось. Посмотрели архитектуру бегло, снаружи. Слишком много.

Перед автозаправочной станцией дежурили четыре девицы в мини-юбках и коротких курточках, ноги в прозрачных чулках, на таком-то морозе! Одна курила, некрасивое деревенское лицо. Жизнь рядом с храмами и монастырями. Мы здесь лишь туристы.

11.3.13. Встретились в кафе «Билингва» с Борисом Дубинным. Подарил ему, наконец, наш с Хазановым двухтомник, а к нему свою «Стенографию начала века». Он мне подарил книжку Чеслава Милоша «Родная Европа», в переводе которой участвовал. Посидели часа два за бокалами неплохого пива. Вначале я расспрашивал его. Он ушел из Центра Левады, потому что устал и потому что сказал в социологии все, что у него было. Я заметил, что последнее интервью (сегодня было в «Известиях» о новом интересе к книгам в России) — все же о социологии. Он отмахнулся: это между прочим, разговоры по телефону, я их даже не читаю. Ездит, когда ему оплачивают дорогу и пребывания, иногда платят гонорары

24.3.13. Вчера умер Березовский. Меня с ним однажды знакомила З.Б. Помню расслабленное потное рукопожатие. Сейчас множество комментариев, слухов. Этот человек больше многих знал о самых мрачных секретах власти, прошлой и нынешней. Я думал: если у него есть записи об этом, он мог бы обеспечить ими свою безопасность. Намекнуть: если сделаете со мной что-то, они будут опубликованы. Интересно, если они действительно есть.

25.3.13. Анекдоты на тему затянувшейся зимы.

Дед Мороз в Великом Устюге переизбран на второй срок.

Грачи распаковывают чемоданы.

Сегодня 53 февраля.

26–27.3.13. Врачи комментируют затянувшуюся зиму: это не только напрягает организм, уставший от холода. Здоровью могут повредить обманутые ожидания: нарушается привычный ритм. Говорят о проблемах для сердечников, гипертоников. Вспомнилось, что когда-то я именно в конце марта, во время

школьных каникул, уезжал с детьми куда-нибудь в Крым, мне самому нужен был отдых, голова плохо работала. Нет, вроде бы пока держусь.

29.3.13. В БИЛ был вечер, посвященный памяти Померанца Зал был полон, было много прочувствованных, искренних выступлений. Я (уже в самом конце) прочел фрагменты из писем Гриши ко мне. («Человек *обязан* быть счастливым».) Все пришедшие получили в подарок CD, где записаны 10 (!) телефильмов с участием Зины и Гриши. Показывали один фрагмент: Гриша на даче сидит, молчит, совершенно без сил, Зина делает над ним какие-то пассы руками, он оживает. Женщина, автор фильма, прокомментировала: мы были свидетелями чуда, решили оставить эти кадры. И другой ее комментарий: на телеканале «Культура», для которого они делали фильмы, ее спросили: что вы так носитесь с этим Померанцем, он же идиот? Я думаю, сказала женщина, Григория Соломоновича это слово бы не оскорбило, идиот Мышкин был его любимым героем. Я взял четыре штуки для подарков.

20.4.13. Работа вошла, кажется, в новую стадию, Сюжет, отношения, персонажи вроде бы ясны, остается наращивать вещество, плоть внутри сюжета. Решил связаться через ФБ с Мих. Ямпольским, которого когда-то читал для работы, даже распечатал одну его статью. Показался мне интересным культурологом, публицистом. Он откликнулся, написал, что ему показался интересным мой замысел про филолога-пенсионера, отставшего от жизни. «Об этом отставании я мог бы много рассказать». Меня он, конечно, не читал, как не читает вообще прозы. «Меня хватает только на чтение стихов. Поэзия давно считалась вымирающим видом, но вдруг, по-моему, ожила, совершенно неожиданно своей краткостью совпав с эпохой интернета. Проза же в целом, по-моему, как это не ужасно, уходит на вторые роли... Во многом это, по-моему, связано с изменением роли линейного письма в культуре». Меня он хочет почитать, попросил посоветовать, с чего начать. Возможно, это стимулирует некоторые мои рабочие мысли.

28.4.13. Вернулись из четырехдневной поездки с Валерой и Леной. Валере надо было в Нижнем Новгороде налаживать какую-то программу со своим прибором, там что-то не получалось, пригласили помочь. Он решил поехать на машине (ему

обещали оплатить), позвал в путешествие нас. Владимир — Боголюбов — Гороховец — Нижний Новгород — Городец и обратно тем же маршрутом. Во Владимире и Гороховце мы были 8 лет назад, примерно в то же время. Главное впечатление — прекрасный разлив: Клязьмы (во Владимире и Гороховце), Волги и Оки (в Нижнем Новгороде), Волги в Городце. Во Владимире нас застал дождь, поднялись под зонтиками к прекрасному храму, полюбовались видом, на обратном пути немного прогулялись, посмотрели подробней. От Боголюбова (очень красивый монастырь, синие купола) не удалось, как в прошлый приезд, приблизиться к церкви Покрова на Нерли: ступени перехода через железную дорогу уходили прямо в воду, можно было увидеть издали лишь смутные очертания сквозь ветки деревьев. Вчера была суббота, лодочник на моторке подвозил желающих полюбоваться, к нему выстроилась очередь. Гороховец мало изменился, только церкви подновили, подреставрировали (не до конца). Мотель, в котором мы остановились и на этот раз, расширился, в сквере поставили бюст Высоцкого (хозяин мотеля гордится знакомством с ним). Из брошюры узнали, что Гороховец сейчас — горнолыжный курорт. Прелестный, чистый городок. Валера фотографировал прекрасные церкви, монастыри, дома. В столовой мотеля, где мы завтракали (европейский уровень), на стене висели цветные фотографии знакомых видов (и в рекламной брошюре те же) — мне смотреть не хотелось. Было чувство, что фотография убивает живое впечатление. Возможно, я неправ, память неточна. Зашли там в книжный магазин, Лена купила путеводитель, я оглядывал прилавки, полки: учебные пособия, справочники, словари. Художественной литературы, мне показалось, нет. Потом на отдаленной полке увидел все-таки: Дарья Донцова, несколько других корешков прочесть не смог.

Нижний Новгород показался вначале беспорядочным, разнородным, как будто возникал без плана, без перспективы. На центральных улицах, (в том числе на Большой Печерской, где мы остановились в общежитии Лингвистического университета), рядами стоят деревянные одноэтажные дома, разной сохранности, за ними громоздятся многоэтажные новостройки. Сохранились дома разных стилей, с классическими колоннами, «стиль поздней эклектики», «русский кирпичный стиль», как

можно прочесть на разных табличках. Одна табличка сообщает, что дом стиля модерн был построен для политкаторжан царского времени, все жильцы дома были расстреляны в 1937 году. Много церквей, сияют золотые купола. Город сохранился отчасти потому, что не был разрушен в войну.

О Кремле не говорю, это по разряду достопримечательностей. Вид на разлив, где Ока впадает в Волгу, неописуем. Интересны бывали вывески, надписи. Придорожное кафе «Тризна» (под Владимиром). Понравилось древнее слово, похоронные ассоциации не пришли хозяевам в голову. Названия улиц в Нижнем Новгороде: Крановая, Высоковольтная, ул. Вторчермета. И уж совсем прекрасное: шоссе Жиркомбината.

От Москвы до Владимира и Нижнего — нагромождение торговых построек, громадные вывески, рекламы. Насосы, турбины, тенты, стройматериалы, запчасти, бурение на воду, автосервис, компьютерный сервис, принт-сервис, риэлтерское бюро. В Нижнем особенно любят иностранные слова, не всегда понятные. Магазин Шайба-жантоз. Лучше всего латинскими буквами: аптека Farmani, Concert Hall, Инструменты jet. Рядом с домом Кашириных, где провел детство Горький (мы туда заглянули, очень интересно), кафе Peshkov. И еще несколько заведений с тем же названием. Почему не Пешков?

А еще я списал два наклеенных листка. «1-го мая марш против грабежа и геноцида. Сбор в 15.30 у кинотеатра «Октябрь». Отобрать и поделить. Другая Россия». Другой листок наклеил прямо передо мной молодой человек в кашпошоне, в компании еще двоих: «Кровь, отечество, вера. Wotan Jugend». Про таких я еще не слышал. Мы шли по набережной из Художественного музея, где были вначале единственными посетителями (потом подошли еще четверо). Интересная немецкая деревянная скульптура XV-го века, Кранах, Эль Греко. «Это было конфисковано», пояснила нам пожилая служительница. Что-то было у графа Шереметьева, что-то, наверно, и у купцов.

Городец сейчас обновленный, нарядно подкрашенный, пряничный городок для туристов. В основном одноэтажный, деревянный. (Есть здесь и местные городецкие пряники, мы попробовали в кафе, куда зашли попить чаю.) Тихий, милый, уютный, дети бегают по улицам. Когда-то его любила рисовать Маврина, но он был не такой декоративный. У кафе к нам по-

дошел человек, ему не хватало 4.50 на выпивку. Тут же заглянул с деньгами в магазин, вышел повеселевший, доброжелательный, благодарил. Я спросил, как сейчас живут в Городце. Он не успел ответить, Валера подогнал машину. Это вопрос, который я задавал себе всю дорогу. Надо бы здесь пожить, хотя бы поговорить с людьми. Приходится признать, что реальную жизнь в стране я не знаю, туристические впечатления недостоверны. Много машин, на дороге в часы пик пробки и в Москве, и во Владимире, и в Нижнем, колонны громадных контейнеровозов из разных мест. (Я для забавы смотрел по номерам в атласе, откуда.)

В Нижнем включил ТВ: Путин встречался с общественностью; смотреть я не мог. К реальности эти слова не имеют отношения (как, увы, и вопли оппозиции). Я пробовал представить, как это воспринимают в Гороховце, в Городце — не мог. Путин умастил население прибавками к зарплате и отчасти к пенсиям, сделать это позволяют (позволяли до поры) нефтяные цены, а не рост производства. И население соглашается этим довольствоваться...

Всего, конечно, не запишешь. Лёд на Горьковском водохранилище (по пути из Городца). Огромная круглая луна в устье улиц при возвращении в Нижний. Прекрасные леса вдоль дороги, особенно от Владимира до Нижнего. Прекрасная, еще не совсем испорченная страна.

В машине Лена ставила записи шлягеров, довоенных и послевоенных. Некоторые я узнавал: «Брызги шампанского», «Риа-Рита», «Кукарача». Мысли вертелись вокруг работы. Возникло желание написать о простеньких мелодиях, которые сопровождают жизнь и значат для большинства больше, чем высокая литература. Мысли о лукавой провинциальной философии и лукавых фэнтези. Я делал об этом заметки на листках.

7.5.13. Во «Второй навигации» интересная работа В. Кантора о Герцене и отклик Блюменкранца на его книгу «Крушение кумиров или Одоление соблазна». Один из этих кумиров Герцен. Я когда-то очень любил его «Былое и думы», давно не перечитывал. Если судить по статье В.К., Герцен не столько рассказывал о себе, сколько сочинял свой приукрашенный миф. Он поощрял революционных террористов вроде Нечаева, несет долю ответственности за убийство Александра II, фа-

тальное для русской истории. И сомнительный Огарев рядом с ним, эта красивая школьная легенда о клятве на Воробьевых горах, и достойные суждения о нем Каткова, которого мы привыкли считать реакционером. Все больше и больше надо пересматривать, преодолевать — не систематически, это дело профессионалов, для таких, как я, от случая к случаю. Общий урок — быть все время настороже, не доверять привычным хрестоматийным оценкам.

(А кто из пишущих не создавал миф своей жизни? Гоголь создавал, Горький, Блок, Ахматова создавали, Пастернак создавал. За Мандельштама это сделала Надежда Яковлевна. Толстой в дневниках пытался противопоставить мифу предельную правду о себе — но это и стало мифом, и тоже соблазном.)

8.5.13. Вдруг резко потеплело. +22°, неподалеку от нас зацвела вишня. Дубин пригласил нас в «Мемориал», где работает его сын Антон. Я, кажется, не записал, что «Мемориалу» предложили, среди других некоммерческих организаций, зарегистрироваться в качестве «иностранного агента», поскольку он получает деньги из-за рубежа. Один из способов задушить независимые, объективно оппозиционные структуры. К ним приходят с обысками, налоговыми проверками, вызывают на допросы и т.п. Обстановка все напряженней. Концерт устроен в знак поддержки «Мемориала».

Выступал квартет «Студия новой музыки». Исполнялись две части струнного квартета Рахманинова №1, квартет Александра Мосолова № 1 (1926) и квартет Шостаковича № 8. Про Мосолова я услышал впервые. Оказалось, этот композитор был довольно известен в 20-е годы, своего рода футурист в музыке, ему не давали звучать, он сильно пил, в 1936 году отсидел полтора года, после этого совсем сдал, пил еще больше. Я кое-что послушал и почитал в интернете. Говорят, его сейчас вспомнили, он становится известным. Музыка оказалась действительно интересной.

Рассказывал обо всех перед исполнением Владимир Тарнопольский, композитор и художественный руководитель ансамбля. Он, среди прочего, говорил о невостребованности современной музыки, наши знаменитости, Башмет, Спиваков, стали все больше коммерческими музыкантами, квартетов не стало. Я потом подошел к нему, спросил, знает ли он имя Ма-

рутаева. Слышал. Я сказал, что после него остались превосходные квартеты, хорошо бы их исполнить. Но где найти ноты? — сказал он. Как где? В Союзе композиторов, в нотной библиотеке. — Везде все развалено, ничего найти нельзя. Я сказал, что у меня есть ноты его 1-го квартета, назвал имя Романа Леденева, которого Тарнопольский знал. Он заинтересовался, записал мой телефон. Хорошо, если бы нашли ноты Марутаева, если бы его услышали.

А потом я рассказал ему, как слушал первое исполнение 8-го квартета Шостаковича в Союзе композиторов. Об этом у меня сохранились записи на листках. (См. Приложение к стенограмме. «Реквием себе».)

11.5.13. Поздравил с днем рождения Жоржа Нива.

Политическая тенденция в стране вроде определилась: подмораживание, попытка реставрировать, насколько возможно, Российскую империю, глядя больше на Восток, чем на Запад. Развитие современной экономики, науки откладывается, страна продолжает отставать от мира в самых важных областях. Чем это может обернуться, знают как будто все.

А мне вспомнилось поверх логики: аномально холодное лето 1601 года, сплошные дожди, мороз летом, неурожай, эпидемии, голод — предпосылки Смутного времени — вызваны были, как поняли уже в наше время, извержением вулкана где-то в Южной Америке. Такое отмечалось не раз в мировой истории. Даже так называемое «осевое время» 8–3-го тысячелетий до н.э., одновременный расцвет разных мировых цивилизаций, связывают теперь с глобальным похолоданием. Какой там Гегель с его историческим разумом, Хлебников с его нумерлогией! Вспомнился опять Чижевский, он связывал политические катаклизмы с солнечными бурями (см.13.3.11). Тоже может быть, хотя проследить трудней...

14.5.13. В № 5 «Звезды» неожиданно лестная рецензия С.Лурье на нашу переписку с Хазановым. При всей своей ложной скромности позволю себе процитировать (все-таки не совсем обо мне, о соавторах):

«Прилагательные неуместны, а существительные подворачиваются совсем пустые: восхищение, благодарность, зависть, почему-то и печаль. Но вам же известно это наслаждение — почти безнравственное: спокойно, никуда не торопясь, пожить

чужим умом. И не хочешь, а крадешь. Чего только не прочитали эти двое. И подумать успели уже очти обо всем. И почти обо всех. И пишут — по вьевшейся привычке — так, что лучше нельзя. Короче говоря — высший класс. Даже закрадывается мысль, что литература все еще существует и имеет значение».

Удивительно, как несколько строчек могут звучать сильней десятка страниц. Не ожидал. Он вообще критик язвительный, даже похвалит, покусывая. Работу с утра это немного сбило.

21.5.13. Стал читать статью М.Эпштейна, которую он мне рекомендовал, «Конструктивный потенциал естественных наук», нашел для себя немало интересного. Он цитирует другого автора: «К научным революциям ведет не открытие новых фактов и даже не интерпретация известных фактов, а внезапное изменение взгляда на мир». И цитата из Эйнштейна: «Воображение важней знания». От какого-то развития мой герой-литературовед отстал больше, чем я думал, мне самому надо кое-что заново переосмысливать. Тоже не бесполезный опыт...

29.5.13. Вчера Борис Дубин пригласил меня в книжный магазин «У кентавра» на презентацию своей книги «Порука. Стихи и и переводы». Я до сих пор, к стыду своему, не знал, что он в 60-е годы писал стихи, был даже членом известной тогда группы «Смог» (Союз Молодых Гениев). С тех пор он стихи не пишет, но переводит с нескольких языков. Очень хорошо говорил о поэзии, о переводе, читал на память стихи других авторов. Эрудиция, прекрасная память, хорошо поставленная речь. Было человек 20, выступавшие говорили в основном о проблемах поэтического перевода, спорили, кого-то ругали. Давно я не бывал на таких переводческих тусовках. Про себя опять поневоле думал, что поэтический перевод в принципе невозможен. Если он удается, это каждый раз чудо.

Перед зданием РГГУ впервые в Москве увидел цветущую белую акацию, благоухание неописуемо. Сначала ощутил его, потом поднял голову. Улицы вечером спокойны, малолюдны, всюду кафе, за столиками молодые люди. Очень приятно было пройтись.

3.6.13. Подписал присланное мне письмо в защиту Левада-центра (против преследований по закону об «иностранных агентах».) «Нападение на Левада-центр открывает новый этап в политике, нацеленной на то, чтобы запугивать и уничтожать те

силы гражданского общества в России, которые неудобны властям». Ну, нельзя сказать, что «открывает» — продолжает. Началось после возвращения Путина на пост президента в 2011, когда он ощутил, что теряет поддержку «продвинутой» части общества (это подтверждается исследованиями того же Левада-центра), стал закручивать гайки. Об этом много писали, здесь не хочется повторять общеизвестное. Говорят, что «гайки» оказываются скорей пластмассовыми, противостояние в обществе усиливается, власть делает ставку на пассивное большинство, бюджетников и пенсионеров, которые предпочли бы стабильность. Это срабатывает, пока нефтяные цены позволяют население подкармливать, хоть кое-как. Но противное чувство, унижается достоинство свободных людей.

28.6.13. Повторен или побит температурный рекорд 1911 г., почти 32°. В транспорте, метро и автобусах без кондиционеров, говорят, душегубки. Гулять днем невозможно, поэтому мы сегодня встали пораньше, пошли в лес до завтрака. Оглушительно пахнет цветущими липами. Вынес компьютер на лоджию...

Мальчик в черной майке, на спине надпись: «А мне пофиг. Я одуванчик».

29.6.13.

Что хочешь ты: помнить больше
Или больше забыть?

7.7.13. В метро на ВДНХ входили молодые люди, испачканные цветными красками, веселые, довольные. Сегодня там проходил фестиваль Холи: отголоски древнего индийского ритуала. Люди посыпают друг друга разноцветными красками, растительными, говорят, даже полезными. Праздник весны. Вечером я видел по ТВ, как они духарились. Потом, правда, попали под дождь, в метро входили уже мокрые, но разноцветные. Я подумал о своей работе: какая политика может интересовать этих веселых людей, какие аресты и т.п.? Протестное движение затрагивает тысячи людей, не больше, и только в Москве. Надо додумать.

Замечательную фразу услышал от Марата: какая-то рублевская дама наорала на актрису, та вежливо ответила. «Ты что мне выкаешь, блядь? — разошлась дама. — Что ты мне выкаешь?»

10–14.7.13. После ночевки в Истре — путешествие с Валерой и Леной по маршруту: Ржев — Осташков — Нилова Пустынь —

Торопец. По пути купались в Волге, Селигере, озере Соломено. Ржев был практически разрушен во время войны. Из 56 тыс. жителей после войны осталось 150 человек. Военные памятники: танк, галерея героев; один необычный: памятник погибшим в локальных войнах.

На всем протяжении, десятки км. — прекрасные леса, много хвойных. И почти нет посевов. Поля стали пустошами, заросли высокой травой, мелкоколесем. Лишь один раз встретили небольшое стадо. Во Франции, Германии на много км. пасутся стада. Чем здесь живут? Во всех городах и поселках громадные рекламы: строительство, продажа участков, коттеджей, обслуживание, ремонт автомобилей и т.п. Впечатление, что здесь не нужно ничего производить, но деньги есть. Одеты хорошо, много машин. Остатки местной промышленности.

На берегу Волги, где мы остановились по пути к Ржеву, рыбаки рассказали: сейчас рыбу глушат электричеством, опускают в воду провода, включают генератор, рыба всплывает. Ее становится все меньше. На заросшем травой куполе разрушенной церкви — гнездо аистов.

Кафе «Вестфалка». Магазин «Секрет мясника». «Продажа червей» (в Селижарово и в др. местах). Домишки с завалинками — давно не видел. Провинциальная любовь к иностранным словам и буквам на вывесках: Молоко and (знак) виски (Селижарово). Territory of Vikings (на берегу Селигера, Осташков, готическим шрифтом; другого языка, кроме английского, они, видно, не знают.)

В Осташково меня заинтересовала обветшавшая колокольня, часы на ней шли и показывали точное время. На месте разрушенной церкви сейчас сквер, памятник Ленину — там, где был когда-то алтарь. Об этом нам рассказала женщина, сидевшая на скамейке. В 44-м году она видела, как разминировали окрестную территорию, стояли неразорвавшиеся бомбы или снаряды выше ее головы. Заглянули в женский монастырь на берегу Селигера. Молодой монах рассказал, что здесь в церкви был молочный завод, производство сыра, должно быть, размятчило кладку, церковь рухнула. Сейчас ее восстанавливают. На земле стоял роскошный золоченый купол и ряд колоколов, прикрытых полиэтиленом.

У девушки-москвички белая майка с надписью: «Мне много не надо: власть над миром и что-нибудь покушать».

Ночью в пол 12-го здесь было еще светло, в пол 4-го, когда я проснулся — уже светло.

Нилова Пустынь на Селигере. Неподалеку знаменитый лагерь, где собирают прокремлевскую молодежь, мы видели его по дороге. Прекрасные места. Перед монастырем торгуют сувенирами. Самое сильное впечатление на меня произвели две доски у входа, на польском и на русском. Русскую я списал: «В этом монастыре с сентября 1939 г. по май 1940 г. содержались в заключении сотрудники государственной полиции и полиции Силезского воеводства, пограничной и тюремной охраны, а также солдаты, жандармы корпуса пограничной охраны и других формирований Войска Польского. 6311 человек из них были приговорены к смертной казни. Местом убийства был Калинин (Тверь). Затем летом 1940 в Осташков привезли солдат Войска Польского из Латвии и Литвы, а в 1944–45 солдат Армии Крайовой. Почтим память всех казненных и замученных поляков, содержащихся здесь в заключении. Соотечественники. (Rodacy).» В знаменитой Катыни было убито 4421 человек.

Пустынь освящена и, наверно, открыта для туристов два года назад. Прекрасный монастырский комплекс посреди озера, не полностью восстановлен, купола позолочены каким-то ненастоящим белесоватым золотом. Мы поднялись на колокольню: прекрасный вид, озеро обмывает остров со всех сторон. За право подняться на колокольню — 100 руб. с человека, за право фотографировать 100 руб. Вот еще некоторые расценки (требы): поминовение по прокомидии (1 имя) 250 руб., сопрокоуст 600, 1 год 1000 руб., навечно 10 000 руб. Нет чувства святости, намоленности.

На другой день в Торопце я включил в гостинице (отель Кривитекс — что это значит? Здесь жили когда-то кривичи) проповедь патриарха Кирилла по ТВ. Тема: закон. Надо блюсти закон, подчиняться закону; если не соблюдать закон, все идет прахом — и в том же духе. Лишь изредка добавлялось: закон Божий. Но слушатели, думаю, воспринимали прежде всего это: надо быть законопослушными. Я слышал и читал проповеди протестантов, католиков, иудейских священнослужителей. Там проповеди часто поясняются, подтверждаются житейскими примерами, притчами, у иудеев, случается, анекдотами.

Зато в Воронеже церковники запретили отмечать день Ивана Купалы и праздник Нептуна. Протоиерей Кураев пояснял: отмечать языческие праздники значит отдаваться во власть дьявола. Это в стране, где церковь отделена от государства. А народ саами подал в суд: кто-то оскорбил их шаманскую религию.

Торопец. Река Торопа, озеро Соломено. Милый, чистый городок, хорошо сохранился. На домах в 1–2 этажа доски: жилой дом XVIII-го — XIX-го века. Сохранившиеся, подновленные церкви. В одной служил отец будущего патриарха Тихона, сам он жил здесь в детстве и отрочестве. Возле домов, во дворах поленицы дров, заросли бальзамина. К нам подошел человек лет 40 с велосипедом, с крестом на груди поверх майки, стал петь хвалу Торопцу. Как я люблю этот город! Я мог бы о нем много рассказать. Я спросил: а как здесь живут? Он замылся. Дочке 20 лет, он предпочел, чтобы она отсюда уехала. Здесь нет работы. Но какой город! Здесь церковь, в которой венчался Александр Невский! Тут я засомневался: церковь, которую он нам назвал, построена в конце XVIII-го века, Невский венчался в XIII-м. И что они знают про него?

Меня больше интересовала жизнь здесь. Хороший памятник директору местной школы поставили ученики после его смерти — замечательно! На закрытой церковной двери записка с номером мобильного телефона: если вам очень нужно войти в храм, позвоните, и вам откроют. Доска у небольшого дуба: «Молодой дубок, семя от семени дуба, посаженного Александром Невским в 1239 г.» Прелесть. На стенде: На войну было призвано более 7 тыс. жителей города, не вернулось более 6 тыс. Объявление о приеме в филиал Московского гуманитарно-экономического института. За мальчиком, купавшимся в озере, и его мамой приехал на такси дедушка-таксист. Мальчик укутан полотенцем. Ночной клуб Jameson (в двухэтажном здании XVIII-го века.) Магазин 1000 мелочей: опарыши, мотыль, черви.

Пытаюсь понять общее ощущение: как здесь живут люди? Как воспринимают московские новости? Внешне здесь все благополучно, но работать негде. Многие окна в Осташкове забиты досками, жителей, пишут, стало в полтора раза меньше. Социологи пишут, что агрессивность перемещается в провинцию, я по

здешним впечатлениям не могу судить. Мигрантов с Кавказа или из Средней Азии здесь не видел. Пока остаются высокие цены на нефть, так еще может держаться.

В лесах и полях небывало много слепней (или оводов, я их путаю, или тех и других.) Раньше донимали комары. У дороги продают шкурки песцов — наверно, сотрудникам питомника выдают зарплату натурой. «Энергетическая» пирамида у дороги: говорят, если сюда принести семена, они напитаются энергией и дадут особый урожай. Я и под Москвой видел такие. Многокилометровый ремонт Рижского шоссе, Валера вел виртуозно. Аист на обелиске у поворота на Ржев. И мысли о работе.

20.7.13. Представительный опрос городского и сельского населения старше 18 лет в 45 регионах: кого вы считаете выдающимся российским поэтом XX века? На первом месте с большим отрывом Есенин, за ним Маяковский и Высоцкий. Барто и Михалков опережают Пастернака, Гамзатов и Танич опережают Гумилева и Мандельштама. Дальше Галич, Бродский, Дементьев и Асадов. Затруднились дать ответ 17% среди женщин, 23% среди мужчин. Надо точно понимать, в какой культуре мы живем, для кого пишем.

23.7.13. Я послал результаты опроса о поэзии Хазанову; он, как и можно было ожидать, констатировал упадок вкусов. «Величайшие поэты века, Блок, Ахматова, Мандельштам оказались оттеснены псевдопоэтами Асадовым и Гамзатовым, любимейшими названы барды Высоцкий и Окуджава» и т.д. Пожалуй, стоит привести мой ответ: «Я ожидал от тебя примерно такой реакции, дорогой Гена. Оболваненное российско-советское население не дотягивает до вкусов литературного профессионала. А ты можешь представить себе такой же опрос в Германии? Какой процент населения (не филологов, простонародья) назовет среди любимейших поэтов Бенна или Целана, как ты? Скорей назовут вряд ли тебе известных Liedermacher или рок-звезд. Если вообще кого-нибудь назовут. Не говорю об Америке, вообще Западе, и не только нынешнем. Меня удивляет скорей процент тех, кто вообще не интересуется поэзией: всего 17 среди женщин и 23 среди мужчин. Посмотри в моей «Стенографии» от 3.1.2000 анкету «Шпигеля». На вопрос: читаете ли вы художественную литературу или предпочитаете Sachbücher и газеты? — 20% ответили: литературу, 52% — Sachbücher и газеты, 4% отве-

тили, что вообще ничего не читают. В России, а в советской особенно, интерес к поэзии вообще был незаурядный. Вспомни в моей «Апологии литературы» свидетельство Шаламова («Афинские ночи»): «У каждого грамотного фельдшера, сослуживца по аду, оказывается блокнот, куда записываются случайными разноцветными чернилами чужие стихи — не цитаты из Гегеля или Евангелия, а именно стихи. Вот, оказывается, какая потребность стоит за голодом, за половым чувством, за дефекацией и мочеиспусканием. Потребность слушать стихи, не учтенная Томасом Мором. И стихи находятся у всех». В анкете Левада-центра лукавство другого рода: многие называют любимыми поэтами Барто, Маршака и Чуковского, которых действительно читали в детстве или читают сейчас детям, Цветаеву или Бродского скорей знают по имени, чем на самом деле читали, Гамзатова вообще сочинили русские переводчики. Сейчас у нас призывают сократить изучение литературы в школе — по примеру Запада, там давно больше учат составлять деловые тексты, поинтересуйся. Моя младшая дочка полгода проучилась когда-то в Оксфордской школе, она знала Шекспира и даже Конан Дойла лучше своих английских сверстников. Важно трезво сознавать, в какой культуре мы, пишущие люди, существуем, на чей интерес можем рассчитывать»

24.7.13. Хазанов на мое письмо ответил: «Ты абсолютно прав». И привел эпизод, когда его снимали для Баварского телевидения. «Я должен был сидеть за столом и делать вид, что работаю над своими сочинениями. Журналистка подошла и спросила, что я написал на листе бумаги. Это был Фауст, первая строфа Пролога на небе, стихи, которые я помню наизусть с младых ногтей. Оказалось, что она ничего этого не знала и даже чуть ли ничего об этом не слыхала».

28.7.13. Съездили с Галей на выставку графики Оскара Рабина в Мультимедиа арт музей. Так теперь называется бывший Музей фотографии на Остоженке. Прекрасная графика. Особенно мне понравились четыре картины маслом. Я вообще Рабина люблю. Но действительно неожиданным впечатлением оказался для меня сам музей. Просторные залы на семи этажах, да еще и в подвальном этаже, инсталляции, фотографии, стереофотографии прошлого века с обнаженными натурщицами, зал игровых проектов и т.п. Центральный дом художника не

может себе позволить такие выставки, там за участие надо платить, а здесь скорее сам музей платит художникам и коллекционерам. Наверно, это известно, но для меня было неожиданностью. В воскресенье почти безлюдно. В вестибюле мы взяли бесплатную газетку с обзором выставок, из нее кое-что узнали. Проект «Оболочки»: художник рисует вещи, одежду и обувь отдельно от людей; на картинке красные кроссовки, критик объясняет смысл. Экспозиция «Вырезай и вставляй» посвящена технике коллажа, ставшего «своеобразным символом эпохи», как поясняет текст. Выставка «Playtime — мифология игр» «исследует феномен компьютерной игры и ее технику взаимодействия с человеком». Мы мимо этой выставки прошли, не задерживаясь, там играли дети... Ну, и т.п. инсталляции и выставки. Могу лишь вообразить, на какие средства живут эти художники, кто их покупает — а ведь современное искусство представляют теперь они. Мне был понятен лишь Рабин, но он уже антиквариат. Коллекционер, который представил его графику на выставку, купил эти работы когда-то за копейки.

Рабин назван представителем «лианозовской группы», все ее участники стали классиками. Когда-то Сидур говорил мне, что он не любит групп, коллективных выставок, он сам по себе. Но ему стать известным помог Карл Аймермахер — редкий случай. Лемпорт и Силис, которые начинали вместе с ним, уйдут малозамеченными. «Лианозовцев», кроме существования группы, конечно, сделало известными участие в скандальной «бульдозерной» выставке. Сидур и от этого уклонился. Мне его позиция была близка — еще и потому, что я сам по личным качествам был одиночкой. На меня сработала Букеровская премия, но уже и это перестает работать. И надолго ли останется Сидур, сказать не берусь так уверенно, как прежде. А вот бренд лианозовцев продолжает работать.

29.7.13. Я не делаю записей о нарастающем церковном мракобесии. Вчера отмечали День военно-морского флота, церковь запретила традиционный с давних времен «Праздник Нептуна»: нельзя помянуть языческих богов, русалок, никого, кто не был с Ноем в ковчеге. (Как будто они знают, кто там был.) До этого так же запретили праздновать день Ивана Купалы, ирландский Хэллоуин — все это разгул сатанизма. Не говорю о законе об оскорблении религиозных чувств, о нападках на

геев, разгроме музея Набокова, запрете художественных выставок, появлении кафедры теологии в МИФИ и пр., и пр. Одновременно вчера в Киеве отмечалось 1125 лет со дня крещения Руси, патриарх повез туда на специальном поезде крест, на котором распяли Андрея Первозванного. К этому кресту неделю до того выстраивалась очередь в Москве, было перекрыто движение. Где начинается суеверие, где кончается религия? На фотографии бородачи в черном на приеме у президента России — он, а не патриарх для них главный. Меня лично это задевает мало, я не смотрю ТВ и редко выезжаю в город. Но в интернете сетования на эту душливую атмосферу.

12.8.13. Гена как-то написал, что моя Стенография психотерапевтически на него действует. На меня иногда тоже. Зачем-то понадобилось заглянуть в 2012 г., во время юбилея и потом Утехи. (Приближается время отдыха, сомневаемся, полететь ли туда опять.) Стал читать — и зачитался. О возможности согласия и равновесия с миром, с самим собой. О разговорах с Комой и Камой. О невосприимчивости, непрочитанности — и редких встречах. О разочаровании в бывлых кумирах. Все меньше прочитанного, увиденного мне нравится, все больше вызывает оговорки. (Чувство, будто меня может устроить только гениальное, Фолкнер, Феллини, Кустурица. Так, конечно, нельзя.) Все больше записей можно предъявить при жизни как эссеистику.

16.8.13. Кафедра прикладной философии.

17.8.13. Публикация (в «Дружбе народов») новой книги Светланы Алексиевич «Время second-hand». О людях, мир которых (не просто жизнь — мир) разрушили события последних лет. Я читал с огромным сочувствием — и в то же время с какой-то оговоркой: чего-то мне здесь не хватает. Другие книги Алексиевич я принимал с полным доверием: о женщинах на войне, о жертвах Афганистана, Чечни, Чернобыля, о самоубийцах. Я узнавал из них неизвестные мне области жизни, своего опыта у меня тут не было. Но в это время я жил, сам многое знал, искал ответы на те же вопросы, это происходило со мной и вокруг меня. Но ее собеседники там и застряли. «Я искала тех, — пишет Светлана, — кто намертво прирос к идее, впустил ее в себя так, что не оторвать — государство стало их космосом, заменило им все, даже собственную жизнь. Они не могли уйти из великой истории.., быть счастливыми иначе.

Человек хочет просто жить, без великой истории... Этого не знала русская литература... Человек не замечал своего рабства, он даже любил свое рабство».

Вспомнилось, как Светлана спросила меня восемь лет назад: «Скажите, а есть сейчас кто-нибудь, способный обобщить, сказать про все, что произошло с нами за последние 20 лет?» — «Нет, одного такого человека нет, — сказал я. — Это делаем мы все, вместе. И может быть, хорошо, что нет одного властителя дум, — добавил я. — Захотелось бы следовать за ним, не думая самим. Не дай Бог никому нашей жизни, но она заставляет нас мыслить более напряженно, чем многие люди на Западе» (13.4.05).

21.8.13. Проснулся рано. День начал с писем. Поздравил с днем рождения Кому, на этот раз не по телефону, послал письмо. А в ФБ выложил воспоминание о нем:

«Сегодня день рождения Вячеслава Всеволодовича Иванова. Для друзей он Кома. Уже добрых полжизни не перестаю им дружески восхищаться. Сейчас мне попала на глаза запись, не вошедшая в мою «Стенографию». Это было более тридцати лет назад. Кома пригласил меня в Институт славяноведения, где тогда работал, там актер Зайцев показывал «Стулья» Ионеско. (Замечательный, кстати, был спектакль.) Перед началом к Кома подошла сотрудница, попросила прочесть ее статью. «Когда вам можно позвонить?» — «Зачем звонить, я сейчас прочту», — сказал Кома. Открыл первую страницу, повернул ко мне, чтобы я тоже мог читать. Статья начиналась с разбора стихов Целана, он знал, что я читаю по-немецки. Но я не успевал прочесть даже двух строк, он бегло перелистал страницы и отложил — начался спектакль. В перерыве сотрудница подошла еще раз, он ей статью не просто вернул — высказал подробные замечания. Оказывается, вовсе не перелистывал, успел все прочесть, и толково.

Многое можно бы рассказать об этом человеке. Рад сегодня его поздравить»...

23.8.13. Парень в белой майке с надписью на спине: Русский, встань! Так и хочется спросить: а что, не встает?

В «Знамени» последняя статья Померанца «Дух цивилизации». Статью он надиктовал. Зина в предисловии рассказывает: примерно за три месяца до смерти Гриша ослеп, ноги ему отказали, с трудом, с помощью ходунков, передвигался по квартире.

Книги ему читали. «Слушал он избирательно и только самое глубокое, питающее душу». (Я вспомнил, что примерно тогда ему читали мои эссе в альманахе ПЕН-клуба.) Несколько последних дней был без сознания от боли.

По ТВ «Жар-птица» и «Фейерверк» Стравинского. Вначале архивная запись 1962 г.: Стравинский дирижирует в Ленинграде (фрагменты). Потом Булез в Лувре, все целиком. Впервые Стравинский произвел на меня такое сильное впечатление.

25.8.13. Это не язык становится приблизительным, примитивным. Это приблизительной, примитивной становится мысль. Щеголяют модной, плохо переваренной, по-настоящему не переведенной для себя с чужого языка терминологией.

28.8.13. Лизонька сдавала первый экзамен в художественную школу. Задание детям было странное: нарисовать колонну. Объясняли: у колонны есть основание и т.п. Лиза нарисовала колонну огненную. Не знаю, как это выглядело. Своеобразная работа мысли, мне бы и в голову не пришло

26.9.13. *Утеха*. Фантастический закат: чистое круглое солнце погружается в море на фоне темной густой тучи. Я ждал, что на самом деле оно за ней скроется, как бывало не раз, и закат опять окажется от меня скрыт. Объяснение может быть одно: туча на самом деле совершенно прозрачна. Но такая на вид густая, темная? Нет, необъяснимо, сказочно.

1.11.13. Спускается атмосфера мракобесия, надо все-таки об этом написать. Вот передо мной выступление Патриарха на открытии Всемирного русского народного собора (уже XVII-го, есть и такой.) «Россия никогда не была тюрьмой народов. Здесь не было народов первого и второго сорта... Мы имеем традицию самоограничения, столь важную в обстановке надвигающегося дефицита ресурсов и острого экономического кризиса... Защита ценностей... Очень опасной может быть перспектива отчуждения русских и прежде всего молодежи от государства, государственных структур, руководства бизнесом». Ну, и об особом месте русских. Министр культуры там же — о чуждости западных ценностей. По ТВ время от времени прославляют Сталина, не говорю о разных газетах. Нужна идеология, нам не хватает Сулова, советский человек был в чем-то лучше нынешнего, думающего о деньгах. А еще проект единого учебника истории. Не говорю о разгроме Академии наук. Перечис-

лять можно много, ответных голосов я пока не слышал, и сам ведь голоса не подаю. Только напоминаю себе, что нынешнее время не сравнить с прежним. На жизнь близкого круга это не очень влияет, только оскорбляет вкус и нравственные представления. Но вот какую почву это находит в так называемых массах — ожидания порой мрачные.

Журнал «Отечественные записки» хотел сделать темой №1 (52) за этот год тему «Мракобесие», «Рациональное и иррациональное», остановился на заглавии «Кризис рациональности». Известен маятник: «Общественная мысль, уклонившись, скажем, вправо, непременно скоро свернет влево. И наоборот... Средневековые сменяется Просвещением, торжество прагматической идеологии — “периодом архаического синдрома” и т.д.».

17.11.13. Посмотрели «Алису в Зазеркалье» в театре Фоменко — хорошо. Прекрасно было сидеть среди детей — какое это для них зрелище! Фантастические новые возможности оформления, движущиеся декорации. Раньше для каждой надо было рисовать новый задник, менять, опускать. А тут взять хотя бы сцену, где на глазах (даже я, взрослый зритель, не уследил) буфет необъяснимо превращается в лодку, плывущую по волнам. Не знаю, правда, как дети восприняли абсурдный юмор Кэрролла.

3.12.13. Умер американский издатель Андрэ Шиффрин. Я встречался с ним в Париже в 1994 г., вспоминал об этом 18.11.02: «Он незадолго перед тем (в 1990-м) основал издательство «Нью Пресс», выпустил по-английски мой роман «Линии судьбы», говорил о желании издавать литературу действительно высокого уровня — и о том, насколько это в Америке непросто». В 2001 г. он закончил книгу «Легко ли быть издателем. Как транснациональные концерны завладели рынком и отучили нас читать», пишет в ней, что как раз тогда, в 90-е годы стала все ощутимее нарастать цензура рынка, массового вкуса и прибыли. «Изучив издательские планы за несколько десятилетий, я с уверенностью заявляю: здесь перемены произошли значительные и, возможно, необратимые... За последние десять лет книгоиздание изменилось больше, чем за все предшествующее столетие». Я по этому поводу тогда же писал: «Вывод приходится сделать такой: покуда качественное чтение было запрограммировано обществом как норма, оно и было нормой

для миллионов. Тоталитаризм облегченной, развлекательной, массовой культуры искусственно формирует категорию потребителя, не желающего, да и не способного напрягать мозги для мало-мальски серьезного чтения».

И там же добавил: «Единственное, что я могу этому противопоставить — все то же личное, “аскетическое” сопротивление».

В той же записи (от 18.11.02) я цитировал Н.Я Мандельштам, не грех напомнить себе еще раз — в минуты сомнений нет большей поддержки. “Основная черта Мандельштама — он не боролся за свое место в жизни, потому что не хотел... Иногда он начинал сомневаться...: уж не его ли ошибка, что он все видит не так, как огромные толпы?” Надо бы выписывать больше: о способности оставаться верным себе среди всех, кто искал успеха, приспособлялся к победителям, их представлениям и вкусам. Все эти достижения превратились в пыль, а созданное Мандельштамом осталось».

Вообще удивительно бывает себя перечитывать

20.12.13. Неделю не делал записей. Вычитал 35 глав романа: можно их считать существующими, хотя работать еще придется. Осталась последняя, 36-я, не только самая нерешенная, самая трудная, но, похоже, самая важная, «замковая», на которой будет держаться все остальное. Почему-то хочется завершить ее до Нового года — при всей условности дат, цифр. Поставленный срок стимулирует. Помнится, так же к Новому году я бурно завершал «Двух Иванов», «Сундучок», что-то еще, был в гриппе, с температурой. Может быть, это подстегивало. (При обычной зимней усталости.) Сейчас состояние совершенно другое, такого еще не было. Я сплю часов семь, вчера встал в 5 утра — и никакой сонливости. Прошелся по лесу быстрым шагом, «большой круг», через акведук и дальние пруды, километров 10. Взял с собой маленьких Мандельштама и Бродского, раза три-четыре останавливался, читал по 1–2 стихотворения. («Музыка в засаде» — это можно бы использовать в гл. 36.) Слушал по ТВ 1-й концерт Шостаковича для скрипки с оркестром, соло скрипки из 3-й части хотелось бы послушать еще раз: надо держать в уме возможность драматической страстности, вообще разные возможности. Компьютер, кстати, дает возможность послушать все, что хочу, с изображением, и звук хороший. Вспом-

нил про Джойса, открыл — надо будет и в него заглядывать. Не говоря о Фолкнере. «Свет в августе» я читаю перед работой, по ходу работы, полстраницы, четверть страницы.

Словом, на решающий приступ! С Богом! Ничто другое так не наполняет дни радостью. (Кроме, конечно, любви, жизни с Галей, ее работ.) По ТВ гламурные сюжеты: суррогатная двойня у звездной пары, пятиэтажный дом, прислуга... бр-р, не хочется злословить. Я представляю, как Пастернак после работы гулял по переделкинским дорожкам, никуда не ездил. Ну, может, по вечерам к нему приходили гости, вот такого общения у меня не стало. Впрочем, до 70 и у меня было больше всякого, и ездил куда-то. Беда, что не только наш лес гибнет, болеет, на дорогу падают засохшие деревья, не стало ни лосей, ни зайцев. Наш зеленый квартал, сквер, улица испоганены громадными трубами (бипайс), под окнами вырыли глубокую траншею, заполнили какими-то конструкциями, трубами — и около месяца назад все работы свернули, стройка на небоскребах, ради которых расширялись коммуникации, остановилась — как я понимаю, не стало денег. До будущего года их не дадут, и неизвестно, дадут ли потом. Очевидное (из окна) свидетельство кризиса. Сообщение за сообщением: на железных дорогах многие рейсы отменены, часть рабочих переведена на неполную зарплату. То же на автомобильных заводах, (чтобы не увольнять совсем, сделав очевидной безработицу, работают неполную неделю), на многих других. Люди получают пособия или не получают ничего, это только начало. Дорожают продукты, проезд на транспорте. Бедствует, разрушается медицина, в провинции просто нет врачей, больниц. Позавчера ко мне приезжал Юра, медицина — его сфера деятельности, он вел переговоры с руководством больницы Семашко, рядом с нами. Рассказывал невеселые истории.

Новость последнего дня: Путин помиловал Ходорковского
22.55. Только что вернулся с новогодней вечеринки НЛО (Клуб «Мастерская» у Театрального проезда.) Ни одного знакомого, кроме Шкловского да Ирины Прохоровой. Дождался, пока закончится капустник на тему Олимпийских игр, подошел к Ирине поздравить (она стала главой партии Гражданская платформа), но сказал, что для такой страны, как наша, интеллигентная партия, боюсь, немного преждевременна. Она ответила:

«Но когда-то надо начинать». Передал привет от Гали. Со Шкловским немного поговорил. Издание новой книги откладывается, пока не распродана «Стенография», а как она может быть распродана, если лежит на складе, магазины не берут? Дождется рано или поздно. Важно, что существует.

27.12.13. В ФБ интересное интервью Боруха Горина. Рассказывает, как он пришел к иудаизму. В 1989 г., 16 лет, приехал в Америку, куда уже переселились из Одессы его родители, собиравшись там учиться в ешиве. Написал письмо Любавичскому ребе, тот неожиданно ответил, что надо возвращаться в Москву, чтобы *«увеличилась жизненность там»*. Он завершил учебу в Москве, в полулегальной ешиве, и в 18 лет (1991) стал создателем и редактором журнала «Лехаим». В 18 лет. Я написал ему несколько строк.

По ТВ Ирина Прохорова говорила о том, что в литературе ценно лишь то, что востребовано временем... Рукописи, написанные «в стол» безнадежно устаревают, время движется все быстрее. Моя тема. О том, есть ли в искусстве «имманентное» содержание, о непризнанных гениях...

31.12.13. Год был наполнен работой над повестью «Незачет» («Заглавие в конце»). Вчера кое-как, начерно все-таки выстроил последнюю, 36-ю главу. Почему-то хотелось обозначить какое-то достижение до конца года. Сказать, что работа уже существует, пока не могу, но если будет дано время, действительно завершу. Нет уверенности, что и уже сделанные главы держатся на уровне, к которому стремлюсь. Уровне, о котором я напоминал себе, открывая наугад любую страницу Фолкнера. Надо будет написать на эту тему эссе, продемонстрировав на примерах, что я считаю уровнем...

Приложение к Стенограмме

МУЗЫКА СКВОЗЬ СКРИП

Памяти Григория Померанца

1

Мы познакомились с Григорием Соломоновичем Померанцем в мае 1972 года у нашего общего друга, замечательного востоковеда Евгении Владимировны Завадской. Она показала Померанцу мою статью об иронии у Томаса Манна, только что опубликованную в журнале «Вопросы философии». Померанцу статья понравилась.

— Но ирония все-таки ограничивает, — заметил он. — На уровне религиозном проблемы иронии снимаются. Прорыв на этот уровень давался иногда Достоевскому. Томас Манн оставался больше в области культуры.

Соотнесенность с религиозным уровнем определяла его литературные оценки, отношение к разным областям жизни, философским системам. Померанц не принадлежал ни к одной конфессии, не придерживался никаких ритуалов, но я не знаю человека более религиозного, чем он. Религиозно было все его мироощущение.

В одной из недавних его статей я прочел: «Глубинное ядро одной религии ближе к глубинному ядру другой религии, чем к собственной поверхности». Прекрасно, не правда ли? А мне он еще много лет назад как-то сказал:

— Окна у людей могут быть разной формы, квадратные, прямоугольные, круглые. Но свет, который в них льется, для всех один.

В упомянутой статье об иронии у Томаса Манна Померанца среди прочего заинтересовала в мысль о том, что человек, ввязавшийся в политику, поневоле вынужден бывает расстаться с иронической позицией. Политика делает всех в каком-то смысле ограниченными, вынуждает принимать однозначные, поневоле упрощенные решения. Для творческого человека благо — разделившись с политикой, вновь вернуться к иронии.

Как раз в те годы, когда я с ним сблизился, Григорий Соломонович отошел от активной диссидентской деятельности. Отчасти потому, что многое в этом движении оказалось ему чуждо, отчасти потому, что не чувствовал себя Дон Кихотом. «Политическая безнадежность освободила меня от политических задач, — писал он позднее. — Свобода от практической цели сделала семидесятые годы самыми плодотворными в моей жизни. Я писал «Сны земли», писал о Достоевском и попытался довести до печатного станка теоретические наброски, начатые в 60-е годы с целью создать альтернативу официальной концепции всемирной истории».

Как-то я увидел на его столе письмо, пришедшее из Италии; адресовано оно было «профессору Померанцу». Никто за рубежом представить не мог, что обращаются они к рядовому библиографу без всякой ученой степени, не защитившему даже диссертации. В свое время Померанц написал их даже две: одну, еще незаконченную, изъяли при аресте и сожгли, другую защитить не дали. Так он до конца жизни без степени и обошелся. (Не знаю, удостоился ли какой-нибудь университет хотя бы запоздало присвоить ему ее *honoris causa*?)

Он в те годы работал библиографом в Фундаментальной библиотеке Института общественных наук. Мне случалось туда к нему заходить. Померанц реферировал поступавшие в библиотеку книги и статьи на разных языках, писал на них аннотации, давал мне копии. Эта малопrestижная работа открывала ему, однако, возможность знакомиться с мировой мыслью, наращивая незаурядную эрудицию.

Я стал часто бывать у него, в небольшой двухкомнатной квартире на улице Новаторов, где они с женой Зинаидой Алек-

сандровной Миркиной жили до недавнего времени. О том, что значила всю жизнь для Григория Соломоновича эта женщина, мне вряд ли написать лучше самого Померанца. Ее стихи воспроизводятся во многих его статьях и книгах, не просто подтверждая его мысли — у них общее мироощущение. Впрочем, то, что объединяет этих людей, можно назвать проще: любовью.

— Мы с Гришей живем уже много лет, и наша любовь не только не слабеет, но становится сильнее, — сказала мне однажды Зина (мы все трое с первых же дней знакомства стали называть друг друга по имени). — Те, кто сами этого не испытали, не поверят, что такое возможно.

Однажды я обнаружил, что телефонный аппарат они уносят в другую комнату и прячут там в ящик для белья.

— Вот почему я вечерами не мог к вам дозвониться, — сказал я.

— Да, вечерами мы слушаем музыку, — ответил Гриша. Утром они оба работали, днем ходили гулять в ближний лес.

4

Мы жили в годы, когда время от времени возобновлялись разговоры о неизбежной, уже близящейся катастрофе. Померанц эти страхи не разделял.

— У меня есть чутье на большие расстояния. Конца в одной отдельно взятой стране не будет. Россия как-то выпутается. Проблема в том, что будет с человечеством в целом.

Он не принимал и утверждений, будто в наше время происходит разрушение личности.

— Личность разрушается всегда, — сказал он мне однажды, — она сохраняется и развивается, только если противостоять потоку. Даже в сравнительно спокойные времена она разрушается, если человек идет по течению.

Может быть, именно постоянная душевная напряженность, готовность идти против течения, преодолевая внешние обстоятельства, позволила этому человеку, отнюдь не блиставшему здоровьем, дожить до своего возраста.

«Я не хочу, чтобы моим друзьям непрерывно везло, — можно прочесть у него в «Записках гадкого утенка». — Дерево, выросшее под ветром и дождем, лучше оранжерейной пальмы. В нем больше внутреннего напряжения, жизни, красоты».

«Когда видишь Григория Соломоновича Померанца, — написал я в статье к его 90-летию, — слушаешь его тихую точную речь, не так просто себе представить, что этот узкоплечий, небольшого роста, на вид слабый человек провел на фронте всю войну, водил в атаку солдат, был ранен, а после войны прошел через сталинские лагеря, участвовал в правозащитном движении, не раз переживал угрозу нового ареста».

5

До сравнительно недавнего времени Померанц ездил на велосипеде за продуктами в дачный магазин. Однажды, собираясь приехать ко мне и уточняя по телефону адрес, он спросил, можно ли от метро не ехать ко мне на автобусе, а идти пешком. Я был тронут: ему в тот год исполнилось 67 лет, и он поехал на другой конец города, чтобы продолжить начатый по телефону разговор о моем только что законченном романе «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». Гриша был первым читателем этого романа, который тогда существовал только в рукописи, перепечатать рукопись взялся его сосед. Меня ободрил добрый отзыв Померанца, но запомнились и его оговорки. Ни один мой герой, по его словам, не нашел пути к «высокой жизни», которая возможна даже в наших условиях, даже в провинции. Он подтверждал это рассказами о своих многочисленных корреспондентах из разных городов и даже прочел мне большое, очень умное письмо одной несчастной и незаурядной женщины, которая в духовном одиночестве напряженно ищет чего-то, к чему-то пробивается.

Для него с Зиной очень много значило общение с разными людьми. Оба вели обширную переписку, много выступали. Однажды знакомая библиотечарша попросила меня помочь: у нее сорвалось чье-то назначенное выступление перед читателями. Я позвонил Померанцу — он с готовностью согласился выступить.

— Вы не любите публичные выступления? — спросил меня. — А для меня они очень важны.

С годами вокруг него и Зины сложилась своего рода община поклонников, слушателей, читателей, просто людей, которым нужны их совет, слово, поддержка. Выступления обоих записывались, записи эти, включая ответы на вопросы, изда-

вались на деньги, собранные почитателями, на такие же пожертвования издавались и другие их книги. Тиражи были, конечно, небольшие.

— Мне телевидения не хватает, — услышал я от Померанца несколько лет назад. Сотрудники одного из каналов рассказали ему, что его 90-летие на телевидении было велено не отмечать. Довольно скоро, однако, отношение к нему и Зине изменилось, было снято несколько программ с их участием. Автор одного из газетных откликов заметил, что после появления на экране таких людей, как Померанц, чувствуешь, насколько фальшивы там другие персоны. «Редкий случай подлинности», писала газета. Это не то же самое, что гениальность. Гениальность дается от природы, подлинность нарабатывается жизнью.

6

В мае прошлого года я прочел в одной из статей Померанца размышления о гедонизме Запада как об одной из примет его кризиса. Что-то для меня самого в этой теме оставалось неясно. Захотелось позвонить Григорию Соломоновичу, уточнить: как он определит различие между гедонизмом и счастьем?

Трубку взяла Зина, я задал вопрос сначала ей. Она ответила: счастье — это обращенность к другим, связь с другими, связь с миром. Я засомневался: когда молодые люди наслаждаются любовью, объяснишь ли им такими словами, что гедонизм — это еще не счастье?

— А и не надо объяснять, — ответила Зина. — Есть влюбленность, и есть любовь. Это надо чувствовать, знать. Вы не поверите, сколько мы получаем отзывов, какие письма нам пишут. На недавний мой вечер специально приехали люди из других городов.

На этом вечере, в апреле, за месяц до нашего разговора, я был, Померанц мне позвонил, позвал. Зинаида Александровна читала стихи в неизвестном мне прежде Музее предпринимателей, меценатов и благотворителей. Для меня оказалась неожиданной молодость аудитории, я там показался себе едва ли не самым старшим. После чтения я подошел к обоим, спросил Гришу, откуда такое множество молодых. Прежде на таких вечерах было больше моих ровесников.

— А это наш с Зиной семинар, — объяснил он, — мы ведем его уже 16 лет.

Обращенность к другим, связь с другими — так она понемалу стала счастьем. Потом трубку взял Гриша, я задал ему тот же вопрос.

— Счастье, — сказал он, — это внутренне чувство. Гедонизм связан с внешними ощущениями, а счастье внутри.

И стал рассказывать, какое для него счастье: подойти к окну и увидеть рощу, освещенную солнцем. Третий год жизни в новой квартире не оставляло его это чувство счастья.

Я не мог не заметить: а разве в прошлом доме, в панельной пятиэтажке, где у них рощи под окном не было, он не мог чувствовать себя счастливым независимо от вида за окном? Что говорить, Гриша сам знал это лучше меня.

«Я был счастлив по дороге на фронт, — можно прочесть в тех же «Записках гадкого утенка», — с плечами и боками, отбитыми снаряжением, и с одним сухарем в желудке, потому что светило февральское солнце и сосны пахли смолой. Счастлив шагать поверх страха в бою. Счастлив в лагере, когда раскрывались белые ночи. И сейчас, в старости, я счастливей, чем в юности. Хотя хватает болезней и бед. Я счастлив с пером в руках, счастлив, глядя на дерево, и счастлив в любви».

Внутреннее чувство, необъяснимое, полноценное чувство жизни, сродни религиозному — этому опыт Померанца учит, как никакой другой.

7

Сейчас я извлек из ящика стола пачку писем Померанца. Мне еще предстоит их толком разобрать, распечатать, осмыслить. Гриша не пользовался ни пишущей машинкой, ни тем более компьютером. Почерк его с концом жизни был не всегда разборчив. Я открывал конверт, другой, начинал читать — и зачитывался. Прочитываю сейчас без выбора два первых попавшихся под руку.

В обоих случаях можно лишь предполагать, на какие мои вопросы или замечания он отвечает, копий своих писем я себе не оставлял. В первом речь идет об упомянутой мной, по видимому, концепции австрийского этолога Конрада Лоренца,

который считал агрессию природным свойством всех биологических существ, включая человека. Померанца биологические объяснения человеческих поступков не убеждали.

«Культура может заставить отдать свой хлеб товарищу, не добиваться взаимности силой и т.п., — писал он мне. — В XX веке заговорили о законности агрессии, потому что оболочка культуры растрескалась. От чего именно? Войны расковали зверя, и он почувствовал себя хозяином. Суэта цивилизации отучила заглядывать в собственную глубину, где рождается совесть. (Достоевский писал, что совесть — действие Бога в человеческой душе.) Перестали чувствовать Бога, и зашевелились бесы. А природная агрессивность не в 1914 году родилась и не в XXI веке Теория Лоренца, мне кажется, стоит в ряду с теориями Маркса и Фрейда. Они разматывают одну нитку, а их много». (Письмо 25.1.04)

Его письма всякий раз оказывались небольшими частными лекциями на темы философии, богословия, литературы, культуры, истории. «Редкая дружеская привилегия», — только и мог я его поблагодарить.

8

Другое попавшее под руку письмо возвращает к теме, с которой началось более сорока лет назад наше знакомство: к разговору о религиозном мироощущении, религиозном измерении, соотносении с религиозным уровнем — всему, что определяло отношение Померанца к разным областям жизни, философским системам, явлениям литературы. Отсчет для него начинался с Рублева, с великих религиозных текстов, они всю жизнь оставались для Померанца высшим мерилем. Достоевскому — и тому лишь изредка давался, по его словам, прорыв на этот уровень, Томас Манн оставался в области культуры, то есть на уровне более низком. Это можно сказать о многих его литературных оценках.

«Потерян вкус к трудным книгам, — почел я у Померанца сравнительно недавно, — на первое место попадает то, что не мучает совесть и не тревожит ум. У читателей классики Чехов теснит Толстого и Достоевского».

Не буду сейчас множить цитаты, обсуждать частности. Я как-то пытался в споре объяснить, чего мне не хватает в «чисто» духовной словесности, почему я отличаю ее от того, что мне представляется литературой. Можно повторять «Бог» — и это мне ничего не скажет. Но можно заговорить, допустим, о корове или пусть даже о навозе так, что и это будет о Боге. Я тогда не знал индийской легенды о паломниках, которые сочли себя оскверненными, увидев на дороге коровью лепешку, и поспешили к реке омыться. Но тут из лепешки восстал бог Индра и сказал: «Это я превратился в коровьи лепешки, ибо нет на земле ничего чистого и нечистого». Бог в коровьей лепешке — вот это для литературы, это ее сфера. Когда герой Пастернака говорит, что главное для него в Евангелии — не «нравственные изречения и правила», а то, «что Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности», — он, в сущности, восхищается литературным элементом в нем.

Сейчас уже не сказать, на какие мои рассуждения отвечал Григорий Соломонович в письме, которое я хочу процитировать; наверно, я затрагивал в них и важную для меня тему художественного воображения.

«Воображение, безусловно играет свою роль в религиозном искусстве и в религиозных видениях, — писал мне Померанц, — (например, у Даниила Андреева и у пророка Даниила и у автора апокалипсиса.) Видение рождается взрывом из непостижимых глубин, но облекается в материал, известный из опыта. Например, *всадники* апокалипсиса (а не танки). Вообще все религиозные тексты — перевод непостижимого импульса, в свете которого человеческий опыт, запечатленный в сознании пророков, внезапно освещается и до известной степени преображается. Но я убежден, что Бог не обладает штатом синхронных переводчиков, которые позволяют беседовать с каждым на его языке. У Бога какой-то свой способ общения с людьми, по ту сторону воображения (играющего с известными предметами) и текстов, то есть игры со знаками, передающими некий таинственный смысл. Мы не можем разьяснить «Тяжесть и нежность», а где уж до Бога...». (Письмо от 8.8.05)

Диалог с Григорием Померанцем стимулировал мысль. Здесь уже упоминался его упрек героям моего романа «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича»: они, говоря словами Гри-

гория Соломоновича, не нашли пути к «высокой жизни». Не приходится сомневаться, что самому Померанцу этот путь был известен, что в состоянии, которого он достиг, не так уж существенна литература — все еще так важная для меня.

И не без смущения вынужден признать, что если Шекспир или Фолкнер остались в мире своих блуждающих, мечущихся героев, их неразрешенных и неразрешимых проблем, я больше хотел бы приблизиться к ним, чем к миру высокого совершенства.

9

Поздравляя Григория Соломоновича с очередным днем рождения, я написал ему, каким благотворным было для меня многолетнее — уже больше половины моей жизни — дружеское общение с ним. Даже если мы не встречаемся, писал я, он постоянно присутствует в моей жизни.

Померанц мне ответил: «Я чувствую себя обязанным прожить еще несколько лет, чтобы ободрить тех, кто значительно моложе: сколько еще лет впереди!»

Самим своим существованием он ободрял множество людей, знакомых и незнакомых, помогал им держаться, ориентироваться в этой трудной жизни.

Я очень люблю услышанную однажды историю. Гриша летел на конгресс, кажется, русской интеллигенции в Уфу, у самолета что-то случилось с шасси, он стал кружить над аэродромом, вырабатывая горючее на случай аварийной посадки. И рассказчик услышал от совершенно спокойного Померанца: «Жизнь представляется мне скрипучей пластинкой. Некоторые слышат скрип сквозь музыку, другие сквозь скрип слышат музыку».

Это останется.

2013

РЕКВИЕМ СЕБЕ

В интернете встретила публикация, где Восьмой квартет Шостаковича до минор назван «гениальнейшим». Вспомнилось, как я присутствовал на первом его прослушивании в Сою-

зе композиторов. В моем дневнике зафиксирована дата: 7-го октября 1960 года. Больше полувека назад! Позвал меня мой ныне покойный друг, замечательный, до сих пор недооцененный композитор Миша Марутаев. Народу в небольшом зале собралось множество. Миша сказал, что обычно на заседание секции приходят несколько человек.

Шостакович сделал небольшое предисловие. Рассказал, что в июле этого года был в Дрездене, в связи со съемками фильма «Пять дней и пять ночей», к которому он писал музыку. Там возник этот квартет. «Я посвящаю квартет жертвам фашизма, — сказал Шостакович. — Не просто «посвящается», а именно «я посвящаю». Когда квартет будет напечатан, не знаю, напишу ли я так, меня могут обвинить в ячестве, в индивидуализме. Но в своем кругу я хочу выразиться именно так. Здесь можно встретить темы из разных моих работ. Это глубоко личное произведение».

Он волновался, как новичок, то и дело ерошил волосы на макушке, видеть это было неожиданно. Шостакович! Квартет пришлось проиграть два раза: перед концом четвертой, а может, даже пятой части у второй скрипки (Ширинский, квартет Бетховена) порвалась струна, решили повторить все. Это было потрясающе.

А потом поднялся некий Урбах (если бы я тогда не записал имя, кто бы его сейчас вспомнил) и сказал: товарищи, я думаю, нет надобности обсуждать это замечательное произведение. Шостакович растерянно встал, попытался что-то возразить, но все уже поднимались, многие, похоже, в недоумении. Я слышал, как кто-то рядом сказал: правильно, есть музыка, о которой нельзя говорить словами.

Миша мне объяснил: многие до сих пор не любят Шостаковича, но если будет открытое обсуждение, никто не посмеет выступить против. А тут, если выйдет еще одно постановление в духе 48-го года, они могут сказать: вот, нам не давали высказаться о Шостаковиче. Шостакович — великий музыкант, но характер у него искалечен временем. Когда после постановления 48-го года у него в квартире погас свет, он бросился к телефону: «Скажите, а воду тоже отключат?» Но когда ему потом предложили вновь занять пост директора Ленинградской консерватории, он взял бланк, который его попросили заполнить, и пошел с ним в туалет...

Сейчас я нашел комментарий неизвестного музыковеда — мы в те годы ничего, оказывается, по-настоящему не знали и долго еще не могли знать. «Гениальнейший Восьмой квартет до минор создан за три июльских дня 1960 года в Дрездене, в один из самых худших периодов жизни композитора. Шостакович стоял на грани самоубийства; чтобы получить разрешение на выезд, его заставили вступить в партию. По свидетельству его друзей Исаака Гликмана и Льва Лебединского композитор впал в жуткую депрессию: он пил, рыдал и производил впечатление человека находящегося на грани психического срыва, а может, самоубийства. Вполне возможно, что Шостакович готовился уйти из жизни. Этот квартет был им написан как реквием себе. Обозначенное позднее посвящение «Памяти жертвам фашизма» не более чем ширма. Шостакович писал Гликману: «Я размышлял о том, что если я когда-нибудь помру, то вряд ли кто напишет произведение, посвященное моей памяти. Поэтому я сам решил написать таковое. Можно было бы на обложке так и написать: «Посвящается памяти автора этого квартета».

Много лет я уверял себя, что произведение может полноценно восприниматься независимо от условий его возникновения, от обстоятельств жизни автора, его судьбы, личности. И вот слушал гениальный квартет спустя пятьдесят с лишним лет после первого исполнения — как обогатилось его звучание новым временем, новым знанием!

2014

1.1.2014. С годами установился ритуал, как в религии. И тоже не без суеверия. Как встретим Новый год, таким он весь и будет. Смотрели Галины работы, пили черногорский Vrnac 2009, танцевали под подаренного нам Пьяцоллу (Angel). Потом пошли прогуляться к акведуку под грохот, канонаду фейерверков. Начинается год наших с Галей 50-летних юбилеев.

7.1.14. Пишут, что среди молодежи все больше распространяется отказ не только от брака, но вообще от секса. (Тенденция получила название «целибат».) На примере Японии: больше половины студенток вообще никогда не имели сексуальных связей. Там к этому поощряет консерватизм традиционных представлений о семейной жизни, растущая стоимость жизни и карьерные соображения. Насчет консервативных представлений не берусь судить, отказ от брака понятен — вопрос, как можно отказаться от секса? Вроде бы организм, биология требует. Достаточно разового партнера, без детей. Тут начинают рассуждать о демографической проблеме: страна может выродиться, обезлюдеть. И никто, кажется, не задался вопросом: а как же насчет любви? Той, что не сводится к сексу? Тут не демографическая проблема — проблема ценностей, смысла, наполненности жизни. В Германии вроде бы хотят ввести в начальных школах курс, объясняющий детям однополые отношения...

8.1.14. Погода совсем разладилась, +4°. В городе снега совсем не осталось, зеленая трава, на ветках появились почки. Только на утоптаных дорожках гололед. Какой-то церковный иерарх объяснял, почему Бог отменил обычные рождественские морозы: он знал, что в Москву привезут с Афона Дары волхвов, люди будут стоять полтора часа в очереди к ним, в мороз было бы тяжело. Пожалел людей. Одновременно уволенный из духовной академии протоиерей Кураев продолжает разоблачать педофилию церковников. Взрыв в Волгограде устроил русский, принявший ислам, потому что он знал о гомосексуализме волгоградского митрополита, разочаровался в христианстве

С утра посидел, поколдовал не над последней главой — над последним абзацем, последними строчками. В поисках под-сказки, как уже бывало, стал читать стихи. В «Знамени» №1 большой цикл Тимура Кибирова «Пейзажная лирика»:

«На лоне природы / Штук десять уродов,/ Штук семь или восемь крикливых блядей./ Музон громыхает./ Они отдыхают / На лоне злосчастной природы моей». «Под вечер сырой и мглистый / Компания бродит старух. / Издалека — живописны, / Вблизи — просто dance macabre... / В их лапках листья плают, / В их глазках стоит вода». «Мгла промозглая, роца зловещая, / Мерзопакостный мелкий снежок». «Ноздреватый, угреватый / Снег цинично обнажил / Все какашки и бумажки, / Мусорки и гаражи».

Цитировать можно страницами. Мастеровитый, талантливый, заслуженно успешный поэт — действительно ли он так воспринимает мир? Жизненную правду не оспоришь — но есть ли в этом мире небо над головой?

Другое дело, если перед тобой единичное стихотворение среди прочих — и к противоположному мироощущению необходима поправка. «Пускай художник паразит другой пейзаж изобразит». Юмор — тоже поправка.

Сегодня я стал перечитывать «Деревушку» Фолкнера, гениальную главу о любви бедного идиота к корове. Вот хотя бы это:

«Он не издал ни звука, когда они все трое полетели по сыпучему откосу на дно, куда конь упал на все четыре ноги и, не останавливаясь, поскакал дальше по дну оврага, а он, упав под корову, которая мычала и лягалась, почувствовал, как его заливают навозная жижа. Наверху последний язычок пламени лизнул край оврага, съезжился, угас и бледным дымным язычком взвился к ясному солнечному небу Когда он сделал к ней шаг, она шарахнулась от него и ринулась вверх по обрушенному склону, оскользаясь на зыбком, словно сыпучем песке, словно в припадке слепого стыда, стремясь убежать не только от него, но и от того места, где она опозорилась по природной своей слабости, а он тащился следом, уговаривая ее, пытаясь ей объяснить, что никто не осудит ее за такое грубое нарушение приличий, потому что это непоколебимый закон извечного естества».

Вот мое ощущение жизни. И ведь речь не о чем-нибудь — о навозной жиже, веществе отнюдь не благоуханном. Я уже пи-

сал, как недавно вспоминал любимую индийскую притчу, не могу здесь не привести ее еще раз. Легенда о паломниках, которые сочли себя оскверненными, увидев на дороге коровью лепешку, и поспешили к реке омыться. Но тут из лепешки восстал бог Индра и сказал: «Это я превратился в коровьи лепешки, ибо нет на земле ничего чистого и нечистого».

А потом еще вспомнился Ходасевич:

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлойный, смиренный человек
С опустошенным рукавом?

О, эти строки, когда поэт бичом хлещет ангелов и просит безрукого бросить ему когда-нибудь перышко с прохладных райских высот, где он скорее всего окажется!

Или очень близко у Мандельштама:

Из густо отработавших кино,
Убитые, как после хлороформа,
Выходят толпы — до чего они венозны,
И до чего им нужен кислород!

Великое стихотворение 1931 года. Поэт не морщится безразлично, не смотрит свысока на этих людей — самому есть на что посетовать: *«Ни лавров нет, ни вишен»*. Нет: *«Не просить, не жаловаться, цыц! Не хныкать!»* Жизнь — еще и это:

Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
Он с Моцартом в Москве души не чаёт —
За карий глаз, за воробыный хмель.

9.1.14. С утра сел перечитывать повесть, не поднимаясь, дочитал до последней главы. Потом доработал и последнюю главу. Повесть называется теперь «Джокер, или Заглавие в конце».

Лена привезла к нам девочек. Вечером Лиза сделала три быстрых рисунка черным фломастером: «Зебра на зебре» (полосатый единорог на дорожном переходе, машины на заднем плане тоже полосатые), «Любовь невозможна» (две лошади тянутся друг к другу, узда не пускает их сблизиться, под одной языки пламени, под другой вода.) На третьей добавлен цвет: «Кони земные и кони небесные» (наверху и внизу разные кони, бегущие, стоящие.) На редкость уверенная, точная графика. И при этом философия.

13.1.14. Вчера и сегодня, когда Галя читала у моего компьютера, я позволил себе посидеть у ТВ с наушниками. Чудовищно низкий уровень по всем программам, примитивные фильмы. Но некоторые новости произвели на меня впечатление. В Японии пластические хирурги освоили новый бизнес: меняют судьбоносные линии на ладони, удлиняют линию жизни. Пациенты сами пришли к ним с такой просьбой. Рассказывают, что помогло: стали себя уверенней чувствовать, наладилась карьера и т.п. С этим можно сопоставить очередь к Дарам волхвов в Храм Христа Спасителя. Стоят 10–12 часов на холоде, под дождем, на головах капюшоны. Атмосфера озабоченности, недовольства, иногда озлобленности. «Блатные» ВИПы подъезжают на машинах к «заднему проходу», без очереди. Заведомо поддельные святыни — какое тут религиозное чувство? Интеллигенты, которые устремились было к церкви, сейчас все больше от нее отшатываются. Церковь ориентируется на быдло (как теперь стали выражаться), на деньги, на власть, сливаясь с властью светской, сама становится частью власти.

19.1.14. Я выправил, что мог, в своей повести, перечитал оставшим взглядом: не знаю, получилось ли то, что мне хотелось. Вчера уже вечером стала читать Галя. Читала, сверх ожиданий, до часу ночи, поздравила. Выпили с ней вина...

Пока Галя читала, я посидел у ТВ с наушниками, щелкал кнопками, попал на большой концерт Макаревича. Он теперь седой, седые усы и борода. А громадный зал заполнен молодыми людьми, они подпевают, поют хором без солистов. Когда

объявили песню «Свеча», в зале потушили свет, и все зажгли принесенные с собой свечи. Это не для посторонней оценки (хороши ли стихи на бумаге, считать ли великой музыкой), это культура сообществ. Я о чем-то близком задумывался, когда писал. Сам подпевал когда-то другим песням, увы, слишком давно.

Кому-то нужно принадлежать к сообществу, к общине, к клубу (скажем, футбольных фанатов). Свой уровень можешь считать более высоким (по какой мерке? экзистенциальной, божественной?). Попробуй все осознать, вместить. Или, скажем, эти магазинные очереди к дефициту: Дарам Волхвов. Такое бывает раз в жизни, разве можно пропустить, сказал в очереди какой-то мужчина. Рассказывают, какая там была озлобленность, раздраженность. Но у кого-то, может, возникло и религиозное чувство, кто-то искал помощи.

20.1.14. «Джокер, или Заглавие в конце». Решил подкрепить заголовок эпитафией: «Фактор джокера не позволяет заранее предсказать развитие. *Самоорганизация систем*».

На ближайшее время оформилось что-то вроде доктрины. Россия понимается как государство-цивилизация, которая будет противостоять Западу, ориентируясь на некую евразийскую интеграцию, защиту традиционных христианских ценностей. Система станет более консервативной, авторитарной. Она не обеспечивает развития, государство деградирует. Все большая персонализация власти, соединение власти с собственностью, стремительный рост коррупции. В «болоте» накапливаются газы, когда-нибудь они взорвутся. Но пока системе ничто не угрожает, она может существовать долго.

Из Агады. Всевышний судит двоих людей. Один откровенно признается в предательстве, Бог его наказывает. Другой говорит: «Я никому не сотворил зла на земле». Бог удивлен: на земле нельзя не творить зла. Даже я, если бы жил на земле, сотворил зло. Тот объясняет: всю жизнь меня гнали, мучили, но я никому из своих гонителей не пожелал зла. Когда был сожжен мой дом, убили моих детей, я никого не проклял. Бог ответил ему: «Нет предателя хуже тебя на земле. О том, другом, люди говорят: он был дурной человек, не надо быть подобным ему. И удаляются они от греха предательства. Но о тебе говорят: он

был святой человек, блажен тот, кто найдет в себе силы поступать всю жизнь подобно ему. И оттого редуют ряды борцов Моих, готовых положить душу за правое дело. А в то же время злые, вспоминая тебя, говорят с усмешкой друг другу: «Безопасно для нас обижать этих людей, ибо не хотят они постоять за себя. Пойдем же к ним и возьмем себе их достояние, и повеселимся с их женщинами». Так растет через тебя посев несчастья на земле, вся жизнь твоя была предательством ближних».

Притчу приводит в своей статье В.Жаботинский («Иерусалимский журнал» №47).

21.1.14. –15°, солнце. Решили с Галей проверить, открылся ли проход в лес через железную дорогу. Оказалось, открыт. Засов вместе с дверью и частью ограды разломан, в трех местах приклеен напечатанный на принтере призыв к «администрации района» не загромождать проход к лесопарку: эта дорожка отмечена на карте Москвы еще до войны. То есть, проламывали проход не бомжи. Адресат, пожалуй, назван неточно: закрывает проход железная дорога, полоса отчуждения — ее территория.

В Киеве столкновения не очень понятных демонстрантов с милицией и «Беркутом». Звучат восхищенные речи о «революции». В арабских странах было что-то похожее, но здесь непонятно, чего хотят добиться, как, лидеры сомнительны. С запада прибывают борцы с «москалями, жидами», есть откровенные провокаторы. Соорудили катапульту, чтобы метать камни, жгут милицейские автобусы. Поддерживают майдан, по опросам, 10% населения. Жалко людей.

23.1.14. Перебираю мысли, ничем не могу заняться всерьез. Не отпускают события в Киеве. Ничего хорошего не жду, при любом исходе. Политический инфантилизм, эмоции, разношерстная публика с одной стороны, малосимпатичная власть с другой. Дым от горящих шин, провокации, уже есть убитые. Какие-то французские интеллектуалы выступили с осуждением правительства, среди подписавших увидел фамилию Нива: значит, он хотя бы жив-здоров. Еще одна новость: уполномоченным по правам человека вместо Лукина станет Елена Памфилова. Хотелось бы, чтобы Володя стал прежним понятным и близким Лукиным, но боюсь, что я уже плохо его представляю.

И еще новость: Верховный суд пересмотрел приговор Платону Лебедеву и освободил его вслед за Ходорковским. Обсуж-

дают: означает ли это смягчение политики. (До этого был освобожден учитель Фарбер, ему после реплики Путина снизили срок.) И никто не комментирует зависимость суда (Верховного!) не от закона, а от мнения президента. Он сказал — вдруг нашли повод освободить человека; а до этого тот же суд десять лет только добавлял срок. Унизительно, позорно выглядят эти пожилые люди в черных судейских мантиях, бесстыдно несамостоятельные.

25.1.14. Вечером, наконец, откликнулся на «Джокера» Хазанов. Он называет этот текст романом: «потому что это — многосоставное, многослойное, масштабное произведение, *одно из самых значительных во всём корпусе твоей прозы (подчеркнуто мной — М.Х.)*, и я хочу поздравить тебя с этим замечательным достижением». Хорошо, если так. И дальше подробный разговор о содержании. В печати не часто встретишь такой профессиональный подход. А потом претензии к «современному» языку и разговору, я их не принимаю.

27.1.14. Проснулся в четверть шестого, два часа не мог заснуть, решил встать. Еще недели две назад мне на грани сна и пробуждения могли придти рабочие идеи, было что записать. Теперь всякая всячина. На Украине что-то в самом деле похожее на революцию. Видишь круглосуточно, в живом режиме, как все это бывает. Беспорядочно, бессмысленно, у кого-то с лучшими намерениями, у кого-то с неясными. Какой-то блогер вспоминает штурм Бастилии: это же прекрасно! Напомнить бы продолжение: после штурма Бастилии начала работать гильотина, головы летели в корзины, пришлось ждать Бонапарта. На Украине подобных персонажей пока не видно. Пора бы понять: революция — это проявление болезни, кризиса, неспособности власти решить проблемы. У нас тоже с переменами не спешат. Между тем, уже начал падать рубль, растут цены. Иллюстрацию разложения, коррупции можно видеть прямо за окнами: третий месяц прекращены работы по укладке новых труб, улица разворочена траншеями. Работы на трех небоскребах тоже приостановлены. Нет денег. Хорошо хоть можно пойти в лес. Там тоже черт знает что, вдоль дорог больные упавшие деревья. Но белый снег все прикрывает, сияет солнце, сияет небо. Иллюзия красоты. И воздух лесной, свежий. Сегодня пробежался на лыжах километров 8–9: стараюсь не поддаваться возрасту.

31.1.14, пт. В Пушкинском музее неожиданная экспозиция из собрания «Искусство русского авангарда». Насколько я понял, это коллекция видного еврейского деятеля Кантора: работы художников еврейского происхождения. Удивительное собрание. Я впервые увидел в оригинале, не в репродукциях, Сутина. А были еще Модильяни, Шагал, Фальк, Тышлер, Бакст, из новых Булатов, Пивоваров, Яковлев — всех не перечислить. Некоторые имена были для меня неожиданными: я не знал, что Серов, Серебрякова еврейского происхождения. В музее проходят так называемые «пятницы», время работы продолжено до 21 часа. Был еще концерт: музыка на еврейские темы неизвестного мне прежде композитора Бреннера. На «пятницу» пригласила нашу Лену ее давняя приятельница, куратор программы, пошли мы с Галей, взяли с собой Лизу. Она замечательно смотрела современную живопись, с пониманием. Уже была подготовлена, посещает специальные занятия для детей («Шагал летал»). Мы в ее возрасте не знали никого, кроме передвижников. И сама рисует удивительно — наследственность в бабушку.

(В музее Лиза наклонилась, чтобы прочесть надпись под картиной, нечаянно дотронулась до стены — раздался сигнал, сбежались сразу несколько хранительниц. Раньше в зале сидели одна-две старушки, тут их было не сосчитать.)

Подслушанный разговор (в интернете). В маршрутном такси пассажир спрашивает водителя: мы будем пересекать улицу Н.? — Мы будем ехать параллельно, — отвечает водитель (явно среднеазиатской или кавказской внешности.) — Так будем или не будем? — не понял пассажир. — Я сказал параллельно в евклидовском смысле, — ответил водитель. Какой-то интеллигент, вынужденный для заработка приехать в Москву.

8.2.14. Вчера допоздна смотрели открытие зимней Олимпиады в Сочи. Зрелище больше всего впечатляет технологическими эффектами, которые я даже разгадать не мог, тем более по ТВ. Дети и внуки, наверное, восторгались, а я не мог удержаться от оговорок. Вдруг подумал: не слишком ли, не ко всему ли я отношусь с оговорками? К литературе, к произведениям искусства, к людям... (Но ведь я и к самому себе отношусь так.) Нет, надо бы себя останавливать, не утрачивать способность просто от души восторгаться.

16.2.14, вс. Исполнился год со дня смерти Гриши Померанца. Позвонил Зине.

Подвернулся короткий фрагмент о памяти, который никому уже не пристроить. Приложил его к письму Хазанову. Может, оформить как миниатюру в «Приложении к стенографии».

Вчерашний день. Куда я положил рецепт?... А, вот он... Нет, это просто листок. 19 ноября. Четверг. У меня был такой календарь, я помню. Настольный, перекидной. На красивой мраморной доске, дорогая вещь. Я на нем записывал для памяти. Хорошо помню. Вот, тут я написал: Алла. Так звали мою жену. 19-го мы встретились. Памятный день, а как же! Потому и храню. Врач мне рецепт прописал для памяти. А я и без рецепта все помню, как сейчас, до подробностей. Была слякоть, такая же, как сегодня. Пальцецо у нее было совсем легкое. Серенькое. Ботики худые, на таких резиновых каблучках. Мы грелись в подъезде, у батареек. Где же еще? Пахло сырой извешткой и кошками. У нее пальцы были холодные, покраснели, я на них дышал, грел губами. Как сейчас, все помню. Девятнадцатое, да. А сегодня двадцатое. Вот, теперь ведь и часы показывают дату, не обязательно запоминать. Можно сказать врачу, рецепт тут ни при чем. Ни при чем рецепт. Девятнадцатое было вчера. Только кажется, что давно. Так много вмещается в один день, только начни вспоминать. У нее были преждевременные роды, я с той ночи, кажется, не сплю. Хотя, может, и это кажется, уверенности тут нет. На самом деле все сплю, и мне снится бессонница.

21.2.14. Убитых в Киеве сейчас больше 70, раненых сотен пять. Сообщают, что Янукович и оппозиция при содействии европейских посредников подписали соглашение. Согласились на новые выборы, поправки в конституции и пр. Боюсь, это ничего по-настоящему не решит, не только потому, что не все намерены соблюдать это соглашение. Будут нарастать экономические проблемы, продолжаться хаос. Посредником России в переговорах был Лукин. Он подписать соглашение отказался, считает, что Россия поздно решила вмешаться. Боюсь, дело хуже. Скрытно действия ведутся уже сейчас, открыто начнутся после Олимпиады, числа 24-го. Сегодня, кстати, должны были вынести приговор 8 участникам демонстрации на Болотной площади. Их уже признали виновными, но сроки наказания объяв-

лять не стали, перенесли на понедельник 24-го. По обстоятельствам, по ситуации: или зачтут срок предварительного заключения и отпустят — или удовлетворят требования прокурора, дадут лет по 5–6. Боюсь, нас ждут скверные времена...

22.2.14. Неожиданное для меня развитие событий. Янукович, похоже, бежал из Киева, пока неизвестно, куда, неизвестно, с кем еще. Так быстро, так бездарно слинять? После того, как было убито 77 человек и около 600 пострадало? Любые выводы пока преждевременны, развитие остается непредсказуемым. (Возвращение Тимошенко, все прочее — подробности.) В любом случае хорошего я не жду. Как выразился физик Валера, «энтропия разрастается». Можно выразиться и так. Я записываю на листке — не обесценится ли, не обесмыслится ли все очень скоро? Как многое, записанное в последние дни. Плодами воспользуются не романтические идеалисты, а организованные, практичные, целеустремленные бандиты.

24.2.14. У меня была надежда, что обвиняемым по «болотному делу» (о «беспорядках» 6.5.12) хотя и дадут сроки, но в пределах предварительного заключения. Мало кто на это надеялся, но я думал, что для власти было бы выгодней смягчить напряженность. Нет, гайки, похоже, будут закручивать — и большинство населения это поддержит. Мозги направляются телевидением. События на Украине дают повод нагнетать истерику. Л. рассказывает мне, как преследуют ее киевских знакомых, которые не в восторге от Майдана, как там теперь боятся говорить по-русски. Новые власти не нашли ничего лучшего, как начать с закона, ограничивающего пользование русским языком. В Севастополе уже активизировалось русское население, говорят о желании отделиться. Боюсь, худшее только начинается.

2.3.14. Ночью, проснувшись, перебирал возможности развития на Украине. Произошедшее еще не совсем понятно (кто убивал, кто кидал «коктейли Молотова», кто воспользовался результатами, что за люди пришли к власти, что намерены делать). Вертелись в уме строки Манделыштама: «Но жертвы не хотят слепые небеса! Вернее груд и постоянство». Знакомая история. (А предыдущие строки: «Еще волнуются живые голоса / О сладкой вольности гражданства». 1917.) Вспоминают Февральскую революцию, присоединение Судет и Мюнхенский до-

говор. Проф. Зубов (с которым в прошлом году бегло познакомился) пишет: «Мы на пороге полного разрушения системы международных договоров, экономического хаоса и политической диктатуры. Мы на пороге войны с родственнейшим народом Украины, резкого ухудшения отношений с Европой и Америкой, на пороге холодной, а возможно, и горячей войны с ними».

Не стоит перебирать политические, геополитические, экономические прогнозы. Красноречивей кадры уличных стычек, противостояний с Украины. Идиотизм патриотических, да и либеральных интеллектуалов, откровенная дезинформация. Поводом принять решение «о защите русского населения в Крыму» были сведения о перестрелке в Симферополе и гибели людей — оказалось, ничего этого не было. Сегодня намечены митинги в разных местах, одни с лозунгами «нет войне», другие в поддержку ввода войск. Говорят, учителей в школах обязывают прийти на митинги в поддержку, коллеги советуют сказаться больными и т.п. Знакомый страх.

3.3.14. Быстро и без проблем совершена аннексия Крыма. Не понадобилось даже реальных поводов Решение можно считать окончательным (как было с Южной Осетией и Абхазией), но добра от этого присоединения не будет. Запад скорей всего ответит мерами политическими и экономическими Можно ожидать рост цен, бегство капитала, международную изоляцию и т.п.

Слышатся голоса: почему молчит интеллигенция, знаменитые артисты, режиссеры, писатели? Писателей называют в последнюю очередь. Влиятельней всех какие-нибудь поп-музыканты. Я подписал какое-то антивоенное обращение. Интеллигенция действительно мало что может.

8.3.14. Из блога на сайте «Эхо Москвы».

«Один сюжет в FaceBooke меня потряс. Вышел молодой человек с плакатом «Нет войне». Простоял там какое-то количество времени. Его не забирал ОМОН, его не забирала милиция. Ему в лицо плевали люди, которые проходили мимо. Плевали, оскорбляли, кричали, что он жид, который должен убраться в свой Израиль, что он разжигатель, что он ненавидит русскую землю, вообще откуда ты приехал. Потом кто-то вырвал у него плакат и порвал его. Это были проходящие мимо

люди. В итоге ОМОН стал его забирать, чтобы эта толпа не забрала его и не нанесла ему увечий. Так когда его забирали, за ним бежала какая-то бабка и кричала: «Он ударил ребенка. Я буду свидетелем. Запишите. Он враг народа, он ударил ребенка». Вот вам, пожалуйста, реакция. Это стихийная реакция, никем не организованная. Это не чья-то провокация, никто их туда не посылал. Это люди, которые мимо проходили и решили выразить свой протест».

13.3.14. Развитие становится недвусмысленным: в интернете закрыты ЕЖ, kasparov.ru, вроде бы gpani.ru (но их я сегодня открыл). Сняты главный редактор и директор ленты.ru, вместе с ними ушел почти весь коллектив. Да еще задушили телеканал «Дождь». Пока держатся «Эхо Москвы», «Новая газета» и «Новое время». По поводу Крыма с Запада несутся все более громкие угрозы, но после 16.3 станет ясно, много ли они стоят. В ближайшее время это обернется разными неприятностями. Рубль уже стремительно падает, цены растут. Растет и рейтинг Путина: по опросам, сейчас за него проголосовали бы больше 70%. Интеллигенты подписывают коллективные письма, я просто не знаю, как это сделать. Реально от этого мало зависит.

(Сейчас попробовал открыть ЕЖ, возникла голубая строка: «Уважаемый абонент, доступ к запрашиваемому вами интернет-ресурсу ограничен в соответствии с требованиями законодательства и/или во исполнение требований суда».)

14.3.14. Где-то у меня это должно быть записано: мы шли с Асаром Эппелем по улице, я стал говорить, что современные технологии делают невозможным возврат к прошлому. Сейчас нельзя глушить радиопередачи, спутники распространяют сигнал по всему миру, интернет не допускает цензуру, закрыть его нельзя. Асар усмехнулся: еще как можно. Популярно объяснил, как, я не очень понял. Это было лет восемь-десять назад, он тогда понимал в интернете больше меня. (Я и сейчас не вполне понимаю.)

А еще вспомнилось, как Вадим Сидур в своей подвальной мастерской слушал сквозь шум глушилок новости о событиях в Афганистане, потом сказал мне: «Все, Афганистан можно считать шестнадцатой советской республикой. Во что однажды вцепились, наши уже не отпустят». Оказалось, ошибся.

Злободневные воспоминания. Рижские портативные приемники выпускались тогда без блока самых коротких волн, на которых еще можно было что-то услышать, мне вставили такой блок неофициально в мастерской, что была в проезде Художественного театра. На отдалении от Москвы глушение не мешало. И опять же на злобу дня: вспомнился Крым. Мы несколько лет отдыхали там на Карадагской биостанции, звали к себе друзей. В 1974 году подъехали, среди прочих, участники демонстрации 1968 года, Володя Дремлюга, который только что отбыл свой срок, Тата Баева, Вадик Делоне. Дремлюга на пляже слушал радио, восхищался провалом путча греческих полковников на Кипре: «Диктатуры в конце концов всегда проиграют». Потом он пошел плавать, в море его выловили двое сотрудников КГБ в плавках, вывели, увезли. Через несколько дней он вернулся: оказывается, он не зарегистрировался, как ему было положено, в Мелитополе, проследили.

15.3.2014. Вернулись с «Марша в защиту мира, против войны», примерно так это называлось. Прошли от Пушкинской площади до начала проспекта Сахарова, там сели в метро (Тургеневская). Дальше идти не имело смысла, речей не было слышно, и не в них дело. Собралось тысяч 40–50, полиция насчитала всего 3 тыс. Разномастный народ. Была группа анархистов под черными знаменами, группа коммунистов-максималистов, постоянно скандировавшая речевки. Надо было бы сразу записать лозунги («Нет справедливой войны, кроме классовой», что-то в таком духе). Антивоенные лозунги (миру мир, войне нет) звучали, конечно, наивно. (Вспомнились песни школьных времен: «Мы за мир и песню эту пронесем, друзья, по свету»)...

Вспомнился Игорь Губерман:

Сегодня приторно и пресно
В любом банановом раю,
И лишь в России интересно,
Поскольку бездны на краю.

19.3.14. Одноклассник спросил нашего Мишу [младший сын Тани, мой внук]: ты за кого, за наших или бандеровцев? Миша не понял: а кто это?

Когда у нас кричат: «Фашизм не пройдет!», кажется, что хотят расширить ворота.

20.3.14. Украина объявила о выходе из СНГ и введении визового режима для России. Какой-то начальник в Донецкой области приказал вырыть траншею на границе с Ростовской обл. Может, фальшивка, но все возможно. На митинге возле Кремля выступает с бредовым словоизвержением Проханов. В БИЛ Антивоенный конгресс интеллигенции принял резолюцию «против войны», против самоизоляции России, против реставрации тоталитаризма. Председательствовала Ира Прохорова, хорошую речь произнесла Улицкая. Присутствовавшие пишут, что зал был полупуст, участники «обменивались своей печатной продукцией». И что дальше? Чувство неловкости от того, что сам ни в чем не участвую. (Меня и не приглашают — устоявшийся список постоянных участников, весьма, весьма ограничен, но не только поэтому.) Сходил с детьми на марш — ну и что? Чувство бессилия, с ним придется жить. Оглядываются на авторитеты, ищут поддержки.

Я возвращаюсь мыслью к Мандельштаму. Вот кто жил во времени, несравнимом с нашим. «Холодная весна, голодный Старый Крым»... Делал то, что считал нужным, голос его не был слышен. Вплоть до стихов о Сталине, которые не мог не читать вслух другим. Близкие люди (Эренбург, Пастернак) называли стихи неудачными, «не принимали» их — точнее было бы сказать: ужасались. Страшно было даже слушать. (Самойлов, помнится, мне говорил: он сам был виноват, что его посадили, не надо было эти стихи писать.) А я, со временем до них дозрев, написал, что они спасли честь русской литературы.

Не знаю, зачем корплю над «Праздником неожиданностей». Мне надо бы сосредоточиться душевно, собрать вот эти бессильные мысли, ощущения, переработать их в доступные мне строки стихов, прозы. Беда, возраст все-таки дает себя знать, слова застревают. Впрочем, я и раньше работал не быстро — не надо оглядываться на других, пишущих сейчас километрами. В такой очутился эпохе. Возвращаешься к тем же сомнениям: нужны ли вообще слова? Нет, от этой веры нельзя отказываться. Без нее я бы не смог полноценно, осмысленно жить.

Вспомнилось: «настоящий, не календарный двадцатый век» начинался, по известному мнению, в 1914 г. Уже были заложены все основные перемены: в жизнь, в быт вошли электричество, телеграф, телефон, уже возникла теория относительности, психоанализ, авиация, в искусстве процветал модернизм... не стоит перечислять. В умах возник новый образ мира, новая эстетика, этика, философия — как с этим были связаны мировые войны, революции, катастрофы, сказано много. Чувство, что ровно сто лет спустя, в 2014, оформились основы новой, переменчивой цивилизации. Научных открытий не перечислишь (ядерная физика, энергетика, молекулярная биология, генетика, электронная информатика). Для человеческого самощущения, пожалуй, наиболее существенной оказалась информатика, интернет, mass-media. Они не требуют особых знаний, но создают новый тип общества, поведения. Эстетика и философия постмодернизма в том же ряду. И вот мир созрел до состояния, когда вновь кажется возможной мировая война. Главное, что от нее удерживает — ядерное оружие. Но двадцать первый век, пожалуй, именно сейчас начинается.

21.3.14. Вечером мощный салют в честь присоединения Крыма.

22.3.14. Становится понятно, что происходит, знать бы, что делать. «Конгресс интеллигенции» делает прекрасные заявления, молодые люди напоминают, что интеллигентами называют себя «зрелые» (как они осторожно выражаются) люди, им самим больше подходит название «постиндустриальных интеллектуалов». Ира Прохорова добавляет, что заявлений, конечно, мало, надо заниматься просветительской деятельностью, выступать и т.п. Это, конечно, верно. Я бы рад, не умею сам найти аудиторию.

Раскрываю Мандельштама. «Были мы люди, а стали людье». «Кто-то чудной меня что-то торопит забыть. Душно — и все-таки до смерти хочется жить». «Чур! Не просить, не жаловаться!... Мы умрем, как пехотинцы, но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи». «Наступает глухота паучья». «Я в сердце века — путь неясен».

20.3.14. Каникулы. К нам привезли девочек. Вчера вечером я открыл в компьютере фильм «Тайна Пикассо» («Le mistere Picasso»). Фильм 1956 г., Пикассо 75 лет, он в одних трусах рису-

ет на белом просвечивающем листе, процесс снимают на кинокамеру. Девочки подошли ко мне, заинтересовались, стали смотреть еще и еще, не могли оторваться. Я посадил 5-летнюю Аню на колени, Лиза принесла себе стул. Удивительно глазами детей смотреть действительно чудо, волшебство художественного процесса. Детям это близко, они так же рисуют, не заботясь о фотографическом сходстве.

Похолодало. Я взял с собой на прогулку Мандельштама. Останавливался, читал, вспоминал. «Кто время целовал в измученное темя...» Вот на каком уровне понять, ощутить бы происходящее. «Кто веку поднимал болезненные веки...» В уме вертелось собственное: «Век настоящий, не календарный / начинается ревом восторга». Вряд ли мне по силам достойно это передать. Иррациональный поворот истории еще полгода назад никто бы не мог предсказать, и все объяснения задним числом недостаточны. Возвращение к ушедшему, казалось, навсегда, подъем восторженных чувств на краю неминуемого, очевидного для меня обвала. Но не только заведомо чужие — близкие, казалось бы, люди одобряют происходящее. А ведь уже было, проверено историей. Нет. «Он слышит вечно шум, когда взрели реки / времен обманных и глухих». Что ж, и нынешнее состояние не окончательно, мировое развитие очевидно — как течение реки с частными завихрениями. Но в этих завихрениях страдают, гибнут люди, народы, страны.

Кто-то вспомнил А.Белого. «Довольно: не жди, не надейся — / Рассейся, мой бедный народ!» Действует эмоционально, производит впечатление. Но дальше: «В пространство пади и разбейся / За годом мучительный год!» Что это такое? Или вот это: «Где в душу мне смотрят из ночи, / Поднявшись над сетью бугров (что такое сеть бугров?) / Жестокие, желтые очи / Безумных твоих кабаков». Кабаки — это, конечно, плохо. (Сам Белый, что говорить, выпивал, не в русских, так в немецких.) Но это? «Исчезни в пространстве, исчезни, / Россия, Россия моя». («Отчаяние», 1908, посвящено З.Гиппиус.) Мандельштам знал больше. «Но пишущих машин простая сонатинка / Лишь тень сонат могучих тех». (1924)

12.4.14. Поездка с Валерой и Леной в Боровск, обратно через Малоярославец. В Боровске одноэтажные домишки поднов-

лены, некоторые обшиты тесом, покрашены, вставлены цельные «европейские» окна, без форточек, наличники сняты. На других еще остались двойные рамы. Есть совсем ветхие. Длинные улицы, запущенные глубокие дворы, деревянные сортиры, местами запах. Множество вывесок, очередь у банкомата, обилие машин. Отчасти, может, потому что суббота, съехались из окрестностей на праздник — День Космонавтики.

(Вспомнилось, как к нам в Москве подошел старичок, удивленно сказал: «Так много машин, не случилось ли чего?» Как будто очнулся от бессознательного состояния, вдруг заметил.)

Мы были в Боровске восемь лет назад, я тогда отметил стены, расписанные местным художником Овчинниковым. Сейчас их добавилось, многие с юмором. Памятная доска: «В этом доме останавливался Козьма Прутков». Замечательный памятник Циолковскому — уменьшенная пародия на московский: у подножья композиции, изображающей взлет ракеты, сидит юный бородач в очках, валенках, мечтательно смотрит в небо. (Он в Боровске преподавал, с ним здесь многое связано. Воспроизводятся, например, на стенах строки его письма о громадном болиде.) Новая роспись на стене: изображения церквей, некоторые были снесены в 1957–60 гг. Церкви обновлены, часто ярко покрашены, много золоченых куполов. Увы, никакого благочестивого ощущения в таком виде они у меня не вызвали. Архитектура не примечательна. Но простор, но леса вокруг!

Пафнутьево-Боровский монастырь обновлен роскошно. Много людей с вербами в руках чего-то дожидались: как нам объяснили, старца Власия. К нему была очередь и восемь лет назад (запись 8.5.06). Перед воротами торгуют сувенирами. Купили девочкам глиняную свистульку-лошадку. На воротах объявление: «Цыганам у ворот подавать милостыню не благословляется». (Я это выражение отметил: не благословляется.) Они с детьми тут же побираются, переругиваются с местными.

Малоярославец тоже обновлен, явно разбогател. Купола церквей покрыты каким-то блестящим синим металлом. В Никольско-Чернобровский монастырь женщин в брюках не пустили. Не буду описывать все церкви и монастыри, их даже после разрушений осталось множество. Появились памятники в честь сражения 1812 г., одна доска на французском языке.

13.4.14. В интернете совершенно замечательный фрагмент выступления патриарха Кирилла — восторженная похвала сидящему рядом Путину: «Я совершенно открыто должен сказать как патриарх, который призван говорить правду, не обращая внимания ни на политическую конъюнктуру, ни на пропагандистские акценты, о том, что огромную роль в исправлении этой кривизны истории сыграли лично вы, Владимир Владимирович». Неизбежно вспоминается панегирик королю министра из «Голого короля» Шварца: «Я говорю вам правду в глаза, даже когда она неприятна... Позвольте сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек».

18.4.14. Умер Маркес, важный для меня писатель.

Читаю книгу Ханны Арендт «Вальтер Беньямин». Я впервые так объемно представил себе личность Беньямина, его жизнь, особенности его литературного дарования — и, между прочим, его посмертной славы (если это можно назвать славой).

Прочитую немного. «Посмертная слава — это, видимо удел людей, выпадающих из рубрик, чьи труды не умещаются в установленный порядок, но и не порождают новой манеры на радость будущим классификаторам. Бесчисленные и провалившиеся все до одной попытки писать “под Кафку” лишний раз подчеркнули неповторимость Кафки, абсолютную оригинальность, которая существует без предшественников и обходится без последователей. По поводу таких людей обществу трудней всего придти к согласию, и на их трудах оно всегда будет ставить знак одобрения с наибольшей неохотой».

Меня давно интересовала эта тема: тема великих людей, не знавших прижизненного успеха. Объяснить непечетанье, замалчивание Мандельштама одними лишь советскими условиями, видимо, недостаточно. «Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки?» Многие ли в 1922 году могли понастоящему в это мироощущение проникнуть? Звучало тогда другое. Но без немногих, причем, высоких ценителей тоже нельзя было обойтись. Арендт интересно об этом пишет. «Посмертной славе обычно предшествует высочайшее признание равных». Беньямина рано оценили Гуго фон Гофмансталь и Бертольт Брехт, писали о нем. Для прижизненной славы этого оказалось недостаточно.

«Но, кроме простого выпадения из рубрик, — продолжает Арендт, — есть в жизни тех, кто «одержал победу в смерти»,

другая, менее объективная черта. Я говорю о неудаче. Мимо этого фактора, крайне значимого в беньяминовской судьбе, пройти невозможно, настолько остро сам Беньямин, никогда не думавший и не мечтавший о посмертной славе, сознавал свою неудачливость. В текстах и устных беседах он обычно ссыался на «маленького горбуна» — сказочную фигуру из знаменитого сборника немецкой народной поэзии “Des Knaben Wunderhorn”». Этот каверзник всегда готов что-нибудь испортить, подставить подножку.

«Маленький горбун» — так называется первая из трех глав книги. Две других посвящены проблематике ассимилированного еврейства в тогдашней Германии (метания между сионизмом и марксизмом) и особенностям поэтики Беньямина. Но это уже не моя тема.

19.4.14. Написал Хазанову и Дубину о книге Арендт.

По поводу «горбатого мальчика» — вспоминал иной раз себя. Через всю жизнь — череда неудач, неточных решений. (Не говорю о не зависящих от меня обстоятельствах, вроде болезней.) Провалили на собеседовании в университет, не попал в круг филологов. Несколько лет после болезни прозябал на случайной работе. Не отдал свою «Золушку» Копелеву для публикации на Западе — мог бы стать известным раньше. Женя Попов приходил меня приглашать в «Метрополь», увидел, как я ношу на руках новорожденную дочку, пожалел; а я бы не отказался. Годами не печатали «Сундучок». По глупому совету отказался от немецкого издательства Suhrkamp, согласился на другое — с тем так и не получилось... Можно перечислять много. Впрочем, поступил бы в университет — не встретился бы с Галей, напечатали бы «Сундучок» до 1991 — не совпало бы с Букеровской премией. Достиг бы успеха раньше — писал бы по-другому, вообще стал бы другим. Обстоятельства не совсем случайны.

Умер Бен Сарнов. Я вспомнил, как навещался когда-то к нему в поисках материала о литературе 20-х годов: мне это было нужно для работы над романом «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». У него многое тогда оставалось не напечатанным. С собой он рукописей не давал, я часами сидел у него, читал, он рядом работал. Вот одна из тогдашних записей (не вошедшая в печатную «Стенографию конца века»):

13.6.84. Вечером заехал к Сарнову... Просидел у него до 11, читая первую часть работы о Зоценко. Много для меня интересного — я чувствовал, что «там ищут». Чтение постоянно перебивалось разговорами.

Рассказывал, как Коржавин однажды пришел, потрясенный книгой Надежды Яковлевны Мандельштам. Сам Мандельштам был «героем не его романа», хотя он и понимал его масштаб. «Замечательно! Я тебе скажу: никакого Мандельштама на самом деле не было. Это миф. Его сочинила Надежда Яковлевна».

Рассказ старой художницы о первых днях после отмены НЭПа. «Вы теперь не можете представить, что это было! В магазинах раньше было все. Икра, балык, «Телиани» — все. И вдруг за несколько дней всего этого не стало. В магазинах бычки семенники. Было такое чувство, что конец всему».

«Людей старого типа, не своих, Сталин предпочитал использовать. Потому он и ходил 11 раз на «Дни Турбиных». Ему нравились эти люди с погонами, которые в начале спектакля поют: «Так за царя, за родину, за веру». А в финале этого хамского мхатовского спектакля они пели: «Так за Совет народных комиссаров». А понадобится, споют и про Сталина. Чтобы выжить при Сталине своему, надо было превратиться совсем уж в мразь. С этими старыми большевиками было просто нечего делать. Чем им был интересен Алексей Толстой? Тем, что не свой».

О нем останется добрая память.

22.4.14 Жоржу Нива сегодня вручали «Русскую премию» (за заслуги перед русской литературой).

Б.Дубин в письме Хазанову о смерти Б. Сарнова:

«Кто же и что ОСТАЕТСЯ и как всё более ограниченно и, увы, слабо это оставшееся меньшинство меньшинства выглядит, звучит, действует. Говорю/ пишу эти слова (да я ли один!), сцепив зубы и глядя в надвигающийся, кипящий всеобщим водущеванием смрадный мрак».

23.4.14. Приезжали из ТВ (канал «Культура») снимать сюжет к 90-летию Сидура (в июне). Они, как я понял, мало про него знают. Пытались дозвониться до музея, но он закрыт на ремонт, им отвечали грубо. Они даже не знали про памятник по-

гибшим в Афганистане («Памятник погибшим без погребения».) Почему вышли на меня, непонятно, мое эссе о Сидуре они не читали. Я, готовясь к съемкам, перечитал эссе, а вдобавок записи разных лет. Многое ожило. (Вспомнил, что 5 лет назад уже был фильм к его 85-летию. Силис нам говорил, что Миша (сын Сидура) поставил условием, чтобы он (Силис) в сюжете не фигурировал. Какая-то переданная по наследству, внешняя неприязнь. Сам Миша в годы их разрыва, кажется, еще не родился. Но вспомнились и малодостойные слова Лемпорта о Сидуре. На этот раз группа вроде бы собиралась поехать к Силису.

Выложил на стол много книг, фотографии, пригласительные билеты в музей с рисунками Сидура. Хотелось рассказать, что музей был когда-то заметным культурным центром. Что станет с ним, вообще с наследием Сидура после смерти Юли, Миши, Гали? Но говорил я плохо, всего договорить не успел, у них время было ограничено. Буду надеяться, что кое-что скомпонуют. И «Способ существования» с моим «Заложником вечности» взяли почитать. Может, сохранят и Галины работы: Сидур с тряпичной скульптурой.

А вечером приехал Жорж. Хорошо посидели, выпили, поговорили. Он замечательно, с интересом посмотрел работы Гали

25.4.14. Вечером поехал в Дом Русского зарубежья на презентацию книги Нива о Солженицыне. (Первоначально по-французски она называлась «Феномен Солженицына», так же озаглавил свою книгу Сарнов; теперь ее заголовок «Борец и писатель».) Объемистое роскошное издание, продавалось за 2000 руб., у меня таких денег с собой не оказалось; да если бы и были, покупать бы не стал. Мало осилить такой громадный текст — надо еще прочесть хотя бы «Красное колесо», которое для меня оказалось непосильным. Жорж прочел небольшую лекцию о том, как входил в мир Солженицына, как трудно было переводить его своеобразный язык (скажем, слово «образованщина»). Интересно было слушать. Хорошо говорили Игорь Виноградов и Немзер — единственные в зале, кто успели книгу прочесть, она поступила буквально вчера. (Сам Жорж ее не видел.) Пересказывать не берусь. Упомяну лишь эпизод из выступления Смирнова, известного кинорежиссера и актера. Он, оказывается, был еще и переводчиком (синхронным?) с французского.

Говорил о французском рационализме: как мог Нива, человек такой рациональной культуры, вникнуть, усвоить нашу российскую беспорядочность, бессмысленность? (Не помню точных слов, приходит на ум слово «бардак», но Смирнов его не употребил.) Вот здесь собрались люди, которые чувствуют себя идиотами среди этого бреда, этих криков «крымнаш». Звучало хорошо, но я вспомнил, как Жорж писал, что киевский майдан вызывал у него представление о картине Делакруа, гологрудой Свободе, ведущей народ на баррикады. Это мышление все-таки рационально, отчасти литературно. Когда позавчера я заговорил о непотребствах, которыми все сопровождалось, Жорж ответил: но ведь это революция! Была мысль напомнить ему слова Солженицына про ложь всех революций, но я от серьезного разговора удержался.

30.4.14. Меня заинтересовала история Фанни Каплан, стрелявшей в Ленина. Оказывается, она была любовницей и пациенткой его младшего брата Дмитрия (которого старший в детстве, похоже, обижал.) Померещился интересный сюжет в духе классических трагедий, не политический. Посмотрел в интернете: материал есть, но надо к нему найти художественный ключ. Умел же я когда-то войти в реальную историю. Дал бы Всевышний время и сил.¹

1.5.14. Обильно, раньше времени, зацвели вишни, поют лягушки. Возле Яузы устроили танцевальную площадку. Играла музыка, мы с Галей потанцевали — единственные. Какой-то фотграф нас запечатлел.

Вечером посмотрел по ТВ «Заставу Ильича», 1962 г. Удивительно, какие это могло вызвать страсти полвека назад. Все герои, как на подбор, интеллигентные красавцы, ни одного простонародного лица. Чистые красивые улицы, долгие разговоры с одинаковыми интонациями, никакой грубости — образцовый советский фильм, очень хорошо, на тогдашнем уровне, снятый. Он вполне вписывается в нынешнюю ностальгию по советским временам: какая была правильная жизнь, надо бы к ней вернуться. У меня в эссе «Участь» рассказывается, как мы с друзьями завалились однажды в гости к актеру, исполнявшему в фильме главную роль (Попов, кажется? Нигде больше его не

¹ См. «Приложение к стенографии. Невозможность Шекспира»

встречал.) Мы тогда вели не такие разговоры, к поэтам, которыми восторгается публика в кадрах фильма, относились насмешливо. Я смотрел его, кажется, дважды, в изуродованном и восстановленном вариантах — никогда так не ощущал тогдашней фальши.

2.5.14. Сон. Я ищу свою книгу, которую обещал подарить (может, свою переписку с Хазановым.) Один том куда-то пропал, вообще ни одного экземпляра не осталось. Ищу на обширных полках в квартире, знакомой по прежним снам, вижу множество роскошных книг, которых никогда не видел или забыл. Сознание, что уже никогда их не прочту. Вспоминаю, что один том оставил почему-то на улице, книга лежит на траве, уже накрапывает дождь. Остальных уже не найти. Видимо, раздарил, забыл и про это.

Вспомнил еще один давний сон про книги: как будто этажерка с ними стоит у автобусной остановки, у бывшего кинотеатра «Север». Зачем я их там оставил? Ведь пропадут... А вчера увидел немецкую фотографию: там прямо на улице стоит застекленный шкафчик с книгами: каждый может бесплатно взять, почитать, вернуть, добавить свою.

3.5.14. Черемуховые холода — подтвердилось и в этом году. Принесли с Галей из леса черемуху и вишни, сейчас несколько букетов благоухают дома и на лоджии.

Чудовищное смертоубийство в Одессе. Сгоревшие заживо люди, около сорока погибших. Отчаянный рассказ Бориса Херсонского о событиях: хуже быть не может — но будет еще хуже. Лукин ездил в Славянск освобождать европейских заложников, «либералы» морщатся: на побегушках у Путина. А как надо было иначе?

Несмотря ни на что, работал.

4.5.14. Лес зеленеет На ближнем пруду увидел утку с выодком, 12 птенцов, уже не желтых, пятнистых. Как бы их не поклевали вороны. Первые числа мая: так рано...

Стоит ли это записывать? В Украине разрастается безумие, гибнут люди. Боюсь, эта страна, не успев по-настоящему состояться за четверть века независимости, близится к разрушению. Россия стремительно перерождается. (Я написал несколько строк Комер: как события этого года ложатся в числовые ряды Хлебникова? Как всегда, он вряд ли ответит, но я это письмо в любом случае не сотру.)

В лесу читал всегдашнего Мандельштама. «Еще прозрачна асфodelий...», «Когда Психея-жизнь...», «Довольно кукситься...», «Я к губам подношу эту зелень». Времена страшной нынешних, и эти стихи перемежены другими — но ему удавалось не забывать о возможности полноценной, волшебной, счастливой, несмотря ни на что, жизни. Надо запечатлеть и это чувство — вопреки всему.

8–10.5.14. Поездка с Валерой и Леной, через Тульскую обл. до Орла. Скоростное Симферопольское шоссе проложено в стороне от населенных пунктов. До Тульской области — по зеленому майскому лесу, лишь изредка аккуратные коттеджи. 120–130 км. в час.

Ясную Поляну пришлось искать, петлять по окрестным поселкам; увидели местный быт. Зато всюду белая кипень: цветут и отцветают вишни, яблони, черемуха (потом в Орле я увидел каштаны, сирень — все одновременно.) У входа, когда я рассматривал план имения, кто-то ткнул меня в живот. Это оказался Женя Рейн, а с ним Юра Норштейн. Они с неизвестной мне компанией приехали сюда выступать. Норштейн я сразу спросил, читал ли он подаренную мной когда-то «Стенографию начала века». Не только читал, перечитывал, она хранится у него на особой полке. (Потом подробней говорил об этом с Галей, она пересказывала.) Я заговорил о том, что хотелось бы увидеться, поговорить, бессвязно упомянул свое «Исправление имен». Он сказал, что не позвонил, потому что не хотел навязываться, и нет времени, работы много. Что за работа? — спросил я. «Шинель». Приятно было ощутить его расположенность.

Экскурсии по Ясной Поляне закончились (предпраздничный день), прогулялись по огромной усадьбе сами. Дошли до могилы Толстого. К стыду своему, я побывал здесь впервые в жизни...

По пути остановились на солнечном лугу пообедать. Всюду кротовые холмики. Над лугом кружил коршун (или ястреб?) И цветение вдоль всех дорог.

В тургеневское Спасское-Лутовиново мы совсем опоздали, посмотрели на территорию через ограду. Ковры незабудок (а в Ясной Поляне всюду была яснотка.) Пели соловьи. Хозяева вели домой породистых бело-бурых коров.

В Орле долго искали улицу, где расположена гостиница, благодаря этому поколесили немного, осмотрели город. Послевоенные сталинские постройки, улицы с деревянными одноэтажками. Я пишу это утром 9.5. Гостиница состоит из разрозненных квартир (у нас просторная однокомнатная) в многоэтажном доме. (1500 руб., т.е. 30 евро за сутки.) Включал плохо работающий телевизор: Путин с такими же хмырями что-то обсуждает, звук невнятный, и незачем. Диктор говорит (одновременно с бегущей строкой), что украинский «Правый сектор» объявил одесскую трагедию 2.5. «светлым днем в отечественной истории». Ночью проснулся: ясное чувство, что страну стараниями политиков втягивают в тупиковое безумие. Как бы остановиться? Так называемая геополитика воспроизводит мышление даже не прошлого — позапрошлого века: военная сила, территориальные приобретения, политическое влияние. Между тем как реальное влияние все больше становится экономическим, технологическим. Мир взаимосвязан, как никогда. Можно как угодно морализировать над американским электронным прослушиванием, над монополизацией электронной, платежной, банковской сети — но реальная власть, влияние в этом. Архаические страны ищут способы компенсировать свои комплексы. Психоз то и дело становится смертельно заразительным. Глобализация будет разрастаться не удержимо, приобретений от нее больше, чем потерь, в перспективе неравенство будет сглаживаться.

Орел. Музей Лескова неподалеку от реки Орлик. Памятник Лескову на площади: писатель в окружении своих героев. Парк Дворянское гнездо над Окой. Музей Тургенева, памятник Тургеневу. Есть еще музей Леонида Андреева — тоже орловский. Чистые улицы. Ярмарка на «Стрелке». Люди празднично одеты, с манифестации возвращаются школьники в военных нарядах позапрошлого века (на девочках ментики, на мальчиках аксельбанты и т.п.)

Позвонила из Красноярска Ира [сестра Гали], она нашла письмо отца с войны, треугольник: «Пришел в Орел, все разрушено». Позвонил Алеша с Гималаев, они спустились с гор, все «пофоткали». Танечка с мальчиками в Нью-Йорке, Макс [Максим] выдержал там собеседование в какой-то университет. Девочки на даче.

9.5.14. *Болхов*. Монастырская гостиница — так она называется. На самом деле это купеческая постройка. 1600 руб. номер с двухспальной кроватью, 1200 с двумя односпальными. Мы выбрали дорогу, ребята дешевую. На тумбочках образы каких-то святых, сейчас вечером я их положил лицами вниз — пусть не смотрят на что не надо.

Пешеходный мостик над рекой качается, удивительно ясное отражение в неподвижной воде, более явственное, чем деревья и здания над ней. Чистый праздничный город. Прекрасные церкви с золотыми куполами. Деревянные дома, подальше от центра вдоль них тянутся газовые трубы. Но чувство не бедной жизни, почти возле каждого дома автомобиля. Одеты все красиво, нарядно. На площади, где вместо снесенного главного собора стоит памятник Ленину, собрался народ, на сцене идут выступления, девочки в балетных нарядах. Все общительны, доброжелательны.

Вечером поехали на машине к Троицкому Оптину женскому монастырю. Он еще восстанавливается. Монахиня жестом предложила зайти в церковь. Воздух благоухает: запахи яблонь, вишен, сирени. И соловьи соревнуются друг с другом.

10.5.14. Дальше коротко. В Болхове с утра погуляли по двухэтажному центру, заглянули в краеведческий музей. (Инструменты для плетения веревок, лаптей.) Белёв оказался малоинтересным городком. Разрушенный монастырь. Заехали по пути в Жабскую, кажется, пустынь, там источник святой воды, при нем купальня. Там же святой дуб. Уже начался дождь, который сопровождал нас всю дорогу. После Белёва на многие километры растянулись цветущие яблоневые сады. В городе восстановили производство знаменитой яблочной пастилы, но в магазинах ее не продают, настоящую, сказали, можно купить только на рынке после сентября; она готовится из антоновки. Та, что в магазинах, не настоящая, из концентратов. После Одоева свернули еще к какому-то монастырю, из машины не выходили. И пообедали в машине. На подъездах к Москве началась чудовищная пробка.

Осталось чувство богатой, красивой, цветущей земли. Северные области (Тверская и др.) выглядели бедней, запущенней. Конечно, совпало с майским цветением, с праздничными нарядами людей.

16.5.14. Б.Хазанов посмотрел посланный ему сайт с работами Гали. «Начал я с графики, затем перешел к живописи — и, как прежде, был очарован... Этот мир вечного Настоящего дышит счастьем жизни, полновзвучным эротизмом... Я, конечно, выражаюсь выпендренно, но лучше и точнее, чем Бодлер, об этом не скажешь: там —

Là, tout n'est qu'ordre et beauté,
Luxe, calme et volupté

(Там всё — красота и лад, роскошь, тишина и нега.)

Искусство Гали воскрешает детство, младенчество, щедрые сосцы, маму и папу, игрушечные города, фантастические цветы, зверей и птиц; мне тут пришло в голову, что так, размытыми и близкими, их видит и видит весь окружающий мир совсем маленький ребенок, так мы это видели когда-то, видим до сих пор и в сновидениях. Волшебная живопись!»

24.5.14. Приезжали Ян и Алена Махонины, привезли журнал Souvislosti №3 с моей Стенографией о Милуше, фрагментами эссе о Сидуре, Галиным портретом Милуши и статьей Милуши обо мне. Рассказали, что после Милуши остался тысяче-страничный труд о русской литературе, который был должен стать ее диссертацией. Она просто не захотела тратить время и силы на ее защиту.

У Алены в университете три студента, все платят за учебу больше 300 тысяч в год. Бюджетных почти не осталось. Чешское отделение выбрали потому, что оно дешевле французского. Выбирали родители. Литературой никто не интересуется, по специальности потом не работают. Говорить с ними не о чем.

27.5.14. Выставка Сидура в музее ГУЛАГа. Десяток небольших скульптур и линогравюры из цикла «101». Организовал это Карл Аймермахер, с которым рад был встретиться. Он рассказал, какая работа проделана, чтобы музей открылся после ремонта.

12.6. — 19.6.14. Вернулись после недельных путешествий, сначала с Валерой и Леной: Витебск, Полоцк, Катюнь, Смоленск, Можайск. 15.6 поздно вечером вернулись в Москву, на другое утро выехали с Леной и Таней в лагерь, где третью неделю отдыхают Лиза с Мишей. Место называется Никола Ленивец (прелестное русское имя). Нас вез в машине Ленин Алеша¹.

¹ Алексей Владимиров, муж моей младшей дочки Лены.

Первые три дня я делал обычные стенографические записи на листках, потом перестал. Впечатления уточнялись, менялись, что-то оказывалось несущественно, всего не вместить. Решил отчасти по записям, отчасти по памяти восстановить главное сразу на компьютере.

Витебск, пешеходные улицы в центре, многие здания, судя по фотографиям начала прошлого века, сохранились. Первая мысль: их мог видеть Шагал. Но почти все церкви — новоделы, восстановленные совсем недавно, в том числе и собор высоко над Западной Двиной, который не раз возникал на его работах (в нем теперь две разных церкви, Успения Богоматери и Преображения). Шагал мог видеть этот собор с другого, нижнего берега, где был его дом, и рисовал он тот, другой Витебск. От того города осталось немного. Многоэтажные кварталы вполне современные, лишь местами сохранились одноэтажные домишки, деревянные, каменные. Кирпичный дом Шагала реставрирован (реконструирован) под музей. Художник не узнал бы в нем свой, настоящий: большие окна, печь не соответствует той, которую он изобразил на рисунке. Выставлены предметы быта, похожие на тогдашние: колыбель, самовар, посуда и пр. Просторный двор с зеленым газоном расширен за счет соседского, перед домом восстановлен фрагмент бульжной мостовой.

(По совпадению, я сейчас вычитываю корректуру «Путеводных звезд», эссе о Шагале [«Учитель радости»] там начинается описанием:

«Дом, где родился Шагал, напомнил ему, напишет он впоследствии, «шишку на голове зеленого раввина с моей картины или картофелину, упавшую в бочку с селедками и разбухшую от рассола». Увидев его годы спустя, художник морщился и думал: «Как же я здесь ухитрился родиться? Чем здесь люди дышат?»

И о том же провинциальном, зашлеванном Витебске, где на улицу выплескивались помой, где в луже посреди дороги блаженствовала свинья — несколькими строчками ниже: «Церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные строения, как на фресках Джотто».

Джотто — не более, не менее! Где теперь эти строения? Преображенными и увековеченными они остались лишь на картинах художника — и в его душе.

Вместе с трезвым недоумением: как здесь можно было дышать?)

Можно понять, почему, приехав в Советский Союз, Шагала не захотел (не нашел в себе сил) посетить Витебск: ощущение исчезнувшего мира было бы невыносимым. Да ведь тогда память о Шагале там и не поощрялась, им не гордились. Он, помнится, хотел подарить городу какие-то свои работы — не заинтересовались, и поместить их было некуда.

Сейчас там есть небольшой музей, «Арт-Центр Шагала», в нем изумительная выставка его графических работ. Даже не ожидал, что они произведут такое впечатление, (особенно цветные литографии, три из них подарила музею дочь Шагала, Ида.)

Ну, что говорить, все ощущения от Витебска окрашены мыслью о Шагале. Видели Западную Двину: он купался в этой реке, наблюдал за людьми на мосту. Захотелось перечитать «Мою жизнь».

Мы провели в Витебске три ночи (гостиница называется «Ветразь», не знаю, что значит это слово.) Белорусский язык там только на официальных вывесках, на дорожных указателях, кажется, на одном телеканале (и то в титрах). Звучит один русский язык. О жизни здесь могу судить только со стороны. На вид чистый, спокойный, не бедный город. Не мозолит глаза реклама. Водят экскурсантов.

14.6. мы поехали в *Полоцк*. В дороге я читал краеведческую брошюру. Полоцкое княжество было одним из древнейших и сильнейших в тогдашнем регионе. Его история долгое время была связана больше с Литвой и Польшей. То полоцкие князья устанавливали власть над соседями, то сами становились частью других государств — до раздела Польши при Екатерине, когда Полоцк (вместе с Витебском и другими землями, еще не белорусскими) стали частью России. Не вполне отчетливая для меня история, но об этом лучше почитать всерьез. Многие исторические достопримечательности, храмы, как и в Витебске, восстановленные новоделы. Не стану здесь все описывать. Один за другим подъезжали автобусы с экскурсантами. Впечатление все производит славное. Я знаю, что можно сказать о Лукашенко, об авторитарных порядках в стране и пр., но со стороны жизнь здесь кажется спокойной. У белорусов не было Чечни, терро-

ризма, взрывов, украинские события местному телевидению как будто не очень интересны (я в отеле время от времени включал телевизор: кино, развлечения). Солдат далеко служить не посылают — некуда. Вдоль дорог нет невозделанных полей, как в России, деревушки не бедней наших, не попадалось и особенно роскошных вилл, как у нас.

Утром 15.6 покинули Белоруссию (граница почти условна), направились в сторону Смоленска. По пути неожиданно оказалась *Катънь*, мы этого не планировали. Прекрасный лес, громадные ели — и потрясающий мемориал. В 1928 г. Козий Бор был отдан под дачи НКВД. Обширную территорию отгородили колючей проволокой, и тогда же здесь начались расстрелы, еще до войны. Тут же и закапывали. В мемориале две части: советская и польская. На информационных стендах подробные рассказы о репрессиях, депортациях, расстрелах, фотографии, биографии. Польская часть истории сейчас больше известна, убитых поляков знают по именам, наших даже количество не называют точно. Наверно, сюда возят экскурсии, при нас ходили одиночные посетители. Сейчас это особенно бы надо знать.

Про *Смоленск* записывать не буду (после Белоруссии чувство замусоренности, на одной из улиц поднимался пар, как над гейзерами: прорвало горячие трубы). Перед Москвой заехали еще в *Можайск*, посмотрели местный Кремль. Наши спутники больше, чем я, интересовались архитектурными достопримечательностями, старались не пропустить ни одного памятника, упомянутого в путеводителе, Валера много фотографировал. Я, увы, почти все названия храмов забыл.

Все. Вернулись домой поздно вечером, а следующим утром, 16.6 поехали с детьми к внукам. У Лизы пропущен был день рождения, мы в Белоруссии купили ей кое-какие подарки. Лагерь Никола-Ленивец (по названию соседней деревни) расположен на территории национального парка Угра (в Калужской обл.) Там лет десять назад художники и архитекторы устроили то, что теперь называют арт-проектом: Архстояние. На обширной территории, по лугам, лесам разбросаны арт-объекты, сооружения из дерева, бревен, ветвей, проволоки и т.п., без функциональной цели; на табличках даются философские, художественные, культурологические обоснования (организация пространства, вписанность в пейзаж и т.п.) Описывать не буду, приведу лишь

некоторые названия: Николино ухо, Удаленный офис, Штурм неба, Вселенский разум, Бобур. Ну, и все это среди прекрасной природы. Постепенно я стал проникаться. Мы почти все осмотрели, многое вместе с детьми, бродили по лабиринту, прыгали на батуте. Многие объекты кажутся созданными для игры, для детей.

Два года назад здесь устроили детский лагерь. Дети живут в палатках, разделены на отряды, у каждого свой вигвам для сборов. Все время чем-нибудь заняты: рисуют, лепят, строят свои проекты, например, дом на дереве. Действительно, сами пилят доски, забивают гвозди. Наши Лиза с Мишей придумали проект Дом из пней, не совсем им по силам, чурбаки были тяжелые. Родители, приехав, помогли, я тоже что-то попилил. По-моему, дети довольны. Мы две ночи провели в деревянных домиках, тоже по своеобразным проектам. 18-го уже ночью вернулись. В компьютере меня ждали 9 писем, в том числе последний кусок «Путеводных звезд». Надо работать.

21.6.14. Читаю мемуары Силиса о встречах с разными людьми, по большей части знаменитостями. Трезво, реалистично, без сантиментов — но отношения-то были поверхностными. Неожиданно было почувствовать, что это многолюдье в мастерской, кучи народа за столом, выпивки, песни, общение со знаменитостями Силиса скорей угнетало. Подлинной радостью для него была возможность спокойно работать. Я подумал: как и для нас с Галей. Нам многие годы удалось жить в соответствии со своей природой. Хотя Силис тут же делает оговорку: художник по природе своего творчества не может не показывать своих работ. Стоило бы завершить мысль: чтобы их продавать. Но для продажи были другие каналы, другие люди. Колю обижало, что едва ли не все гости мастерской их с Лемпортом работами не интересовались, даже о них не спрашивали. Сразу сворачивали в комнату наверху, садились за стол. Им надо было показать себя, завести знакомства с другими знаменитостями. Поэты читали стихи, актеры напивались. Друзьями почти никого нельзя было назвать. Неожиданно теплыми были упоминания о Сидуре.

26.6.14. «Круглый стол» памяти Сидура (ему исполнилось бы 90 лет) в музее ГУЛАГа. Евгений Барабанов интересно говорил о существовании художника в культурном пространстве.

Если не поддерживать память о художнике, его могут забыть. Это уже грозило Сидуру. Нужно, чтобы художником занимались, чтобы о нем писали, не только смотрели, но и толковали. Даже музея может оказаться недостаточно, тем более, что музей уже могли закрыть, помещение отобрать. Это переключалось для меня с впечатлениями от мемуаров Силиса: сколько знаменитостей побывало в их с Лемпортом мастерской, выпивали, читали свои стихи, меньше всего интересовались скульптурами. Они оба не бедствовали, имели заказы, зарабатывали больше, чем Сидур — но последние выставки Силиса оказались совсем жалкими, о Лемпорте вообще некому позаботиться. Для Сидура все сделал Аймермахер, и музей он, кажется, оживил, и встречи в музее ГУЛАГа организовал. Только что мы получили объемистую книгу его переписки с Юлей Сидур: сверх ожиданий интересно. Подробный рассказ о борьбе за наследие Сидура, за музей, за подвал, за скульптуры после его смерти. (Нашел по указателю и свое имя, и про Силиса посмотрел.) И о Гале подумал, и о своих перспективах. Все делается не само собой, я эту область культуры недооценивал, вел себя неправильно, равнял себя с теми, кто не имел успеха, не был оценен при жизни.

Хорошо встретился с Карлом, с удовольствием поговорил по-немецки с его дочкой Катей. Хорошо выступала Наташа Нольде, рассказывала о графике Димы. (Накануне она привезла для Гали тяжеленную пачку бумаги из университета, где преподает оформление книги.) Был сын Сидура Митя, родившийся в 1975 г. не от Юли, теперь адвокат. В переписке с Карлом (который тоже его опекал), она пишет о мальчишке необычайно нежно. Своих детей у нее не было. Чудесная женщина. Мое эссе о Сидуре она оценила высоко, но добавила, что никто не понял, насколько это был добрый человек.

Я после всех взял слово, рассказал, как мое знакомство и дружба с Сидуром начались с предложения ему сделать памятник Габаю. Сидур специально не занимался темой ГУЛАГа, но тут он соприкоснулся с ней. Подарил музею «Способ существования», сказал, что они могли бы заняться Габаем.

Возвращались к метро через Пушкинскую площадь, Петровку, скверы. В сквере перед памятником Рахманинову (которого я прежде не видел), группа немолодых людей разучивала

бальные танцы, без музыки. Трогательное, новое для Москвы зрелище. Рядом с памятником Пушкину появилась памятная плита с изображением Страстного монастыря, который сносили в 1937 г. (и в день моего рождения).

И сегодня же патриарх Кирилл наградил высшим церковным орденом (Андрея Первозванного) лидера коммунистов Зюганова. Церковь забывает сама себя, свою историю.

11.7.14. Любовь к себе без взаимности.

16.7.14. — Я понял: надо избегать общих концепций.

— Но это и есть концепция.

18.7.14. Чудовищное преступление: над Донбассом сбит малязийский самолет, 298 человек погибли, среди них дети. Многие летели из Голландии на конференцию по СПИДу. Мои подозрения уже, похоже, подтверждаются: ракету выпустили местные боевики (сепаратисты, ополченцы), которым оружие поставляет Россия. Подтверждается главное: развязанный хаос неизбежно выходит из-под контроля, оборачивается катастрофой. Мало было Одессы. Был, видимо, расчет на постепенное изматывание Украины, возможно, военное вмешательство. Теперь все будет развиваться быстрее и хуже для России. (Для нас — не только для властей, лично для Путина.) Не рассчитали, что отморозки, дорвавшись до оружия, будут так самовольничать. Конечно, еще не было расследования, посмотрим. Оправдываться трудно. Среди попыток откреститься, объяснить есть совершенно фантастические: самолет-фантом был специально послан, его пассажиры были давно мертвы, это видно по найденным на земле трупам, и т.п. В метро читали газеты, я посмотрел заголовки: «Хроника провокаций», «Как помочь Крыму и Новороссии». (Что такое Новороссия?)

А возвращались мы в метро из Музея Сидура. Его открыли после ремонта раньше, чем ожидалось. Это, наверно, работа Карла Аймермахера, он выступал. Поговорить с ним не удалось. Музей обновлен. Прекрасное освещение, дизайн, экспонатов вдвое больше прежнего. Карл заявил, что хочет вернуть в Москву гроб-арт из Бохума — куда его тут поместить? И так смотреть трудно. Были незнакомые работы, но сосредоточиться на них не удавалось. Боюсь, что мы сюда больше не придем. Другая атмосфера, ни одного знакомого. Нас, кстати, на открытие не приглашали, мы узнали о нем окольно. А 10 лет назад я выступал

здесь на 80-летию Сидура вместе с Войновичем и академиком Гинзбургом, были живы Миша Сидур и Галя. Здесь был мой вечер, музей выпустил книжку. Останутся воспоминания.

19.7.14. Стоит все-таки процитировать, какой бред сейчас внедряют в мозги. Александр Дугин, «философ», профессор МГУ, идеолог «евразийства»:

«Есть коллективный Путин... Есть индивидуальный Путин, как человек с биографией и психологией. Но и тот, и другой — лишь части более сложной структуры Суверена. Чтобы точнее понять эту структуру, можно обратиться к труду Эрнста Канторовича «Два тела короля». В Средневековье существовала теория, что у монарха помимо обычного индивидуального тела есть еще одно — «мистическое»... Именно это «второе тело» и есть та инстанция, в которой коренится суверенитет... У того, у кого оно отсутствует или развито слабо, власть сводится к результату объективных факторов, включая индивидуальные и психологические. У того, кто им обладает, есть еще нечто сверх того — это королевская тайна, мистерия власти... Король легитимен в силу обладания вторым телом... В этом втором теле Путина сосредоточена сама Россия, ее судьба, квинтэссенция ее бытия... Второе тело Путина — это русское тело, в нем живет дух России как Государства, народа, цивилизации. И сейчас этому духу брошен экзистенциальный вызов».

Кто-то это читает, на кого-то производит впечатление.

21.7.14. *В лесу, у пруда.* Делал на ходу заметки о неизбежном усложнении жизни (по Тейяр де Шардену: жизнь не может продолжаться, не поднимаясь структурно все выше, отказ от развития был бы губителен), о соблазне простоты, к которой призывал Толстой — и вдруг вспомнилось: «Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь». Эти слова всегда смущали не совсем понятным смыслом. Вдруг показалось, что я мог бы эту мысль развить.

С.Чупринин в ФБ вспоминает первую Букеровскую премию 1992 г.: «После того, как газеты обошли фотографии закрывшей лицо руками Людмилы Петрушевской, что была обидно для самолюбия обнесена этой наградой, претенденты, щадившие свою нервную систему, на церемонию перестали являться». Оказывается, газеты обошла эта фотография — а я до сих пор о

ней ничего не знал. (Помню, как Петрушевская подошла меня поздравить.) И какое, оказывается, это произвело впечатление! Право, я бы не стал закрывать лицо руками. Я вообще не придавал премии особого значения. Не понимал этого, даже когда ее получил. Когда меня со всех сторон стали просить об интервью, я спрашивал: роман-то читали? Если нет, не о чем говорить. И когда посылал тексты, статьи в разные издания, просил: только не ставьте подпись: Лауреат Букеровской премии. Написали бы обо мне лучше: автор замечательной книги. (Сейчас кажусь себе немного невменяемым — начало доходить спустя столько лет.) Последние дни Чупринин стал публиковать в ФБ свои «виньетки» об эпизодах литературной жизни: конференции, командировки, интриги, редакционные разговоры, поездки — я их пропускаю. Еще раз подтвердил: мне никогда не была интересна литературная жизнь, только литература, ее качество, уровень. Пришлось со временем убедиться, насколько я был неправ: моя литературная судьба спустя 20 с лишним лет после премии этому подтверждение.

27.7.14. Хазанов написал мне 25.7: «По ночам, во время обычной бессонницы... вспоминаются без всякого повода времена жизни (твое выражение!). Не оставляет впечатление тщеты и напраслины. Предотъездные годы, дурацкая война с гвардией подонков, которая именовала себя разведкой и прокуратурой. По сей день мемориальная скрижаль в честь главара украшает главную цитадель — по Сеньке и шапка. Помню настроение тех лет: единственный выход — бежать. Куда угодно, лишь бы вон отсюда. Советское государство ограбило нас до нитки. Россия проводила пинком под зад. Германия встретила как друг и помощник. Далее Мюнхен и наш журнал. Андрей Никитин-Перенский вывесил в библиотеке чуть ли не все номера, перечитывать их скучно. Сколько времени, труда, усилий потрачено на эту никому не нужную работу. И как тяжело, почти невыносимо было работать вместе с покойным Кронидом».

Я ему вчера ответил: «Все та же болезненная избирательность памяти, дорогой Гена. Перебираешь последние тридцать с лишним лет — ничего, кроме «тщеты и напраслины». Ни жизни в благоустроенной стране с Лорой, ни путешествий с ней по прекрасным странам, ни сына, ни внуков, ни литературной работы, ни международных премий, ни книг, ни музыки, ни Па-

рижа, ни встреч с замечательными людьми, ни наших прогулок по Линдау... Только тщета и напраслина. Скучно перечитывать свой журнал — а все остальные журналы не скучно? У миллионов других на всех континентах — жизнь несравненно содержательней? Ладно, нельзя же без конца повторяться».

Для какого-нибудь учебника психологии: разное устройство, разное мировосприятие.

1.8.14. Проложил начерно — очень начерно! — «Праздник неожиданностей». Несколько раз возникало чувство, что ничего не получится, нет идей. Неожиданно что-то возникало. И вот теперь чувство, что, пожалуй, работу сделаю, причем в обозримом будущем. Надо только работать.

«Книжники» отправили «Путеводные звезды» на верстку, редактор неожиданно предложила сделать вклейку с фотографиями семьи, друзей. «Читателям может быть интересно». Я сказал, что сделаю.

14.8.14. Все-таки оформил до конца «Праздник неожиданностей». Конечно, еще надо работать, что-то уточнить — но уже есть над чем работать, что уточнять. Еще недели две назад было чувство, что не получится.

Из ФБ узнал, что Борис Дубин в реанимации, в тяжелом состоянии (нейрохирургия.) Пытаюсь узнать, что теперь на самом деле. Он важный для меня человек.

15.8.14. Лена Макарова прислала мамины письма к себе (1990), просит высказать свое мнение. Я ей сразу ответил.

16.8.14. Связался через ФБ с сыном Бориса Дубина, Антоном, только что получил от него ответ.

«Марк, папа в нейрохирургической реанимации 12-й больницы. Удалили гематому, останавливалось до этого сердце, сейчас в медикаментозном сне, удалось как-то стабилизировать гемодинамику, но образовался новый очаг, подозрение на геморрагический инсульт. Состояние крайне тяжелое. Верим в лучшее, надеемся. С мамой нас иногда пускают в палату, но это нужно было пробивать».

18.8.14. Новое состояние: нет обязательной работы. Утром сходил в лес, взял с собой Мандельштама и карты с английскими афоризмами Пессоа. У Мандельштама просто вспоминал знакомое наизусть — без новых мыслей. А над Пессоа хотелось думать. I feel beliefs that I do not have. I am delighted by anxieties

that I repudiate. Скорей чувствовал смысл (feel beliefs), чем понимал... We can never reach another person, but by being another, through the sensitive imagination of ourselves.

20.8.14. Умер Борис Дубин. Написал его сыну Антону: «Из моей жизни ушел близкий, важный для меня человек...»

21.8.14. Фейсбук заполнен откликами на смерть Дубина, в самых высоких выражениях (гениальный и т.п.). Я собрал свои упоминания о нем в Стенографии, хотелось бы написать не о нем, а о внутреннем диалоге с ним: литературная социология и самочувствие писателя-одиночки. Набрал кое-что на листке, обдумывал подборку «Стенография нового века». Писать не начинаю: мешает ожидание корректур.

Алексей Левинсон о Дубине (ЕЖ): «Разработанная им в соавторстве с Львом Гудковым социология литературы видит своим материалом все, что пишется и читается. О том, какие тенденции проступают в этой не лучшей литературе, какие силы начинают себя там выражать, Дубин сообщал с тревогой. Мы не вняли. Теперь они есть, а его нет».

Поздравил по e-mail Кому Иванова с юбилеем: ему 85 лет. Он тотчас откликнулся: «Большое спасибо. Ценю Ваши интересные вопросы, на которые не всегда легко найти ответ». Должно быть, помнит мое письмо от 4.5.14, тогда он на него не ответил. Неожиданно и приятно.

26.8.14. Не хочется писать о пропагандистских мерзостях. Не удержался, посмотрел фильм НТВ «13 друзей хунты», где поливают грязью Макаревича, Быкова, Шендеровича. Улицкая (получив Европейскую премию в Зальцбурге) озаглавила свое эссе «Европа, прощай». Российская власть уводит страну от европейской культуры, европейских ценностей. На нее обрушилась Татьяна Толстая. («Я, читая, умирала со смеху». Сравнила эссе с громыханием металлического листа, которое должно изображать гром...) Климонтович возмутился, что русская писательница, «называющая себя христианкой еврейского происхождения», ничего не понимает в стране, на языке которой пишет, что Россия — единственная опора христианства, Запад от христианства ушел и т.п.

9.9.14. *В лесу, на бревне.* Знакомое состояние: закончены и вроде бы пристроены практически все работы (за исключением,

может быть, мелочей), с утра думаю, чем бы заняться. «По прихоти своей скитаться здесь и там, /Дивясь божественным природы красотам, /И пред созданными искусств и вдохновенья /Трепеща радостно в восторгах умиленья. /Вот счастье! вот права...» Исчерпывающая формула. Можно представить себе другие доступные радости: угощения, кино, театр, музыка, дружеские встречи, любовные восторги, наконец. Но все в конце концов становится скучным, растворяется во времени — если не вызывает в душе, в мыслях отклика, достойного быть занесенным на эти листки. (А может, это назвать энергией, противостоящей энтропии, угасанию, беспамятности, смерти — энергией, которой мы пока не знаем имени?) Достоинство ли это моего возраста, профессии, образа жизни?

Сегодня просматривал в компьютере наброски замысла о Фанни Каплан, стрелявшей в Ленина, и Дмитриии Ульянове, брате Ленина, с которым у нее, по некоторым свидетельствам, был роман. Более того, он, врач в евпаторийском санатории для политкаторжан, помог ей, почти ослепшей, вернуть зрение (направил к умелому специалисту), что позволило ей стрелять. Есть версия о детской ущемленности младшего брата (старший над ним любил издеваться.) Привиделось что-то вроде драмы в духе Шекспира. Но если бы старший брат, Ленин, не оказался творцом мировой истории, драма была бы на уровне житейских, отчасти уголовных разборок. (Одним из любовников Каплан был бандит, который, возможно, стрелял в полтавского губернатора, Фанни тогда получила контузию и провела 10 лет на каторге.) Я перечитывал подобранные заготовки (можно некоторые здесь воспроизвести): чужие, неприятные, неинтересные мне люди. Если бы я взялся о них писать, пришлось бы преодолевать внутреннее сопротивление. И снова подумал об истории, которую творят вовсе не античные герои, а люди не самого высокого пошиба (до наших дней, современников мы близко знаем.)

Достоверность иных сведений требует еще перепроверки. Можно бы, правда, написать что-то полужизническое, в духе Цвейга. Или что-то не документальное, сюрреальное, как это умел Набоков. Но лучше пока оставлю эти заготовки подождать, подумая.

Что мне, может, действительно бы надо сделать — обобщить повседневные мысли, новую стенографию, на уровне по-

этическом. Сейчас вложу эти листки в книжечку Бродского, засуну ее в карман, пойду по лесу дальше, буду иногда извлекать, думать. «Вот счастье, вот права»...

18.9.14. Объявление у входа в церковь: «Современная мода формируется антихристианским духом. Форма одежды пропагандирует терпимость к разврату, который приводит человека к страданию. (Язык, однако!) Одежда женщины должна быть скромной. Женщина не должна входить в святой храм в брюках, шортах, коротких юбках, с косметикой на лице».

19.9.14. Полно свободного времени, под рукой нужные книги, есть даже какие-то мысли — а ни строчки не могу написать, чувствую, что будет *не то*. У Н.Я.Мандельштам была емкая формулировка этого состояния, нашел цитату в давней «Стенографии» (2.8.03): «Поэт должен уметь не только говорить, но и молчать в тех случаях, когда импульс, побуждающий его к сочинению стихов, недостаточно силен. Для поэта отказаться от работы, остановить себя гораздо труднее, чем погрузиться в нее по первому зову». И тогдашний мой комментарий: «Тут нужно лишь уточнить, что без работы, без попыток, пусть вначале бесплодных, себя «завести», «разогреть» не возникнет и подлинный импульс. Молчать — значит не предъявлять написанное читателю, но для себя пытаться, марать, выбрасывать черновики необходимо. Достаточно силен импульс или нет, проявится в результате». Не грех повторить. Как и упомянутые ею слова Герцена о том, что иногда «душа убывает». «При убывающей душе любое событие проходит незамеченным, а в дни духовного расцвета все ощущается как событие — дуновение ветра, упавшее яблоко, птица в клетке». Событие внешнее или внутреннее.

Полистал, как всегда, НЯМ — неожиданно злободневными показались ее наблюдения о единомыслии: «Внедрение единомыслия возникло как "встречный план", то есть было выдвинуто не государством, а обществом. Единомыслие появилось не в результате подкупа или террора. Террор возможен там, где идея террора импонирует людям, подкупить легко только тех, кто стоит с протянутой рукой, единомыслие осуществляется, если люди готовы отказаться от мысли, лишь бы ощутить себя среди единомышленников. В один день такие особи появиться не могут. Для этого нужна длительная подготовка»

Фейсбук. Для разных людей ФБ значит разное. Кто-то погружается в него, как в деревенские пересуды, в повседневную болтовню. Меня подключил к ФБ Леонид Латынин, я не имел о нем никакого представления. Некоторое время наведывался туда без интереса. Потом целую группу «друзей» мне подключил Марк Липовецкий. Это были главным образом его знакомые филологи — существенный для меня круг. Еще одну группу, поменьше, вокруг «Лехаима», мне подключил Афанасий Мамедов. Ну, и подключились дети, их друзья. Сам я круг общения почти не расширял, подключал тех, кто себя предлагал. Даже небольшое количество «фрэндов» отнимает время, я предпочитал общение по электронной почте. Как-то написал М.Ямпольскому, у которого число «фрэндов» приближалось к 5 тысячам: как вы успеваете просматривать такое количество информации? Он ответил, думаю, не без иронии: да я их и не просматриваю, это невозможно. Только тут до меня дошло: «друзья» в основном нужны как круг читателей, как тираж. Есть, правда, еще возможность взаимной связи, через «личку». Начал понемногу разбираться. Благодаря специфическому отбору блога некоторых «фрэндов» заменяют мне прессу, я что-то узнал о круге близко мыслящих людей.

Только что в «Журнальном зале» зале появился мой роман (так журнал определил жанр «Джокера») — но не полностью. И «Звезда» усвоила эту сомнительную манеру: в интернете 37 страниц из 65. Полностью можно прочесть в бумажной версии, за нее нужно платить. Это отгородит текст от многих.

20.9.14. Композитор Десятников на ТВ рассказывает, как скандал с оперой «Дети Розенталя» (на либретто Сорокина) сделал ее сразу известной. Это был хэппенинг, скандал специально устроили, чтобы обратить на оперу внимание. Я, помнится, недоумевал по поводу прежних скандалов, когда на площади сжигали книги Сорокина: неужели не понимают, что делают ему рекламу? Именно что понимали, еще как. Это я не понимал.

Фрагменты из оперы, которые я услышал, звучали приятно, сам Десятников выглядел очень симпатично. Ироничный, склонный к музыкальной пародии, с чувством стиля. Но я знаю его и в другом качестве, по другим работам. Талантливый человек.

И все с большим пониманием начинаю относиться к Сорокину. Надо бы его почитать внимательней. Хотя до сих пор выталкивало. Нынешнее время часто можно комментировать цитатами из него. Так ведь и время не восхищает...

22.9.14. *Утеха*. Море, любовь, и работа — только этим здесь бы и жить. Не хотелось интересоваться новостями, даже письмами. Оказалось, здесь можно подключиться к Hi-Fi.

23.9.14. Промежуток, пауза, когда ничего, кажется, не делаешь, на самом деле бывает полней, насыщенней, чем деловитые усилия. Пауза — ёмкость в промежутках суеты. Не помню, у кого из композиторов была эта пауза в шестнадцать тактов — она меня однажды поразила.

24.9.14. *Утеха*. Другие путешествуют по знаменитым местам, выкладывают в ФБ фотографии храмов, памятников. На миг позавидуешь — а потом вспоминаешь: сколько мы ездили, сколько повидали храмов — уже не вспомнить названий... Тот же Semur-en-Auxois помним, а сколько Володя Герман возил нас по окрестным городкам с такими же церквями — даже названия пропали. Зато запомнилось, как девушка пела, сидя у стены храма. Как играл духовой оркестр возле Notre Dame. Как из пасмурных облаков солнце вдруг засветило в витраже высокого окна. И, если уж на то пошло: как по пути из Марселя в Париж из окна поезда увидели на откосе пару, которая занималась любовью. И другая пара, по пути из бухты в Коктебель, мы шли поверху, нас сопровождали две влюбленных собаки. Девушка снизу увидела нас на откосе, молодой человек поднял голову, помахал нам приветственно рукой, мы помахали в ответ... Нет, не памятники, не стили попутных церквей — в душу западают мгновения жизни, такие же значительные, как море передо мной, когда я сижу, работаю на солнечной лоджии, а Галя рядом в комнате рисует...

1.10.14. *Утеха*. Половина нашего срока здесь. *Море, любовь и работа*. Работает, впрочем, только Галя... Читаю стихи — но и это можно считать этапом работы.

Из интернета узнал, что в партии Прохоровых («Гражданская платформа») к руководству пришли вместо них другие люди, они поддерживают присоединение Крыма и политику Путина. Прохоров прекращает финансирование, Ира уходит со своего поста. В конце прошлого года я ее об этом предупреждал.

(См. 23.12.13.) Пишут о росте цен, в Москве удостоверимся. Заглянул в лекцию Комы Иванова о будущем человечества. Много я уже знал от него — но какая ёмкая память!

Три последних вечера смотрели фильмы Иоселиани: «Истина в вине», «Утро понедельника» и «Разбойники». Как никогда понравилось, может быть из-за переключек с нынешними событиями. Юмор, местами абсурд — и при этом необычайно реалистичная, точная фактура, естественная игра исполнителей (не знаю, актеров ли.) После Вуди Аллена, Альмодавара («Кожа», «Матадор») заново его оценил. Впрочем, у Аллена блистательный «Зелиг» (тоже достоверность фактуры — и при этом фантастика, юмор, абсурд).

3.10.14. Отсутствие солнца позволило вынести компьютер на лоджию. Я стал читать присланную мне верстку «Путеводных звезд»... Некоторые места неожиданно переплелись с нынешним мироощущением, я их давно не вспоминал. Например, суждение К.Ясперса о Гете: Он видел ограниченность великого поэта в его безоговорочном приятии мира, в стремлении как угодно сохранить равновесие с самим собой. «Нам ведомы ситуации, — писал Ясперс, — в которых у нас уже не было желания читать Гете, в которых мы обращались к Шекспиру, к Библии, к Эсхилу, если вообще еще были в состоянии читать... Существуют границы человека, о которых Гете знает, но перед которыми отступает... Было бы неверно сказать, что Гете не чувствовал трагическое. Напротив. Но он ощущал опасность гибели, когда решался слишком близко подойти к этой границе. Он знает о пропасти, но сам не хочет крушения, хочет жизнеутверждения, хочет космоса». Ведь о том же, о своем мироощущении размышлял и герой моего «Джокера». Я и о себе что-то близкое мог бы сказать, о своей ограниченности. И вот события буквально последних месяцев оказываются трагическими — но обращаемся ли мы к Шекспиру, к Эсхилу? (Библию вспоминают кому не лень, но это несерьезно.) Ясперс имел в виду другое время, другую ситуацию...

7.10.14. *Утеха*. Прочел, наконец, внимательно «Лето в Бадене» Цыпкина. Это действительно значительное, выдающееся произведение, Сюзен Зонтаг вправе была его отнести к вершинам русской литературы XX-го века. Здесь незаурядна не только сама проза, но возможность существования автора, никому не

известного. Незаурядна и С. Зонтаг, сумевшая сделать открытие — главное, чем может быть славен критик. И как написала! Не знаю другого такого примера. (Кто открыл Пессоа? Был ли это один человек?)¹

18.10.14. В ФБ ответ Бориса Херсонского на мерзкие нападки в прессе. Его называют самозванцем, купившим свою диссертацию, халтурщиком и т.п. Он ответил фактами, ему посоветовали не отвечать мерзавцам. Он согласился: «меня победили» — и удалил свой ответ. Но я все-таки застал его на своей странице, решил тотчас Бориса поддержать. Компьютер мне ответил: мой комментарий послать невозможно, потому что текст удален. А скоро и оба текста исчезли вместе с моим комментарием. Хорошо, что свой текст я успел сохранить (его текст не могу даже точно процитировать), послал ему в так наз. личку и на всякий случай еще раз по e-mail. Он сразу ответил.

19.10.14. В одном из блогов фотографии церковных объявлений, не удержался, скопировал несколько. «Уважаемые братья и сестры! Свечи, купленные на улице, в храме не действительны! Просьба ими не пользоваться». (Вариант: «Свечи благодатны в том храме, где они приобретены.») «Звонящие в Храме мобильные телефоны будут погружаться в святую воду!» «В храме ведется видеонаблюдение... А еще — все видит Бог!» «Церковная продукция освящена. Обмену или возврату не подлежит!» Однако!

Вводил в компьютер «Стенографию 1974». Запись 3.12.74: «Звонил Апт, «Гоголь» ему очень понравился. «Я ничего подобного не читал». — «Я тоже», — засмеялся я. Виды на публикацию ему кажутся сомнительными, слишком это необычно. «Но мне кажется, у вас должно быть очень легко на душе. Можете не сомневаться, что это не только будет напечатано — это останется». А ниже моя реакция: «Бывают минуты, когда устаешь ждать. И недостаток внешнего осуществления угнетает. Сегодня в разговоре с Аптом я повторил, что литература сводится не только к написанному произведению — это комплекс произведения и откликов на него. Здесь насущна необходимость, как выражаются кибернетики, «обратной связи»». Запись напомнила мне, что я уже 40 лет назад вполне пони-

¹ См. Приложение к стенограмме. *Возможность Гения*

мал необходимость внешнего самоосуществления, т.е. успеха, но слишком мало для этого старался, и до сих пор не очень изменился.

26.10.14. Ямпольский в интервью журналу «Гэфтер» излагает известную концепцию исторического развития. Последовательный ход событий можно представить «как путь шарика, которому нужно скатиться» по некой местности. Он всегда покатится, выбирая наиболее низкие точки, как река будет течь по дну ущелья. «Стабильные общества функционируют по таким устоявшимся путям. Но в этом ландшафте есть формы, которые исключают возможность плавного континуального перехода. По-английски эта форма называется cusp — это утес, который нависает над пропастью. Когда вы находитесь на гребне этого утеса, у вас нет пологого пути для того, чтобы оказаться внизу... Вы можете только упасть». Переход возможен только как катастрофа.

(Я свое изложение слегка упрощаю, язык Ямпольского затейливей: «Есть модель, я бы назвал ее гетерологической моделью истории, то есть гетерологии, как ее определял Батай... Я думаю, что история строится как чередование периодов континуальности и затем катастроф, которые разрушают континуум и которые абсолютно переструктурируют историческое поле и взаимодействие агентов, активных на этом поле»... и т.д.)

Естественный вопрос: все эти «формы» в ландшафте есть изначально, или катастрофические «утесы» возникают в нем непредвиденно — почему вдруг? Нынешнюю российскую ситуацию Ямпольский объясняет ссылкой на ту же концепцию Батая: появляется некий «суверен», человек, который «не следует никаким законам, никаким правилам, он может делать все, что угодно». «Его воля никому не подчинена... Его суверенность всегда несет в себе элемент катастрофичности». Путин, по мнению Ямпольского, «ведет себя как батаевский суверен».

Прочитав это интервью в своем фейсбуке, я написал Ямпольскому: хотелось бы кое-что обсудить подробнее. «Суверен», не подчиненный никаким законам — он-то откуда вдруг возникает? И процитировал фрагмент из своей недавней «Стенографии» (11.5.13): «Вспоминается поверх логики: аномально холодное лето 1601 года, сплошные дожди, мороз летом, неурожай, эпидемии, голод — предпосылки Смутного времени — вы-

званы были, как поняли уже в наше время, извержением вулкана где-то в Южной Америке. Такое отмечалось не раз в мировой истории»... Не буду цитировать все, можно здесь посмотреть. И еще про Чижевского, который связывал политические катаклизмы с солнечными бурями. «Получалось как будто не то, к чему стремились или чего желали люди и целые общества»...

Ответ Ямпольского немного меня удивил. «Согласен со всем, но думаю, что по мере усложнения обществ элемент неопределенности и сложности возрастает». Да ведь моя цитата была как раз об этом: о непредсказуемости, неопределенности. Попробовал все-таки объясниться: «И я так думаю, даже писал об этом, среди прочего, в последней повести. Там, кроме заголовка «Джокер, или Заглавие в конце», эпиграф: «Фактор джокера не позволяет заранее предсказать развитие». *«Самоорганизация систем»*»

Что говорить, тут был намек, не заинтересует ли он моими текстами, не возникнет ли содержательный разговор. Про свою повесть я ему уже раз-другой писал еще в процессе работы. Некоторые его мысли казались мне близкими, хотелось кое-что прояснить.

Увы, диалог опять завершился, не состоявшись. У пишущих людей не хватает времени читать других. Сам не без греха.

2.12.14. В интернете толкуют, что ждать от речи, которую Путин будет держать послезавтра. Я ничего хорошего не жду. Он не может отказаться от самого себя, от своего окружения, от всего, что сделал за полтора десятка лет своего правления, проходившего в сказочно благоприятных условиях, которыми не сумел воспользоваться, бездарно все провалил. Только что прочел интервью Бенгта Янгфельда, с которым был немного знаком (встречался, он меня напечатал в своем журнале.) Он говорит о *личной* обиде за то, что сделали с Россией.

3.12.14. Вчера встретил в газете интервью Бенгта Янгфельда, захотелось посмотреть его работу о Маяковском. Это действительно капитальное исследование жизни Маяковского, множество неизвестных раньше подробностей. В том числе о сексуальной жизни его, Лили Брик, Осипа Брика, многочисленные связи, беременности, аборт, жизнь втроем. Многие подробности сообщали Бенгту близкие к Маяковскому люди. Он был знаком с Романом Якобсоном, Шкловским, Эльзой Триоле и др.

Я все подробно читать не мог, листал бегло, пропускал стихи Маяковского (на некоторых все же задерживался, среди ранних есть замечательные.) Любви к этому поэту книга мне не прибавила, суждений высказывать не буду. Но многое в личностях, в жизни этих людей вызывало какую-то брезгливость. Подтвердилось, что Осип Брик был действующим сотрудником ЧК, у Лили тоже был документ сотрудницы. (Документы подтвердили это лишь в 1995 г., мне об этом говорил Аркадий Ваксберг.) Брик помогал Маяковскому ездить за границу, помог уехать родителям и сестре Пастернака, некоторым другим. Но тут же — история расстрела Гумилева, «философский пароход»... нет, не хочется перечислять. Янгфельд обо всем говорит с пониманием, не морщится. С близкого расстояния, в подробностях все оказывается еще мерзей для меня.

15.12.14. В Москву привезли выставку Пауля Клее. Отчасти по этому случаю Кирилл Кобрин выложил свою прошлогоднюю статью о художнике. Вспоминает знаменитого «Angelus Novus», рассуждения о котором стали уже хрестоматийными (к нему то и дело возвращался Хазанов), сопоставляет связанные с этой темой тексты и судьбы Вальтера Беньямина, Ханны Арендт и др., добавляет неизвестные мне факты и переключки. Некоторые мысли К.К. об отношении Клее к исторической катастрофе меня зацепили. (Тут стоит вспомнить, как писал об ангеле Клее Вальтер Беньямин, который купил у художника эту работу: «Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас — цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую всё это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу».)

Вот что пишет Кирилл Кобрин:

«К катастрофе можно относиться по-разному, испытывать исступление по её поводу, как Блок, или обречь себя на вечную позицию гордой жертвы, как Ахматова, но высший класс — это *просто не принимать в ней участия*. Не физически, нет, рано или поздно тебя забреют в армию (как пытались с Клее, но ему

повезло — на фронт не отправили), или в дом к тебе придёт свора мерзавцев в мундирах (с Клее и это произошло), или тебя уволят с работы, ты станешь беглецом, неважно. Могут и убить, то есть, скорее всего, тебя как раз убьют. Но ты в их игры не играешь и точка, ты даже не разделяешь с окружающими людьми их катастрофического или посткатастрофического сознания. Нет-нет, это не эскапизм, он есть такая же банальная реакция на катастрофу, что и другие; рисовать античные пейзажи в разгар чумы — значит соучаствовать в пытке потерей своего сознания. Просто надо жить и — главное — думать по-другому».

Некоторые слова кажутся не самыми удачными: иступление, высший класс. Но главное: что значит: не принимать участия в катастрофе? В истории? (Хазанов к этой теме любил возвращаться.) Понятней: не принимать участия в политике, в общественной жизни. Просто жить и думать по-другому? Но художник еще при этом создает свой мир — это, в терминах Мамардашвили, позволяет нам «воспроизводить себя в качестве людей».

Вот тут для меня есть что-то действительно близкое, отчасти связанное с мыслями о Мандельштаме. Надо бы к ним еще вернуться, додумать

18.12.14. Поехали с Галей в музей Multimedia Art Museum на Остоженке, там потрясающая (действительно потрясающая) выставка Владимира Яковлева. Природный гений, полуслепой, психически нездоровый. О нем надо еще думать. Купили прекрасный альбом, а кроме него книжку, где работы Яковлева комментируются стихами Геннадия Айги. Оба принадлежали к одному кругу. Я два раза встречался с Айги, один раз даже сидел с ним за общим столом на ужине во французском посольстве. А в Ди познакомился с его сыном Алексеем, он оказался известным музыкантом, но узнал я об этом лишь запоздало. В книге указана дата рождения Геннадия (1934), даты смерти нет. Оказывается, она была издана еще в 2004 г. фондом Яковлева, Айги умер в 2006. Тираж книги 1000 экз., за 10 лет не распродана. Я начал просматривать ее с большим интересом. Буду читать.

31.12.14. Пришло время подвести итоги 2014 г. и поразмышлять о будущем. Если говорить о рабочих результатах (не захотелось писать: творческих) — тут грех жаловаться. Вышли две книги, в журнале опубликован роман, несколько эссе, цик-

лы стихов, переводы, есть заделы на следующий год (новая детская повесть, эссе, стихи.) О гонорарах помолчу, успехом и в этом году не могу похвастаться, отсутствие отзывов на роман озадачивает. Но «чувства внутренней правоты» это пока не колебало. Жить в ближайшие месяцы, надеюсь, будет на что. Хотя таким, как я, похоже, предстоит нелегкое время. Цены растут с каждым днем, кризис только начинается. Особенно дорожают лекарства, лечение все больше перестает быть бесплатным. Хорошо, если со здоровьем будет не хуже, чем в этом году.

(О Гале надо писать особо: она в этом году работала все продуктивней.)

В историю страны этот год войдет как во многих отношениях переломный. Ровно 100 лет назад начинался «некалендарный, настоящий двадцатый век». Я свою последнюю подборку стихов озаглавил «Некалендарный век». Что будет, предсказать трудно, но уже можно сказать, что произошло. Страна, казалось, наконец, вернулась в Европу — вдруг отвернулась от нее. Не хочется говорить «Россия», я предпочел бы употреблять слова «Кремль», «правители России» — но оказалось, что весьма большое число граждан, включая образованных, казалось бы, демократически настроенных людей, по-настоящему европейцами не стали. На вопрос: о чем бы вы попросили Деда Мороза в наступающем году, 60% ответили: вернуться в СССР. Ладно бы те, кто не жили в нем — у живших в СССР что-то произошло с памятью. Много в этом году могло ужаснуть: «проект Новороссия», война против братского народа, гибель людей, но страшней, неожиданней всего была для меня готовность миллионов людей это безумие поддержать, поддаться лживой, фальшивой риторике, ощутить восторг единства в противостоянии назначенному врагу (о котором год назад совсем не думали или думали иначе.) Я, кажется, готов понять, что происходило с культурными, образованными немцами в начале 30-х годов — ведь для разумного, не замутненного пропагандой, не зомбированного, как теперь говорят, взгляда очевидна была низкопробность лозунгов, лидеров. (Можно бы здесь свести воедино высказывания, которые цитировались на разных страницах этой Стенографии.)

Среди значений слова «кризис»: решение, поворотный пункт, суд, приговор, в том числе суд над собой. Есть надежда,

что нынешний кризис, натворив много бед (очевидней всего экономических, вплоть до обнищания миллионов), что-то при этом прояснит, потребует одуматься. Я говорю только о России, в Украине свои беды, свои преступные правители. Опасность войны, о которой тоже немало сейчас судачат, я считаю скорей теоретической. Мир все-таки сейчас другой, чем был полвека назад.

Думая над стихами, я заново перечитывал Чеслава Милоша в переводе Бродского. «Лишь сомненье порою мелькнет, что мог бы / прах печей в Освенциме быть нам чуть-чуть дороже». И вот это: «Год от года, делаясь все огромней, / созревает в нас общий плод: безучастность». Оглядываешься на самого себя: как себя вести, что ты можешь сделать? Все остается проблемой, окончательного решения нет.

Приложение к Стенограмме

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ШЕКСПИРА

Я позже многих узнал, что Фанни Каплан, та самая, что стреляла когда-то в Ленина, была, оказывается, знакома с младшим братом Владимира Ильича, Дмитрием Ульяновым — а, может, не просто знакома. Высказывалось мнение, что судьбы всех троих оказались переплетены не слабее, чем у героев античных трагедий.

Известный психолог В.Л., так прямо и написал в своей работе (где анализируется, среди прочего, характер Ленина): «Черной меткой сорокавосемилетнему Володе стал выстрел в него полуслепой Митиной пациентки-любовницы, эсерки Фейги Ройтблат, она же Фанни Каплан. Подписывая своей мрачной знойной красавице направление на операцию по восстановлению зрения, доктор Дмитрий Ульянов не ведал, что посылает брату молнию мести не только за себя-мальша...»

Тут чуть ли не на каждом слове хочется задержаться. «Черная метка», «полуслепая эсерка», «знойная красавица». Не просто пациентка (оказывается) доктора Ульянова, но любовница, «молния мести брату». А уж если брат этот не кто-нибудь, а персонаж мировой истории, крупнейший деятель века, изменивший судьбу не только своей страны — воображению, право же, начинается мерещиться сюжет, достойный Шекспира. Впору очередной раз удивляться, куда в наше время девались таланты достойного уровня.

Хотя, начав понемногу вникать, обнаруживаешь, что вообще-то история эта уже не просто обсуждалась — обсасывалась всячески. И в беллетристике, и в документалистике, со ссылками на свидетелей, на архивы. Версии противоречат одна другой, проверять достоверность каждой бессмысленно, да и не в

достоверности дело. Пусть в какой-то мере легенда — не интересует же нас документальное подтверждение шекспировских трагедий. Сюжет, выявить бы сюжет!

Настоящее имя этой женщины было Фейга Ройтблат. Она родилась на Украине в семье меламеда, учителя хедера. Ей было шестнадцать лет, когда 22 декабря 1906 г. взорвалась бомба в номере киевской гостиницы «Купеческая». Юная Фейга остановилась там с неким Виктором Гарским (он же Яков Шмидман) — то ли одесским бандитом, то ли анархистом. Ему удалось бежать, девушка была контужена взрывной волной, вдобавок ранена осколками. При аресте у нее нашли документы на имя Фанни Каплан, обвинили в подготовке покушения на киевского генерал-губернатора. На допросах она никого не выдала, утверждала, что ничего не знает, взрыв произошел неожиданно для нее, когда вошла в комнату.

Самоотверженная девушка-террористка (да еще на фоне романтической влюбленности) не так давно могла бы стать у нас героиней серии «Пламенные революционеры». В советское время Фанни Каплан мешало имя. Те, кто позднее выстрел в Ленина готовы были одобрить, не принимали покушения на генерал-губернатора. Беда, что с некоторых пор террористки-самоубийцы вообще как-то перестали восхищать публику, слишком реально пришлось с ними соприкоснуться. Обещано, однако, продолжение.

Девушке грозила смертная казнь, но сделали скидку на возраст, расстрел заменили пожизненной каторгой. Фанни в кандалах отправили в Сибирь. Там она провела десять лет, сблизилась с известной революционеркой Марией Спиридоновой, стала убежденной эсеркой. В марте 1917 ее освободили по амнистии. Увы, к тому времени она почти совсем ослепла: к последствиям контузии добавилась работа на свинцово-серебряных рудниках. Одно время не могла ходить без сопрождения — стала практически недееспособной.

О каком-либо продолжении вряд ли пришлось бы вести речь, если бы в мае судьба не занесла Фанни в Евпаторию, где для таких как она, был учрежден «Дом каторжан» — и там не свела ее с Дмитрием Ильичом. Сверять противоречивые свидетельства опять же нет смысла, кто-то вообще называет всю эту историю легендой. Не исключено, однако, что в том или ином

качестве доктор Ульянов действительно мог в этом доме встретить Каплан, а позднее направить ее на операцию к известному харьковскому офтальмологу профессору Гиршману. Операция прошла успешно, к Фанни частично вернулось зрение.

Частично — то есть, как пишут, «силуэты различала, в пространстве ориентировалась». Достаточно ли, чтобы время спустя она все же смогла стрелять в Ленина? Громкая история уже множество раз описывалась и обсуждалась во всех подробностях. Известны утверждения, что полуслепую женщину просто использовали, чтобы прикрыть настоящего исполнителя. Как бы там ни было, Фанни Каплан была на месте покушения задержана, на допросах не просто призналась — сама настаивала, что в Ленина стреляла она, считает его предателем революции. Стреляла «от себя лично», а не по поручению какой-либо партии. »Эта мысль во мне созрела в Симферополе, — читаем мы в протоколах, — и с тех пор я начала готовиться к этому шагу... Я исполнила свой долг с доблестью и помру с доблестью».

Уверяют, однако, что не все протоколы были опубликованы. «Известно, что отсутствуют десять страниц, как раз связанных с ее пребыванием в Крыму... Можно предположить, задачей большевиков было максимально отвести Фанни Каплан от Дмитрия Ульянова. Что им в принципе и удалось сделать».

Что ж, пора, стало быть, вернуться опять в Крым, к доктору Ульянову — не случайно же серьезный психолог так многозначительно обмолвился словом о «молнии мести», посланной оттуда старшему брату.

В.Л. в упомянутой книге профессионально прослеживает становление характера Ленина. «Мальчик трудно рождался, перенес тяжелый рахит, долго не мог научиться ходить и разборчиво говорить, сильно картавил и дальше. Закатывал иногда истерические припадки, тяжелые истерики случались и в зрелости. При этом неплохо был физически развит, отличался превосходной памятью, цепким умом, быстротой соображения, упрямством и агрессивностью».

И дальше вот это: «Любил поиздеваться над презируемым младшим братиком Митей, будущим медиком, мягкосердечным интеллигентом, тихим бабником, под конец жизни спившимся»...

Вот таким персонажем, значит, нам предложено заниматься. Не особенно тянет, но уж какой есть. Из официальной био-

графии: «Служил военным врачом в Севастополе», «вёл активную борьбу за Советскую власть в Крыму»... Особых революционных заслуг, при всем старании, приписать ему не удастся. Малоинтересные свидетельства, малодостоверные сплетни. «Дмитрий Ильич любил ухаживать за хорошенькими женщинами. Особое внимание он оказывал Фанни Каплан, которая была очень красива и пользовалась успехом у мужчин». (Дошедшие фотографии не особенно в этом убеждают, ну, пусть так кому-то казалось.) «Роман вполне мог закончиться свадьбой, если бы в их отношения не вмешались партийные товарищи. Эсеры не хотели, чтобы их соратница в это революционное время перешла в лагерь политических конкурентов. Для чувствительного Дмитрия Ильича это стало серьезным испытанием, горечь расставания он заливал добрым крымским вином в гробках»...

Тоска, скука. Худо-бедно пробуешь выстроить в воображении сюжет. Мягкосердечный интеллигент (не зря, право, его братец припечатал эту категорию известным словом), под хмельком, возможно, поплакался полуслепой возлюбленной, рассказал, как над ним издевался в детстве человек, наводивший теперь ужас на всю страну. И она вызвалась за него отомстить — у нее к этому человеку были свои претензии... Не Шекспир, какой там Шекспир!

Если бы в этой истории не присутствовал Ленин!

«Подписывая своей мрачной знойной красавице направление на операцию по восстановлению зрения, доктор Дмитрий Ульянов не ведал, что посылает брату молнию мести не только за себя-мальша»...

Значит, вот так. А дальше — фатальный выстрел, политическое покушение или не раскрытая до конца провокация, расстрелы заложников, чудовищный красный террор. 3 сентября 1918 г. женщину без суда убивает выстрелом в затылок балтийский матрос Павел Мальков, комендант Кремля, труп велит сечь в железной бочке.

«Могучий брат выжил довольно легко, но предстоящий ужасный конец выстрелом Фейги был ускорен и обозначен, — пишет В.Л. — Идеальный фанатик, не жалевший себя и не знавший милосердия, презиравший слабых, оканчивал свои дни в ранней ужасной постинсультной беспомощности. Пока еще был

в состоянии говорить, просил дать ему яд для самоубийства. И кого просил! — того, кто стал его нежеланным преемником и превзошел его жестокостью и коварством».

Почему все-таки не дотягивает до Шекспира? Понимаем ли мы на самом деле его героев? (Понимаем ли поэзию в переводах?) Не просто другая эпоха — другой мир, другое представление о мире. Провидение, месть античных богов — увы, это не для нас. Слишком близко мы узнали новых творцов истории. Реальность не дает былой воли воображению.

ВОЗМОЖНОСТЬ ГЕНИЯ

Время вновь и вновь побуждает возвращаться к давним замечкам, давним мыслям, что-то подтверждать, что-то переоценивать.

«Со всех сторон, — писал я в «Стенографии конца века» (21.08.89) — разговоры об упадке, о кризисе, даже об отсутствии культуры, о прерванных традициях, обрубленных корнях, уничтоженных школах... Люди разных возрастов говорят о своем поколении как о несостоявшемся и несостоятельном.

Какое-то личное, уязвленное чувство заставляет меня искать возражения. Во-первых, откуда нам знать? Может, в чьих-то письменных столах, в новонакопленных архивах уже ждут своего часа шедевры неведомых гениев? Еще немного дозреть благоприятным условиям, и мы обнаружим в этих, казалось бы, оцепенелых, а на самом деле затаившихся поколениях своих Платоновых и Булгаковых, а может, и нового Баха, который, как известно, не существовал для современников и звучал лишь стараниями потомков»...

Мыслями о «возможности гения» я тогда поделился с друзьями. Приведу здесь мнение лишь одного из них, Натана Эйдельмана. «Не думаю, — сказал он, — что в чьих-то столах ждут своего часа неизвестные шедевры. То, что лежало долгие годы ненапечатанным, мы все-таки по рукописям знали. И сейчас основные достижения принадлежат людям, духовно сложившимся в эпоху «оттепели». Это был последний всплеск некоторого идеализма. От поколения, которое формировалось в атмосфере цинизма, распада, лжи, ничего существенного ждать не приходится. Должно пройти лет 15–20, чтобы созрело новое, духовно более полноценное поколение».

(Вот ведь, оказывается, 15 лет с тех пор как раз прошли. Но речь сейчас не об этом.)

Речь о том, могут ли в новое время, в эпоху интернета, когда опубликовать можно практически что угодно, оставаться незамеченными, не оцененными подлинными шедеврами.

На меня произвело впечатление открытие, сделанное не так давно знаменитой американкой Сьюзен Зонтаг. Перебирая потрепанные обложки на одном из лондонских книжных развалов, она обнаружила роман никому не известного русского писателя Леонида Цыпкина «Лето в Бадене». Прочла (в английском, разумеется, переводе) и тут же написала: «Этот роман я, ничуть не усомнившись, включила бы в число самых выдающихся, возвышенных и оригинальных достижений века».

История эта теперь широко известна, пересказывать нет надобности. Леонид Цыпкин по профессии был не писателем, а врачом-патологоанатом, печататься он даже не пытался. И дело было не просто в советской цензуре. Зонтаг приводит свидетельство его сына (который, эмигрировав, позаботился о публикации отцовских работ на Западе): «По редакциям он их не рассылал и не хотел давать в самиздат, боялся „разговоров“ с КГБ и остаться без работы». «Писал для себя. Писал для литературы», — восхищается Зонтаг.

Ее статья, а затем предисловия к разным изданиям сделали роман сенсацией, он сразу был переведен на многие языки. «Затерянный шедевр», «грандиозная веха русской литературы XX века», «самое неизвестное гениальное произведение, напечатанное в Америке за последние 50 лет», — изошрялись в восторгах рецензенты. Отчасти, думается, сработало имя Достоевского, о котором повествует роман, добавилась и биографическая, «советская» легенда, но книга действительно заслуживает всяческих похвал. Для меня же сейчас всего замечательней сам факт незаурядного открытия, сама его возможность — ничем на самом деле не гарантированная. Даже очевидными, казалось бы, достоинствами произведения

Сьюзен Зонтаг особенно прославилась своей работой «Против интерпретации». В ней она призывала читателя, зрителя вернуться к непосредственному переживанию искусства, которое в современной культуре то и дело начинает подменяться его интерпретациями. Нельзя в этом призыве не заметить

доли лукавства: у самой Зонтаг начинается, конечно же, с непосредственного переживания, но чтобы передать это переживание, это впечатление другим, без интерпретаций не обойтись. Вот где ее несравненная сила!

В статье о Цыпкине редкое для иностранца знание советских обстоятельств (надо полагать, результат бесед с его сыном.) А какая глубина, какая проникновенность анализа! И не в последнюю очередь — какая эрудиция, позволяющая критику ввести русский роман в контекст мировой литературы! Зонтаг обнаруживает в нем переключки с работами Джозефа М. Койтци и В.Г.Зеебальда, с японскими «романами от первого лица», с неизвестной мне «Артемизой» Анны Банти, которую называет «шедевром итальянской литературы XX века», стиль русского писателя она сравнивает со стилем португальца Жозе Сарاماго и немца Томаса Бернхарда...

Возвращаешься все к тому же вопросу: а если бы роман случайно не попался на глаза читателю такого уровня, таких способностей, обладающего таким уже наработанным авторитетом? Знаем ли мы, можем ли знать, сколько действительно незаурядных писателей, художников, композиторов уходят из жизни уже при нас не замеченными — и припасен ли судьбой на неизвестного пока Баха будущий Мендельсон, способный спустя более полувека после смерти гения обнаружить завалы в архиве ноты и наконец-то оценить их? Ведь это при том, (вновь напоминаешь себе), что в эпоху интернета незачем углубляться ни в какие архивы, копаться в ящиках письменных столов — все и так на поверхности, в нарастающем изобилии. Значительное чаще всего бывает не таким уж доступным, подлинная новизна не сразу понятной, вникать, читать надо медленно, по многу раз перечитывать, а времени у нас на это все меньше. Знать бы уверенно, заранее, что усилия стоят того. Критик популярного еженедельника рецензирует в каждом номере три, четыре, а то и пять-шесть новинок, среди них два-три толстых романа. Имена создаются все больше премиями, скандалами, хэппенингами. «Была иерархия ценностей, сейчас это называется рейтинг», — объясняет персонаж моего недавнего романа «Джокер, или Заглавие в конце». Ничье мнение не может быть авторитетным — считается, что общих для всех критериев не может быть в принципе. «Нет имманентных (то есть

внутренне присущих) качеств, которые помогли бы распознать, «искусство» перед нами или «не искусство», — читаем мы по поводу очередного нашумевшего дивертисмента. — Искусство — это всегда прорыв, пощечина общественному вкусу». «Качество произведения искусства заключено не в нем самом, но в его силе, влиятельности, в общественной реакции на него».

И все больше осознаешь, что не только в литературе — во многих областях общественной жизни происходит, как теперь выражаются, замена «вертикальных» критериев «горизонтальными». Но это уже другая тема.

НИЗКИЕ ОБМАНЫ И ВЫСОКИЕ ИСТИНЫ

Полемика об исторической реальности и литературных персонажах возникла у меня когда-то в переписке с Давидом Самойловым. Прочитав в 1980 рукопись моих «Двух Иванов» (публикации им предстояло ждать еще восемь лет), он упрекнул меня в нагромождении «ужаса, крови, вони, уродства, мучительства», в недостатке «художественного целомудрия». Литературе, писал он, это противопоказано, и о самой истории создает искаженное представление.

Речь в романе шла о временах Ивана Грозного. Прочитую фрагмент своего ответного письма (27.06.1980):

«Я заглянул в трагические времена, когда половина населения погибла от казней, голода, мора, войн, набегов, а для другой половины страх и смерть стали повседневным бытом. Это был непростой душевный труд, который много мне дал и в чем-то меня изменил. После него невозможно стало, в частности, читать иную историческую беллетристику: режет ухо облегченность, условность, неподлинность. Я уже слишком знаю, что реальный Василий Блаженный ходил не в рубище с картинными заплатами, а нагой (таким его и рисовали на ранних иконах) и испражнялся среди площади, что реальные пустыnnики годами не умывались и не меняли платья и т.п. Когда по-настоящему вживешься в эпоху, перестаешь зажимать нос и находишь в этой жизни свою (не нынешнюю) полноту, истину, поэзию.

Возьми хотя бы документальное описание Угличской драмы. Увидев мертвого сына, Мария Нагая схватила из поленницы полено и, протрволосяя, стала бить им по голове мамку Ва-

силису Волохову. Прискакал пьяный Михайла Нагой, дьяк Битяговский, который незадолго перед тем урезал Нагим денежное содержание. Михайла натравил на Битяговского толпу. Попутно растерзали еще несколько человек, кинулись на подворье Битяговского, разбили там винные бочки, упились, с жены Битяговского сорвали одежду. Звонарь звонил, запершись на колокольне.

Таков пересказ — еще без множества сочных подробностей — известного эпизода:

«Вдруг между их свиреп, от злости бледен

Является Иуда Битяговский.

«Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль,

И вмиг его не стало» — и т.п.

Это, впрочем, не Пушкин, это Пимен. Для меня существенное и полено, и простоволосая баба, и попутное пьянство: глубина грубой жизни. Все это отнюдь не детали и не стилистические роскошества, это плоть прозы, как и лес, озеро, дорога, колыбельная и молитва».

(Упрека в жестоком натурализме принять я не мог — достаточно процитировать любое место «Двух Иванов»: «То было в лето, когда крылатый червь летел от востока к западу, поел посева и засушил деревья. Солнце выжгло с небес влагу, и по безводью сам собой занимался огонь. Горела земля с травой и лесами на ней, дымились воспаленные внутренности болот, мгла стлалась по ветру, и за пять шагов не видать было друг друга. Люди разбрелись по дорогам, оставляя дома в пищу пожарам. Слабели на лету птицы, и рыба потом пахла дымом два года».)

Речь, по большому счету, идет о том, как сделать достойным литературы, явлением поэзии неприкрашенную, грубую, порой трагическую реальность, — *возвести ее*, по слову гения, *в перл создания*.

Полней всего мне помогла уточнить мысль известная работа М. Цветаевой «Пушкин и Пугачев». Случилось так, что я начал ее читать как раз под впечатлением этой полемики с Д. Самойловым — и поразился, насколько она по теме нашего спора. Книга была в заграничном издании, надо было ее вернуть, поэтому я кратко, с выписками, законспектировал статью, попутно ее комментируя.

Цветаева сопоставляет здесь «Капитанскую дочку» с «Историей Пугачева». «Пушкинский Пугачев, — пишет она, — есть

рипост поэта на исторического Пугачева, рипост лирика на архив: — Да, знаю, знаю, все как было и как все было, знаю, что Пугачев был низок и малодушен, все знаю, но этого своего знания — знать не хочу, этому не своему, чужому знанию противопоставляю знание — свое! Я — лучше знаю. Я — лучшее знаю:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Низкими истинами Пушкин был завален. Он все отмел, все забыл, прочистил от них голову, как сквозняком, ничего не оставил, кроме черных глаз и зарева...

Пушкин поступил, как народ: он правду — исправил, он правду о злодее — забыл, ту часть правды, несовместимую с любовью: малость.

И всю правду о нем сохранив, изъяв из всей правды только пугачевскую малость, дал нам другого Пугачева, народного Пугачева, которого мы можем любить: не можем не любить.

Пушкин нам Пугачева «Пуг. бунта» — показал, Пугачева «К. дочки» — внушил.

Ибо чара — старше опыта. Ибо сказка — старше были».

И наконец главный вывод:

«Нет низких истин и высоких обманов, есть только низкие обманы и высокие истины».

Не буду здесь обсуждать, правильно ли оценила Цветаева побуждения и метод Пушкина. (Дескать, знал факты, однако сознательно — или бессознательно, но именно из таких побуждений и именно так — отобрал и преобразил их.) Не уверен, что сам Пушкин подписался бы под цветаевскими восторгами. Будем говорить не о соответствии цветаевской концепции фактам, а о смысле этой концепции. Ничего не поделаешь, приходится вновь обращаться все к той же проблеме: время не перестает нам о ней напоминать.

«Мне кажется небезразличной дата написания статьи — 1937 год, — заметил я тогда еще, в 1980 году. — Уже совершилась духовная подготовка к возвращению в послереволюционную Россию, вытеснены из памяти непосредственные впечатления, зарево из детской сказки о добром разбойнике затмило ре-

альные пожары, правда литературного «мужицкого бунта» затмила личный опыт соприкосновения с ним, отраженный в дневниковой прозе послереволюционных лет».

А в дневниковой этой прозе Цветаева запечатлевала свидетельства о жутких, зловещих событиях, о времени, когда, между прочим, от голода умерла ее младшая дочь. Там, кстати, с ненавистью упоминается имя Дзержинского: вот уж кто, казалось бы, «добрый разбойник», сколько он сделал хотя бы для беспризорников, то есть детей, осиротевших не в последнюю очередь его стараниями. Тогда Цветаева видела этих сирот близко, в упор.

(Да разве не были мы сами воспитаны на чтении легенд о сталинских благодеяниях? Как он послал врача и лекарства за полярный круг спасти заболевшую девочку и т.п. Допустим, это даже и не легенда, допустим, был такой случай — какова его цена на фоне прочих злодейств?)

Ничего не поделаешь, пережитое нами не очень позволяет поддаться «возвышающему обману», которым нас с некоторых пор пичкает в нарастающем изобилии литература, журналистика, телевидение, всем этим костюмированным поделкам про «исторических» персонажей, трагически великого Ивана Грозного, про благочестивых русских царей, про не понятого современниками Распутина. Реальное знание несовместимо с фальшивой, искусственной мифологизацией.

Между прочим, то же знание в свое время помешало мне принять знаменитое стихотворение Бродского «На смерть Жукова». «Родину спасшему, вслух говоря» — броская формула вызывала у меня внутреннее сопротивление. Слишком памятна другая формула, вычеканенная В. Астафьевым: «Жуков — браконьер русского народа». Она, увы, подтверждается неоспоримыми фактами. «Жуков и Сталин сожгли в огне русский народ». Нет, после таких слов державинская стилистика звучит искусственно.

2015

1.1.2015. Как всегда перед наступлением Нового года смотрели работы Гали за год: масло, темпера, графика. На все, конечно, не хватило сил. Она прекрасно работала. А на разных столах красовались расписанные живописью деревянные спилы... Звонили дети, все были прелестны. К акведуку смотреть фейерверк не пошли: дороги были испоганены траншеями.

Вводил в компьютер стенографию двухмесячной давности... Грустные мысли о том, как непонятно удаляются бывшие друзья. И вдруг позвонил Лукин... Выразил готовность приехать хоть завтра, на метро, на автобусе (служебной машины за ним теперь нет), еще раз записал адрес. «Концепция изменилась», — пояснил мне анекдотом. Мужик пришел домой, собирается блевать, жена говорит: подожди, не пачкай пол, я сейчас принесу ведро. Принесла, а мужик уже вполне нормальный. «Концепция изменилась», — объясняет жене. Я знаю, что он стал профессором ВШЭ, он подтвердил: профессор-исследователь факультета экономики и политических исследований. Предложил посмотреть в интернете свою инаугурационную лекцию 25.12. Посмотрел. На фото он в профессорской мантии, в шапочке, тема: «Россия остается европейской державой». Небольшой, вполне достойный текст

Я рад сверх ожиданий. Подумал: вдруг смогут ожить отношения прежних, молодых лет. Вспомнилось, как Лукин когда-то несколько раз просил меня под Новый год купить для него ёлку, за ней тогда приходилось стоять в очереди с ночи, у нас на Малахитовой был ёлочный базар. Посмотрим.

2.1.15. Приезжали Валера с Леной и Лукин с Лорой. Прекрасно посидели, выпивали, Галя показывала картины. Я особенно рад приезду Володи. С Валерой и Леной мы весь год вместе, но Лукин несколько лет держался на отдалении, при встречах уклонялся от разговора. И вот — ощущение восстановленных молодых отношений. Подробностей не перескажешь, упо-

мяну только два эпизода, о которых писал и которые захотелось прояснить. В интернете меня озадачил разговор Лукина с галеристом Маратом Гельманом. Гельман пересказывает слова Лукина: «Не надо бояться, если для украинцев мы станем врагами. Политики «мыслят большими отрезками времени»... «История это не человеческая жизнь, когда надо за 70 лет все успеть. Сегодня так относятся, а через пятьдесят лет — по-другому. Какая конституция? Никто не собирается оглядываться на бумажки, когда творится история», — сказал Лукин» (30.8.14). Я, помнится, читал и не мог понять: он просто излагает позицию Кремля или сам это одобряет?» Спросил об этом Володю. Он объяснил: слова его переданы точно, только осталось непонятно, что излагал он позицию Кремля, не свою. И второе: напомним ему его давний рассказ о том, как его мама во время войны зимой выходила из окружения, не оставалось сил идти, и кто-то предложил ее пристрелить. Продолжения я в тот раз за столом не слышал. Володя дополнил рассказ. Командир тогда сказал: того, кто захочет ее пристрелить, я сам пристрелю. Вообще все в этот вечер рассказывали истории своих семейств, предков, и Володя, и Лариса, и Лена, и Валера с Галей. Только я помалкивал, но обо мне кое-что было в книжке, которую я подарил Эдельманам. Ларисе я подарил четыре других своих книжки. По ее словам, Павел, их младший сын, читает меня в интернете. Саша ушел из Дипломатической академии, где был проректором, в ВШЭ, занят, к моему удивлению, историей диссидентства Вообще от встречи осталось хорошее чувство.

5.1.15. Прилетела Лена с семьей. Первым делом сообщила: у Анечки [младшей дочери] шатается зуб, малышка очень этим гордится. Есть же на свете прекрасные новости!

В интернете опять выложили знакомое интервью Комы Иванова. Он проводит параллель с Великой французской революцией, «которая длилась примерно 100 лет. Наша революция, которая началась в 1905 году, тоже уже длится немножко больше 100 лет... То, что сейчас происходит, это последние отблески того, что началось в 1905 году». «Я очень опасаюсь Парижской коммуны... Это кончится очень большим кровопролитием». Очень резко говорит о Путине. Я это уже читал года два назад. Интересно, что откликов (лайков) почти не было. И реакции власти не было. Сегодня звучит немного по-новому.

Неожиданно для меня: он считает себя незаконнорожденным потомком туркестанского генерал-губернатора барона Кауфмана. «Когда антисемитизм дойдет до крайности, я объявлю себя Кауфманом». Но Кауфман вроде был немцем?

7.1.15. Известие о чудовищном смертоубийстве в Париже, исламисты убили сотрудников сатирического журнала за карикатуры на Мухаммеда. Обычная лавина комментариев. Весьма многие комментаторы объявили, что журналисты сами виноваты в своей гибели. Часто это те же люди, которые в украинских бедах считали виновным Запад. Почему-то ни одного сообщения, как реагировали на этот теракт в мусульманских странах. Не удивлюсь, если там стали, как бывало, радостно танцевать на улицах и бесплатно угощать сладостями, а западные комментаторы не спешат об этом сказать, чтобы не разжигать страсти. Боюсь, все-таки придется. Межеумочная позиция самоубийственна.

11.1.15. Утром прочел, что в интернете кто-то выложил пиратскую копию фильма Звягинцева «Левиафан». Авторы ищут способы остановить распространение копии. Я тут же заглянул в интернет, нашел там фильм, решил, пока не поздно, его посмотреть, отложив все дела. К прежним фильмам Звягинцева я относился с оговорками, этот показался мне действительно замечательным, достойным всех наград и премий. Левиафан — хорошо нам знакомая бандитская власть, против которой человек оказывается бессильным. Священник цитирует Книгу Иова на эту тему герою, у которого суд отнимает имущество, а затем и свободу. А митрополит в финальной проповеди утверждает знаменитое: Бог не в силе, а в правде. Между тем, у власти в руках все: и судья, и прокурор, и милиция, церковь благодарит чиновника за щедрые приношения. Министру культуры фильм не понравился — я этому рад, значит, попал в самую точку. Объяснять запрет фильма звучащим в нем матом смешно. Мне во многих фильмах не нравилось обилие мата, но здесь без него нельзя, его ничем не заменишь, он звучит органично. Все в фильме до мелочей безупречно, игра актеров, пейзажные съемки, впечатляющая метафора: скелет громадного кита (в древности его могли назвать Левиафаном) и ржавеющие остатки кораблей на берегу. Замечательно! Я по чело-

веческой слабости до конца ждал хоть какого-то разрешения, торжества справедливости — нет, все могло быть только трагедией, понятной, мне кажется, и в других странах. Можно посочувствовать создателям фильма, которым пиратская копия может причинить убытки — но в душе я не исключаю, что выложить ее в интернет могли они сами. Убытки от сорванного проката, думаю, возместят награды и премии. Фильм оказался нужен именно сейчас.

Вообще нарастает чувство, что мы переживаем какой-то переломный момент, что-то будет меняться быстрее, чем мы ожидаем

12.1.15. Вечером с Галей на заключительный концерт фестиваля «Возвращение»... Интересным показалось «Spinning a Yarn» Табаковой для скрипки и колесной лиры в исполнении Романа Минца. В зале неожиданно увидел Люсю Улицкую, она издалека махала нам, посылала воздушные поцелуи. Я не откликнулся: засомневался, она ли? В антракте все-таки встретились: оказалось, она. Хорошо, дружески поговорили. Я сказал, что слежу за ее активностью, знаю о нападках на нее, хотел бы поддержать. «Ты наверно не знаешь эту идиотскую историю с ПЕН-клубом», — сказала она. «Обрывочно знаю». Не помню, записано ли это у меня: Люся, вице-президент ПЕН, решила по своей инициативе созвать заседание, высказать мнение писателей на темы «Крымнаш». Битов из Питера откликнулся: как это, не согласовав со мной, созывать заседание? Попов его поддержал: в ПЕН-клубе существуют разные мнения, нельзя от его имени высказываться о политике. Кончилась тем, что Улицкая ушла из президиума, на годичном заседании (куда я, как всегда, не пошел) в руководство выбрали Юнну Мориц, Попова, представителей разных взглядов. «Я сказала: нет, это без меня», — Люся сделала отстраняющий жест. «Мне вообще непонятно, что такое ПЕН-клуб», — сказал я. «Я тебе объясню, — сказала Люся. — После распада Сов. Союза писатели оказались в некоторой растерянности, предоставлены сами себе, им надо было объединиться»... Но тут кто-то к нам подошел, разговор оборвался. Она 20.1 улетает в Италию, в Москве провела полтора месяца.

Мне была приятна эта встреча. Люся продолжает вызывать у меня симпатию.

Назад мы возвращались через Тверской бульвар. Выпал снег, деревья, дома вокруг были празднично иллюминированы, по сторонам аллеи замечательные фигуры: зайцы, медведи, белки. Шли и радовались. Красота!

14.1.15. Менахем Яглом (которого я знал в детстве как Женю Яглома) и некий К.Б. о трагедии с карикатурами. Убийство не обсуждается, тут все ясно. Вопрос, можно ли назвать карикатуристов шутами.

К.Б.: Они не шуты, они выразители, пропагандисты определенной идеологии, включающей в себя «левые» взгляды, анархизм, атеизм, идеологию относительности всяких ценностей и норм. Советские карикатуристы были не лучше нацистских: те и другие натравливали массы на тех, кого преследовали, убивали.

Яглом: Нет, они именно шуты. Шуты редко бывают добрыми. Шуты злые. Да, они носители идеологии относительности всех ценностей в мире, но для меня ключевое слово здесь — всех. Именно этим они принципиально отличаются от Кукрыниксов и рисовальщиков «Штюрмера». Тут пример честной толерантности: если все дерьмо, тогда одно не лучше другого. Смеяться можно надо всем. Страшны те, кто не смеется.

На ТВ неожиданный сюжет с Оскаром Рабиным. Он говорит о своей невостребованности на Западе. Я думал, он там знаменит. Мастерская напротив Центра Помпиду — но за все время у него там выставили единственную картину, с паспортом, подходила к какой-то тематике. Выставляют «актуальных» художников, похожих, по словам Рабина, один на другого. Никого не интересует индивидуальность, слово «талант» не употребляется. Не знаю, так ли это. Но позиция Рабина мне близка, и живопись его я ценю.

15.1.15. Неуютно без творческой работы, политические новости упрощают мысль; разве что Стенография создает иллюзию загруженности. Очередной температурный рекорд, +5°. Пошел пешком в лес, взял с собой книжку Мандельштама, раскрыл на случайной странице. «Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста»... Сколько раз читал, почему-то наизусть не запомнил. «В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль». В легком воздухе... Боже мой! Ведь можно хотя бы на-

строить мозг, душу на камертон этого волшебства! «Цвет воздушного разбоя»... Ведь все так просто. «Складки бурного покоя»... Дома нашел в компьютере картину Рафаэля, которую мог иметь в виду Мандельштам, единственную, где изображен ягненок. Вид у него совсем не гневный, разве что мрачный. Да не нужна ему была конкретная картина. «Гневный ягненок», думаю, из-за этих «гн»-»гн», Рафаэль вызывает мысль о жемчужине, растворенной в легком воздухе. «Складки покоя», «бурный покой» не нуждаются в конкретной картине... Вот так бы, прислушиваясь прежде всего к звучанию, к образу выстроить свои наброски. Который раз почувдилось, что могу что-то найти. Даже если не получится — чувство находки, прикосновения к волшебству чего-то стоит.

16.1.15. Сегодня Хазанову 87 лет. Ничего себе! Отправил ему по e-mail поздравление самым крупным шрифтом и пожелание: чтобы ты мог прочесть это поздравление. Позвонила женщина, сказала, что вышел сборник о Кнабе с моим текстом, предложила сегодня же съездить за ним...

10.2.15. Журнал, в котором я печатался не раз, вернул мне эссе, где я среди прочего комментировал готовность подавляющего большинства одобрять политику властей, обвинять оппозицию в русофобстве. «Неожиданно, что такое множество людей, в том числе достойных, близких, не видят в происходящем того, что нам кажется очевидным. Расхождения возникают внутри семей, недавние друзья порывают отношения». А.П., сообщив о решении редакции, сделал «личную» приписку:

«Многие, в том числе я, в нашей редакции думают иначе, чем Вы. Помните, вторжение Наполеона в Россию вызвало невиданный патриотизм (см. Л. Н. Толстого), а ведь Наполеон действовал «исключительно во благо «европейских ценностей» (им так понимаемых; ну разве Англию хотел приструнить). Увы, это похоже на сегодняшнюю ситуацию, а правы, разумеется, Россия и Л. Н. Толстой, а не комментаторы из “Радио Свобода”».

Вот этого я действительно не ожидал. Какие «европейские ценности» хотел навязать император Наполеон императору Александру I? Либеральную демократию? Может, народ проявил естественный патриотизм просто потому, что иностранцы вторглись в его страну? Чем это похоже на сегодняшнюю ситуацию? Не ожидал.

23.2.15. Решил написать Кома Иванову: «Дорогой Кома, вспомнились Ваши слова о том, что в России еще продолжается революция, начатая в 1905 г. Уточнились ли Ваши представления о происходящем в ходе последних чудовищных событий?» И рассказал о письме из редакции, которая напомнила мне об «европейских ценностях».

26.2.15. Посмотрел фильм «Ида», который отобрал «Оскара за лучший фильм» у нашего «Левиафана». Неплохой, правильный фильм, но он, оказывается, оскорбил самолюбие некоторых поляков (которые присваивали имущество евреев, уничтожавшихся на их глазах).

Вечером сходили с Галей на концерт памяти Бориса Дубина в конференц-зале консерватории. Нас пригласил Антон. Замечательная, интересная программа. (Скопирую ее с приглашения: Арво Пярт — «Spiegel im Spiegel» для скрипки и фортепиано (1978), Валентин Сильвестров — Соната для фортепиано №2 (1975), Альфред Шнитке — Прелюдия памяти Дмитрия Шостаковича для двух скрипок (1975), Галина Уствольская — Соната для фортепиано №4 (1957), Александр Вустин — «Музыка для Ангела» для саксофона, вибратона и виолончели (1995), Оливье Мессиа́н — «Louange à l'Immortalité de Jésus» для скрипки и фортепиано (часть из «Квартета на конец времени») (1941) Атмосфера музыкального общения, не просто концерта. Встретили Мариэтту Чудакову и Олю Седакову. Мариэтта кого-то уговаривала пойти 1.3 на Марш оппозиции.

27.2.15. Кома ответил на мое письмецо от 23.2 «Понимаю все, о чем Вы написали и думаете. Но ведь бывало и так плохо — если не хуже — в наши молодые годы, перенесли. Сейчас перенесем. Хочется еще многое успеть». Намек насчет «неоконченной русской революции» не воспринял. Интересно «хочется еще многое успеть». Знать бы, что у него сейчас в работе, что он хочет завершить.

В интернете пишут, что скоро умрут бумажные газеты, их читают по привычке люди старшего поколения. У нас перестала выходить местная «Ростокинская правда» (где когда-то напечатали интервью со мной): нет денег. Блогеры становятся популярней журналистов...

Чудовищные кадры видео, где исламисты уничтожают в иракском Мосуле древние памятники времен Ассирии и Вави-

лона, в том числе статую Шеду — крылатого быка с человеческим лицом. Возраст многих превышает 3 тысячи лет. А до этого они уничтожили древнюю библиотеку, где хранятся тысячи арабских манускриптов. Нелюди вне цивилизации. Я не знаю реакции мусульманских деятелей, похоже, они боятся.

Сбегал на лыжах, последний раз в феврале... За полтора часа не встретил в лесу ни одного лыжника. За эту зиму я набегал, думаю, не меньше 200 километров, для моего возраста неплохо.

28.2.15. Вчера поздно вечером был убит Борис Немцов. На Большом Москворецком мосту, прямо напротив Кремля, где все вокруг, говорят, насыщено камерами наблюдения. Убийцы скрылись — возможно, были уверены, что им дадут уйти. Среди множества версий наиболее близка моей собственной: это акт сетевого террора Федеральными СМИ все это время нагнеталась истерия, ненависть по отношению к названным врагам. Как раз сегодня на НТВ была анонсирована третья серия «Анатомии протеста», где Немцов был главным врагом. Только что показ этой мерзости был отменен. На «антимайдане» прямо несли портрет «врага» Немцова. Завтра намечено траурное шествие, я намерен на него пойти. (Первоначальный «марш оппозиции» с расплывчатыми лозунгами в каком-то отдаленном Марьино вызывал у меня сомнения, но жизнь распорядилась.)

А вдобавок утром Леночка написала мне по интернету, что у нас в Ростокино намечен митинг протеста против какого-то строительства в парке у акведука. Мы с трудом добрались по гололеду, по строительным мосткам к какой-то группе — оказалось, здесь собирают подписи в поддержку уже намеченного строительства громадной церкви, 45 метров высотой, с двумя подземными гаражами, дорогой для крестного хода. Какая-то баба стала нас уговаривать: будем жить, как боги, не как скоты, колокола будут звонить. Мы догадались пройти дальше — увидели под флагами «Яблока» поодаль действительно митинг *против* строительства. О нем узнали только в октябре, запоздало спохватились, энергичные молодые люди уверяли, что еще не поздно обратиться в прокуратуру. Нарушен закон об охраняемых территориях. Заказчиком строительства назван патриархат, но реально все будет за счет бюджета. Выступавшие показывали на мерзкие небоскребы, которые возникли так же явочным порядком, потом названы «градостроительной ошибкой».

Я бы назвал это преступлением. К небоскреbam не обеспечен подъезд достаточной пропускной способности, это грозит транспортным коллапсом. Мы поставили свои подписи, возвращались мимо уже начатого котлована.

Все это под мелким дождем, который быстрее солнца съедает снег, среди луж, по гололеду. Низкие серые облака, верхних этажей небоскребов не видно. Мерзкая атмосфера. Давно не было такого чувства. Украина была все-таки далеко. А тут — открытое преступление, чувство бессилия. Шевелится надежда, что дойдет до какого-то опасного предела, власть хоть немного опомнится. Много лет назад С.И.Липкин сказал мне по схожему поводу: «Вы этих людей слишком антропологизируете»

1.3.15. Марш памяти Немцова — от метро Китай-город (Славянская площадь) по Варварке, набережной и Москворецкому мосту, где он был убит. Отрадные впечатления: большое количество участников (50–70 тыс.), множество симпатичных лиц, очередь за цветами на выходе из метро, плакатиков (которые, говорят, раздавали). «Борись», «Я не боюсь». Когда я сказал, что мне нравится этот лозунг, стоявшая рядом женщина рассказала, как в метро двое молодых мужчин узнали, что она идет на марш, и спросили: «А вы не боитесь?» Из малоприятных впечатлений: плохая организация, приходилось больше стоять, чем идти, без объяснения причин, организаторы больше работали на тележурналистов, даже к месту убийства на мосту пропускали только с цветами. И все это в промозглый мрачный день. Надежда встретить знакомых была наивной — но ведь прежде на маршах от Пушкинской встречалось много знакомых. Начал было записывать лозунги — ничего особенно интересного. («Пропаганда убивает», «Эти пули — в каждом из нас», «Наш солдат не пушечное мясо, мы за вывод армии с Донбасса»)...

4.3.15. В Музее Сидура на презентации книги дневников Юли Сидур 1968–73: «Хроника одного подвала». Превосходно издана, 1079 стр., издание замечательно подготовил Володя Волонников: комментарии, именной указатель, многочисленные фотографии, прекрасная графика Сидура. Я пока успел ее лишь полистать, на некоторых страницах, именах задерживался. Многих людей я знал, хотя сам познакомился с Сидуром только в том самом 1973 г. (о чем рассказал в своем выступлении). Галя

рассказала, как познакомилась с ним и с Юлей еще в 1958 г. Дальше дневник она вела не так плотно — наступило другое время, «время, когда не пишут дневников и писем». Эти слова Володя вынес на обложку. Очень хорошо рассказывал об этой книге, я и сам успел понять: замечательный документ времени. Мысленно оглядывался на свою Стенографию (ту часть, которую считал нужным расшифровать). Юля подробно пересказывает газетные и радионовости, разговоры о событиях, семейные подробности (по словам Воловникова, он не стал удалять и некоторые интимные), быт, болезни. Перечисляются многие имена: люди, которые приходили в мастерскую, звонили — и пр., и пр. Я в своей «Стенографии» от всего этого уходил, особенно после того, как стал расшифровывать и появилась мысль о публикации. Оставлял по возможности то, что могло быть интересно другим. У нее мне были интересны некоторые подробности и знакомые имена. Не знаю, насколько это будет интересно тем, кто не знал Юлю и Сидура. Но сейчас дневники и воспоминания становятся популярным чтением. (Воспоминания, впрочем, уже всегда стилизованы, в них появляется художественный элемент.) Юля и писала очень хорошо. Уточню впечатление, когда (если) читаю внимательней. Но будет ли на это время? Я когда-то уже иронизировал (кажется, в «Способе существования»): пишущих уже становится больше, чем читателей — кто будет читать? Тираж этой книги 500 экз., мы взяли две, одну в подарок. Могли бы взять больше, да фолианты тяжелые.

5.3.15. Вечером в Музей ГУЛАГа на презентацию книги об отце Тани Баевой, академике Баеве: «Отлучение от науки». Он дважды был арестован: в 1937 на 10 лет, потом успел защитить кандидатскую диссертацию, а в 1949 повторный арест, приговор — вечная ссылка. Там родились Таня и ее брат Алеша. В Москву вернулся в 1954, был реабилитирован. Издал книгу Алеша. Рассказывал, с каким трудом ему приходилось добывать в архивах редкие материалы, их даже детям репрессированных стали выдавать неохотно. Когда-то я играл с этим Алешей в футбол на даче наших знакомых, сейчас он совершенно седой, неузнаваемый. Оказывается, уже на пенсии.

Выступали разные люди. Среди них оказался Steeven Cohen. На удивление не изменился. Подошел к нему напомнить, как без малого 40 лет назад он приходил ко мне с Татой

Баевой, подарил мне портативное издание «Доктора Живаго» (тамиздат), я им до сих пор пользуюсь. У меня в гостях тогда случайно оказался Лукин. Он сказал, что помнит, но мне показалось, не совсем уверенно. Подписал мне свою книжку «Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв». Я стал ее просматривать, там много знакомых имен. И вдруг читаю: «Я познакомился с Лукиным через Таню Баеву в конце 70-х годов» (с. 39). В книге много об Анне Михайловне Лариной-Бухариной, я рассказал ему, как говорил с ней о его биографии Бухарина, она сказала, что Стив изображает Николая Ивановича более либеральным, чем тот был на самом деле. Он отмахнулся: это не так. Среди выступавших неожиданно оказалась еще одна Бухарина, так ее представили. На самом деле фамилия ее по отцу была Фадеева, Ларина родила ее в лагере. В книге Коэна много и о ней. Мы с ней потом познакомились, она с мужем теперь в Израиле.

Обе книги: и Коэна, и о Баеве, как и вчерашний том Юли Сидур, изданы неизвестной мне прежде «Ассоциацией исследователей российского общества» (АИРО-XXI). Пообщался немного с издателем Геннадием Бордюговым. Когда-то я пробовал с ним связаться по поводу издания писем Габая, но тогда понял, что они издают только на деньги авторов, и деньги, как выяснилось, немалые. Издания о Сидуре финансировал крупный немецкий промышленник, две других, как я понял, Стив Коэн.

Музей ГУЛАГа сейчас переезжает в новое здание, но он еще действует. А вот Музей истории политических репрессий «Пермь 36» закрывается. Когда-то я подписывал обращение с призывом его сохранить. Теперь там, на территории лагеря строгого режима, открывается государственная экспозиция о работе лагерных охранников, планируют, как писали, превратить его в Музей сотрудников ГУЛАГа.

9.3.15. В «Новой газете» лекция, которую Сергей Ковалев прочел на своем 85-летию: о понятии «патриотизма», основанного на элементах врожденного, наследственного поведения, которые помогали животным сообществам выживать, понуждали делить мир на своих и чужих, предпочитать своих, опасаться и ненавидеть чужих. Он рассуждает как профессиональный биолог: «В геноме природа пишет навеки, с этим уже ниче-

го не поделаешь». «Очеловечить» инстинкты непросто. Ковалев ссылается на пушкинское «Клеветникам России» — не самое лучшее, достаточно злобное стихотворение — вызвавшее, однако, восторги своим патриотизмом. Им восхищался и Лермонтов — тот самый, который время спустя написал о России: «страна рабов, страна господ». «Как выйти из этих противоречий? Да никак, приходится с этими противоречиями жить... Нельзя избавиться от того, что записано в генах». Но есть ситуации, когда «патриотизм» («национализм») становится опасным. (Пример — нацистская Германия.) Надо бы «нации» предпочесть «человечество», но это невероятно трудно. «Непросто почувствовать себя единым целым, например, с исламскими фундаменталистами. Возможно ли сделать с этим хоть что-то? Скорей всего невозможно. А вот надлежит ли пытаться, это совсем другой вопрос».

Поневоле приходит на ум, как мне напоминали о патриотизме времен 1812 года. Есть темы, которые нельзя осмыслить на массовом уровне (как и большинство других, серьезных, противоречивых).

По-другому эта мысль возникла у меня при чтении Стива Коэна (по-русски она вышла в 2011 г.). Он пишет: «В противоречивой или неоднозначной позиции Путина по отношению к Сталину нет ничего удивительного. Русские в XX веке дважды отрекались от своей истории — царской и затем советской. Но нация не может успешно развиваться без хотя бы минимально объединяющего и вдохновляющего прошлого. Любому российскому лидеру XXI-го века придется воссоздавать это прошлое из фрагментов трагической истории страны, что и пытается сделать Путин». (с. 147)

Коварная позиция. (Опять можно вспомнить Германию.) И почему лидер? В каком-то смысле осмысливать прошлое, «воссоздавать» историю страны — дело тех, кого можно назвать элитой (интеллектуальной, духовной). Народ будет думать о своей истории то, что ему скажут. Большинство американцев, европейцев так же мало знают об истории своих стран (тем более мировой истории), как и масса российских граждан. Хорошо, если способные осмыслить оказывают хотя бы малое влияние на политику, чаще всего они оказываются невостребованными. История развивается, как всегда, стихийно, в большей степени иррационально, чем рационально.

На темы дня: задержаны чеченцы, подозреваемые в убийстве Немцова. Один из них якобы признался, что убил его за антиисламские высказывания. Кадыров неожиданно заявил, что этот убийца — «настоящий патриот России, храбрый воин»...

10.3.15. Начал выстраивать сборник Илья Габая «Письма из лагеря». Работы много. Написал Гале Габай, попросил при-слать, если есть, электронные версии некоторых текстов.

21.3.15. Съездили с Валерой и Леной в Новый Иерусалим. Там рядом с монастырем открылся Музей изобразительного искусства. Роскошное современное здание, мраморные полы, обширные залы, интересная экспозиция. Русские иконы с конца XVII века, русская живопись XVIII–XIX-го вв. (Рокотов и др.), живопись XX в. Мы сразу выделили для себя фреску Б.П.Чернышева — копию фрески Ферапонтова монастыря, к сожалению, единственную. Сам зал с фресками, скульптурами оформлен в греческом стиле. Но были там и Осмеркин, и Серебрякова, и более поздние Фальк, Волков, Фонвизин, неизвестный мне прежде Бруни и другие. Некоторых открыли сравнительно недавно, работы хранились в запасниках, у семей. Многие из них были репрессированы, продолжали работать после освобождения в разных маленьких городках. Пора-зительная, до сих пор затаенная от взгляда жизнь, заново от-крытое искусство. Главное — чувство, что не исчезает, возвра-щается к жизни казавшееся навсегда потерянным, обнаружи-ваются люди, которые в худшие, немые годы не переставали заниматься творчеством, и другие, хранившие их работы, вы-ставляющие их, пишущие о них. На других этажах и простран-ствах какие-то отделы, клубы, кафе и т.п. Даже туалет роско-шен, в Европе я таких не встречал. Стоила эта роскошь, гово-рят, 40 млрд. руб. (из федерального бюджета), половина ско-рей всего была разворована.

Музей, живопись немного выправили мои дорожные впе-чатления. Километры торговых заведений, супер— и гипермар-кетов, загораживающая все вокруг реклама, строения, заме-нившие природу, остатки еловых лесов, гибнущих от короеда (на больших пространствах они просто вырубаются), коттедж-ные поселки за высокими километровыми заборами, однотип-ные, тесно поставленные строения, зелени не видно, может, по-садки еще не разрослись, все они заселены людьми, отхватив-

шими ли что-то из этих 40 млрд., укравшими ли другим способом. Не нужно криминальных сериалов, чтобы представить себе жизнь обитателей этих построек. Ставшее чуждым мне, непонятное Подмоскowie.

Я вспоминал свой изуродованный квартал — не знаю, когда и как его восстановят. Но если бы сохранился лес, возможность ходить в него, отворачиваться хоть на время от несущегося непонятно куда мира. В интернете, в привычном окружении ФБ как будто растерянное затишье. Непонятно, что можно сказать и зачем. Кто-то назвал это «социальным аутизмом». Нет прежнего порыва участвовать в «круглых столах» и обсуждениях, выступать с комментариями, вообще выражать свои мысли в письменной форме. Появился термин «синдром отключенного сознания». Люди добровольно отказываются осмысливать происходящее, «оберегая зону своего психологического комфорта от всякой негативной информации». Все равно от нас ничего не зависит. Усилия идеологической пропаганды порождают «массовое прозрение», еще более отвратительное, по словам академика Лихачева, чем массовое заблуждение. Нам это известно по советским временам. Власть имущие ведут себя, как безумцы, но у всякого безумия, как известно, есть своя логика.

Да, не записал еще один эпизод. После музея мы заехали в Истру (поселок Пионерский) в библиотеку. Там знакомая Лены библиотекарша угостила нас чаем. Посидели, поговорили. Вдруг библиотекарша вспомнила: у них есть моя книга с автографом. Когда-то Лена попросила меня подарить библиотеке мой «Способ существования». Нашла, принесла. Вторая знакомая ухватила книгу, раскрыла: буду читать.

24.3.15. *Додумать, развить.* Жизнь протекает неравномерно. Часы, дни безмятежного блаженства сливаются в памяти, воспринимаются как один нерасчлененный миг. Она удлиняется, когда есть что вспомнить, перебирать. Ее расчленяют события, удлиняют мысли, душевные переживания. (*На листке, в лесу, закрыв reader со стихами Бродского.*)

25.3.15. «Тех, кто наладился в политики или в чиновники, надо бы проверять на детекторе: патриот или нет... Другого пути не существует. Кстати, именно этот вопрос перед войной и решал Сталин с помощью революционной законности». Юрий Поляков, главный редактор «Литературной газеты». Советский писатель, во всей красе.

26.3.15. Борис Гройс в интервью: «Почему стала не нужна фантазия? — Это я могу точно объяснить. Прежде всего это связано с интернетом. Дело в том, что сейчас в мире циркулирует информация. Информация не может быть о фикции, только о фактах... Раньше границы между фикцией и не фикцией фиксировались институционально. Например, на фабрике производились реальные вещи и полезная информация, а в музее висели фикции. Но сейчас разница между музеем и фабрикой стерлась и больше не существует... Перформансы, хеппенинги, временные выставки, кураторские проекты — все фактичны ... Вот какой-то человек разбил окно, вот: а) фотография окна, б) видео, как он его разбивает, и в) осколки, — все это складывается в инсталляцию, которую можно продать и приобрести. В чем смысл этой инсталляции? Она отражает реальное событие, она является напоминанием об этом событии».

Одна из сомнительных модных конструкций. Среди прочего, мне кажется здесь очевидной подмена понятий. Достаточно заменить слово «фикция» словом «воображение». Без воображения нет не только искусства — нет полноценной жизни. Описанная здесь инсталляция не имеет смысла, если у зрителя не заработает воображение, способное соединить осколки с чем-то в себе, во что-то.

27.3.15. Очевидная, безнадежная абсурдность, бесперспективность того, что творят власти — вот что порождает надежду: очень долго это продолжаться не может. Я могу не дожить до перемен. Вопрос, как будут чувствовать себя люди, которые не видели того, что казалось очевидным таким, как мы? Да без особых проблем. Уточнят свои взгляды и будут жить дальше — как жили дальше статисты сталинских времен. Если, конечно, не совершали преступлений. Кроме ментальных.

28.3.15. Вчера, пока Галя дочитывала на компьютере письма Габая, я включил ТВ и случайно попал на фильм «Последний лимузин» — о рабочих ЗИЛа, который уже не выпускал машин и вдруг получил заказ Министерства обороны: сделать 3 старинных лимузина для участия в Параде победы 2010 г. Последние оставшиеся мастера делают это почти вручную из подручных материалов, женщины у конвейера перебирают тяжести. Не буду пересказывать. Я вчера посмотрел не весь фильм, хочу еще раз посмотреть на компьютере. Но утром у меня воз-

никла мысль написать о нем, вспомнить, как я в студенческие годы (почти 60 лет назад) приходил на тот же ЗИЛ, в те же цеха снимать эпизод для промышленной редакции ТВ (где подрабатывал), а потом тоже для заработка пробовал сделать сюжет о заводе «Каучук». Об этом есть в моем «Конвейере». Написать о возможности творчества в разных областях жизни — единственно, что делает ее не бессмысленной. (Вспоминал Андрея Платонова, рассказ Бажова «Живинка в деле», который полюбил в детстве.) Примерял, куда можно будет с таким текстом сунуться. И вот включил компьютер — оказалось, что фильм вышел еще в прошлом году, был замечен и горячо обсуждался. Среди прочего, говорилось об исчезновении рабочего класса. В развитых странах уже нет термина «рабочий», есть «оператор машин». Всюду электроника. Наступает время высокотехнологичных производств.

Мысль переключилась на другую тему: а не наступает ли конец литературы, привычного искусства.

Эпизод обсуждения. Доярке, четырежды героине труда (1963 г.), при жизни поставили памятник, и она, еще не старая женщина, стала болеть. Потому что в ее сознании это был надгробный памятник. На памятник густо гадили птицы, и она ногами ходила с ведром, отмывала свой бюст.

Казалось бы, возраст поторапливает, пока не поздно, подвести какие-то итоги, осмыслить, так сказать, в процессе происходящего, чувство конца эпохи. Что-то все время сдерживает. Отчасти мысль, что я, собственно, этим и занимаюсь в своей Стенографии, отчасти чувство, что еще не пора, надо созреть пониманию, которое укладывалось бы в формулировки. А больше всего хотелось бы найти этому пониманию выражение объемное, неоднозначное, т.е. поэтическое. Но дорасту ли я до этого? Думать, думать, не сдаваться.

Мне близка концепция Бергсона: жизнь — космический процесс, творческая эволюция постигаема только посредством интуиции. Возможно, будет доказано существование энергии, которую сейчас можно считать духовной — создаваемой человеком при жизни в процессе творчества (понимаемого широ-

ко), которая после смерти безмянно вливается в некий единый поток. (Называть ли это ноосферой — а может, посмертным существованием?)

31.3.15. Сегодня я решил завершить работу над письмами Габая, ввел все полученные замечания. Перечел, отослал в издательство: пусть полежит там. Все, расслаблюсь. Стану думать о своем.

Баткин в ФБ написал, что диабетикам стал недоступен настоящий, немецкий инсулин, российский аналог — просто пустышка. Цифры его анализа стали в 4 раза хуже. Миллионам людей это грозит смертью. «Не о политике», — так начал он свой пост. А в завершение получается: о политике.

1.4.15. А.Найман, рассуждает в «Новой газете» о преимуществах «внутренней эмиграции», в которой привык жить при Советской власти и в которую таким, как он, приходится вернуться сейчас. Только прежде мы не осознавали, как сейчас, «отсутствие социальной стороны своего сознания». Можно было жить без интереса к политике, экономике, с дилетантскими сведениями об истории — и при этом жить полноценно. Сейчас можно от этой проблематики отвернуться сознательно. И Найман цитирует Конфуция: «В царстве, охваченном смутой, не живите. Когда в Поднебесной порядок, будьте на виду. Если нет порядка, скройтесь».

Знакомый ход мыслей. Но при чтении нельзя было избавиться от чувства: тут не решение — тут проблема. Во всяком случае, для людей творческих (не только в искусстве). Творческое состояние проблемно.

10.4.15. Взял в лес «Пять эссе» У.Эко. Мне показалась близкой внеконфессиональная религиозность этого человека, до 22 лет бывшего католиком. Отличие неверующего от атеиста: он считает не доказанным существование Бога, но признает невозможным доказать, что его не существует.

Снег почти стаял, остался лишь пятнами на утопанных дорожках.

11.4.15. Юбилейный (1000) номер «Знамени» неожиданно интересен. Короткие, на 1–2 стр., публикации множества авторов, лауреатов журнала. Я читал выборочно. Выделил для себя рассказ Шишкина «Клякса Набокова», Буйду «Вечер на заброшенной фабрике», статейку Липовецкого «Возвращение лите-

ратуроцентризма»: о том, что новости из России читаются как цитаты из Сорокина или Пелевина. Я написал о своем впечатлении Липовецкому, рекомендовал журнал Хазанову,

Тепло, +14°. В лес на прогулку взял с собой на этот раз Борхеса.

13.4.15. Поздравил Сергея Чуприна с удачным юбилейным номером, он пока мое письмо не прочел, потому что председательствовал на присуждении премии «Поэт». Премия неожиданно (и к моей радости) досталась Юлику Киму. Обернулось это скандалом, из жюри в знак протеста вышли Кушнер и Рейн, полились помойные комментарии. Я сам коротко поздравил Юлика (он сейчас в Израиле, электронной почтой не пользуется).

18.4.15. Попросили объяснить, как понимать у Мандельштама «Россия, Лета, Лорелея». Я сразу объяснить не мог, мне всегда было достаточно колдовского сочетания звуков, напева. Может быть, на грани сна, полусна, засыпания. «Все перепуталось, и некому сказать, / Что, постепенно холодея»... Вдруг задержался на «холодея». Может быть, не засыпания, а умирания? Декабрист. «Он раскурил чубук и запахнул халат... Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия, Лета, Лорелея». Россия, потому что это были его последние мысли. «Еще волнуются живые голоса / О сладкой вольности гражданства, / Но жертвы не хотят слепые небеса, / Вернее труд и постоянство». (1917) И дальше стало соединяться почти на ту же тему: «Пусть заговорщики торопятся по снегу / Отарою овец и хрупкий наст скрипит»... /1922/ То же отталкивание от декабристов. Дошли слухи о «заговоре Таганцева», за участие в котором был расстрелян Н.Гумилев, близкий человек. (См. об этом. 26.1.13) Мандельштам готов был поверить, что в самом деле участвовал, но сам он был по природе от этого далек. «Вернее труд и постоянство» «Кому зима — полынь и горький дым к ночлегу, / Кому — крутая соль торжественных обид». Считанные строки наполняются смыслом, объемом, чувством — становятся миром.

24.4.15. Отмечалось 85 лет со дня рождения Натана Эйдельмана. Вечер в музее Герцена. Зал был полон, преобладали пожилые лица. Очень тепло встретились с Юлей Эйдельман, с другими практически не общались. Лукин говорил хорошие слова о Натане, о дружеской атмосфере, которую он создавал

вокруг себя. А выступив, исчез. Я, признаться рассчитывал пообщаться с ним — не совсем же иррациональным, необъяснимым был его приезд ко мне 21.1. О Натане говорили как об одном из тех, кто создавал атмосферу того времени. Поминалась фраза из его «Революции сверху»: «Верим в удачу: ничего другого не остается». Вернувшись, я открыл книжку, нашел это место на последней странице. Нет, лучше начать с предыдущей фразы: «Мы верим в удачу, — не одноразовый подарок судьбы, а трудное движение с приливами и отливами, — но все же вперед».

Те же поразительные соответствия. Как будто история России обречена повторяться. Невозможно цитировать большие куски текста — в современной публицистике самовоспроизводится то же.

На титульном листе его дарственная надпись с датой: 31.8.89 г. Натан принес эту книжку мне на день рождения. Я вспомнил, что запись об этом дне есть в моей «Стенографии конца века» (она выложена в интернете):

«31.8.89. День рождения. Я насчитал 36 человек (вместе с нами)... Даже не хватало места за столом. Забавные препирательства о выборе тамады, разговоры. Лукин пессимистичен. Странно говорить о перспективах, когда все уже произошло, лопнуло, и резкое ухудшение может произойти со дня на день, во всяком случае очень скоро. Эйдельман: конечно, пессимизм сейчас имеет больше шансов на успех, его доводы понятны. Но меня один поляк в Швейцарии спросил: скажите, а вы году в 82–83 могли предполагать приход Горбачева? Нет? Тогда как же вы теперь можете прогнозировать будущее? Считалось, что эта система не способна к обновлению, что нет людей, способных ее изменить. Оказалось не так. Лукин считает ошибкой нынешних демократов стремление менять что-то дальше вместо того, чтобы закрепить нынешние перемены...»

Через три месяца Натана не стало.

«Новая газета» от 20.4. публикует фрагменты из его писем С. Рассадину. Тамара Эйдельман в предисловии пишет; «Удивительная вещь, как много в этих письмах тем, которые сверхактуальны и сегодня. Думаю, что папа был бы от этого в восторге. Он ужасно любил такие странные исторические

предсказания». А я то и дело отмечаю переключки с собственными записями прошлых лет. «Любил, — пишет Тамара, — дарить людям на день рождения цитаты из газет, выходявших в тот день и в тот год, когда они родились, и находить в этих цитатах намеки на будущее». Я ведь по его совету начал свое автобиографическое эссе «Родившийся в тридцать седьмом» с подборки цитат из газет 31.8.37. (А другим его советом воспользовался, работая над «Линиями судьбы»: читал подшивки местных газет 10-х – 20-х годов.)

По совпадению, фрагмент последнего письма в «Новой газете» датирован тем же числом: 31.8.89 г. Написал это, положил в конверт, отправил — и поехал ко мне. Возможно, в полном тексте письма есть упоминание об этом.

28.4.15. Настоящее тепло, +23°. Вынес на лоджию ковер, впервые тут пообедали. От работы оторвала переписка с Юрием Векслером, корреспондентом радио «Свобода» в Германии. Кроме того, он ведет сайт Ф.Горенштейна, занимается его архивом, делает фильм о нем. Меня ему понадобилось упомянуть в связи с Букеровской премией. Оказывается, Г. был глубоко разочарован решением жюри, оно означало для него «невозвращение в Россию как писателя». Для меня это было неожиданно, я ответил В.: «Не ожидал, что для Горенштейна так много значила премия. Совершенно честно: сам тогда не понимал страстей вокруг нее, многое дошло только потом». И повторил фрагмент записи 21.7.14: «Когда посылал тексты в разные издания, просил: только не ставьте подпись: Лауреат Букеровской премии. Написали бы обо мне лучше: автор замечательной книги. Пришлось со временем убедиться, насколько я был неправ. Книгу на самом деле мало кто читал, а те, кто читали, не особенно понимали. Премия была важней. Но что для Горенштейна это было тогда важно — не ожидал. Значит, и тут чего-то не понимал. Прекрасно, что у него появились такие почитатели и исследователи, могу только позавидовать».

Оказывается, этот Векслер был директором театра «Третье направление», где шли «Московские кухни» Кима

30.4.15. Зеленеет, я работаю на лоджии. Передо мной благоухает букет хохлаток. Я вчера принес его из леса. Легкий дождик будил чудные запахи, я снял рубашку, чтобы она не промокла.

Во вчерашней «Неве» № 4 блистательный этюд Александра Мелихова «Воскрешение Лилит», воображаемый монолог Лили Брик

«Я всегда любила жизнь, а потому терпеть не могла стихи... Потом-то я прослыла тонким ценителем поэзии, но разбиралась я не в стихах — я разбиралась в людях: я сразу понимала, вокруг чего они поднимут кудахтанье. Я любила восхищение, и раз уж стихами почему-то восхищались, я должна была их тоже вплести в свой венец».

Ни о какой любви к Маяковскому говорить не приходится — она им пользовалась и довольно откровенно презирала. «Фальшивый богоборец, который никак не мог простить Богу, что его нет, этот дрожащий от ужаса перед жизнью, старостью, инфекциями, даже порчами, сглазом полководец без армии, если не считать армии слов, слов, слов, припадающий к толпе, чтобы зарядиться ее силой, и рыдающий, когда толпа не желала его слушать, предпочитая оставаться безъязыкой... И я оказалась единственным его обезболивающим. Я была не любимой его женщиной, а любимой таблеткой...»...

«А он замахивался на амикошонство со вселенной, с мирозданием. Будем хвосты на боа отрубать у комет! Солнце приколем любимым на платье! Эй вы, небо, снимите шляпу! А небо открывало ему, что он неизмеримо крошечнее блохи, меньше пылинки, мизернее бактерии. Терзаемый своей мизерностью в небесах, он пытался раздуться на земле, гремел, хамил, и все равно, стоило любому издательскому клерку отправить его в общую очередь, он прямо-таки выл от отчаяния: я больше не могу-у-у!..»

А в № 4 «Звезды» его же эссе о «великой несуществующей литературе XX века», если воспользоваться оксюмороном Олега Юрьева, книгу которого «Писатель как сотоварищ по выживанию» он цитирует в числе прочих. Речь идет о незамеченных современниках, непрочитанных писателях, которых начинают открывать уже после смерти. Отчасти моя тема. Беда в том, что Юрьев готов не просто воспевать авторов, величие которых не всегда подтверждается цитируемыми текстами, но делает это нередко за счет снижения знаменитостей. Всегда задерживаюсь на упоминаниях о Давиде Самойлове, все чаще задевает их не-

доброжелательность. Олег Юрьев пишет о чувстве «человеческого отвращения», которое вызвало у него чтение дневников Самойлова, мемуаров и особенно «историософской прозы». И о том, что со временем это чувство перенеслось на его стихи. «Второстепенный поэт эпохи Ривина», — пишет он.

Кто такой Ривин? Нашел это имя в интернете. Погибший в 1941 году автор единственного стихотворения о войне, обнаруженного Юрьевым в каком-то славистском издании и восторженно им прокомментированного.

(Я с этим Юрьевым познакомился в Швейцарии, о нем есть запись.)

Из других заново открытых для нашего и даже немецкого читателя авторов — Ханс Ханни Янн. По-русски только что вышел его роман «Деревянный корабль». О нем пишут как о последней из великих фигур... которые когда-то создавали современную немецкую литературу».

8.5.15. Решил поискать в старых записях упоминания о Стругацком. Среди них не оказалось записи о первой встрече с ним, где-то в 70-м. Возможно, осталась нерасшифрованной. Лукин пригласил меня пообедать в ресторане Дома журналистов, и вместе со мной еще одного незнакомого человека. Познакомил: Аркадий Натанович. Он пришел поговорить с Лукиным о возможности устроиться на работу, где пригодилось бы его знание японского языка. Ему нужен был заработок, а Лукин тогда работал в Институте США и Канады, в каком-то восточном отделе. Только время спустя до меня дошло, что это был Стругацкий. Простой, скромный. Возможно, я даже не сделал тогда об этом запись. Первая запись о нем: как он звонил мне от Лукина, сказал, что ему понравился мой «Меньшутин», которую Володя дал ему прочесть в рукописи. («Ничего подобного на русском языке я не читал. Да и на японском тоже. Это совершенно своеобразная проза» 10.6.74.) И потом «Два Ивана» ему понравились.

10.5.15. Первый соловей.

11.5.15. Поздравил Жоржа Нива с 80-летием.

12.5.15. Принесли из леса черемухи и вишни, сейчас они передо мной на лоджии

17.5.15. Неожиданно нашел в интернете работу Александра Эткинды «Эрос невозможного» — и зачитался, как давно не за-

читывался, отложив работу. Книга написана в 1993 г. и посвящена эпизодам истории психоанализа в России. Ее тема — роль в этой истории русских деятелей. Для меня главная ценность книги — череда впечатляющих портретов разных людей, судьбы которых пересекались. Замечательный портрет Лу Андреас Саломе, русской подруги Ницше, Рильке, близкой знакомой Фрейда и др., Сабины Шпильрейн, пациентки, а потом любовницы Юнга, ставшей видной деятельницей психоанализа, внедрившей идеи Фрейда в России, еврейки, погибшей во время фашистской оккупации. Вообще роль евреев в разработке концепции психоанализа оказалась особой. Кажется, та же Шпильрейн проповедовала идею объединения еврейской и русской духовности, которое может привести к синтезу, важному для всего человечества. Пишу «кажется», потому что не догадался сразу делать выписки или закладки.

Один из самых интересных разделов: увлечение Фрейдом Троцкого, он способствовал на какое-то время процветанию этих идей в Сов. Союзе, оказывал им государственную поддержку.

К началу 20х годов, пишет Эткинд, «ощущение тупика, которое все яснее осознавалось политическими „верхами», вынуждало к поиску новых идей». «Леворадикальные рецепты... были реализованы и провалились... Сдвиг вправо, к экономической либерализации, на который с колебаниями и очень непоследовательно решился Ленин, означал потерю столь ценимой большевиками власти... Новым измерением революционного процесса представлялась „переделка человека».

И дальше: «Философскую основу идеи переделки человека заложил не Маркс и не Фрейд, а Ницше... его романтическая мечта о сверхчеловеке, из которой логически следовало презрение к человеку живущему, обывателю и мещанину, его радикальный призыв к переоценке всех ценностей и его же пренебрежение к любым свидетельствам реальности».

Мы, к сожалению, успели узнать, чем обернулись романтические мечты в российской, и не только российской реальности. Троцкий мог бы выглядеть по-своему симпатичным, трагическим интеллектуалом, расплатившимся за свои идеи гибелью всей семьи (к этим смертям были причастны и завербованные НКВД психоаналитики), собственной гибелью — если бы в ре-

альности этот интеллектуал не считал себя вправе предавать смерти ради своих построений десятки, сотни тысяч ни в чем не повинных людей, в которых видел лишь материал. Он был не просто соучастником — идеологом, организатором чудовищных преступлений, от этого уже не отмахнуться.

В главе об Эйзенштейне многое в его фильмах получает предельно откровенное психоаналитическое обоснование. Я прежде не читал таких откровенных его признаний. «В моих фильмах расстреливают толпы людей, давят копытами черепа батраков, закопанных по горло в землю..., давят детей на Одесской лестнице, бросают с крыши..., дают их убивать своим же родителям». Список ужасов занимает полстраницы и завершается логичным переходом: „совершенно не случайным кажется, что на целый ряд лет властителем дум и любимым героем моим становится... царь Иван Васильевич Грозный».

В фильме „Иван Грозный», снятом по прямому заказу Сталина, Эйзенштейн отстраненно, но необыкновенно красиво рисует чудовищную жестокость этого первого диктатора России. Свою любовь к показу жестоких сцен он объяснял впечатлениями своего детства, и такой же по происхождению он считал жестокость самого Грозного. Более интересно то, что жестокость царя кажется Эйзенштейну соответствующей требованиям времени: Иван провел с ее помощью „прогрессивные государственные мероприятия». Режиссер явно отождествляет себя со своим героем (за которым Сталин), и объясняет секрет их (всех троих) исторического успеха их детскими травмами: „когда ряд детских травм совпадает по эмоциональному знаку с задачами, стоящими перед взрослым, — тогда “добро зело»«. Дела взрослых требуют жестокости, и очень хорошо тому, кто подготовлен к ней травмами своего детства. Это психоанализ наоборот. „Таков случай Ивана», но таков же и случай самого Эйзенштейна: „Я считаю, что в этом смысле и мне в моей биографии повезло. Я оказался нужным своему времени, на своем участке именно таким, как определилась моя индивидуальность» (с.182, см. об «эротике толпы». *Додумать*: во всех этих построениях отсутствует «любовь» как личное начало, родственное творчеству).

В книге рассказывается, как Троцкий предлагал академику И.П.Павлову создать новую, синтетическую науку, объединив свою физиологию с учением Фрейда. Павлов ему не ответил.

Мы теперь знаем, что он думал на самом деле. Приводятся его слова: «Можно без преувеличения сказать, что прежняя интеллигенция частью истребляется, а частью и развращается».

«Интеллигенция России сама творила свою судьбу, пишет Павлов, и она, а не некие внешние силы, ответственна за свою гибель».

Интересно сопоставить: Еще в 1910 году Юнг предлагал Фрейдю вести психоанализ к превращению в новую религию. «Только мудрые становятся нравственными благодаря голым интеллектуальным презумпциям, остальным из нас необходима вечная правда мифа». Известно, что склонность к некой «правде мифа» привела Юнга к сближению с нацистской мифологией.

Но ведь эти слова Юнга наводят на действительно серьезные размышления. Люди слишком разного уровня; философские, социальные проекты не проходят через умы. Любовь и голод правят миром. Секс, жажда власти, насилие, а с ними протест, чувство несправедливости. Наука помогает поддерживать равновесие, но личные, психические несоответствия дают себя знать.

Впечатляет уровень образованности, интеллектуальной жизни России начала века. Знание языков, возможность путешествовать, учиться в других странах. Чувство принадлежности к европейской, мировой культуре.

«Извечная русская „тоска по мировой культуре» находила естественное удовлетворение в те времена, когда О.Мандельштам и Б.Пастернак, В.Иванов и А.Белый, Н.Евреинов и С.Дягилев, И.Ильин и Л.Шестов, Л.Андреас-Саломе и С.Шпильрейн годами жили, учились и работали за границей (уже следующее российское поколение будет лишено этой роскоши уезжать и возвращаться домой). Сегодня трудно даже представить, насколько тесно интеллигенция тех лет была связана с интеллектуальной жизнью Европы, насколько доступны были для выходцев из российских столиц и местечек лучшие университеты, салоны и клиники Германии и Франции, Австрии и Швейцарии».

Наверно, к этим темам еще придется вернуться. А пока — небольшой штришок частного свойства. Физик Юлий Харитон, по семейной легенде наш возможный родственник, получил

докторскую степень по физике в Кембридже в 1928 г. Учебу его оплачивал Макс Эйтингон, знакомый Фрейда, он эмигрировал в Палестину, финансировал местную компартию, перечислял деньги фольклорной певице и парижскому агенту НКВД Надежде Плевичкой, участвовал и в других секретных делах, как и его кузен, генерал НКВД Леонид Эйтингон. Историки считают, что и Макс сотрудничал с НКВД, чтобы обеспечить карьеру своему пасынку Юлию, ставшему «отцом» советской атомной бомбы. Такие переплетения...

29.5.15 Узнал о смерти Игоря Виноградова, написал об этом Жоржу Нива. Только что он написал мне, что завтра прилетает в Москву, позвонит, надеется зайти. Не было бы счастья... Игоря я последний раз видел на презентации книги Жоржа. Хотелось бы знать, осталась ли после него незаконченная (или написанная) книга о Достоевском, которую он считал делом жизни и о которой не раз мне говорил. У меня где-то затерялась, помнится, его первая книжка о Маяковском, которую почему-то запретили, тираж уничтожили. Один экземпляр сумел вынести кто-то из типографии, если память не изменяет, в Петрозаводске, знакомый подарил ее мне. Сейчас, наверно, букинистическая, даже антикварная ценность. Найти ее в нашем завале вряд ли возможно. Но если дети когда-нибудь найдут, пусть не выбрасывают.

30.5.15. Приезжал Жорж Нива. Посидели, помянули Игоря, поговорили. Он стал хуже слышать, почти как я, оба то и дело переспрашивали друг друга. Стал говорить о том, что углубляется разрыв между Россией и Европой, и это выправится нескоро. Галя заметила: но мы выросли в условиях и не такого разрыва, ничего, выправилось. Жорж справедливо возразил: прежде умонастроения формировались в условиях несвободы, навязывалось без выбора, люди могли всерьез в это не верить, говорили, как положено. Сейчас антизападные настроения разрастаются в условиях свободы, их обсуждают, обосновывают. Из новостей: оказывается, умер Клод Дюран, человек, который меня издавал, хотя книги мои не продавались, считал, что у меня будущее. Пресса была хорошая, но продавалось 600–800 экз., для издательства это убыточно. Сейчас к руководству пришли его противники, люди, не верящие в русскую литературу. Жорж продолжает там курировать русскую литературу, последний, кого удалось издать, был Водолазкин, больше, как я понял, не дают никого.

8.6.15. Неожиданные проблемы со здоровьем. У меня и прежде от долгой неподвижности сидя становились ватными ноги. Теперь к этому добавилось нарушение равновесия. День назад в метро я встал с сидения, чуть не упал, меня понесло вперед, Галя не без труда удержала, была испугана. Сказала: вид у тебя был безумный. Понемногу пришел в себя. Вчера шел в лес быстро, километров 7. Когда останавливался, меня несло вперед, с трудом удерживался, чтобы не упасть. Сегодня на зарядке не мог присесть без опоры, надо было держаться... Первая мысль: не инсульт ли? Вспомнилось, что у меня уже было такое, тогда онемела одна рука и одна нога. Вызывать врачей что-то не хочется. Нарушений речи вроде бы нет. Но ходить стало трудно: как бы не упасть.

12.6.15. 40-я больница. Сделали УЗИ правой сонной артерии. Из разговора врачей я понял, что закрыто 80%, хуже, чем в 2002 г. Голова, слава Богу, работает. Говорю, кажется, без нарушений, даже писать могу, хотя строка налезает на строку. Необычное явление: еду и лекарства разносит симпатичный молодой бородач; как мне объяснили, волонтер, учился на богословском факультете. У моего соседа над изголовьем иконка. На стене над кроватями таблички с именами, фамилиями и датами рождения: 66, 69 лет, один даже 44 лет, но есть совсем седые. Я здесь самый старший. Мне принесли «Форель» Шуберта и Баха-Ростроповича, которого я слушал 13 лет назад в ин-те Склифосовского. Я слушаю через наушники, у моего соседа гремят радионовости: американцы поставили Украине летальное оружие и пр.

17.6.15. Боль или смерть. Есть боль, когда торопишь смерть. Когда слаб, хочется выздороветь.

М.б. кризис (болезнь) поможет что-то уточнить, выправить в уже сделанном.

18.6.15. 40-я больница. Томография показала в мозгу мультифокусные очаги. Прозвучало: «Прединсультное состояние».

Чувство, что даже инсульт оправдается, если после него я смогу написать то, что мерещилось, как возможность достойно завершить, оправдать жизнь. Остается благодарить Того, кто второй раз уберег меня от худшего.

Неожиданно интересно было перечитывать «Стенографию начала века». Неожиданно — еще и потому, что оказалось

глубже, значительней, чем помнилось. В новом времени и читается все по-новому. Много было забыто. Поездки за границу (Франция, Бельгия). Сопоставляется с впечатлениями новых, все более многочисленных путешественников. Я видел другое и по-другому. Ощущение мира, времени, литературы, своя работа. Грех жаловаться на жизнь.

20.6.15. 40-я больница. 6 утра, в постели. Пишу полулежа, сидеть трудно. Захотелось не упустить, зафиксировать важный этап понимания, само— и миропонимания, которое открывается мне в ночных раздумьях... Не записанное забывается, даже записанное стенографически приходится не расшифровывать — вспоминать, что я имел в виду. Врач дал нам эпикриз, среди прочего, там указано нарушение когнитивной функции... Не знаю, что вызвало у врача такой вывод, со мной он на интеллектуальные темы не беседовал, я, кажется, и не жаловался, как и на память. Память тоже нарушена, об этом есть слова в эпикризе.

Страшный урок природы или судьбы заставил меня глубже (безжалостней) осмыслить свою жизнь. Запоздалое, задержанное развитие. Успеть бы, суметь бы на высоком уровне сформулировать разные составляющие того, что можно назвать провинциальным комплексом. Биографическую, историческую, социальную. (Провинциальность послереволюционного развития. Новое, злободневное звучание. В XXI веке страна не может уйти от фатальности, противоречивости своей провинциальной судьбы. Утверждение своей особенности, самодостаточности. Новейшая переключка с идеологией чучхе. А еврейская, местечковая составляющая — но при этом великая иудейская, историческая основа.) Сейчас мне трудно изложить все, физически трудно писать, опираясь на локоть. Вечер жизни все озаряет особым светом. Противоречивость темы: не только недостаток, слабость, но и направление в глубину, уход от поверхностности. Жизнь не дала стать другим — или что-то заложенное внутри? Шум времени — и гул глубин.

Давно не читал бумажных газет. Таня сегодня принесла «Аргументы и факты». Заголовок: «Воруют и вредят». Околополитическое пустословие, имитация анализа.

23.6.15. 40-я больница. Сигнал вызова на мобильнике у соседа, вместо музыки мужской голос: «Не делай вид, что ты недоступен, может, тебе сейчас звонит Путин».

26.6.15. 40-я больница. Понимание, которого в обычном состоянии не допускал до себя. Не слишком ли я последнее время был доволен собой, своей жизнью? Замысел прозы на темы литературы. Как люди могут жить, не обращаясь к литературе? За окном щебечут, чирикают небесные создания — пробую сформулировать обостренное чувство жизни. Как проникаются им люди, не ищущие, не находящие слов? Литература — способ полноценно ощутить жизнь, обогатить ее.

28.6.15. Я второй день дома. Чувствую себя не так хорошо, как хотелось бы. Надеялся поработать на компьютере, соединить больничные листки. Оказалось, за компьютером мне трудно, более того — вредно, повышается давление. Хотя грех жаловаться, могло быть хуже.

5.7.15. Набросал дополнения к эссе «Торжество провинции». Больничные записи оказались не только неразборчивы, трудночитаемы, но и разбросаны вперемешку по разным листкам. От работы подскочило давление.

Половина российского населения считает интернет вредным, согласна с тем, что его нужно ограничить, даже отключить. При этом сами участники опроса интернетом не пользуются.

6.7.15. Позвонил Юлик Ким Он сейчас работает над мюзиклом «Анна Каренина».

Прекрасная солнечная погода. В Европе жара 40°. Я пишу на лоджии. Внизу подо мной, как никогда, буйно цветут лилии, гортензии. Работать трудно, получается плохо.

Таня записала для меня прекрасную музыку, я слушаю перед сном, помогает отвлечься от докучных мыслей, и повторяю наизусть Мандельштама

8.7.15. Наконец-то добрая новость: Прохорова решила издавать письма Габая, готовится договор.

26.7.15. Обсуждают, как изменились отношения между поколениями. Раньше старшие учили младших, передавали им свои знания. Сейчас наоборот, к младшим, не только детям, к внукам обращаются за помощью: как найти такой файл, что делать, если программа зависает? Никогда в истории такого не было. Когда школьников спрашивают, что такое революция, они отвечают: это переворот в науке и технике, небывалые возможности человечества. Собственной историей они интересуются мало.

3.8.15. Меня будут оперировать в Институте Вишневого. Когда, зависит от квоты на бесплатные операции (по страховке).

5.8.15. «Новая газета» № 83, Лазарь Флейшман:

«В каждый момент существуют, не могут не быть заметными потаенные авторы и произведения, и они-то в конечном счете определяют лицо культуры и спасают ее честь. Уроки XX века, уроки «советского времени» непреложно подтверждают это: будущее непременно откроет нам скрытую, неприметную часть современного искусства. Как историк, я не могу видеть в явлениях текущей литературы единственный ее аспект, который вовсе не обязательно останется главным, определяющим ее лицо спустя 20 или 40 лет. Мы увидим поэтов, художников, которые, избегая участия в общественных битвах, продолжали делать свое дело в атмосфере, казалось бы, пологового психоза, всеобщей истерии. И даже если голос их совсем не слышен, нам потом откроется взрывчатая сила их нынешнего молчания».

6.8.15. *Институт Вишневого*, палата 908. Перечитывал «Стенографию начала века». Знакомые сетования: сколько я делал неправильно, сколько упустил и т.п. Июльские записи на ту же тему можно не расшифровывать. Разве что, может быть, после операции, болезни, пережив кризис, выйти на уровень нового понимания.

8.8.15. *Институт Вишневого*. Вчера мне сделали операцию. Кажется, все нормально. Благодарение Тому, кто решает судьбы и, похоже, второй раз не допустил меня до края. Вчера меня перевели в реанимацию, сегодня выписали в палату. Там уже ждали Галя и Леночка. Пришлось еще ждать медиков, чтобы они отсоединили истекающий кровью катетер. Мне разрешили ходить. Ноги слабые, икры, похоже, еще больше атрофировались. Но равновесие не нарушено, как прежде. Кажется, я хожу лучше. Будем ждать и надеяться. Все это время меня поддерживали стихи Мандельштама, я вспоминал строки, слова, успокаивался, засыпал. Не буду множить медицинские подробности. Хочется уже составлять планы на будущее.

12.8.15. Я дома! Все эти дни не записывал подробностей, не было сил и желания Запоздало узнал, что у меня из сонной артерии, оказывается, не удаляли бляшку, закрывавшую 85–90% кровотока, это было бы рискованно — саму артерию протезиро-

вали, она уже перерождалась настолько, что сами ее стенки затрудняли кровоснабжение. Цифра 85–90% была неожиданной, перед госпитализацией обследование показывало 75–80%, тоже немало. По словам хирургов, по ходу операции можно было опасаться обширного инсульта. Удивительно, как я вообще до нее дожил. Слава Богу, обошлось, а можно сказать: хвала хирургам. Галя привезла обоим две моих книжки («Уроки счастья», «Учитель вранья») и детские переводы. Медсестра Лиана неожиданно принесла на подпись «Ловца облаков». Откуда это у вас? — удивился я. — Мне подарил зять, то есть брат мужа. — А он откуда узнал про меня? — Я дома рассказывала о работе. Значит, я был отмечен...

Дома включил компьютер. Почта сверх ожиданий неинтересная. Печальная новость: умер Самуил Лурье. В политике и экономике то же. Рубль и нефть дешевеют, действия властей кажутся бессмысленными, вредными.

14.8.15 Православные активисты устроили в Манеже погром выставки Сидура, Силиса, Лемпорта (и др.) «за оскорбленные чувства верующих» (Христос якобы в непотребном виде). Подробности пока неизвестны.

15.8.15. Главная тема комментариев: погром на выставке в Манеже. Говорят, разбили скульптуру Сидура «Снятие с креста». Прекрасная современная пластика, никакого оскорбления религиозных чувств тут быть не может. Не считать же единственно допустимым лишь стиль иконы. Вспоминается выставка «Дегенеративное искусство» у фашистов: авторы этих работ оказались величайшими художниками века. Не исключено, что и о Сидуре этот погром заставит говорить во всем мире. Пока его знают только в Германии, да благодаря моему эссе, может, во Франции. Сравнивают с действиями исламистов. Сегодня появились требования призвать погромщиков к уголовной ответственности, возместить наследникам стоимость уничтоженных работ. Церковь вроде бы помалкивает. Боюсь, погромщики чувствовали: власти им ничего не сделают, надеялись на единство президента и патриархии.

19.8.15. Ровно неделю назад я выписался из больницы. А кажется, что больше месяца. Понемногу прихожу в себя. Со стороны перемены во мне заметней, чем мне самому (походка, речь, мимика). Ввожу в компьютер стенографию за май.

20.8.15. Старушка в магазине перебирает продуктовые упаковки, приговаривает: «Американское дерьмо», «Это есть нельзя». И в том же духе. Приговаривает, но все это кладет в корзину. Потом подходит к кассе, выкладывает, говорит кассирше: «Как вы можете это терпеть?»

27.8.15 Бытовые эпизоды. Мы с Галей шли к дому после прогулки, неожиданно нас окликнула женщина, которую Галя встречала когда-то с внуками на детской площадке. «Все говорят, что это с Харитоновым?» Оказываются, меня в окрестностях знают по фамилии, обсуждают мою походку. Галя объяснила: «Сосудистые проблемы». «А, наверно слишком много сидит за столом, мало движется». Дня три назад к нам подошел еще один незнакомый человек, сосед по дому. Стал говорить, что живет в одном доме с Харитоновым, «лауреатом Букеровской премии», что-то еще на эту тему. Ему 73 года, он играет в баскетбол, показал членский билет «Динамо». Надо было заболеть, чтобы узнать от незнакомых людей о своей отмеченности. Не скажу, что это приятно.

31.8.15. 12.30. Мне 78 лет. Все-таки дожил. Утром решил сделать ритуальную гимнастику. Попробовал отжиматься на полу. Удалось 2 раза, не 10, как раньше. Стал поднимать гантели (2x5kg), тоже не 10 раз, но все-таки. Почувствовал, как я все-таки ослаб.

С утра поздравления на ФБ, уже больше двух десятков.

1.9.15. Весь вчерашний день была суета. Чуть ли не каждые 5 минут несколько поздравлений через ФБ... Было приятно. Старался каждому отвечать. Общий ответ выложил в Fb. Приложил две фотографии, которые дочка сделала при выписке, пояснил: «На первой я во дворе института, на второй у себя на лоджии, еще можно различить довольно живописный шрам от уха до ключицы. Понемногу прихожу в себя, возвращаюсь к работе. Даже подготовил для издательства НЛО сборник лагерных писем моего покойного друга Ильи Габая, которому в октябре исполнилось бы 80. Это, поверьте, незаурядное чтение. В мае необычно ранняя кукушка обещала нам с женой еще 5 лет. Это меня бы вполне устроило. Еще раз сердечное спасибо всем»

Я не записываю политических новостей. Смертоубийство в Киеве, митинг перед Радой, кто-то бросил боевую гранату в нац. гвардейцев. В Европе наплыв иммигрантов из Африки и арабских стран, непонятно, что с ними делать. Население отказыва-

ется их принимать, стычки становятся все более жестокими. Рушатся прежние основы политики. А у нас анонсируется лекция некоего Энтео (того, что руководил погромом в Манеже): «Божественная природа Путина». Я думал, это фейк — оказалось всерьез.

Кстати, еще раз о Манеже. Алеша был на выставке, рассказывает, что там по рукам ходила распечатка моего эссе о Сидуре из «Лехаима». И Лора из Хайфы рассказывала: в связи с московским погромом ей присылали то же мое эссе из Австралии, из Америки.

3.9.15. Твердил наизусть Мандельштама «Как светотени мученик Рембрандт», решил вспомнить картину Рембрандта «Эсфирь, Артаксеркс и Амман». Интересным был сопроводительный текст. Подтвердилось, что Рембрандт был несравненно менее популярен, чем Рубенс, у него было меньше работ, меньше учеников. Более того, Рубенс в Амстердаме не считал нужным познакомиться с Рембрандтом, он не представлялся ему важным художником. Для меня они давно несопоставимы. Время все расставило на свои места. Голландия надолго перестала быть страной великих художников, осталась только жанровая живопись. И лишь спустя 300 лет возник Ван Гог. Надо бы всерьез об этом написать, моя тема. (Особого разговора заслуживает Вермеер Дельфтский, он как будто вообще исчез, его узнали, вспомнили только в XX-м веке.)

Я не отмечаю здесь мировых новостей. Боевики ИГИЛ уничтожают древнейшие памятники в Пальмире. А ведь это эпохальное событие. Убили археолога-хранителя. Наши религиозные публицисты замечают, что молодые люди не зря стремятся в ряды этого движения, это простой ответ на вопрос о смысле жизни: жить в стране исламской архаики, самим можно ни о чем не думать.

8.9.15. Галя впервые за полгода отнесла мои больничные выписки в нашу поликлинику и убедилась, что мы правильно делали, не тратя на это время. Никакого интереса, никаких вопросов, кроме, кажется, единственного: а от нас вам что нужно? Чистая формальность, оформление бумаг, никакого лечения, никакой помощи, даже давления пациенту не померили. В вестибюле объявление: за оскорбление врача наряд вызывается немедленно

17.9.15. Бабье лето +17°... Статья Вл. Кантора о Пушкине, который воплощает европейскую сущность России, а потому является подлинно русским, больше, чем Достоевский и Толстой, которых на Западе привычно объявляют воплощением России... Хотелось бы высказаться на эту именно тему: о провинциализме национально-русской идеи. Надо еще подумать.

Решил вернуться к замыслу «Бабушки Евы». Взял работу с собой, положил в рюкзак — и пошли с Галей в лес. Чтобы зайти подальше, подъехали немного на автобусе (впервые после болезни ездил на общественном транспорте), прошли километров 5. Прекрасно было сидеть и работать в лесу.

18.9.15. Перед сном заглянул в программу Архангельского «Тем временем». Тема: публичный интеллигент и духовный авторитет. Почему этот опыт перестал работать в 90-е годы? От Мамардашвили до Аверинцева, от А.Меня до Лихачева.

21.9.15. Вчера позволил себе расслабиться. Начал сетовать, что слишком мало, медленно работаю, который день корплю над «Бабушкой Евой». Галя сделала мне выговор: грех жаловаться. (Она ведь сама из-за моей болезни все это лето не работала)... А сегодня с утра прекрасно прогулялись. Погода нас балует, солнце, +24°. Немного позволил себе даже позагорать на скамейке. Обычно мы в эти дни уже улетали в Утеху. Распечатал на страничке «Еву», взял с собой, работал. Если что-то получится, это оправдает последние месяцы...

24.9.15. Сегодня ночью раза четыре просыпался, чтобы записать слова, строчки, решения для «Евы». Давно такого не было. Когда-то я держал для таких приступов вдохновения у изголовья листки и карандаш, Можно было еще, не вставая, включать лампу. Теперь приходится вставать в темноте, мешая спать Гале. Весь день пытался что-то выстроить. Все казалось, что не получается. Но только что она прочла и одобрила. Может, действительно что-то получилось. Попробую показать в «Арионе». А она сегодня сделала славный рисунок в технике «обратного оттиска», по своим вчерашним зарисовкам на скамейке у Язуы. Возвращается что-то похожее на нормальную жизнь.

25.9.15. Температурный рекорд 90-летней давности: +28°. Мы отметили этот день рекордной прогулкой. Четыре месяца тут не были. Прекрасный безлюдный лес, чистый воздух, тишина без птиц. Галя нарвала горстку мелких опят... Все-таки

ободряет чувство, что возвращается прежняя жизнь. Медленней, чем хотелось бы, но все-таки. Утром отправил «Бабушку Еву» Хазанову, потом Тане. Она откликнулась сразу же. «Помоему, очень. Но интересно, ты хочешь написать такое обращение старика к молодым, но почему-то получаешься сам совсем молодой, в чувствах, ощущениях. Просто ты такой и есть». Галя тоже перечитала, подтвердила свой отзыв. Вдруг получилось?

4.10.15. В парке у акведука проводилась акция «Укоренись»: людям предлагалось посадить привезенные деревца. Играл оркестр. По дороге раза три присаживались погреться на солнце, я читал в альманахе прекрасную статью Люкса о Г.Федотове: прежде я мало знал об этом замечательном мыслителе. Звучит сверх ожиданий современно: европейский кризис начала и середины века, большевизм, фашизм, конец прежней России, перспективы свободного развития. Как многое воспроизводится до сих пор (модернизм и постмодернизм, отказ от системы ценностей и т.п.) А вот и совсем злободневное для России: «Только не сомневаться, не спускать глаз с забрезжившей точки,— и идти в ногу, сомкнуться строем, Да здравствует Ленин! Да здравствует Муссолини! Вождь выносятся коллективом, вынашивается массами». Но об этом надо написать обстоятельно.

5.10.15. На прогулке обратил внимание, как много совсем крохотных малышек, не старше двух лет, гоняют на самокатах вместе с мамашами. Никогда раньше таких маленьких на самокатах не видел. Раньше в этом возрасте детей еще возили в колясках, хотя они могли ходить, мы так делали. Сейчас детей раньше поощряют встать на ноги. И самокатов таких в наше время не было. В моем школьном детстве самокаты делали из дощечек, колесами служили шарикоподшипники, которые у нас можно было найти на свалке. Да и асфальт был не везде.

8.10.15. Светлана Алексиевич получила Нобелевскую премию. ФБ переполнен откликами и комментариями, мои «друзья» в основном поздравляют, одобряют, другие морщатся: это не литература, не творчество. Главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков убежден, что белорусскую писательницу выбрали победительницей «исключительно по политиче-

ским мотивам». «Уверен, что премией Алексиевич обязана тем, что Россия включилась в операцию против ИГ. Это, так сказать, ответ Путину за его успешное начало операции в Сирии. Не начнись российская операция в Сирии, то премии бы Светлана Алексиевич не получила. Ну, повезло ей!» — заявил Поляков в интервью радиостанции «Говорит Москва». По мнению главреда «Литературной газеты», работы белорусской писательницы «каких-то литературных достоинств не содержат».

Я подумал: надо бы и мне сказать свое слово. Заглянул в свои записи: как мы познакомились на Парижской книжной ярмарке 2005, потом о встрече в Москве, о разговорах с ней. Но их использовать оказалось трудно, не все можно цитировать, слишком много позволил себе зафиксировать ее похвальных слов обо мне (слаб человек!). Ну, разве что воспроизведу сейчас запись 20.05.97.

«Читаю «Чернобыльскую молитву» С. Алексиевич. Не только потрясает до сих пор не вполне осознанный масштаб, измерение происшедшего. Перепроверяешь в сравнении с этим и свой литературный уровень: слишком многое кажется пустяком. Но уже сказано было: после Освенцима невозможно писать стихи. А пишут, и поют, и танцуют (разумеется, те, кто в Освенциме не был). Без этого нельзя бы жить дальше».

13.10.15. Замечательный текст Льва Тимофеева «Утрата ПЕН-клуба» — история упадка не совсем понятной мне организации. Я уже много лет не хожу на собрания. Как все в последнее время, можно по-всякому это объяснять, но главная причина: моя нарастающая глухота, особенно на многолюдных собраниях, я просто не слышал, что говорят. (Тимофеев — единственный, кого видел там постоянно, общался с ним.) Вспомнил, как заглянул на конгресс Международного ПЕН-клуба, не понял, что мне там делать. Не дождавшись начала, уехал домой. (Вспомнилось язвительное эссе Бродского о конгрессе ПЕН-клуба в Рио де Жанейро, см. «Стенографию начала века» 22.5.2000.) Текст Тимофеева надо бы процитировать, но он слишком большой.

«Мне стало стыдно оставаться членом Русского ПЕН-Центра, и я выхожу прочь... Хроника моей жизни в Русском ПЕН-Центре завершилась. Что бы я сказал на прощание тем, кто состоит в этой организации?

Мы не можем не видеть, что наша страна, наша Россия проваливается во мрак. Мы не знаем, что делать. Но мы обязаны требовать свободы слова для тех, кто, как и мы, встревожен и пытается найти выход, — об этом Хартия ПЕН-Клуба.

Невозможно спокойно жить, когда тебя, как бычка на веревочке, ведут на бойню. И детей твоих, и внуков. При этом вешая на уши лапшу о непобедимом мировом величии России. Мы обязаны требовать свободного доступа ко всем каналам информации для тех, кто не согласен и протестует, — об этом Хартия ПЕН-Клуба»

А еще застрял в ФБ на интересной статье Иры Прохоровой: о том, как в 90-е годы появился новый язык и новый стиль. «В нас действительно произошла революция сознания, которая повлекла за собой появление абсолютно другого типа поведения и даже изменение пластики тела». «После августа 1991 года перед людьми, которые вступили в новую жизнь и хотели реальных изменений, встал вопрос, что должен появиться новый стиль — новый язык, описывающий новую реальность... Общество поделилось вовсе не на старых и молодых, а на людей разных поколений, кто принимал новое и кто не принимал». Опять примерял к себе.

Странное сцепление мыслей. Утром, просыпаясь еще в темноте, я подхожу к окну, родители тянут за руки малышей в детский сад, в школу. Именно тянут, и не только потому, что сами идут быстрее — детям надо что-то посмотреть, изучить по пути, погладить встречную кошку, пнуть камень, раздавить лед на луже. Нет большего чуда, чем увидеть мир глазами малышей. Вспомнилось, как полутороговаялая внучка испугалась, когда впервые увидела снегопад, заплакала, попросилась, чтобы ее унесли домой. (Что случилось с воздухом?) Как потом ее пятилетнюю, уже с младшей сестричкой, везли к нам по Проспекту мира, мимо «Рабочего и колхозницы», они стали спрашивать, что это такое? Пришлось объяснять им каждое слово. Что такое колхозница? Что такое колхоз? Что это у нее в руке? Что такое серп? Как эти дети потом будут меня читать? (Мои сказочные повести, впрочем, уже читают, это писалось для них.) А потом подумал: как, сейчас звучат, скажем, стихи Исаковского, можно ли его вообще читать? «Снова замерло все

до рассвета... одинокая бродит гармонь». Бродит ли где-то сейчас одинокая гармонь? Остались ли вообще такие деревни (да и были ли)? Вспоминалось дальше: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как может быть, не верили себе». Это сейчас не только воспримут — может прозвучать. «Мы так вам верили, товарищ Путин».

15.10.15. Утром хотел написать Шкловскому, узнать, что с книгой Габая. И вдруг читаю в ФБ, Елена Иваницкая пишет: «Поздравляю с выходом прекрасной книги. Вот что я о ней написала». И приложила рецензию на «Письма из заключения». Оказывается, книга уже вышла. Шкловский мне объяснил, что экземпляры только сегодня пришли в издательство. Оказывается, существует интернет-ресурс «Прочтение», послали туда электронную версию, чтобы откликнулись рецензией. Я тут же отправил в Colta.ru свой уже подготовленный текст «Памяти Габая».

18.10.15. Хорошая новость: colta.ru будет публиковать мой текст о Габае. В ФБ много откликов на публикацию о выходе книги Габая.

На прогулке нам встретила соседка, у которой муж, морской офицер в отставке, пережил тяжелый инсульт. Сказала, что она молится на нас, видя, насколько лучше я стал ходить. У него было хуже, нарушена речь, перекошено лицо. Рассказывала, как теперь дорого стоят обследования, анализы. Но у него пенсия 43 тыс. (была раньше 13 тыс., военным прибавили), могут обходиться. Хотя недавно продали дачу. Это не первая история, которые нам знакомые рассказывают о своих инсультах.

20.10.15. На видео: дочка Романа Минца учится читать, складывает из букв: е-ж-а-т-а. Ей подсказывают: ежата. И она засияла улыбкой: ежата! У меня родились ежата! Вот они пьют воду...

24.10.15. Активисты организации «Национальный комитет +60», посвященной дню рождения президента РФ Владимира Путина, требуют ускорить причисление главы государства к лику святых. Об этом «Росбалту» сообщили сами активисты. Они заявляют, что к ним постоянно обращаются православные граждане страны с просьбой содействовать канонизации Путина. Ранее «Национальный комитет» уже обращался

по этому поводу к патриарху Московскому и всея Руси Кириллу. Теперь активисты отправили ему еще одно письмо с предложением ускорить причисление Путина к лику святых. «И, наконец-то, ввести в процесс богослужения официальную молитву «О Путине»! Последние данные ВЦИОМ четко указывают, что для 90% населения страны президент РФ является опорой и надеждой в земной жизни, а почти 100% православного люда ежедневно молятся о его здоровье и желают видеть его пожизненным руководителем великой России! Не секрет, что титанические силы на благо Родины он получает от Бога»», — говорят активисты.

25.10.15. *На тему размышлений последнего времени: Д.Леонтьев. Вызов неопределенности.*

«Неопределенность является неотъемлемым условием свободной, продуктивной и счастливой жизни человека. Массовая культура полностью поддерживает упрощенную, однозначную картину мира, и огромное количество художественной продукции представляет собой варианты такой «сказочной» литературы: боевики для больших мальчиков, любовные романы для больших девочек. По структуре они воспроизводят детскую литературу: никакой неопределенности и неоднозначности, никакой непредсказуемости, сделать все максимально узнаваемым, для того чтобы люди продолжали верить в свою простую и надежную картину мира...

Перед каждым человеком в повседневных выборах встает «экзистенциальная дилемма»: выбирается либо неизменность, воспроизведение прошлого, статус-кво, чреватое чувством вины за упущенные возможности, либо неизвестность, новое будущее, несущее в себе риск и чреватое чувством тревоги непредсказуемого. Эти альтернативы не эквивалентны: выбор неизвестности расширяет возможности найти смысл, а выбор неизменности их ограничивает...

Неопределенность — это свойство жизни, хотя большинство людей испытывают по отношению к ней широкий спектр отрицательных эмоций — от дискомфорта до паники — и стараются ее в своей жизни минимизировать. Это нормально, это правильно, потому что любая деятельность связана с ограничением неопределенности; любая цель, любой выбор — это превращение неопределенности в частичную определенность. Однако

жизнь сама постоянно порождает неопределенность (Энтропию). Энтропия — это свойство всего сущего, рост неопределенности, хаоса, а свойство живого — это, наоборот, преобразование энтропии во что-то более упорядоченное, структурированное, т.е. обратный процесс.

Неопределенность и определенность не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, как Инь и Ян. Если мы хотим иметь контакт с реальностью и понимать, что происходит на самом деле, мы должны принимать неопределенность там, где она есть».

30.10.15. Из тетрадей глухого Бетховена: «Только музыкант, писатель и свободный учёный носят счастье внутри себя — они живут внутренней жизнью и не погрязают в пошлости».

2.11.15. Главная тема обсуждения: чудовищная катастрофа российского самолета над Египтом. 224 погибших. На экранах лица молодых людей, детей, возвращавшихся после отдыха, лица рыдающих родственников. Пришло письмо от Хазанова, у него вышла еще одна книжка, но радости нет

11.11.15. Юра, брат, прислал мне странную книгу некоей Е.Д. Лучезарновой (Марченко) «Размышления и афоризмы». Читать это оказалось невозможно. Собрание претенциозных (как сам псевдоним) суждений на всевозможные темы: о русском космизме, о добре и зле, о психологии, о национальном самосознании. После буквально каждой фразы хочется спрашивать автора: почему вы так считаете, как это можно обосновать? Что это вообще значит?

«Мы подобны Солнцу и носим свою солнечную рубашку». «Если вы видите на столе у человека детектив, что происходит с духом этого человека? Он находится в плоскости, можно сказать, что он лежит». «Мозг и разум обязаны быть пустотой». «Основная проявленная Земля — это Израиль, Китай и Италия. Там есть закрепления, есть генокод, генотип. У русских ничего этого нет, абсолютно ничего». «Когда у русского человека много денег, он почему-то пытается от них освободиться как можно скорее, именно русский человек. На самом деле деньги Россию просто обожают. А вот Россия деньги на дух не выносит».

Или вот это: «Русские — круглые. Мы с вами делаем круглые салаты и печём круглые блины. Любим круглый хлеб,

круглые караваи и бублики. Возьмите даже русские сарафаны. Сравните, как одеваются немцы и как одеваются русские. Нам надо всё кругленькое, всё чтоб летало. Даже форма любимых женщин соответствует». И так далее. «А немки — все плоские, потому что задача у них такая — быть этими «бутербродами», квадратными. Причём это проявление на всём идёт: и в домах, и в фигурах, и в моде».

Юра хотел узнать, что я об этом думаю. Я боялся, что он поклонник этой дамы. (Знаком с ней, бывал на ее лекциях), что придется задавать ему те же неудобные вопросы. Но сегодня он позвонил. Оказалось, у нас схожее мнение. Его знакомые, восхищенные поклонники дамы, послали ему текст, ожидая, что он к ним присоединится. Он был смущен, потому и хотел заручиться моей поддержкой. Обоим стало спокойней. Стираю это из компьютера.

18.11.15. Наконец позади презентация книги писем Габая в Центре Мемориал. Поехали туда на такси. Водитель, по внешности судя, киргиз или казах, всю дорогу философствовал о политике. «А наши молодцы. Как они ударили по Сирии!» На Садовом кольце начались долгие пробки, я предпочел выйти из машины, не доезжая. Мокрый снег с дождем мешали идти. Знакомый зал в Мемориале человек на 80. У входа, кроме книги Габая, лежали стопки моих книжек, под конец они сильно уменьшились, «Стенографии конца века» вообще не осталось. А «Способ существования», сказали мне, кончился еще до нашего приезда. Пришло много знакомых, на четверть нашего круга. Я сел за председательский столик рядом с А.Морозовым из Мемориала и Шкловским из НЛЮ. С утра удалось подготовиться, потом мне говорили, что я выглядел и вел вечер неплохо. По моему виду и разговору нельзя было догадаться, после какой я болезни. Я, как всегда, не все выступления разобрал со своего места, да, говорят, и микрофоны работали плохо. Жаль, что оказалось не слышно, когда я читал стихотворение «Пророк и гений», для меня это было важно. Хорошо выступали Зиман, Лена Гилярова. Митя Диков¹ зачитал письма Ильи к себе, тогда еще мальчику. Под конец пел Юлик Ким,

¹ Леонид Зиман — педагог, литературовед, переводчик. Митя Диков — врач.

как всегда, блистательно, но я временами на него злился. Начинал вдруг бессовестно сочинять, чего не было: как мы встречали Илью в Лефортово и собралась целая толпа с цветами — этого же не было.

Лена Гилярова зачитала текст, присланный В.Лукиным — о наших дружеских, отчасти диссидентских посиделках: «Там действительно было хорошо, как хорошо бывает в чистых помыслами ранних сектах». Хорошо сказано. Но ведь и о любой партии, подумал я, в момент зарождения можно сказать так (в том числе о его «Яблоке»). Еще раз подумал о себе: никогда не чувствовал себя ни в какой партии. Созвучно моим последним мыслям о Чехове.

Мариэтта Чудакова принесла мне книжку Саши [Чудакова] о Чехове, я принес для нее две своих книжки, но она не нашла времени подойти, ушла, не дождавшись конца. Подошла Лена Иваницкая, подарила свой последний роман. Ее выступление было очень политизированным. Пришли Ян и Алена Махонины, сказали, что скоро насовсем уезжают из Москвы. Почему? — спросил я. Новый посол, новое министерство? — У нас все новое, невесело сказал Ян. Как и во всей Европе, подумал я. Хотят к нам заехать.

19.11.15. В интернете не просто главная — почти единственная тема: война в Сирии, теракты. Неподалеку от нас выселили целый дом из-за оставленного непонятного пакета, останавливались поезда в метро. Ну, и звонки телефонных террористов. А в Париже продолжалась стрельба, взрывы, по всей Европе тревога.

27.11.15. Неожиданно позвонил и приехал Жорж Нива. Он приехал в Москву в связи с книжной ярмаркой non fiction, утром выступал в Институте мировой литературы. Было сотни полторы слушателей, в основном студенты. Он начал с воспоминаний, как был в этом здании 60 лет назад, когда был влюблен в Ирину Ивинскую. Ведущая заговорила о русофобии, которую разжигают евреи, они заправляют всеми масс-медиа. Жорж ответил достойно, не буду воспроизводить по памяти. Он ошеломлен речами, уровнем многих людей. Был в Музее Герцена на вечере Юрского, говорит, что Сергей не в лучшей форме, ему бы не надо выступать, но актерам не

выступать трудно. Рассказывал про сына Симона Маркиша, который стал иеромонахом Макарием — свихнулся. Про знакомую женщину Сару Кауфман. Ее отец, раввин, переселился с ней из Белоруссии в Париж, там французский язык преобразовал ее имя в Кофман. При фашистской оккупации отец не захотел никуда уезжать, их приютила французская семья, но однажды пришел полицейский и предупредил: завтра вас здесь быть не должно, иначе попадете в Аушвиц. Она провела ночь на улице, а отца тут же арестовали, и он погиб. Про то, как его водил по Аушвицу бывший польский заключенный, с которым он познакомился в Москве, году в 57-м повел его туда. «Там еще пахло смертью», выразился Жорж. Все эти кучи одежды, волос еще не были экспонатами. Поляк нашел свой барак и т.д. Не могу всего пересказать. Эту Кауфман перевел по просьбе Жоржа Симон Маркиш, его перевод напечатал в «Континенте» Виноградов, номер еще можно найти, только не в интернете, это было еще до интернета. Опять делился мыслями о «беженцах», о том, что христианский долг велит их принимать. Вспомнил слова Андрея Белого: «Негры захватили Европу» (не ручаюсь за точность). О знакомых православных священниках, Алексее и Льве, которые создали под Петербургом процветающий культурный центр, поддержанный каким-то олигархом, они проводили культурную благотворительную работу, привлекая многих людей. Новый назначенный из Саранска игумен постарался центр закрыть, и спонсору пришлось отступить. О том, как многие в церкви отрицательно относятся к патриарху Кириллу, его любовь к богатству и власти отвратительна. Какая противоположность им нынешний папа, который непритворно живет скромно, воплощает подлинно христианские ценности... Нет, боюсь, точно все его рассказы не передать (я записываю на другой день, 28.11, вчера не было времени). Мы сидели за столом два с половиной часа, он пил водку, мы вино. Говорил почти все время он, не стал смотреть работы Гали, только сказал: «Я опять в этой волшебной пещере» и рассказал, как нравится ее «Тайная вечеря» людям, которые бывают у него в Питере на Галерной, и другие ее работы в Eseru. Я только один раз спросил, как он относится к новому роману Уэльбека (о том, как

Париж становится мусульманским). Роман ему не понравился, хотя читать интересно. Это не значительный писатель, каким его пытаются изобразить. Поставил его в этой связи в один ряд с Сорокиным.

29.11.15. По поводу юбилея Ельцина, открытия его музея в Екатеринбурге. Активно пишут: если бы Ельцин в 93-м не разгромил парламент, а в 96-м не фальсифицировал выборы, к власти бы вернулись коммунисты. Я в свое время готов был с этим согласиться. Но со временем открылось: коммунисты не могли бы вернуться к власти, они не были властью даже до 91-го года. Маразматические начетчики, старички, у которых я получал разрешение на выезд за границу. У власти уже тогда был КГБ, еще до Путина, эти люди распоряжались деньгами и до 2000-го...

30.11.15. Последний день осени. Падает настоящий снег, но на дорожках пока слякоть. Выложил в ФБ выступление на презентации «Поэт и пророк».

5.12.15. Еще раз: поэт (не литератор) своими текстами творит себя, свою жизнь, свой художественный мир.

Бунин. Окаянные дни.18.3.18. Люди спасаются только слабостью своих способностей, слабостью воображения, внимания, мысли, иначе нельзя было бы жить.

7.12.15. Захотелось еще раз воспроизвести запись 4.1.13 про «Молитву пожилого человека», которая висела на стене в доме кинорежиссера Алексея Германа со времен его отца-писателя. «Удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать». «В разных отсеках интернета замкнувшиеся друг на друга блогеры занимаются именно этим: высказываются по очередному подкинутому им поводу, что-то с энтузиазмом одобряют, осуждают», прокомментировал я тогда. Надо иногда перечитывать свою «Стенографию»: может избавить от повторов.

А вот почти 36 лет назад, из «Стенографии» 30.1.80: Кома по поводу каких-то воспоминаний о Мандельштаме: «Я помню, Ахматова мне говорила: в XIX веке уничтожали письма и дневники, заботясь, чтобы не стали общим достоянием личные дела. А сейчас, наоборот, все тащат на свет свои воспоминания».

8.12.15. Вводил в компьютер стенографию, как всегда, двухмесячной давности. Про Нобелевскую премию Светланы Алексиевич. А сегодня прочел ее Нобелевскую лекцию. Она выбрала, пожалуй, лучшее построение. «Вокруг меня голоса, сотни голосов, они всегда со мной». И воспроизводит голоса разных лет, из разных книг: женщины на войне, Чернобыль, Афганистан. Производит сильное впечатление. Я задержался на высказываниях о коммунизме, который для поколений, в том числе поколения ее отца, значил много. «Мой отец, он недавно умер, до конца был верующим коммунистом. Хранил свой партийный билет. Я никогда не могу произнести слово «совок», тогда мне пришлось бы так назвать своего отца, «родных», знакомых людей. Друзей». Я ведь тоже не могу. Подумал про себя: вот кто был не просто «совок», а дитя своего времени. Года до 56–57-го для меня сомнений не существовало, постепенно, в спорах, начал что-то понимать. Хорошо, если не натворил по тогдашней глупости такого, чего стал бы сейчас стыдиться. Хотя можно вспомнить разное (был секретарем комсомольской организации). Я об этом писал. Просто не был активистом, идейным деятелем, проповедником. В Афганистан не рвался, как сейчас некоторые рвутся в Донбасс. Другой интеллект, другой характер, другое устройство личности. Болезнь заставила многое в прошлом перебирать, пересматривать, о многом пришлось пожалеть. Например, о том, что где-то не побывал, чего-то не видел, не сделал. Сейчас многого исправить уже не могу. Я просто физически не могу никуда поехать. Но ведь, глядишь, смогу что-то компенсировать. Главное, напишу. Есть еще что предъявить читателю.

21.12.15. Как назвать попытку вернуть в нашу жизнь мерзвейшего убийцу, чудовищного палача? Возложение цветов к могиле Сталина у Кремлевской стены, открытие Сталинского Центра в Пензе, объявленная Зюгановым «Сталинская весна» в России, открытие памятника Сталину в Луганске?

25.12.15. Утром привезли 5 экз. «Дракона Мартина-2» в моем переводе. Начал читать глазами детей — понравилось.

26.12.15. Юлик прислал из Иерусалима стихи:

Год високосный, обезьяний,
Который вскорости настанет,

Важнейших наших упований
Пусть, ради Бога, не обманет!
А если все же не сумеет
Исполнить то, чего мы ждем,
То уж тогда, по крайней мере,
Пусть мы его переживем!

27.12.15. Вся семья собралась у нас отпраздновать Новый год, 12 человек, дети, внуки, не было только Арсения. Как всегда, прекрасное угощение, замечательные подарки, очаровательные малыши. Все с удовольствием общались. По скайпу я связался с Ирой в Красноярске, очень интересно говорил с ней Макс, рассказывал о системе образования в американском университете. По его мнению, она лучше, чем в России. В ВШЭ пожилые профессора пересказывали им содержание своих книжек по информатике, написанных 30–40 лет назад, они отстали от современного уровня, воспринимать их сразу в полном объеме трудно. В Америке все выкладывают постепенно в стиле игры, студенты делятся на группы, соревнуются и т.п. Я слушал обрывочно, мне понравилось. Когда все разошлись, мы с Галей посидели за вином, обсуждали вечер.

28.12.15. Администрация президента России в качестве подарка к Новому году разослала чиновникам сборник цитат Владимира Путина под названием «Слова, меняющие мир», пишет РБК.

Вспоминается «красная книжка» — цитатник Мао. Или «зеленая книга» Каддафи. Кто-то вспомнил еще «Рухнаме» Туркменбаши. Но те издавались миллионными тиражами, обязательно изучались в школах. Эта пока для служебного пользования, 1000 экз., только начало.

29.12.15. Как бывает последнее время, проснулся ночью, пытался вспомнить «Неправду» Мандельштама. «Я с дымящей лучиной вхожу к шестипалой неправде в избу» — дальше забыл. Долго не мог заснуть. Решил встать, включил компьютер. Вспоминал, ошеломленный. Как это по-новому звучит в наши дни! Сгущенный образ времени, не доступный ни журналистике, ни эссеистике, ни реалистическим жизнеописаниям — только гениальной поэзии. «Тишь да глушь у нее, вошь да мша, Полуспаленка, полутюрьма. — Ничего, хорошо, хоро-

ша! Я и сам ведь такой же, кума». Это о нынешней реальности — и о нашей готовности ее принять. Сразу пошли мысли о давнем сюжете который пытался додумать еще в больнице. Попробую сосредоточиться, когда отделаюсь от перевода — держу в уме уровень поэзии: «А она из ребячьих пупков / Подает мне горячий отвар». Боже, если б такое было возможно! Как ни странно, потом все-таки удалось заснуть.

Приложение к Стенограмме

ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ И ДУХОВНЫЙ АВТОРИТЕТ

Вспомнил тему одной из программ А.Архангельского»: «Публичный интеллектual и духовный авторитет. Почему этот опыт перестал работать в 90-е годы? От Мамардашвили до Аверинцева, от А.Меня до Лихачева».

Почему-то в обсуждении, подумал я, почти не возникали имена писателей. А вот ведь кто в русской традиции до недавних пор становились публичными интеллектualами, духовными авторитетами. Где они сейчас? Стал перебирать имена знакомых современников. Конечно, кто-то и сейчас участвует в обсуждении злободневных проблем, не буду называть имен. Но сколько других, и не последних в литературе, ушли из публичного пространства, по разным причинам. (О себе сейчас помолчу, тут сработали отчасти жизненные обстоятельства, но больше характер, устройство личности. Не стал ни тем, ни другим. Так ведь никогда к этому и не стремился, для моего самоосуществления важней было другое.)

И вдруг вспомнил: а Чехов? Вот кто не был ни публичным интеллектualом, ни духовным авторитетом. Я недавно перечитывал его повесть «Моя жизнь». Герои там не проявляют никакого интереса к политике, к событиям в стране, в мире, не читают газет, вообще, кажется ничего, не обсуждают произведений литературы, искусства. Участвуют в каких-то любительских спектаклях, но о чем они, на какую тему, как будто не имеет значения. Рассказчик лишь называет некоторые проблемы времени, но они где-то на периферии его интересов, нечто скорей внешнее, несущественное.

«Опять разговоры о физическом труде, о прогрессе, о таинственном иксе, ожидающем человечество в отдаленном будущем», с иронией комментирует он. Интернетовский автор приводит мнение А. Чудакова: «В отличие от своих предшественников, поглощенных выяснением ценности идей и мировоззрений, Чехов обратился к тому, что лежит глубже всяких идей... Его интересовало «общее чувство жизни». Оно, а не характеры, не нравы, не идеи главный предмет изображения в творчестве писателя, хотя и одно, и другое, и третье присутствуют в его произведениях».

«В повседневной жизни человек не воспринимает мир таким ясным, каким он представляется в реалистических романах. А между тем то, как человек видит мир, так же важно знать, как постигать человеческие типы, характеры или руководящие человеком и обществом идеи». «В конечном счете будничное жизненное самоощущение человека является основой для постижения окружающего мира и главным стимулом его поступков».

Что-то, право, близкое мне. Прочитую немного еще. «Русский писатель не повторял философские зады, не популяризировал чужие идеи, а был явным предтечей философской мысли XX века, в частности, феноменологии Хайдеггера. Последний сосредоточил свои усилия на постижении человеческой самости в повседневности, и в этом было знамение эпохи».

Насчет Хайдеггера надо бы, пожалуй, поосторожнее. Его германо-элинская «самость» увела самого автора на опасные пути, сблизила с нацизмом. Среди современников Чехова публичным интеллектуалом, духовным авторитетом назвать можно Горького, не говоря о Толстом и разных других, помельче. Чем отозвалась их общественная активность — об этом разговор особый. Элементы воспитательной публицистики можно обнаружить разве что в частных письмах Антона Павловича. Злободневных статей Чехов не публиковал, не участвовал в обсуждении модных «духовных» проблем, как деятели «Серебряного века», позднейшие завсегдатаи «башни» Вяч. Иванова. Он до конца искал что-то свое, даже отправляясь на Сахалин. Не так просто за него сформулировать, что именно.

ПРОРОК И ГЕНИЙ

Из выступления на презентации книги «Илья Габай. Письма из заключения», центр «Мемориал», 18.11.2015

Осенью 1971 года я писал Илье в лагерь о некоторых мыслях, вызванных появившейся в ту пору статьей С.Аверинцева. Мне казалось применимым к стихам Габая проведенное этим филологом последовательное сопоставление «литературы» в классически-греческом понимании и ближневосточной, прежде всего библейской традиции. Литература, «связанная с жизнью», самим этим сочетанием противопоставлялась жизни как самозаконная и самоценная форма человеческой деятельности. Она допускала и требовала рефлексии над своими специфическими результатами в виде поэтики, теории литературы, критики. Библейская поэзия была чужда профессиональной самооценке. Она пребывала внутри жизни и создавалась людьми, которые по своему общественному самоопределению не были литераторами и не заботились сознательно о создании литературного шедевра, о том, чтобы запечатлеть мир и себя со стороны, объективно, для будущего.

В противопоставлении этом нет оценки: что выше, что ниже; условность термина «литература» применительно именно к греческой традиции вовсе не отлучает традицию иную от литературы в более широком понимании. Мне казалось даже, что это близко подходу самого Габая к своим стихам. Не помню, в каких выражениях я высказал все это в тогдашнем письме; вероятно, неточность слов или разная настроенность мысли вызвали непонимание — в письмах, где нет возможности, как в разговоре, тотчас уточнить сказанное, это случалось нередко; но я был изрядно озадачен суровой отповедью, которую получил в ответ. Видимо, сопоставление мое задело его за живое больше и иначе, нежели я мог предполагать. «Вы только отчасти правы, услышав в моем письме голос рассерженного человека» (3.10.1971), — полушутливой цитатой смягчал он впоследствии свои слова; но в первый момент ему все-таки почудилась в моих (по Аверинцеву) размышлениях попытка объявить «не литературой» кровно близкое ему.

«В самом деле, почему речи Демосфена или Цицерона — литература, а речи Исаяи или Иеремии — нет? Потому что

Исайя не набирал камней в рот?.. Наиболее убедительное место у Аверинцева — о дилетантах, пропускающих у Гомера описательную часть. Я, конечно, меньше, чем дилетант; может быть, в оригинале это действительно перлы поэзии, но мне кажется описание щита или хозяйства малолитературным: так, метафорическим, окололитературным источником по истории материальной культуры... Обращенность к духовному, внутренняя ассоциативность Библии куда современнее (и «литературнее») гомеровских поэм»... Если... иудейскую «нелитературность» ты распространяешь на все, мною написанное, то это очень грустно — для моих стихов, разумеется» (15.9.1971).

Как будто он говорит совсем об ином, чем я. Перечитывая теперь письма Ильи и свои давние записи, я по-новому понимаю истоки и подтекст этого несогласия. Я заметил, в частности, нечто, что склонен был забыть: он все же болезненно тяготился непрофессиональным существованием, положением непечатающегося поэта. Он не делал ничего, чтобы печататься, но услышанным быть хотел. Он не старался сделать свои стихи доступней, но непонимание его задевало. При всем том он внутренне отталкивался от «литераторства», в том числе от литературного (или окололитературного) заработка.

Позволю себе прочесть стихи, возникшие спустя годы. Они, конечно, не об Илье, но связаны с моими размышлениями на эту тему.

ПРОРОК И ГЕНИЙ

Напиши о пророке, о том, кто не был услышан,
Когда он кричал об очевидном, о неизбежном,
В доме собраний, на площадях, полных народу.

«Вы, приносящие жертвы ложным богам,
Опомнитесь! Уже заколебалась земля.
Уже поднялись, подступают все ближе воды.
О чем вы заботитесь? О насыщении, об утехах?
Ваши сокровища станут черней угля,
Ваши девы станут добычей пришельцев,
Обрушатся горы, и стены падут на землю».

Морщатся, отворачиваясь: охота ему пугать?
«Не от себя говорю, пославший меня воззвал:

Пусть мятежный, лживый народ не требует от провидца,
Чтоб ублажал их приятным, не предсказывал правды,
Пусть в устах твоих слово мое станет огнем,
Народ этот станет дровами, и огонь их пожрет».

Обидные, дикие речи. Только наладилась жизнь,
Не хуже, чем до изгнания, да ту успели забыть,
Обросли кой-каким добром, чем ему это плохо?
Обвиняет, хрипит, как в падучей, грязный, босой,
В грубом верблюжьем плаще, на губах уже пена.
Гоните его по добру, а не то побейте камнями.

Злободневный сюжет, герой тебе чем-то близок.
Опередивший других всегда при жизни отвергнут,
Не услышан, не понят. Был, наверное, косноязычен,
Не отработывал произношение, набирая камешки в рот,
Думал, убедительность воплю дает не умение, а вода,
Когда уже подступила, грозит затопить, огонь,
Когда уже польхает вокруг и жжет.
Еще не создана ars poetica, литература не началась.
На бумаге за ним найдется кому записать.
Обработают, позаботятся о выразительном стиле,
Убедительной композиции. Поколения будут читать,
Изучать, восхищаться прозорливой, глубокой мыслью

Но не те, кого он надеялся предупредить.

Постарайся найти слова. Пусть и тебя услышат не сразу,
Время произнесет свой суд, оценит достоинства, слог,
Талант, наконец. Глядишь, когда-нибудь даже скажут: гений.

Но не пророк. Вот что попробуй сперва понять.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГЕРМАНА ГЕССЕ

1

Есть книги, которые перечитываешь в разные годы жизни,
в разном душевном состоянии как бы заново, открывая для себя
не замеченное прежде, переосмысливая, казалось бы, знакомое,
погружаясь в новые глубины. Возможно, одна из примет под-
линно великой литературы — ее неисчерпаемость.

Я впервые написал о Гессе уже много лет назад¹, когда на русском языке только что появилась — и сразу захватила читательское воображение — «Игра в бисер», однако творчество писателя в целом оставалось у нас еще малоизвестным. Во всем мире это была пора очередного «ренессанса» Гессе, когда неожиданно для многих писатель оказался одним из кумиров молодежи, взбунтовавшейся против привычных буржуазных ценностей и авторитетов, даже одним из «святых» хиппи и чуть ли не провозвестником так называемой «психеделической революции». Один из ее пропагандистов рекомендовал своим адептам перед каждым наркотическим сеансом читать главы о «магическом театре» из «Степного волка» — как своего рода образцовое пособие по уходу в «другую реальность». Пожалуй, это прежде всего могло бы удивить самого Гессе, человека, с детства воспитанного в духе пиетистской строгости и всю жизнь не только напоминавшего о необходимости оберегать «ядро доброй традиции, дисциплины, методичности», но сохранявшего верность этим принципам в собственном быту и работе. (Точно так же он был бы, скорей всего, немало озадачен, узнав об особом интересе к своему творчеству в Америке — стране, которая представлялась ему в культурном смысле менее всего близкой.)

Но ведь ему и прежде уже не раз приходилось удивляться куда как неожиданным всплескам читательского интереса к себе. Так было после первой мировой войны, когда писатель был буквально завален письмами главным образом молодых людей, разочарованных, утративших ориентацию в потрясенном мире. Так было после второй мировой войны, когда в его родном городе Кальве экземпляр только что вышедшего романа «Игра в бисер» продавался за 25 фунтов муки — поистине приравнивался к хлебу насущному. Вообще было уже замечено: интерес к Гессе всегда достигал кульминации в кризисные времена, когда люди пытались найти утраченные ориентиры, обрести новую опору взамен поколебленных, рухнувших.

Пожалуй, нечто похожее можно наблюдать сейчас и у нас. На русском языке уже опубликованы практически все важнейшие произведения Гессе, и мы способны их осмыслить в чем-то

¹ Марк Харитонов. «Привычные святыни покидая», «Иностранная литература», 1974, №12.

иначе, нежели сорок лет назад. Нет, тогдашние времена тоже отнюдь не были нормальными — (да и какие времена в нашем веке можно назвать не кризисными?) — но все же, разве не по-новому трогают нас среди нынешних потрясений и метаний, скажем, строки из гессевского письма 1931 года: «Подлинная, достойная человека жизнь в наше время, среди духа, порожденного нашим временем, абсолютно невозможна... Эта атмосфера лжи, алчности, фанатизма и жестокости... Моя жизнь часто подобна аду».

2

Какие, однако, основания были говорить так у этого человека, чья жизнь на внешний взгляд вовсе не выглядит такой уж бедственной? Он родился 2 июня 1877 года в тихом швабском городке Кальве в семье протестантского миссионера, довольно рано добился литературного успеха, большую часть жизни прожил в нейтральной, не втянутой в мировые потрясения Швейцарии, в 1946 году за роман «Игра в бисер» был удостоен Нобелевской премии и закончил свои дни 9 августа 1962 на вилле, подаренной ему в пожизненное пользование богатым меценатом, в солнечной швейцарской деревушке Монтаньола. В последние годы жизни Гессе на воротах виллы висела табличка с просьбой не беспокоить — в представлении многих он и был «монтаньольским отшельником», спокойным мудрецом, отрешенным от забот и несчастий суетного мира.

Все это так — однако есть своя правда и в цитированных словах писателя о жизни, подобной аду. С ранних лет эта жизнь была отмечена душевными кризисами, болезненными, мучительными, порой на грани срыва попытками обрести хотя бы недолгое равновесие между собой и миром. Сам Гессе не всегда мог отдать себе отчет в причинах такого разлада. По воспитанию и традициям он принадлежал этому миру — и в то же время внутренне как бы сопротивлялся ему, стремился из него вырваться. Вся его жизнь была полна разного рода побегов, разрывов, самопреодолений — начиная с побега из Маульброннской монастырской семинарии, куда он был отдан родителями на учебу; и то же самое можно сказать о многих его героях, начиная с Петера Каменцинда. Была юношеская депрессия, не-

удачная попытка самоубийства, пребывание в больнице для душевнобольных. «Если бы вы могли заглянуть в мое нутро, — писал он оттуда в 1892 году, — в этот крошечный ад... вы пожела-ли бы мне смерти». Были тягостные семейные драмы (отго-лоски одной из них можно уловить в романе «Росхальде»), было безденежье, тяжелые многолетние болезни. Но, несо-мненно, самым драматичным оказалось для писателя духов-ное потрясение, вызванное первой мировой войной — после ненадолго обретенного было успокоения она вновь пробудила у Гессе «мысль о тлеющем под ногами аде, ощущение угрозы катастроф». Оказавшись к тому времени в нейтральной Швей-царии, писатель включается в антивоенную деятельность, под-вергается за это ожесточенным нападкам. Обострившаяся вновь депрессия заставила его в 1916 году обратиться к психо-аналитикам — факт, оказавший большое влияние на все по-следующее творчество Гессе. А дальше — приход к власти в Германии фашистов, вторая мировая война. Конечно, сарка-стически замечал Гессе в одном из писем по поводу расхожих суждений о себе, мы «во время гитлеровщины и войны спо-койно... сидели себе в солнечном Тессине и «обжирались пря-никами»... Что наши сыновья год за годом несли солдатскую службу... что из-за Гитлера и авиабомб погиб весь труд моей жизни, а родные и близкие моей жены задушены газом в гиммлеровских лагерях — это для людей, ожесточенных вой-ной и всякого рода горем не стоит и упоминания»...

Нет, долгую жизнь этого человека никак не назовешь без-облачной. И дело даже не просто во внешних обстоятельствах. Художник, мудрый и всезнающий в своем творчестве, бывает более других уязвим, неуверен и беспомощен в жизни реальной. Гессе во многом имеет в виду самого себя, описывая в романе «Росхальде» преуспевающего на вид героя, который «глубоко страдал под гнетущим бременем бесчисленных неудачных дней и лет, неудачных попыток научиться любить и жить». А в рома-не «Игра в бисер» еще более определенно говорит о «трагизме, присущем всякой отданной духу жизни».

Все, что делал Гессе, во многом было попыткой осмыслить, выразить этот трагизм — но тем самым и преодолеть его: своего рода способом самотерапии. Не потому ли и многочисленные читатели в разные времена находили в его книгах помощь, уте-

шение, объяснение собственных проблем? «Тот факт, что многие, преимущественно молодые люди находят в моих сочинениях нечто, внушающее им доверие, — писал Гессе, — я объясняю так: на свете есть много людей, которые сходным образом страдают, борются за веру, за смысл собственного существования, сходным образом отчаиваются в своем времени и, однако, почтительно прозревают за ним, как и за любым временем, нечто божественное... Они находят во мне человека, высказывающего их мысли... Возможно... единственное утешение, которое они у меня черпают, состоит всего лишь в том, что у меня, человека знаменитого, они обнаруживают собственную слабость и собственную боль».

3

Начав со стихов и романов в традиционно-романтическом духе, Гессе за десятилетия творчества создал свой особый тип интеллектуального повествования; слова его вершинного сочинения об «игре в бисер» как об «игре со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры» словно бы предвосхищают нынешние постмодернистские декларации. Он отнюдь не игнорирует эмпирическую реальность со всеми ее красками, звуками, запахами, описаниями, подробностями; но с полным основанием можно сказать, что главные события его книг, начиная, пожалуй, с «Демьяна», разворачиваются все же во внутреннем, душевном мире; главной проблематикой оказывается проблематика духовная. Поучительно сопоставить в этом смысле два его путешествия на Восток. Одно, реальное, было предпринято в 1911 году. Гессе на пароходе отправился в Индию (как мечтал герой романа «Росхальде») — однако вернулся раньше времени: поездка не принесла ему ничего, кроме усталости и разочарования, свидетельством чего стала книга путевых очерков «По Индии» (1913). Подлинной встречей с Востоком была встреча духовная; роман «Паломничество в страну Востока» (1931) не имеет прямого отношения ни к реальной Индии, ни к реальному Китаю, это путешествие воображаемое, из тех, что совершаются «не на корабле и не на поезде», и персонажи его — скорей символические фигуры, нежели живые люди. Эту особенность поэтики Гессе вообще важно иметь в виду.

Мое внимание как-то привлекло примечательное совпадение. На какую отповедь натолкнулся однажды Гоголь, вздумавший (задним числом) утверждать, что в своем «Ревизоре» он изобразил вовсе не реальных персонажей, а некие символы. «Всмотритесь-ка в этот город, который выведен в пьесе! Все до единого согласны, что такого города нет во всей России... Ну, а что если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас?.. Ревизор этот — наша проснувшаяся совесть... Хлестаков — ветренная светская совесть, продажная, обманчивая совесть... Лицемеры — наши страсти». И т.д. Актер М.Щепкин отвечал ему в мае 1847 года: «До сих пор я изучал всех героев «Ревизора» как живых людей... Оставьте мне их, как они есть... Не давайте никаких намеков, что это не чиновники, а наши страсти... Нет, я их вам не дам!.. После меня переделывайте хоть в козлов, а до тех пор я не уступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог».

Оставим сейчас в стороне вопрос, насколько в своем объяснении Гоголь лукавил (пусть даже с самим собой — так смутила его общественная реакция на постановку пьесы). Наше непосредственное чувство противится этому объяснению — хочется согласиться со Щепкиным. Между тем почти буквально схожее толкование своего метода обосновывает Гессе: «В нашем современном мире... есть поэтические произведения, где под видом игры лиц и характеров предпринимается не вполне, может быть, осознанная автором попытка изобразить многоликость души. Кто хочет познать это, должен решиться взглянуть на персонажей такого произведения не как на отдельные существа, а как на части, как на стороны, как на разные аспекты некоего высшего единства (если угодно, души писателя)».

Не случайно такое сопротивление у Гессе вызывала мысль об экранизации его произведений; даже иллюстрировать их, наверное, не просто — хотя при желании можно увидеть в его персонажах и живых людей, с внешностью, характерами и судьбой. Зато поистине бескрайнее поле представляют эти книги для всевозможных комментариев, толкований. Гессе — один из тех писателей, литература о которых давно превысила объемом все, написанное ими самими. Как-то я получил приглашение на конференцию о творчестве Гессе; одни названия докладов чего стоят! «Проблема «раб и господин» у Лейбница, Гегеля и Гес-

се», «Мир и символ в хромотопной структуре “Степного волка”»... Автор «Игры в бисер» — «свой» писатель для филологов и культурологов, лучше самих сочинителей знающих, что художественный текст обогащается новыми смыслами и обретает иную ценность, введенный в контекст разнообразнейших связей. Ведь для адептов этой игры в романе, по их собственным словам, не существовало «непосредственного» отношения к искусству как к «проявлению божественного начала»; подлинное содержание открывалось для них в анализе соотношений, символических соответствий, формальных и технических средств.

Но я не филолог, а писатель, и я помню, какое внутреннее сопротивление вызвали у меня в свое время уже на первых страницах романа слова о принципиально «нетворческом» характере касталийской духовности: ведь здесь не просто провозглашен был «полный отказ от создания произведений искусства», но запрещено всякое художественное творчество.

Надо было дочитать роман до конца, чтобы убедиться: герой романа, Магистр игры Йозеф Кнехт отнюдь не случайно этот запрет нарушил и выступил, подобно самому Гессе, в роли писателя и поэта.

4

При чтении Гессе вообще не стоит спешить с выводами и возражениями. Даже в пределах одной книги сплошь и рядом определенной, казалось бы, точке зрения противопоставляется прямо противоположная, и обе они могут быть близки писателю. Это важная особенность не только его творческого метода, но вообще мировоззрения; она выражает представление Гессе о противоречивости, полярности самой жизни, о необходимости постоянно «раскачиваться между полюсами». «Я не сторонник твердого, точно сформулированного учения, — писал он, — я человек становления и поисков... Несомненно, иной тезис в моих книгах противоречит другим тезисам тех же книг — с этим я не спорю. Совокупность моей жизни и творчества не предстала бы возможному наблюдателю как гармония — скорее как непрерывная борьба и непрерывное, хотя и не лишённое веры, страдание».

В «Письме обывателю» 1915 года» Гессе рассказывает, между прочим, эпизод, когда случайный попутчик в портовом го-

роде взялся показать ему местные увеселительные заведения. Писатель был шокирован. «Оскорбляло меня не то, что в мире есть мерзость и свинство; на это я мог не обращать внимания. Но то, что эту сторону мира, которую я презираю и отвергаю, я однажды принял спокойно к сведению, так что могло показаться, будто я одобряю и эти вещи... — вот что осталось сидеть во мне занозой».

Не правда ли, в этой реакции смущает, элемент — как бы выразиться осторожней — некоторого чистоплюйства? Одно дело по-человечески презирать и отвергать мерзости реальной жизни, другое — свысока их игнорировать; писателю-то по крайней мере вовсе не грех принять их к сведению... Но вот герой романа «Степной волк» (1927), отчаявшийся, близкий к самоубийству интеллеktуал Гарри Галлер, которого Гессе несомненно наделил некоторыми своими чертами и мыслями, уже сам ищет встречи с этой чуждой ему прежде жизнью, он идет в эти самые увеселительные заведения с проститутками, джазменами, он учится танцевать современные танцы (как пробовал им учиться одно время и сам писатель), он даже пробует наркотики...

Конечно, право читателя и тут усомниться, насколько похожи в этом романе Гермина и Мария на реальных проституток, в подходящие ли уста бывают порой вложены столь интеллектуальные, утонченные суждения, действительно ли балующийся наркотиками саксафонист Пабло обладает некоей простейшей, но в то же время высшей мудростью — и не поспешна ли чрезмерная готовность Гарри Галлера признать их безусловное превосходство над собой, поступиться своим интеллектуальным и духовным первородством? Ошибется, однако, тот, кто сочтет Гессе именно своим союзником в этом споре. Для него и здесь речь прежде всего идет о борьбе, происходящей в собственной душе, о противоположностях внутри единства, о взаимоотношениях жизни и духа, которые скорей для большей наглядности разъединены и персонифицированы — как это часто бывает в его книгах.

«Ты стоишь на стороне культуры духа, — говорит Иозефу Кнехту в романе «Игра в бисер» его антагонист Плинио Дезиньори, — я — на стороне естественной жизни... Твоя обязанность — показывать, как естественная, наивная жизнь без ду-

ховной дисциплины непременно становится пучиной порока, ведет к животному состоянию и еще дальше вспять. А я обязан снова и снова напоминать о том, как рискованна, опасна и, наконец, бесплодна жизнь, которая зиждется на чистом духе».

Есть ли смысл возражать, что в реальности эти ипостаси нашего существования не бывают так абсолютно и стерильно разделены, что в каждой конкретной, равно как и в общей жизни природное и духовное сочетаются (и что высокий интеллект и культура, кстати, вовсе не обедняют, а наоборот, способны обогатить сферу «непосредственных» чувств). В этом удивительном романе Гессе с необычайной изобретательностью конструирует некий особый, автономный, как бы экспериментальный мир, утонченный, стеклянно-прозрачный, едва ли не призрачный — но в то же время на редкость достоверный и убедительный в своей внутренней логичности. Не стоит, правда, слишком пристально проверять этот мир на соответствие реальности. Действие романа перенесено в двадцать третий или двадцать четвертый век, но персонажи предпочитают передвигаться не в автомобилях, а в каретах среди природы, почти не тронутой цивилизацией; из технических изобретений упомянуто разве что радио. Это будущее, по сути, условно, в нем скорей законсервированы дорогие писателю — и уже при его жизни подверженные угрозе — черты настоящего: просто надо же было куда-то поместить вымечтанную провинцию чистейшей духовности. Нет, не будем обсуждать ее с точки зрения житейской или исторической достоверности. В мире Касталии, скажем, практически нет женщин — как будто другому полу безо всяких объяснений попросту отказано в высокой духовности; от проблемы же плотских искушений, веками допекавшей все монастырские сообщества, летописец Касталии скорей лукаво отмахивается: вольность здешних нравов, сообщает он, позволяет касталийским обитателям просто сожительствовать с дочками окрестных бюргеров до их замужества. Право, нет смысла уточнять, устраивает ли это самих бюргерских дочек и хватит ли их на всех касталийцев. Перечитывая роман не впервые, заранее знаешь, что многие из возможных оговорок Гессе сам держит в уме, но как бы игнорирует их до поры, чтобы сосредоточиться на главном.

Касталийский орден был создан первоначально небольшой группой служителей духа в ответ на катастрофические потрясения эпохи, когда люди оказались как бы «лицом к лицу с пустотой». В такие времена зарождаются идеи наподобие той, что выразилась когда-то в стихах В.Брюсова:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

Речь идет о людях, которые более других осознают насущную необходимость «хранить верность духу и изо всех сил оберегать в эти годы ядро доброй традиции, дисциплины, методичности и интеллектуальной добросовестности... Эта строгая школа необходима для дальнейшего существования цивилизации. Люди знают или смутно чувствуют: если мышление утратит чистоту и бдительность, то вскоре перестанут двигаться корабли и автомобили, не будет уже ни малейшего авторитета ни у счетной линейки инженера, ни у математики банка и биржи, и наступит хаос».

Гессе писал свой роман в годы, когда на его родине, в Германии установилась фашистская диктатура, и главная угроза духу исходила от ее воинственной, насильственной идеологии. Мы у себя тоже не понаслышке знаем, что такое стремление к тоталитарному господству над умами, когда «сколько будет дважды два, решает не факультет, а наш господин генерал». С крушением тоталитарных диктатур проблема, однако, не исчезла, разве что сместились акценты. На исходе века, может быть, как никогда прежде обострилась, среди прочего, другая опасность, о которой в романе говорится особенно много: опасность «деморализации духа, инфляции понятий» перед лицом захлестывающей мир «массовой культуры».

Сколько язвительных строк посвящает Гессе так называемой «фельетонной эпохе», когда миллионы людей поглощают всевозможную духовную жвачку, равнодушно взирая, «как погибают не только искусство, дух, нравственность, честность, но даже Европа и «мир» вообще». Противостоять этой гибели и

призван в романе касталийский орден, возникший «благодаря духовной потребности усталых, истекавших кровью и одичавших народов в порядке, норме, разуме, законе и морали». Его задача и служение — сохранять и культивировать эти ценности. Но, очевидно ведь, не просто ради них самих — и тем более не ради своей возвышенной, и все же абстрактной, отчужденной от жизни игры.

Вот тут-то проблема и обнаруживает свою другую сторону.

В романе не раз возникает сопоставление Касталии с монастырями, которые в разные века играли роль очагов духовности, образования и культуры среди погруженного во тьму мира, где для преобладающей массы людей даже простая грамотность бывала недоступна. Постепенно выявляется, однако, существенное отличие. Монастыри, при всей своей обособленности от мира, все-таки были обращены к нему, служили ему, осуществляли с ним постоянную связь, даже нередко влияли на текущую политику. Сюда приходили за поучением и утешением, отсюда шли в мир проповедники. Касталия несравненно более замкнута в себе. Касталийцы чем дальше, тем больше склонны культивировать свои ценности скорей для самих лишь себя. Они не просто чужды мирским проблемам, они смотрят на них свысока, ничего по сути не видя в этом внешнем мире, кроме грязной политической борьбы, банковских и биржевых спекуляций, игры честолюбий, кроме пороков и суетных страстей. Для них это именно «другой мир, где царили не дисциплина и духовность, а инстинкт».

Однако опять же: существует ли в самом деле столь абсолютное разделение и противопоставление? К слову сказать, духовность самих касталийцев отнюдь не выглядит такой уж беспримесно возвышенной; в Педагогической провинции мы замечаем свою борьбу честолюбий, карьеризм, зависть, подсиживание. И действительно ли ничего, кроме инстинктов, нет в «некасталийском» мире, в обыденной человеческой жизни, с семейными заботами, воспитанием детей — и, между прочим, любовью, о которой касталийцы так мало знают? Да, люди непосвященные не могут равняться с ними образованностью, их художественные вкусы не столь утончены, их развлечения и музыка могут показаться вульгарными. Повседневный труд, нередко однообразный и изматывающий, оставляет этому боль-

шинству слишком мало досуга для выработки более высокого вкуса, да и у кого научиться ему, если Педагогическая провинция столь замкнута в себе? А ведь, между прочим, этот труд обеспечивает кастилийцам возможность для их возвышенных занятий, и уже хотя бы потому мир вправе ждать от тех, кто называет себя духовной элитой, не просто высокомерной, едва ли не брезгливой отстраненности.

Что такое вообще «элита» в понимании Гессе? Речь идет о категории людей, ни в коей мере не претендующих на власть, богатство и какие бы то ни было внешние привилегии — наоборот, они отстраняют от себя все это; их никак не следует отождествлять с теми, кого нынче называют «истеблишментом». Наверное, человеческое сообщество инстинктивно выделяет из себя этот слой, движимое некоей объективной потребностью — может быть, потребностью в самосохранении. Ибо функция этих людей, как уже было сказано, — создавать, сохранять, культивировать жизненно важные для сообщества ценности, то есть как бы вырабатывать своего рода духовный фермент, обеспечивающий здоровое существование социума, оберегающий цивилизацию от загнивания и вырождения. Ни в одном обществе такие люди не могут составлять большинства. Возможно, имеет вообще смысл отчетливо признать, что культура всегда существовала и, видимо, будет существовать на разных уровнях; проблема, однако, в том, чтобы эти уровни не были отчуждены друг от друга. Речь идет о их соотношении и взаимовлиянии. Утопично полагать, будто «элитарная» культура может, да и должна стать когда-нибудь всеобщим достоянием; но беда и гибель, если «массовая» культура станет самодовлеющей, вытеснив или подменив представление о иных ценностях.

6

Одна из сторон той же проблемы — отношение к «внешней стороне цивилизации», как характеризуют кастилийцы науку и технику. В самих этих словах уже слышится некий пренебрежительный оттенок. Гессе вообще оказался весьма чутким к комплексу современных проблем, связанных с темой технического прогресса или, например, экологии, остроту которых мы в новом времени ощущаем как никогда прежде. В одном из знаменитых эпизодов «Степного волка» Гарри Галлер, попавший в

«магический театр», читает там призыв начать охоту на автомобили, а заодно «поджечь наконец фабрику и немного очистить, немного опустошить поруганную землю, чтобы снова росла трава, чтобы запыленный цементный мир снова превратился в леса, луга, поля, ручьи и болота».

Знакомые и такие понятные призывы, не правда ли? Если вернуться к обитателям Касталии, то они действительно сохранили вокруг себя нечто вроде островка былого, нетронутого мира; о «внешней», а для них по сути низшей стороне цивилизации, о науке и технике они попросту знать не хотят — как, между прочим, и о нуждах тех, кто живет в другом, не столь идиллическом мире, но кому именно наука и техника обеспечили (во всяком случае если говорить о наших днях), достаточно высокий уровень благополучия.

Гессе не мог не ощущать здесь проблемы. Прекрасно духовное паломничество в идеальную страну Востока; но совершив путешествие по реальной Индии, писатель не мог не увидеть рядом с дивными храмами и погруженными в медитацию мудрецами толпы ужасающе нищих, голодных людей. Не приходили ли ему тогда на ум слова вроде сказанных однажды Чеховым по поводу толстовства о том, что в электричестве и паре больше любви к человечеству, чем в вегетарианстве и непротивлении злу?

«При всем содеянном ею зле, — писал Станислав Лем в книге «Сумма технологии», — именно наука вызволила значительную часть человечества из голодного существования... тогда как фундаментом всех религиозных доктрин азиатского образца является именно равнодушие — столь же возвышенное, сколь катастрофическое по своим последствиям, — равнодушие к массовым проблемам, к проблемам непрерывно растущего человеческого коллектива... Убеждение этих мыслителей, будто отдельным людям достаточно жить, следуя прекраснейшим этическим нормам, которые вытекают из самой гармонической религии, и тогда автоматически возникнет идеальная гармония в масштабе всего общества — это убеждение столь же ложно, сколь и соблазнительно... Таким путем могут «спастись» лишь одиночки, и те, кто ищет умиротворения, несомненно могут найти его в буддийских монастырях (тому есть примеры), но ведь это же типичный уход от действительности, если не сказать — интеллектуальное дезертирство».

«Это был утонченный вид бегства», — несколько иными словами, но по сути о том же скажет Герман Гессе устами своего героя о касталийской жизни. Он сам всегда знал и другую правду — может быть, потому, что был все-таки писателем, а литература ведь не может стать либо на сторону чистого духа, либо на сторону природной жизни, она связана с тем и другим и по сути своей призвана осуществлять между ними посредничество. Не только Магистр игры в бисер, но и оппонент Касталии Плинио Дезиньори высказывает его собственные выстраданные убеждения; как часто бывает у Гессе, этот двойник и антагонист Иозефа Кнехта — другая ипостась самого автора. «Разве это не искусственный, не стерилизованный, не педантично урезанный, не половинчатый, не иллюзорный лишь мир, где вы трусливо влачите свое существование, мир без пороков, без страстей, без голода, без соков и соли, мир без семей, без матерей, без детей, даже почти без женщин!.. Без забот о хлебе и без особо обременительных обязанностей вы ведете паразитический образ жизни, усердно занимаясь, чтобы не скучать, всеми этими учеными тонкостями... в то время как там, в мирской грязи, бедные, замученные люди живут настоящей жизнью и делают настоящее дело».

И это, несомненно, другая сторона правды — хотя тоже не вся правда. «Я никогда не жил в Касталии», — признавался Гессе в одном из писем. Он уводит оттуда и своего любимого героя Кнехта — уводит в мир, к людям, где тому предстоит погибнуть ради некоего более высокого служения.

7

Подлинно заинтересованное чтение Гессе предполагает неизбежный спор с ним; он ведь и сам всю жизнь спорил с самим собой. Но нет ничего плодотворнее такого спора — он оощряет и обогащает ищущую мысль. «Среди всех немецких поэтов я больше всего благодарен Гете, — заметил как-то писатель, — он занимал меня больше всего, угнетал, ободрял, понуждал следовать за ним и с ним спорить. Он не был поэтом, которого я больше всех любил... Но ни один из любимых мною поэтов не стал для меня серьезной проблемой и важным нравственным стимулом, ни с одним мне не приходилось вступать в

борьбу и выяснять отношения, тогда как с Гете я вынужден был постоянно вести мысленные разговоры и мысленные бои (один из них — один из сотен — изображен в «Степном волке»).

Не лишне упомянуть здесь еще один спор, представляющий сейчас для нас, пожалуй, особый интерес. Речь идет о споре с русской духовностью, или, как выразились бы теперь, русским менталитетом, нашедшем наиболее яркое выражение в статьях 1915–1919 года о Достоевском и Толстом. Писатель переживал тогда один из самых острых в своей жизни кризисов, связанный с первой мировой войной. Для него война означала кризис европейского духа как такового, предвещавший в будущем еще более драматические потрясения — и он во многом связывал его с влиянием на западный мир, прежде всего на западную молодежь гигантов русской литературы.

Гессе, подчеркнуто называвший себя «европейцем, всю жизнь исправно практиковавшим западные добродетели», выстраивает следующую примечательную оппозицию. В то время как европеец, по его словам — «оформленный исторический тип», тип русского человека он называет пока еще «бесформенным материалом будущего... К нему не применима европейская, то есть твердая морально-этическая, догматическая точка зрения. В этом человеке внешнее и внутреннее, добро и зло, Бог и сатана неразрывно слиты».

Именно в силу этих качеств, по мысли Гессе, тип русского человека приобретает ведущее значение в эпоху всеобщего культурного кризиса. «Любое формирование человека, любая культура, любая цивилизация, любой порядок основываются на соглашении относительно разрешенного и запрещенного». Но во времена, «когда устает и начинает шататься культура», когда опасные, но до сих пор укрощенные инстинкты выходят на поверхность — тогда «всякое добро и зло становятся сомнительными, а всякий закон — зыблемым».

Именно такого рода тенденции наметились в мире в результате мировой войны. «Идеал Карамазовых... начинает пожирать дух Европы», — так формулирует происходящее писатель в статье с характерным названием «Братья Карамазовы, или Закат Европы» (1919). Что же за идеал имеется в виду? Главная его черта, по словам Гессе, — это опять же «отказ от всякой нормативной этики и морали в пользу некоего всепонимания, всепримирения, некоей новой, опасной и жуткой святости».

Тут примечателен оттенок: не всеотрицание, а всеприятие, всепонимание. Определяющим является отказ от ограничений, критериев, правил, норм, что порождает «совершенно аморальный образ мышления и чувствования». Мы еще увидим дальше, что в таком развитии писатель видит не только отрицательные стороны, он считает его неминуемым и нужным этапом для дальнейшего возрождения духа. (Еще ведь, кстати, не написан «Степной волк», ставший свидетельством попытки самого Гессе пройти через этот этап, через увлечение аморальным, отказ от правил бюргерской добропорядочности.) Любопытно, однако, что угрозу европейскому духу Гессе усматривает именно с востока — словно игнорируя внутризападные, а по сути, общемировые тенденции. Ведь в самой Германии к тому времени уже начинал зарождаться фашизм, который обойдется, в общем, без Достоевского; провозглашая, среди прочего, отказ от сдерживающих норм морали, он назовет в числе своих вероучителей другого, вполне западного мыслителя, Ницше, автора книги с не случайным названием «По ту сторону добра и зла».

Пожалуй, Гессе вряд ли в ту пору представлял, насколько катастрофическим на самом деле окажется европейское и общемировое развитие в нашем веке. Но он уловил что-то действительно очень важное. Сейчас, на переломе эпох, написанное им много лет назад опять же обретает новую и в чем-то неожиданную актуальность. Взять, например, хотя бы его слова о новой культуре, для которой характерной будет «обратимость каждого установления, равнозначность данного и противоположного полюсов». Современные культурологи на разный лад пытаются осмыслить нынешнюю реальность, которую некоторые из них — с долей условности — называют постмодернистской. Эта реальность, по их словам, сформировала и новый тип человека, ни морального, ни аморального, ни доброго, ни злого — скорей безразличного ко всем традиционным категориям. Человек потребительского, рыночного общества становится всеяден, ему «все годится». В постмодернистском мире, мире компьютерной, электронной цивилизации по сути не осталось иерархий, здесь действительно стираются критерии и предпочтения; добро и зло, красота и безобразие существуют на равных — как элементы некой мозаики. И если идеологии

былых времен предлагали нам те или иные системы смыслов, оценок и предпочтений, то сейчас можно говорить скорей о любовании хаосом...

Да, вряд ли сам Гессе предполагал, что предсказанное им в какой-то степени развитие примет именно такие конкретные черты. В его Касталии чтут правила игры — ибо что такое игра без правил? В двадцать третьем или двадцать четвертом веке здесь все еще культивируют классическую музыку — музыку даже добетховенских времен, с верностью канонам, с гармонией, предполагавшей определенную иерархию звуков в тональной системе, представление о созвучиях запрещенных и созвучиях разрешенных. Писатель как будто игнорирует наметившуюся еще при его жизни реальную эволюцию музыки, в которой его современник и друг Томас Манн, автор «Доктора Фаустуса», проницательно усмотрел своего рода символ общекультурного развития: «рациональность... очень смахивающую на суеверие — на веру в неуловимо демоническое, находящее пищу в азартных играх, карточных гаданьях, жеребьевке, толковании примет»...

Но ведь развитие это произошло прежде всего как раз на Западе и оказалось характерным для Запада в гораздо большей степени, чем для России. В литературных и культурологических дискуссиях последнего времени звучал порой как раз обратный, чем у Гессе, упрек по адресу русской литературы, которая оказалась, дескать, слишком благостной, слишком моралистичной, которая игнорировала зло и жестокость реальной жизни, предпочитая держаться за некие идеалы — и в каком-то смысле оказалась даже совиновной в пережитых страной трагедиях, поскольку не подготовила умы и души к реальности этого зла.

Гессе вряд ли согласился бы с такого рода упреками. Но, как мы видели, он все же уловил действительно важную особенность того, что можно назвать русским традиционным менталитетом. «Идиоту сказали однажды, что он обязан говорить «да» лишь истине, только и всего, — писал он в «Размышлениях об «Идиоте» Достоевского» (1919), — воспоследовало же нечто устрашающее! Вот так-то: все истинно, всему можно сказать «да»...» То есть речь опять же идет о размытости критериев, об отсутствии иерархий — однако заметим: при этом подразумевается все же представление о некой истине, о чем-то, чему следу-

ет сказать да, но не о нигилистическом всеотрицании. И это более чем существенно: ведь есть же разница между всеядным равнодушием, отказом от поиска истины — и страстной, пусть даже не знающей меры, страдальческой верой в нее!

Теперь уже и теоретики постмодернизма стали обращать внимание на эту особенную черту именно русской традиции: для нее даже радикальное отрицание скорей все же служит обоснованию абсолюта. Человек может вырваться за пределы общепринятых норм и правил — но не ради иррациональной, безграничной, саморазрушительной свободы. Нет, по ту сторону рациональных смыслов или даже безумия неизменно предполагается, мерещится нечто высшее, безусловное, к чему все-таки надо стремиться.

К чему-то подобному приходит в результате всех поисков и сам Гессе. И своего читателя он в конечном счете приводит к мысли, что в любых грядущих потрясениях не следует видеть лишь бедствие и окончательную катастрофу, они — необходимый этап на пути обновления. «Как всякая смерть на земле, этот закат поведет к новому рождению», — писал он в уже упомянутой статье; и вот на этом-то пути, добавлял он, «нам понадобится культура души и религиозные ценности, а они лучше развиты у русских и азиатов».

Человек, по глубокому, выстраданному убеждению Гессе, вообще не должен уезжать от потрясений; его задача — в мужественном приятии и преодолении хаоса. Это постоянная, пожизненная работа души. Путь каждого лежит от первоначальной невинности через кризисы, соблазны, отчаяние и мрак к новому, более высокому постижению бытия. Важно пройти этот путь достойно, не потеряв себя. И сам писатель словно подает нам здесь пример. Он предлагает пройти этим путем вслед за собой читателю — из романа в роман, где художественно претворен и преображен его собственный трудный опыт. И вот — «это уже не его мрак, не его боль и страх, это капля чистого света, вечной веселости».

Мы больше всего благодарны Гессе именно за это: за ободрение и поддержку в нашем собственном жизненном поиске. Но никаких готовых ответов писатель не предлагает и не под-

сказывает. Он знает, что важнее ответов бывает способность задавать вопросы, размышлять над ними самостоятельно, искать своих, и только своих решений. Любое учение, даже самые великие религии могут предложить лишь подспорье на пути самоосуществления, но проделать его каждый должен все-таки сам. Так герой его романа Сиддхартха понимает однажды, что невозможно ничему научиться даже у самого Будды — кроме разве что одного: готовности и способности к этому самому духовному поиску. И тогда он решает «оставить все учения и всех учителей и в одиночку достичь своей цели или умереть».

Именно так отвечал Гессе многочисленным читателям и корреспондентам, которые в разные годы обращались к нему за советом или утешением. Нет, он не отказывал им, он отвечал им как мог, подробно, доброжелательно — но присовокуплял после всего сказанного: «Нигде не встретите вы пророка и учителя, который снял бы с Вас тяготы поиска в обращении к себе самому».

Он ведь и сам находился в таком поиске до конца своих дней. Он никогда не называл себя знающим — только ищущим. Может, это и значит быть живым. И может, потому этот писатель продолжает так много говорить живущим сейчас.

«Человек не должен желать себе ни величия, ни счастья, ни героизма, ни сладких плодов, — говорит нам Гессе, — он вообще ничего не должен желать себе, ничего, кроме чистого, чуткого ума, храброго сердца, а также верности и мудрости терпения, чтобы благодаря им выносить и счастье, и страдания, и шум, и тишину».

2016

1.1.2016. Вчера не успевал сделать записи, не было времени. То и дело поздравительные звонки, какие-то новости на ФБ, замечательная публикация Иры Прохоровой. На новогоднем вечере НЛО кто-то спросил ее, можем ли мы передать молодым людям наш опыт сопротивления: не участвовать, собираться на кухнях. Она ответила, что пришло новое поколение, которое нас может многому научить. Я ей написал, напомнил о книге писем Ильи Габая, которая учит способности оставаться самим собой, поблагодарил и поздравил. Откликнулся на поздравление Баткина. Была мысль воспользоваться временем, которое освободилось после завершения перевода: почитать многое, прежде всего перечитать себя, послушать музыку, посмотреть кино. Ни за что не мог взяться. Посидели за вином до полуночи...

Что сказать про минувший год? Что он был отмечен болезнью, нешуточной бедой. Высшая сила удержала на краю пропасти — за это можно только благодарить. Что-то было сделано. Вышел «Учитель вранья», переводы сказочных книг для детей, были две неплохие публикации в «Знамени», вышли «Письма из заключения» Габая. Еще две ожидавшихся публикации (в «Арионе», в «Знамени») отложены. Надо полистать Стенографию, вспомнить, что еще. И, кажется, понемногу выздоравливаю. Гуляем, работаем.

Да, надо бы начать с работ Гали за 2015-й. Вчера по традиции смотрели их. 4 месяца она из-за моей болезни пропустила, не работала, но работы маслом (79 шт.), темперой очень сильные. Смотреть графику уже не хватило сил. Грех жаловаться.

Звонили дети. Алеша завтра улетает фотографировать в Якутию. (Год назад он звонил нам из Марокко.) Таня с детьми 5-го возвращаются в Америку.

Планы на начавшийся год: додумывать начатое в больнице, искать новый уровень. Переоценка должна оказаться плодотворной. Пока не удастся сформулировать все, как хотелось бы. Возможно, на компьютере выстроится.

Немного поиграл с пятикилограммовыми гантелями. В ФБ фотографии новогодних посиделок в ПЕН-клубе и Российском союзе писателей. Человек 6–7, из них только трое знакомых (включая Женю Попова). На столе знакомое угощение, селедка, бутерброды. Меня приглашали, я не мог пойти — и что бы там делал? Раньше хоть оставались люди, с которыми мне было о чем поговорить.

Позвонил Кама Гинкас поздравить с Новым годом. Он на даче, лежит, болит спина. «Год был просто поганый. Поганый», — повторил еще раз. Надеется, что новый окажется лучше.

2.1.16. Как отличить поражение от победы? Ты поставил себе задачу пробежать 100 метров за 10 секунд, не получилось, пробежал всего за 11. Можно считать это неудачей. Но ведь замечательный для тебя результат. Близко моим мыслям о том, что у меня получилось в работе. (Получилось ли что-то, способное меня удовлетворить?)...

— 16°, солнце. Я опять люблюсь синицами, которые прилетают на лоджию клевать семечки, люблюсь их игрой. Подлетают поодиночке, садятся на решетку, ждут. Потом клюнет одно семечко и сразу отлетает. На смену другая. Похоже на танец, на попеременное прядение нити. А потом подлетают воробьи, сразу стая, больше десятка, садятся все сразу, очищают за минуту то, что синицам хватало на полдня. Хамское простонародье, без артистизма. Но им тоже надо питаться...

3.1.16. Приезжали Ян и Алена Махонины. Они должны возвращаться в Прагу. Изменилась политика Чехии, в том числе и культурная. Верх берут, как и у нас, сторонники прошлого, возвращения к порядкам социалистической Чехии. Они, как и во всей Европе, против Америки, против европейских ценностей. Высоко ценят Путина. Знакомая, печальная история. Чем будут заниматься в Чехии, чем зарабатывать, пока не представляют. Я вспомнил «Праздник неожиданностей», предложил им прислать, может, Ян захочет перевести, как перевел «Учителья вранья».

Оба полюбили Москву, им здесь хорошо, возвращаться в Прагу не хотели бы, за много лет почти не были в Чехии. Мне вспомнились немцы из посольства, которые четверть века назад буквально плакали, когда им пришлось покидать Москву.

Я упомянул Музей ГУЛАГа, они уже побывали в новом здании. У них тягостное впечатление. История ГУЛАГа завершается со смертью Сталина, дальше никаких лагерей, репрессий, преступлений, о которых писал не один Солженицын.

4.1.16. В ФБ неожиданные, неизвестные мне прежде стихи Окуджавы: «Я живу в ожидании краха, / унижений и новых утрат. / Я, рождённый в империи страха, / даже празднествам светлым не рад». Год не указан, в подборке фрагмент из его письма 1989: «Я и раньше знал, что общество наше деградировало, но что до такой степени — не предполагал. Есть отдельные достойные сохранившиеся люди, но что они на громадную толпу?» «Мы — не просто рабы, которые страдают от тягот, мы — профессиональные рабы, которые гордятся своим рабством... (Из интервью в Донецке, февраль 1991.)» Злободневно, что говорить, к тогдашней жизни и я относился критически, но не помню, чтоб думал такими словами. Нынешние публицисты пишут еще резче, безнадежней. («Страна вошла в штопор, из которого не выбраться».) А я в своих записях то и дело фиксирую непозволительное чувство счастья. Не сомнительное ли это (провинциальное) благодушие, о котором не перестаю размышлять?

Стал для самопроверки просматривать Стенографию минувшего года. «Захотелось как-то обобщить, отчетливо выразить нарастающее убеждение: страна деградирует неудержимо, нет реальных сил, способных это падение остановить — во всяком случае, до конца моей жизни. С этим придется жить». (15.2.2015). Такого рода записи повторяются, становятся все резче. Наверно, неправильно, что я оставляю их для себя, на публику с этим не выхожу (не очень знаю, как). Живу все-таки чем-то другим, не «ожиданием краха», не отказываюсь каждый день радоваться праздникам собственным, пишу о «счастье творческого само- и мироощущения». Знать бы, что после всех трудов у меня возникнет. Хазанов в одном из последних писем мне (10.12.2015) назвал мою Стенографию «грандиозным субъективным эпосом», который «может быть сопоставлен по своему значению для русской литературы со значением и ролью дневника Гонкуров для французской». Романы Гонкуров, писал он, забыты, во французской литературе после них остался лишь «Дневник». Мне остается только хмыкнуть.

И еще заглянул в запись 1.4.15: Найман цитирует Конфуция: «В царстве, охваченном смутой, не живите. Когда в Поднебесной порядок, будьте на виду. Если нет порядка, скройтесь».

Только что скончавшаяся Е.Ц.Чуковская: людей, «способных сознательно строить себя и создавать себя... среди своих знакомых по пальцам могу перечисть. Обычно все по течению плывут». Все на ту же тему.

6.1.16. Несобранно работаю. Пока не сдам перевод, собственными замыслами не могу заняться. Зато позволяю себе побродить по интернету — фиксирую набегающую информацию. В Кельне в новогоднюю ночь на площади перед вокзалом в непосредственной близости от знаменитого собора собрались около тысячи мужчин арабской или североафриканской наружности. Под запуск петард они разделились на группы, окружили женщин, начали их грабить, срывать одежду, а главное — подвергали их сексуальным домогательствам.

Еще один набежавший сайт. Как многого в собственной истории, оказывается, не знали! Немцы в ноябре 1941 не вошли в Москву потому что были взорваны плотины водохранилищ, окружавших город. 29 ноября Жуков отчитался о затоплении 398 населенных пунктов, без предупреждения местного населения, в 40-градусный мороз... уровень воды поднимался до 6 метров... людей никто не считал...

16.1.16. В интернете, по ТВ, как никогда широко отмечают 125-летие Мандельштама... Посмотрел замечательную передачу Бернштейн-Богатыревой, дочери Игнатия Бернштейна, вдовы Кости Богатырева, об архивах Мандельштама, о «заветной папке», которую Надежда Мандельштам доверила хранить Игнатию Бернштейну, а публиковать поручила ей самой, тогда еще девочке. Фильм сделала наша знакомая Лена Якович (позвонили ей поздравить), стихи звучали для меня адекватно, я практически все знал наизусть. Свидетельства о гибели Мандельштама напоминают теперь людям, какой преступный режим существовал в нашей стране, каких он губил людей. Этого нельзя прощать.

19.1.16. Почти каждый день что-то добавляю к замыслу на листках, выстраиваю. Возникающее иногда чувство, что уже можно бы писать подряд, кажется обманчивым. Еще не отправил в редакцию перевод, но главное: должно созреть что-то са-

мо, со временем, которое должно быть заполнено той же мыслью. Когда созреет, почувствую. И вот сегодня, просматривая для работы еще не оформленную стенографию, встретил цитату из Померанца: «Я понимал, что попытки анализа бесполезны, и вдруг нашел прием, о котором ничего раньше не слышал: вертеть и вертеть в уме неразрешенный вопрос, пока он сам по себе не исчезнет, не сторит, не растворится в созерцании двух-трех слов, ставших символом целого, и откроется реальность целого, в которой никаких вопросов нет. После трех месяцев медитации вспышка внутреннего света отодвинула в тень все сложности, и высветились слова, которых я ждал» (5.5.12).

Тогда я написал: «Это не для меня». Сейчас показалось: может, для меня.

20.1.16. Письмо от Иры Шмид. Они с Вольфом возвращались из круиза по Латинской Америке. В Коста-Рике получили новость, что их сноха (жена сына) украла из детского сада внука Давидика «и исчезла с ним неизвестно куда». Пришлось срочно возвращаться домой, с пересадкой на поезд. «В Дортмунде нас окружила группа беженцев. Поставили перед нами маленькую мерзнущую девочку. Мы тут же сняли с себя шарфы и укутали ее. В это время у нас украли сумку с документами, компьютерами, всеми нашими адресами и с домашними ключами. Так мы вернулись домой. Сейчас я бегаю по адвокатам, детективам. Ад сущий».

21.1.2016. Путин на совещании в Кремле обвинил Ленина в развале «исторической России». Теперь гадают, не решат ли выносить мумию из Мавзолея.

Утром решил пройтись на лыжах, для начала попробовать во дворе по утоптанной дорожке. Сначала получалось неловко, но потом приспособился, начал неплохо скользить. Ходил около часа. Психологически это было для меня важно: встал на лыжи!

22.1.16. Среди моих «друзей» на ФБ появилась Наталья Рапопорт. Я уже раньше отмечал для себя это имя. Наталья была дочерью знаменитого патологоанатома Я. Рапопорта, осужденного по «делу врачей» в 1953 г., мать, крупный физиолог, была правой рукой академика Лины Штерн, арестованной в 1949 г. по делу Еврейского антифашистского комитета. В книге воспоминаний «То ли был, то ли небыль» Наталья рассказывала,

как незадолго до ареста Лине Штерн удалось с помощью только что изобретенного стрептомицина впервые вылечить от туберкулезного менингита девочку, дочь знакомых. «Девочка, к сожалению, оглохла, но все-таки это был первый в истории медицины случай выздоровления от туберкулезного менингита, считавшегося раньше стопроцентно смертельной болезнью». Нельзя было не вспомнить, что я в том же 1949 г. заболел туберкулезным менингитом, был спасен тем же стрептомицином, оглох только на одно ухо. Об этом есть в прошлых Стенографиях, сейчас я думаю над эссе «Биография как История болезни» (см. *Приложение к стенограмме*), поневоле придется кое-что повторить.

Я списался с Натальей по ФБ, рассказал ей историю своей болезни, процитировал фрагмент из Стенографии. Об этом тоже в приложенном эссе. Она заинтересовалась моими текстами, попросила прислать. Я послал ей «Способ существования». Наталья тут же откликнулась: «Моя книга. Буду читать».

22.1.16. Утром отправил в издательство немецкий перевод. Редактор сразу мне написала: «Я поражена... мне никто не сдавал переводы... в таком отличном качестве. Вы очень ответственный профессионал высочайшего качества. Огромное Вам спасибо за такое отношение и Ваш авторский труд».

23.1.16. Еще о Наталье Рапопорт. Она стала доктором химических наук, в 1990 году ее пригласил на работу в Соединённые Штаты Университет штата Юта, с тех пор она там работает профессором-исследователем на факультете биоинженерии, занимается разработкой технологии направленной доставки противораковых лекарств в опухоли для уменьшения побочных эффектов химиотерапии.

Об американском периоде своей жизни Рапопорт пишет: «Отчаянная борьба за выживание в новой стране стала вытеснять дорогое для меня прошлое, пережитое с родителями и друзьями. Реалии моей прошлой жизни начали расплываться, терять очертания. Пятьдесят прошлых лет я любила, дружила, страдала и радовалась, но всё это стало уходить, словно было не со мной. Я испугалась». На тему размышлений об эмиграции, о жизни за рубежом, ценное для меня свидетельство.

24.1.16. – 20°... На улице сияющий белый снег. Перестали разбрасывать соль, которая оставляла на тротуарах слякоть,

портила обувь, собакам после прогулки приходилось мыть лапы. Выяснилось, что это чей-то доходный бизнес, похоже, его решили прикрыть. Интернет полон свидетельств о новых миллиардерах, бандитах, которые переселяются на Запад, переводят туда свои миллиарды. Другие темы: угрозы чеченского лидера Кадырова оппозиции, которую он называет «врагами народа», многочасовые очереди на морозе к Третьяковской галерее на выставку Серова, которого называют величайшим художником своего времени. Я все никак не переключусь на творческую работу, застреваю в ФБ...

2.2.16. Потрясающие предсмертные записи Самуила Лурье в «Звезде» №1. Безнадежная раковая опухоль, Лурье проходит облучение в американской больнице, подсчитывает, сколько ему еще осталось жить. «В настоящий момент я представляю собой еще не вскрытый (но срок для разгерметизации назначен, и вряд ли он превышает несколько месяцев) мешок биомусора, годного лишь на рутинные анатомические препараты. Однако во мне еще работают сердце и мозг. Последний решено (медициной) смыть вместе с проникшим в него венком опухолей... Срок уничтожения этого испорченного мозга — недели полторы-две. Но я собираюсь сопротивляться». И последние дни он использует для разговора о литературе — деле всей жизни. «А все хочется еще текстик сочинить. Последнюю поставить карточку. Со дна дырявого кармана. Шестерку не козырную... Текстик не от нечего делать, а как бы для порядка. Дескать, вот и еще есть в русской литературе страничка, никем не прочитанная правильно, кроме меня. Наплевать, что никому она не нужна, страничка эта, лепесток макулатурный».. Перебирает историю русской литературы с XVIII века, полемизирует с Ходасевичем, который начинает ее с Ломоносова. Потрясает, помимо всего, эрудиция: Лурье цитирует Кантемира, Третьяковского, Василия Пушкина (на память ли? диктует ли он этот текст? пишет ли от руки? пользуется ли компьютером?) А под конец вспоминает слова Салтыкова-Щедрина, подзревавшего, «что петербургская словесность кончается прямо при нем». «Конечно, — пишет Лурье, — Салтыков ошибался; уж это известно, что краткосрочные прогнозы ни разу не сбылись в назначенное время... Конец русской словесности настал только при нас». Он про это уже писал последнее время.

«Будущее русской литературы — ее прошлое: не нами сказано..., и так и есть». А сам — в перерывах между медицинскими процедурами — продолжает вспоминать, цитировать. «Чувствую по известным (мне) признакам: надо торопиться, надо как можно скорее и ближе к делу, не отвлекаясь. Но не филологию же пишу».

Интересно, что наводило Салтыкова на мысль о близкой смерти литературы. «Словесность,... перед смертью лишается необходимых слов, пишет Лурье. «Были, знаете, слова, — говорил разным литературным людям Салтыков накануне своей смерти. — Ну, совесть, отечество, человечество... другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать!»

У меня ведь был на близкую тему стишок.

Язык ушедших лет: «Пока сердца для чести...»
Так просто не поймешь. Где комментарий?
Поищем в словаре на букву Ч».

Ну, можно процитировать до конца:

Шуршанье, копошенье примечаний,
Холодное мерцание гнилушек.
«Пока сердца для че...» Слова, слова.

Какие-то места у Лурье перекликаются с мыслями персонажа моей еще не написанной прозы. «Ваше присутствие в предложении является его правдой. И каждое хорошее предложение стремится к ней. Чтобы доставить как можно больше наслаждения — вам, это главное, но также невидимому и, как правило, безмолвному игроку напротив, по ту сторону текста. Преобразующему ваш синтаксис в воображаемый голос, а его — в затей собственного мозга».

8.2.16. В связи с предстоящей публикацией в берлинском журнале заглянул еще раз в свое эссе о Музиле, задержался на фразе: «В романе есть пассаж о людях, уверяющих «с горькой скромностью», будто они «хотят, чтобы о ценности созданного ими судили лишь через три или десять столетий, но все ощущают как ужасную трагедию немецкого народа тот факт, что действительно великие никогда не становятся его живым культурным богатством, потому что они слишком далеко уходят вперед». Перекликается с недавними мыслями по поводу «Уви-

деть больше». «Отрезвляюще действует сейчас сама эта на- смешливая, на удивление современная интонация...» — про- комментировал дальше я.

9.2.16. *Джойс*. Последнее время я все серьезнее задержи- вался мыслью на Джойсе. Что-то есть в нем близкое мне. Он не был ни «публичным интеллектуалом», ни «духовным авторите- том», не участвовал активно в общественной и публичной жиз- ни, в национальном движении (хотя для родной Ирландии, ко- торую рано покинул, стал важной персоной). «Улисс» писался как раз во время Первой мировой войны (1914–1921), в романе она ничего не значит. Замечателен его ответ на вопрос совет- ской дамы в 1932 г. «Какое влияние на Вас как на писателя ока- зала Октябрьская революция, и каково её значение для Вашей литературной работы?» «Милостивые государи, отвечал за него секретарь (кстати, бывший белогвардеец), мистер Джойс просит меня поблагодарить вас за оказанную ему честь, вследствие ко- торой он узнал с интересом, что в России в октябре 1917 г. слу- чилась революция. При ближайшем рассмотрении, однако, он выяснил, что Октябрьская Революция случилась в ноябре ука- занного года. Из сведений, поукуда им собранных, ему трудно оценить важность события». В его жизни, как и в моей, важней всего — творческая работа.

Перечитывая в эти дни свой роман «Увидеть больше», не воспринятый широкой публикой, возможно, из-за сложности, я опять же вспомнил «Улисса»: уж он-то несравненно сложнее, почему же сразу был так замечен и отмечен? Из-за начавшихся тут же скандалов (в некоторых странах на роман был даже на- ложен запрет)? Уже достаточно для интереса публики. Потому ли, что сам Джойс снабдил роман необычными комментария- ми, «схемами, в которых, (как пишет переводчик С.Хоружий), указал все смысловые нагрузки, уровни смысла каждого эпизо- да... Автор утверждал, что с каждым эпизодом неким образом связан орган человеческого тела, также определенная наука или искусство, определенный символ и определенный цвет». Ком- ментаторам оставалось только за них ухватиться. Много ли нужно еще? Разве только добавить, что появился он первонач- ально во Франции, столица которой, Париж, как пишут, «в 20- х годах была литературной столицей мира, и молва о необыч- ном романе разнеслась еще до его выхода в свет».

Чувство юмора, конечно, требует оговорки: с кем взялся себя сравнивать! Тут не сравнение — попытка понять. Замечательный писатель А.Мелихов, которому я послал «Увидеть больше» (там условные персонажи, некие «говорящие головы», прямо цитируют, споря, известные его идеи), о романе высоко отозвался, но по поводу его судьбы добавил: «Во-первых, оценить это сегодня может мало кто. А во-вторых — у Вас ведь вроде бы нет своего лобби? Но что роман будет жить, в этом нет сомнения: знатоки всегда сохраняются, а стратегически их мнение все и решает, плебс не в силах продержат никакую фигуру дольше одного сезона, потому что ему на своих кумиров наплевать».

Насчет «лобби» я ему ответил: «Увы, я запоздало оценил эту составляющую литературной жизни, вел себя совершенно неправильно». Тоже можно считать комментарием к возникшим в грустную минуту мыслям о Джойсе, о сходстве и различиях наших несравнимых биографий, личностей, судеб.

29.2.16. Кадры видео: у станции метро женщина в длинном черном одеянии размахивала отрезанной головой ребенка и кричала «Аллах акбар!» По другим свидетельствам она кричала еще «Я террористка!» Потом оказалось, эта уроженка Узбекистана была няней убитого ею ребенка. Подозревают, что она была под воздействием психотропных средств, сейчас выясняют. И раньше были опьяненные, сошедшие с ума убийцы. Но чтобы случилось такое, надо насмотреться, послушаться, как это горделиво делают перед телекамерой, проникнуться атмосферой, чтобы завладело, вошло в подсознание. Чудовищное свидетельство свихнувшегося времени.

2.3.16. Юрий Буйда, прекрасный, заслуженно отмеченный писатель, грустит в ФБ: «Сегодня получил 3,5 тыс. руб. гонорара за повесть объемом 3,5 листа, опубликованную в толстом журнале. Ровно 24 года назад, то ли в феврале, то ли в марте 1992-го, состоялся мой дебют в другом толстом журнале, который опубликовал подборку рассказов объемом 3,5 листа, заплатив за нее 3,5 тыс. руб. За эти деньги на диком развале у ЦУМа я купил джинсы, которые носил довольно долго, и кроссовки, развалившиеся к осени. Сегодня за такие же деньги тоже можно купить брюки и обувь, но в них можно разве что собирать подаяние. Впрочем, кроме суммы гонорара и объема публикации объединяет эти события молчание — никаких откликов в прессе».

3.3.16. Не успеваю записывать, много времени отнимают письма А еще был день рождения Иры Прохоровой, она ответила поздравлявшим ее через ФБ друзьям. Жаль, я не скопировал сразу: слова о счастье, о чуде, какими были для нас всех годы перестройки. Мое чувство. Я присоединился к поздравлявшим, прямого доступа к ней в фейсбуке у меня нет.

5.3.16. Вчера я написал Хазанову, что в «Знамени» № 3 опубликовали мои «Разговоры 60-х». Он тотчас откликнулся: «Сразу открыл Знамя, и хотя «Разговоры 60-х» были мне уже более или менее знакомы, а сейчас наступило солнечное утро, не могу, до сего часа не в состоянии освободиться от тоски и ужаса. И это неодолимое чувство, что всё напрасно, нечеловеческие муки и гибель не отомщены никоим образом, народ, привычно целующий самодержавные сапоги, не помнит ничего и слышать ни о чём не желает. Невозможно заглушить сознание, что замечательные люди сгинули Бог знает где и как, а гидра жива, пережила и, надо думать, переживёт всё на свете, что страшная цитадель не снесена, подобно Бастилии, равно как оставлен невредимым позорный мавзолей со своим содержимым. Всё как было, и так и останется». Вспоминает свой арест в 49-м году, лагерь.

Он еще не знал, что сегодня, в день смерти Сталина, с утра сотни людей принесли к его могиле у кремлевской стены огромные букеты гвоздик. «Москвичи засыпали цветами могилу палача, — пишет комментатор, — садиста, убившего миллионы людей и покалечившего судьбы десятков миллионов. Депортировавшего целые народы, издавшего закон о расстреле детей. Сталин так искалечил душу нашего народа, что до сих пор к могиле убийцы родных и близких — тащат и тащат букеты».

Впечатляют фотографии. Масса одинаковых гвоздик у всех — кто-то организовано постарался. Цветы несут не старые, застрявшие в прошлом коммунисты, а новые государственники, поклонники имперского величия. Я ошибался, думая, что эти люди просто ничего не знают и не хотят знать. Именно знают и одобряют: так истории нужно для величия страны. А еще, конечно, вошедший в подсознание, в генетическую память страх.

12.3.16. Поехали на свадьбу внука Арсения... Итальянский ресторан Assenti в Кропоткинском переулке... Названия блюд,

конечно, производят впечатление: тартар из тунца, карпаччо из оленины, ризотто с белыми грибами. Однако еще раз подтвердил для себя, что ничего лучше Галиной кухни для меня нет. Вино было замечательное, но оно оказалось чилийским каберне. Гостей было очень много. Со стороны жениха наша семья, несколько человек, меньше четверти, со стороны невесты еще и двоюродные родственники, просто знакомые. Шум за столами мешался с музыкой. Постепенно я стал кое-что различать. Против нас сидел человек, который занимается изучением белых медведей, занят проблемой их сохранения. Если не запретить охоту на них, они могут исчезнуть. У нас эта охота, как я понял, запрещена, в Канаде и Америке право на охоту имеет местное население, эскимосы, чукчи. Будто бы для них это способ добывать пропитание, на самом деле на охоте зарабатывают богатые чиновники. То же и о рыбной ловле. Наш собеседник о многих случаях знал лично. Например, задерживает инспекция браконьера: здесь ловить рыбу нельзя. Они будят чукчу, который дремлет в катере, тот достает бумаги: я имею право, вот доверенность, я им разрешаю. Рядом с ним за столом сидела, вероятно, его жена, она изучает жизнь полярных сов, тоже говорила об опасности их уничтожения. Диким животным на планете стало грозить уничтожение после того, как изобрели огнестрельное оружие. Разговор переходил на общие темы: глобальное потепление и пр.

В девять вечера еще не подали обещанные горячие блюда, мы решили уходить, я устал. Официантка вызвалась упаковать для нас эти блюда с собой. Приехали домой в 11 часов.

18.3.16. Неожиданная статья неизвестного мне прежде Андрея Чернова «Ода рябому черту»: о зашифрованном смысле не понятой до сих пор никем мандельштамовской «Оды» Сталину». Обычно ее все (включая Н.Я.Мандельштам) считали прискорбной попыткой поэта сохранить себе жизнь, воспев хвалу Сталину. Автор находит затаенный смысл «Оды» в созвучиях, зашифрованных анаграммах: выделяются, например, звукосочетания ЧЕРТ ОСИ СТАЛ, три шестерки — отсылка к «числу Зверя» из Апокалипсиса, сопоставляется «шестипалая неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу к шестипалой неправде в избу») с известными толками о шестипалости Сталина и т.п. Выстраивание акростихов у меня вызывает какое-то внутреннее

сопротивление своей рациональностью, над этим надо отдельно подумать. Но по-настоящему убедили меня сопоставления, дословные совпадения со «Словом о полку Игореве», с «Прикованным Прометеем» Эсхила («печаль моя жирна» — оказывается, оттуда). И замечательно детальное обосуждение темы в переписке с неизвестными мне прежде провинциальными филологами и людьми других специальностей (Игорь Фролов и др.). Мы, право, не знаем своих разбросанных по стране замечательных современников.

20.3.16. Патриарх Кирилл считает недопустимым, что универсальным критерием истины в наше время стал человек и его права. Из-за этого, по мнению Кирилла, «началось революционное изгнание Бога из человеческой жизни, из жизни общества». «Сегодня мы говорим о глобальной ереси человекопоклонничества, нового идолопоклонства, исторгающего Бога из человеческой жизни. Ничего подобного в глобальном масштабе никогда не было».

«Именно на преодоление этой ереси современности, последствия которой могут иметь апокалиптические события, Церковь должна направлять силу своей защиты, своего слова, своей мысли», — заявил патриарх и добавил, что во многих странах принимаются усилия с помощью закона «утвердить право любого выбора человека, в том числе и самого греховного, идущего вразрез со словом божьим».

Не знаю, нужно ли комментировать. Свободной творческой активности, без которой нет здорового развития, противопоставляется навязанное архаическое послушание, отбрасывающее назад, без выхода в новое время.

21.3.16. Баткин написал в фейсбуке: «Сообщаю тем, кого это может интересовать, что вышел из печати второй том шеститомного собрания моих сочинений. Он посвящен Леонардо да Винчи и фундаментальной для итальянского Возрождения категории «варьета». Впрочем, при тираже в 750 экз. не продано и ста экземпляров первого тома. Хотя мне кое-кто предрекал, что понадобится допечатка... Так что мое саморекламирование выглядит наивно. Люди любознательны, но бедны». Издательство «Новый хронограф», где вышли когда-то мои «Уроки счастья». Нашелся спонсор, у других и этого нет. Грустно, ничего не скажешь. Дело не в бедности читателей и не в Баткине лично, такова культурная ситуация.

22.3.16. Темы для обсуждения каждый день назначаются извне. Вчера это была авиакатастрофа в Ростове на Дону: видео, версии, плачущие лица, возложение цветов. Целые семьи возвращались с отдыха в Дубаи. Сегодня чудовищный теракт в Брюсселе, два взрыва в аэропорту, взрыв в метро. Террорист — гражданин Бельгии, родившийся в стране. Я много бродил в Брюсселе по мусульманскому кварталу — другой мир, но тогда еще о таком не думали. Предлагается считать это ответом на задержание мусульманского террориста, организатора взрывов в Париже... Наши проблемы (состояние экономики, подорожание жизни) можно не обсуждать.

23.3.16. Вышел «Арион» №1 с моей «Бабушкой Евой» и еще одним стихком. Там же, я знаю, рисунок Гали, будем получать гонорар вместе. Я выложил стихок в ФБ, уже пошли лайки...

29.3.16. В ФБ «обращение» Битова «к членам русского ПЕН-центра», где он заявляет о своей отставке с поста президента ПЕН, рассказывает о своей роли в руководстве, историю персональных отношений, конфликтов, неожиданные подробности своих болезней и т.п. (смерть жены, жуткое, оставшееся не совсем понятным происшествие в Париже, после которого он очнулся с перебитыми костями лица). При этом ни слова о том, чем, собственно, занимается ПЕН, будет ли он существовать без Битова... Я комментировать пока не готов.

31.3.16. Не помню, где я когда-то прочел у А. Мелихова: «Вся наша жизнь, личная и общественная, вся человеческая культура, история, строится на индивидуальных и коллективных фантомах, грезах, иллюзиях». Выписки с указанием на источник у меня не сохранилось. Сейчас я воспроизвожу это суждение по своему собственному роману «Увидеть больше», где Мелихова (не названного по имени) цитируют условные персонажи, «говорящие головы».

«Вся наша жизнь, личная и общественная, вся человеческая культура, история, строится на индивидуальных и коллективных фантомах, грезах, иллюзиях. Когда мы говорим о конфликте между реальностью и иллюзиями... это, как ни смешно, уже иллюзия. Реален лишь конфликт между разными иллюзиями. Нации, государства порождаются системами коллективных иллюзий, они исчезают, когда система распадается, рушится», провозглашает один. Другие «говорящие головы» ему возражают.

Не буду здесь воспроизводить возникающий между ними спор. Смею лишь утверждать, что мысль Мелихова воспроизводится ими достоверно. В недавнем интервью по поводу трилогии «И нет им воздаяния», над которой Мелихов работал 17 лет, автор сам прямо заявил от своего имени: «Годы потребовались, чтобы открыть, что народы объединяет и разъединяет воодушевляющее вранье. Еще годы, чтобы понять, что вранье — источник жизни, а правда — орудие ада. И еще годы на то, чтобы определить духовные поиски человечества как поиски суррогатов бессмертия, а национализм как один из таких суррогатов».

Роман «Увидеть больше» я писал, не зная, что уже дописана эта трилогия, не подозревая о нечаянных переключках между ними. В трилогии герою является умерший отец и дает ему папку с записями своих воспоминаний. Мой герой тоже пытается восстановить обстоятельства жизни отца, о котором ничего не знает. Но никаких отцовских записок до него не доходит, приходится додумывать все самому. Заглавие «Увидеть больше» поясняется на первой же странице романа. *Увидеть больше, чем показывают* — вот к чему стремится ищущий герой. Понять, что произошло на самом деле, нам помогает воображение — соотношенное с реальностью, подтверждаемое реальностью.

Вроде бы о том же, что Мелихов — но важен выбор слов. Грезы, фантомы, иллюзии — что-то придуманное, необязательное. Слова не безразличны сами по себе, они наполняются значением, включенные в оценочный, эмоциональный контекст. Тому, что откровенно названо враньем, хочется интуитивно сопротивляться.

«Необходимо начать с исправления имен, — отвечал когда-то Конфуций на вопрос, как выработать полноценное понимание, необходимое для успешной, осмысленной деятельности. — Если имена неправильны, то и суждения не имеют под собой оснований. Если суждения не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться». Конкретно речь у него шла об управлении государством, но сказанное можно отнести ко многим областям жизни, иероглифы позволяют разные толкования. Я вспоминаю слова китайского мудреца всякий раз, когда возникает необходимость уточнить для себя самого смысл понятных, казалось бы, слов¹.

¹ И надо же, только что встретил у Б.Пастернака: «По-русски врать значит скорее нести лишнее, чем обманывать. В таком смысле и врет искус-

Главное же, сама трилогия. Поверх всякой идеологии (к которой у меня есть претензии посущественней) — перед читателем первоклассная, полноценная проза. Можно цитировать наугад.

Например: «Наше кладбище — это был грандиозный и страшный Город Мертвых на краю света: сваренные из стальных полос кресты, идейно выдержанные сварные же пирамидки с красными звездочками (растиражированные звезды Кремля), крашенные оградки, похожие на спинки железных коек, и — несколько литых оград с факелами по углам, подавляющих красотой и величием. Это были усыпальницы великих людей — Начальника Треста, Директора Шахты»...

Или вот это, дальше: «Через двадцать лет я добрался до этого пятачка за пяток минут: повалившиеся, распавшиеся на ржавелые тяжеленные линейки кресты, облупленные скворечники пирамидок с ржавыми, как бы окровавленными шестереночными зубьями звездочек и — Боже, до чего убогая, провинциальная фантазия осыпающихся слоями ржавчины усыпальниц, эти завитушки пламени на факелах, похожих на розочки уличного мягкого мороженого. Вдобавок, все они были *совершенно одинаковые* — модельщик в литейке Мехзавода, видать, хранил формочку от одной исторической даты до другой».

«Завитушки пламени на факелах, похожих на розочки уличного мягкого мороженого» — право же, хорошо. Я еще помню такое мороженое с мягкими завитушками в вафельных треугольных стаканчиках. Вот где несомненное для меня

3.4.16. В берлинском альманахе напечатали мое эссе о Музили, я выложил его в ФБ. Хочется воспроизвести замечательный отклик Баткина:

«Мне нравится, что ты примеряешь писательскую судьбу Музиля к себе и притом откровенно, уронив словечко о своем ощущении «родственности». Не без некоторого основания, поскольку твой собственный путь был сложным. Но ты заканчивал свои романы, притом я припоминаю свои впечатления от первых и, судя по блеску эссе и «стенограмм», ты очень-очень подвинулся в течении всей жизни. И признание (после первой

ство». Стоит, видно, сразу оговориться, внести поправку в свое суждение. («Арион» № 1, интервью с Пастернаком А.Сергеевой-Клятис)

премии русского «Букера»...) — тебя не обошло. Хотя не стало «широким», и ведь это хорошо. Тут ты и впрямь близок к Музилю. Любого сочинителя задевает проблема признания, поскольку мы, хотя и пишем, испытывая сложную и надежную радость, прежде всего «для себя», одновременно обращаемся к неизвестному и необходимому читателю. Но тут нам следует, подражая Музилю, относиться к себе с достаточной иронией. И ты это хорошо понимаешь. Приходится и в старости воспитывать себя, чтобы не быть суетливыми. Ты кончаешь свое эссе грустными словами о том, что все кончается приземлением. Чуть не просто житейским. Но ведь это не относится к тебе. И — позволь хвастливо присоседиться — ко мне. Крылья больные. Я, например, чрезвычайно больной и беспомощный человек после трех инфарктов, «диабетической стопы» с трофическими язвами и, извини, продырявленного мочевого пузыря и пр., и пр. Ныть можно бесконечно, тем более что я не в состоянии никуда ездить, даже в РГГУ год не появлялся. Но я не ною. Я счастлив вопреки даже подлинным трагедиям, пережитым мной в последние четверть века. Крылья, повторяю, у нас уже прохудились, но мы удачно зажились и не утратили желания и даже способности (!) летать. Ты не утратил. И отнюдь не свелся к житейским невзгодам. Рад за тебя»

Вечером слушал, как Менухин и Ойстрах играют концерт Баха для двух скрипок.

5.4.16. Не знаю, как перейти к нормальному рабочему режиму. Сдал в издательство книгу, думал разделаться с некоторыми личными долгами, письмами и наконец вернуться к отложенным замыслам. Пришлось, однако, заняться трилогией А.М. Вчера отправил ему, наконец, письмо Он тут же предложил прочесть что-то еще. Слабость пишущих людей: хочется, чтобы тебя читали, посылаешь свой текст знакомым, а те в ответ присылают целые книги, им тоже хочется быть прочитанными. Я имел неосторожность поделиться с разными людьми своим «Музилем», он неожиданно многим понравился — и вот сейчас я завален текстами, присланными вместе с похвальными отзывами. Как не откликнуться на добрые слова? Когда-то мы встречались, обменивались книгами, нас было больше, но читать вроде успевали. Правда, и текстов тогда было меньше, и общение было другое. А теперь есть еще безразмерный интернет,

фейсбук, ждущий отклика, где взять время и силы? Надо бы, как раньше, когда я уезжал в Черногорию, отключиться от интернета, смотреть кино, читать.

11.4.16. Пришло письмо от Christine Kandaouroff из Château de Lavigny, где мы с Галей провели прекрасное время 16 лет назад. Резиденция отмечает свое 20-летие, выпускает в честь юбилея альманах и предлагает литераторам, отдохавшим и работавшим здесь, прислать для него свои тексты по-английски или по-французски. Я сразу написал Fabienne о желании предложить для альманаха ее переводы моих стихов

12.4.16. В «Арионе» № 1, где напечатали мою «Еву», интервью А.Сергеевой-Клятич с Б.Л.Пастернаком. Как можно понять из предисловия, оно велось по почте, Пастернак «воспользовался своими прижизненными устными и письменными высказываниями и публикациями». Я выделял для себя некоторые переклички. Например, вот это:

«А.К. Вы любите жизнь и в ее бытовых мелочах. Ну вот хотя бы ваше пристрастие к Переделкино. Это же не просто побег из города, от общественной суеты, но придуманный вами способ бытия, что ли. Чем он вам дорог?

Б.Л. Какая непередаваемая красота жизнь зимой в лесу, в мороз, когда есть дрова. Глаза разбегаются, это совершенное ослепленье. Сказочность этого не в одном созерцании, а в мельчайших особенностях трудного, настороженного обихода. Час упустишь, и дом охолодает так, что потом никакими топками не нагонишь. Заезаешься, и в погребе начнет мерзнуть картошка или заплесневеют огурцы. И все это дышит и пахнет, все живо и может умереть. У нас полподвала своего картофеля, две бочки шинкованной капусты, две бочки огурцов... Ах, как вкусно еще живется, особенно в периоды трудности и безденежья...»

Сколько, право, похожего в моей «Стенографии»: о красоте зимнего леса, о провинциальном самоощущении! А вот как бы ответ на мои замечания о готовности Пастернака воспевать революцию: «Когда я писал 905-й год, то на эту относительную пошлятину я шел сознательно из добровольной идеальной сделки с временем». Нашел же поэт слова!

14.4.16. Заведомо пустая передача на ТВ: «Прямая линия» Путина. Все его ответы на вопросы можно бы изложить вкратце: да, есть проблемы, мы о них знаем, все будет ис-

правлено. Но в то же время прошли обыски в хорошо известном мне здании прохоровского ОНЭКСИМ на Тверском бульваре, там, где НЛО, куда я послал свою книгу. Уже прозвучала версия, что Прохорова хотят заставить продать медиахолдинг РБК, самую информативную для меня программу на ТВ и в журналистике...

В «Гефтере» замечательная работа В.Кантора о Чернышевском с использованием не самой известной литературы, архивных материалов. Я написал ему о своем восхищении: «Не говорю о том, что ее концепция не просто переворачивает — отменяет представления, внушенные нам со школьных лет (а заодно и эффектную набоковскую беллетристику). Как многое в этой истории злободневно для нашего времени: тема эмиграции, сопоставление с Герценом (уже намеченное в прошлой работе), а главное, отупение власти, готовой, кажется повторять фатальные, уже опробованные нашей злосчастной историей ошибки. Неожиданный и близкий мне поворот взгляда».

27.4.16. Утром отвлекло от стихов замечательное выступление Шендеровича в Лондоне. Он начал с аналогии: в Афинах есть Парфенон, воспоминание о великой античной, греческой цивилизации — и есть современные греки, которые к этой цивилизации имеют мало отношения. Петр I принес в Россию плоды европейской цивилизации: университеты, науку, достижения техники, кораблестроение, оружие. Но в Европе это создавалось столетиями, добывалось в борьбе. В генетической памяти важен и процесс. От Британской империи осталась уважаемая, почтенная декорация, современные англичане живут другим... У нас в генах осталось имперское сознание, оно определяет современную политику. (Сокращенный пересказ оказывается неточным, ничего не поделаешь.) Нам не надо самим развиваться — можно брать готовое. Так в Европу сейчас прибывают дикари с примитивным, устарелым сознанием, но с айфонами...

28.4.16. В Доме кино проходило награждение победителей школьного конкурса «Человек в истории России», который был учрежден Мемориалом. При выходе из здания какие-то люди забросали яйцами и обрызгали зеленкой детей, участников конкурса, и Улицкую, члена жюри. Люди называли себя членами НОД — национально-освободительного движения. Они го-

ворят, что Россия оккупирована 5-й колонной, которую подкармливают силы, окопавшиеся за рубежом. Надо страну освободить. Пели «Катюшу». Полиция не вмешалась...

2.5.16. Остроумная карикатура: Христос, отвалив камень, выходит из пещеры, простирает руки к апостолам, а те в это время смотрят не на него — делают сэлфи.

5.5.16. Сегодня в Израиле День памяти. В 10 часов утра по всей стране одновременно останавливаются машины, люди выходят из них, вместе с пешеходами склоняют головы, молча поминают погибших. Насколько это человечней наших военных парадов, демонстраций силы, воинственной гордости! Война (которая в Израиле не прекращается) — это беда, трагедия, гибель людей, которые заслуживают скорбной памяти. У нас еще миллионы не захороненных, пропавших без вести, оставшихся безымянными.

7.5.16. Позвонил Каме Гинкасу, ему сегодня 75, поздравил. Я вспомнил, как он 4 года назад поздравлял меня с 75-летием, он удивился: я думал, что вы младше меня, и намного. Гета тоже так думала. (Она слушала разговор.) Ему недавно поставили третий стент. Он бодр, работает. Вечером по ТВ будет передача о нем. Заранее пригласил на премьеру...

В автобусе по пути к станции сосед, бодрый седой старичок, рассказывал разные истории, особенно про армию. «Армия, как турецкий гарем: знаешь, что тебя используют, но не знаешь, когда».

Вечером (сейчас 21.45) посмотрели замечательный фильм о Гинкасе. Сцены из знакомых спектаклей впечатляют: несравненный режиссер и блистательный человек. А потом посмотрели новый фильм Бортко «Петр Первый», с богатыми костюмами, хорошими актерами, но совершенно пустой.

10.5.16. Прогулялись с Галей за акведук, впервые услышали соловья. Заглянув в Стенографию 2015, я обнаружил, что ровно год назад, 10.5.15, записал: впервые услышал соловья.

13.5.16. Из холдинга РБК уволились руководители, а вслед за ними ведущие журналисты. РБК единственный канал, который я смотрю по ТВ, с ним связана Ира Прохорова. Пишут, что на холдинг стали давить, начали уголовное преследование после того, как там были опубликованы материалы с критикой Путина.

16.5.16. Интересная статья о муравьиных интеллектуалах. Муравьиное семейство, как известно, имеет строгую внутреннюю структуру, в нем выделяются группы или касты, выполняющие разные роли. Жанна Резникова, видный исследователь этой темы, пишет о роли так называемых «разведчиков».

«Муравьи-разведчики, способные улавливать закономерности и использовать их для оптимизации сообщений, составляют всего 0,2–0,3% населения муравейника. Это интеллектуальная элита». Для эксперимента исследователи их отселили из лабораторного гнезда на отдельную арену. «Конечно, мы их кормили, поддерживали влажность, но тщательно не следили, пишет Резникова. И вдруг выяснилось, что, оставшись без интеллектуалов, муравьи забаррикадировались в своем гнезде и отказываются принимать пищу. Сначала некоторые еще выходили за едой и подкармливали остальных (в каком-то смысле у муравьев коллективный желудок). Но потом наступил тотальный бойкот. Насекомые начали вымирать. Прежде чем ученые спохватились и досрочно прекратили эксперимент, погибла чуть ли не половина муравейника. При этом в контрольном гнезде, откуда не забирали интеллектуалов, всё было нормально».

Резникова сравнивает это с отплытием «философского парохода» в 1922 году, когда по приказу Ленина из России были высланы ведущие философы и ученые: Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Семён Франк и многие другие. «Хорошо, что не посадили и не расстреляли, но всё равно — страна лишилась достойных умов...» Увы, «философский пароход» оказался не последней нашей утратой. «Можно сказать, что история с муравьями — это притча о роли интеллектуалов в обществе. Если их изолировать, общество ждет беда».

27.5.16. Соловьи, похоже, уже смолкли, второй день их не слышно. Позавчера увидели на пруду утят, уже серых, желтых как-то пропустили...

Женя Попов прислал приглашение на спектакль «Плешиный ангел» у Яновской, приложил интересные отзывы. Я поблагодарил, поздравил, объяснил, что придти оба не можем. «Гета и Кама Гинкас уже давно приглашали нас на премьеру. Мы с обоими близко дружны без малого лет двадцать, они приглашали нас на все свои премьеры, обсуждения, разные встре-

чи. Беда, что я после болезни все еще не очень подвижен, вдобавок все хуже слышу». Среди присланных отзывов на спектакль я особо отметил один, автор которого пишет, что в наше время, раздерганное противоречиями и противостояниями, «можно продолжать жить без отчаяния и постоянного ощущения надвигающейся гибели — и всей страны, и отдельного человека». Прочитав свой ответ еще немного (воспользуюсь поводом сказать что-то важное для меня): «Даже после нештучной болезни (и может, особенно после нее), когда удалось чудом удержаться на краю, у меня крепнет чувство, что я все годы жил и продолжаю жить полноценной, своей жизнью, в соответствии со своим внутренним устройством. Меня уже не раз спрашивали, не хочу ли я уехать и почему не хочу. Сейчас, когда у меня нет физической возможности ездить, я жалею, что многое упустил и вряд ли уже наверстаю, но для меня жизнь связана прежде всего со счастливой возможностью работать, писать, как я могу только здесь, у нас, в других странах почему-то не получалось».

Эта пьеса... как я могу понять, писалась в то же примерно время, что и новомировские рассказы, которые, как помнишь, побудили меня помчаться на розыски автора без точного адреса аж в Дмитров (*где тогда жил Попов; в «Новом мире» №4, 1976 напечатали нас обоих, я захотел с ним познакомиться; см. об этом в «Стенографии конца века» 6.01.78 — М.Х.*). Меня потому так и обрадовало твое письмо, что оно подтвердило существование не совсем распавшихся за уже долгую жизнь связей. На этом мы тоже держимся».

28.5.16. Женя ответил мне: «То, что ты не уехал — вдвойне правильно. Как для уникального писателя, каковым ты являешься, так и для человека, который всю жизнь живет ЗДЕСЬ, живет в принципе свободно, жил так всегда и делать ему в чужих краях нечего. В чем я тоже убедился, достаточно поездив по миру».

29.5.16. Прочел, как Волошин в страшном голодном Крыму 1922-го года писал: «Без работы (над поэмой) выносить то, что окружает, совершенно нестерпимо». Перекликается с моими недавними мыслями о новом понимании, готовности принять противоречивость жизни — и выдерживать ее трагизм благодаря литературной работе, литературному осмыслению.

31.5.16. Михаил Эпштейн пишет: Недавно студент задал мне непростой вопрос: «Почему Россия такая несчастная? И почему она приносит несчастье другим странам?» Он вспоминает, как восхищался просторами на берегах Селигера. «Казалось, вокруг должны быть рассыпаны зажиточные города, веселые пристани, сказочные терема, в которых живут богатые, свободные люди. Среди такой умиротворенной природы не может не возникнуть мирная, жизнерадостная, производительная цивилизация... Но в нескольких шагах от берега стояла в развалинах церковь, где на месте купола рвано зияло небо, а пол был устлан толстым слоем коровьего помета... В окружающих деревеньках осталось доживать лишь несколько старух (чей диалект мы и собирали) и вконец спившихся бобылей... Школы давно закрылись, и единственное живое место в округе — это поселок таджикских рабочих, уже успевших соорудить для себя мечеть... Центр селигерских краев Осташков по меркам провинциальной России вполне приличный городок, но какой же унылый, безвкусный, без малейшей искорки радости и вдохновения — и это на берегу такой сказочной озерной жемчужины!»

Хорошо знакомые мне места, у меня описано такое же впечатление от Осташкова (см. запись 10–14.7.13).

«Мне кажется, причина несчастий России, продолжает Эпштейн — величина ее пространства и соответствующее чувство собственного величия... Пространство пожирает и опустошает страну изнутри». Объяснение, конечно, не самодостаточное, само пространство объясняется еще и особенностями истории. Но замечательной показалась ссылка на стихотворение основоположника славянофильства А. С. Хомякова, который заклинал дорогую ему Россию не гордиться своим простором и не поддаваться на льстивые самозаклинания: «Гордись!» — тебе льстецы сказали: «Земля с увенчанным челом, «Земля несокрушимой стали, «Полмира взявшая мечом! <...> «Красны степей твоих уборы, «И горы в небо уперлись, «И как моря твои озеры...» Не верь, не слушай, не гордись!» («России», 1839)

Сейчас перебираешь донецко-луганские приобретения, Новороссию, Южную Осетию, Курилы, Чечню, да все эти безмерные территории, от которых почему-то нельзя отказаться, и думаешь: что делать, как изменить эту жизнь?

3.6.16. Книжный фестиваль на Красной площади, более 400 издательств. Меня пригласило издательство Робинс как пе-

реводчика книги Гир «Зильбер». Мы посомневались: не слишком ли далеко для меня? Сегодня как раз годовщина моей последней поездки в метро, которая закончилась предвестием инсульта. Но очень хотелось, все-таки для меня знаковое событие... Прекрасно доехали, дошли. Давно не был на Красной площади. Встречу с читателями в шатре вел артист Малого театра Орлов, сам переводчик. Представил меня в высоких словах как переводчика Гессе и др. Шатер был полон девочек-подростков, лет 14, они главные поклонницы Гир, мальчиков я не видел. Меня приветствовали аплодисментами. Не буду пересказывать ход презентации, важен сам факт. К метро вернулись через Варварку и Китай-город, довольно далеко.

Сегодня день рождения Леночки, вечером выпили за нее. Книга в моем переводе будет ей подарком.

4.6.16. Встретили давнюю знакомую, соседку. Ее муж когда-то давал Алеше уроки английского. Их сын уже 30 лет назад уехал к отцу в Америку, неизвестно чем занимается. Снимает жилье, общается только с русскими знакомыми, живет российскими новостями, тоскует. Младший сын, от второго мужа, закончил строительный институт, зарабатывает компьютерным конструированием, купил квартиру, доволен жизнью. На тему моих мыслей о внуках.

6.6.16. Вспоминают забытого поэта Юрия Влодова (1932–2009). Долго остававшееся безымянным двустишие стало крылатым:

«Прошла зима, настало лето. / Спасибо партии за это!».

(Есть еще продолжение.) Мне тоже оно было знакомо, но имя автора я, как и многие, узнал впервые.

16.6.16. Т.Ретивова передала, что ее «Каяла» будет издавать «Джокера» в виде бумажной книги.

18.6.16. Решил посмотреть «Зимнюю песню» Иоселиани. Долго не мог войти, чередование бессвязных странных кадров казалось невнятицей. Начиная с первого эпизода, когда гильотинируют картинного аристократа и отдают зрительнице голову, бугафорскую, без капли крови. Или человека раскатывают катком, плоские остатки — тоже без крови, без внутренностей — просовывают под ворота. Но постепенно вошел в этот мир абсурдной поэзии, где многое напоминает прежнего Иоселиани (девочки-грабительницы на роликах и т.п.) В од-

ном из интернетовских отзывов женщина пишет: в 82 года надо бы не фильмы снимать, а внуков нянчить. А меня как раз ободряет, что в таком возрасте можно интересно, необычно работать. Смотрел с недоумением, вспоминая, перебираю в памяти с симпатией.

19.6.16. Семь цветов, соединяясь, могут составить радугу, а могут смешаться в один серый.

Станция «Стальной Конь». Интересно, как называют себя местные жители?

24.6.16. Сегодня день рождения Д.Ойстраха. Слушал посвященный ему 1-й концерт для скрипки Шостаковича. Потрясающая каденция между 3-й и 4-й частями. Шостакович писал ее, вернувшись со ждановского шабаша (у него есть об этом запись). И потрясающий Ойстрах.

28.6.16. Проснулся в пол третьего, не мог заснуть. Перебирал прочитанную вечером работу В.Кантора *«Достоевский как ветхозаветный пророк»*, о библейском измерении еврейской темы, думал о том, что у меня в «Путеводных звездах» она осталась недосказанной. О том, как связать с ней размышления о новом времени, о новом измерении, к котором неожиданно оказался мир. Встал в начале 7-го, попробовал записать кое-что на листках.

На тему моего религиозного самоощущения. Это самоощущение внеконфессионального еврея, человека русской культуры. Для тех, кто ощущает себя членом иудейской общины (которая у нас оформилась и заявила о себе сравнительно недавно), считающих своим государством Израиль и лишь живущих в рассеянии, я не настоящий, не полноценный еврей (хотя генетически стопроцентный еврей во всех поколениях и был обрезан по закону).

Величайшая заслуга евреев: они дали миру единого Бога. Но сейчас стала очевидна ограниченность этого мира. Нам открылись вероучения других цивилизаций: китайской, индийской и пр. Есть люди, для которых буддизм, например, значит не меньше, чем иудаизм и христианство.

Племенное самоощущение, ставшее национализмом, немолимо вытесняется глобальным, при всех его недостатках, слабостях. Но мир меняется в этом направлении. (ср. Стено-

графия. 14.6.10) «Человеческая природа все еще никак забудет о животных основах, племенное мироощущение не хочет исчезнуть совсем».

Самоощущение, которое я для себя могу назвать религиозным, основано на представлении, что существует сила, определяющая мою жизнь. Можно тут говорить о космическом измерении, о мировом разуме, представление о которых последнее время все основательней разрабатывается наукой.

У Кантора интересно об отношении к евреям, историческому Израилю Пушкина. Стихотворение «Юдифь»: «Когда владыка ассирийский / Народы казнию казнил... Перед сатрапом горделивым Израиль выи не склонил». (Или о них в запрещенной «Гаврилиаде».)

[Опущу дальнейшие цитаты, оставлю один листок от себя]: «Чего не хватает и в моей жизни, и в творчестве: это *темы страдания, готовности страдать* (тема Достоевского, пророков, Иова)».

4.7.16 «Ведомости» пишут, что Михаил Прохоров продает все российские активы и называет в качестве основной причины недавние обыски ФСБ. «Очевидно, что нынешняя распродажа всего бизнеса в России под давлением властей может означать только одно — опасение Прохорова за сохранность своих активов и, вероятно, скорую эмиграцию. Вполне возможно, Прохорову дали понять, что если он будет упрямиться, то повторит судьбу в лучшем случае Владимира Евтушенкова, а в худшем — Михаила Ходорковского или Владимира Гусинского, а то и Бориса Березовского... Неизвестно, как в этих условиях сложится судьба Ирины Прохоровой и ее «Нового литературного обозрения», которое также известно своей либеральной фрондой. По идее нынешнее выдавливание Михаила Прохорова из России должно привести к тому, чтобы лишить финансирования и проекты его сестры».

В сегодняшней «Новой газете» № 71 замечательный материал «Рина-город» о современных подростках в Уссурийске: бессмысленная жизнь, самоубийства, наркотики, моды, жаргон, контакты, отношения с родителями, разговоры, компьютерное общение, паблик, рэп. Редкостной полноты информация о жизни, которой я совершенно не знаю.

«Мертвое поколение», так его теперь называют, «поколение 25-летних, потерявших смысл жизни между новостной лентой и утренней яичницей». Это уже о спектакле «Молодые и рассерженные», в Театре doc. »Выброшенные из университетов и офисов они так и остались болтаться возле пустого холодильника съемных квартир, никому не нужные, оставленные, без мечты и дороги. Детство кончилось, настоящая жизнь никогда не начиналась».

15.7.16. Почему-то захотелось вспомнить стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», которое выучил наизусть когда-то в школе — и к собственному удивлению вспомнил почти все, 63 года спустя. Лишь некоторые строки, фрагменты пришлось посмотреть в интернете. Перед сном повторял все про себя наизусть, это помогало заснуть. И впервые засомневался: насколько я мог понимать эти гениальные стихи тогда, не зная биографической подоплеки? Мы знали, что Пушкин был убит на дуэли, но историю светской интриги вокруг Натальи Николаевны и Дантеса нам, 15-летним, при тогдашнем советском воспитании в школе определенно не рассказывали. Про анонимные письма «мужьям-рогоносцам» я узнал много позже. Что же для меня значило: «невольник чести», «пал, оклеветанный молвой», «для потехи раздували чуть затаившийся пожар»? И впервые оценил, насколько широко эта история разошлась в культурном обществе: от «света», где подробности смаковались, Лермонтов ведь держался на отдалении. (А в народе знали своего Пушкина. Вспомнился Б.Шергин, «Пинежский Пушкин», «Архангелогородский Пушкин»: «Он певец был, песенной наблюдатель, книгам сказатель, грамоты писатель. Землю, как цветами, стихами украсил».) Надо бы спросить старших внуков, что и как им объясняют сейчас.

А одна из младших, перешедшая в 5-й класс, только что получила из новой школы (по интернету!) список книг, которые ей надо прочесть за лето. «Робинзон Крузо», «Мифы древней Греции», «Русские народные сказки», Перро, Гофман, Линдгрен, «Мери Поппинс», Жюль Верн, Гайдар, Маршак, Марк Твен — 40 названий. Блаженное чтение! Нам такого на лето не задавали, да и книг этих было тогда не достать. Вспомнилось, как я десятилетним на уроке в белорусском Добруше читал под партой Майн Рида, «Всадник без головы». У парт тогдашней конструкции можно было приподнимать крышку, черную... Что-то потянуло на воспоминания.

16.7.16. Жуткий теракт в Ницце, араб, выходец из Туниса, за рулем грузового автомобиля умышленно сбил на набережной десятки человек, в том числе детей, вилял, стараясь сбить как можно больше. А сегодня неудачная попытка военного переворота в Турции. Из-за неудачи его назвали мятежом. («Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе»: Бернс в переводе Маршака.) Я откровенно считаю неудачу переворота бедой не только для Турции — для всего мира. Военные со времен Ататюрка там представляли светскую политику, светское устройство общества в противовес устройству религиозному, мусульманскому. Не совсем понятно, почему они пошли на попятную. Толпы людей, вышедших на улицу поддержать существующий режим, были не лучшей частью общества. Есть версия, что была инсценировка переворота, провокация, устроенная самим президентом Эрдоганом. Теперь ждут подавления оппозиции, смертных казней, репрессий против курдов. Вызывает брезгливость реакция западных правительств, либеральной и левой общественности, которые приветствуют победу режима, избранного демократическим путем. Не буду подробно обсуждать, наверно, появится много комментариев. Новых терактов придется ждать недолго.

17.7.16. Появилось понятие «хипстерский урбанизм»: это идеология города не просто комфортного для жизни, а города как особой формы публичности, как сцены. «Город — это как хорошая вечеринка. Если вы вернулись домой до четырех утра, значит, город не удался». Проекты нацелены на превращение города в подмостки. Город — это ярко, город — это интересно, город — это образно, город — это когда есть куда пойти... Город можно сделать эффективным, комфортным для жизни, но он все равно останется чудовищно скучным. Наш главный враг — скука!»

Хипстерский урбанизм становится очень мощной идеологией, — пишет социолог В. В.. «Что такое город-сцена? Это город настоящего. Город здесь и сейчас. И это понятно: никто не хочет жить в бараках на стройке грандиозного города-сада. Но мы тут же сняли с повестки дня множество важных городских вопросов. Кто те «рабочие сцены», которые собирают декорации, но не пользуются ими? Кто остается за кулисами? Что делать с чудовищной несправедливостью, которая все усиливается, в том числе усиливается самим городским пространством?..»

Не буду сейчас обсуждать, давать оценки. Я живу в другом, своем городе, радуюсь в нем своему, нынешние искусственные декорации меня не восхищают.

19.7.16. Вернисаж Гали в Выставочном зале Богородское. Прекрасная, незаурядная экспозиция, увеличенный рисунок на стене. Пришло человек 25–30. Не всех я узнавал. Многие искренне, по-моему, восхищались. Редактор из «Восточной литературы» принесла на подпись договор на переиздание «Книги о судах и судьях»... Выставка продлится еще две недели.

20.7.16. По какому-то поводу заглянул в ящик письменного стола, обнаружил справку 1915 г. о маминим рождении, которую считал потерянной, и забытый блокнот с маминими записями. 1974 г., больница во время инфаркта (дата скорей всего поставлена ошибочно).

«Иногда мне становится просто страшно. Надвигается старость. Трудно себе все представить. Молю бога сжалиться... У нас никого нет. Дети... дети, пока они наши дети, пока мы им нужны. У всех свои семьи, свои заботы. Кроме всего — у меня сыновья. Ждать помощи — не дай бог. Как у меня все было хорошо — пока жили вместе. Как тоскливо и одиноко бывает сейчас. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить... Хорошо, если бы родители могли быть невидимками — пришли бы, сделали бы детям — особенно невесткам, все, что им необходимо, и ушли бы, ни во что не вмешиваясь»...

Впрочем, не стоит сейчас все стенографировать, дети когда-нибудь смогут сами прочесть написанное от руки...

22.7.16. Чуть ли не каждый час новости. О Турции, об Украине. Марк Цукерберг, создатель Facebook, родившийся в семье еврейских выходцев из Украины, заявил, что в знак солидарности с Украиной и протеста против действий России намерен в скором времени заблокировать распространение FB в России. Технически это возможно. То, что у меня уже сохранено, надеюсь, останется, но дальше, похоже, я смогу сэкономить немало времени, которое каждый день трачу на ФБ.

А только что (пока я это писал) стрельба в торговом центре в Мюнхене, есть жертвы.

Весь день ливень, вечером гроза, пишут, что в Москве многие улицы затоплены, есть фото.

23.7.16. Новое увлечение — игра в покерменов. В нашей районной газетке «Звездный бульвар» история, как местный жи-

тель ползал по капоту машины, кого-то ловил. Ему сделали замечание, он ответил: моя машина, не мешайте, я ловлю [назвал имя]. Кончилось тем, что вызвали скорую помощь, чтобы его увезли в больницу. Только что прилетела Таня, они с мальчиками умеют играть, может быть, мне покажут.

24.7.16. Старшие дети, школьники, сейчас в лагерях и на дачах, заметнее стали малыши полутора — пяти, шести лет, кажется, так много их еще не было. Ходят мамы с двумя-тремя детишками, да еще одного, а то и двойню, везут в коляске, еще один в животе. В легкой летней одежде это становится заметно. Сегодня на прогулке встретил 3–4 брюхатеньких. Как же они мне нравятся, всегда ими люблюсь. Подумал, что это можно считать свидетельством позитивного, оптимистического умонастроения в обществе: люди не боятся кризиса, голода, верят в будущее.

30.7.16. Галину выставку захотел посмотреть Юлик Ким, мы с Галей поехали, чтобы с ним встретиться. Опускаю подробности (галерея оказалась закрыта, девочки-служительницы опоздали, желающие не смогли попасть в кафе и пр.). Юлику выставка очень понравилась... Потом посидели в кафе, я расспрашивал его о делах, о жизни. Он завершил мюзикл «Анна Каренина», стал рассказывать о причастных к этому работниках театра, их связях, прошлом, как всегда, с множеством ненужных подробностей. Я не давал ему растечься, попросил рассказать все-таки о себе. Оказывается, он больше времени проводит в Москве, чем на даче, с ним все ищут встречи по театральным делам, в связи с выступлениями. Ходит на спектакли, ничего не пропускает. У него в ушах слуховой аппарат немецкого производства, без него он в театре ничего бы не слышал. Новых стихов практически нет, только мюзиклы. Надеется поработать в Шишаках. Ира Пономарева, с которой он делил там дом, уехала к сыну в Америку, в Силиконовую долину. К метро он шел с Галей, говорил с ней о политике, о детях.

31.7.16. Умер Фазиль Искандер, важный для меня человек, один из немногих остававшихся. Ему было 87 лет. Он умер, по словам Тони, в Переделкино. Ночью вдруг почувствовал себя плохо, потерял сознание, вызванная скорая помощь оказалась бессильна, так и умер, не приходя в созна-

ние. Хотел быть похороненным в Переделкино. (Абхазцы выразили готовность похоронить его в Сухуми.) Была мысль позвонить Тоне, но что можно сказать по телефону? Беда, что на похороны приехать не смогу.

В интернете сразу множество откликов на эту смерть, высокие слова. У меня много воспоминаний о нем, есть что сказать. Когда-то, отвечая на опросы ПЕН—клуба, кого бы нам выдвинуть на Нобелевскую премию, я несколько раз называл Фазиля. Потом узнал: ПЕН выдвинул на премию не его, а почему-то «поэта» К., имя которого не сразу сейчас вспомнил, засомневался, называть ли его здесь...

2.8.16. Кончилась выставка Гали. Они с Алешей привезли из галереи работы.

Искандера сегодня похоронили на Новодевичьем кладбище. Как пишет «Коммерсант», прощание с «классиком русской литературы» в ЦДЛ прошло крайне скромно — «на панихиду пришли в основном представители абхазской диаспоры, друзья семьи и коллеги по цеху». Литераторы комментируют: «Забыли, забыли Фазиля. Я-то думал, что очередь будет до Садового кольца. Но, как говорится, *sic transit*. Читатели в основном тоже поумирали, видимо». (Виктор Шендерович.) Алла Гербер: «А народу было мало. Думалось, что придет вся Москва, которая читала и любила Фазиля. Было очень, очень грустно! А где писатели российские?! Их что ли тоже нет?»

3.8.16. Сегодня я стал прадедушкой. У Сени родилась дочка Варвара, 3800. Он сам принимал роды.

8.8.16. Нефедьев прислал верстку сборника, посвященного Жоржу Нива, там мой текст «Дневное, ночное». Огромная книга, больше 800 стр., представительные имена, своего рода энциклопедия русской культуры. Написал об этом Жоржу.

15.8.16. Целые сутки на улице ливень, не дождь, именно ливень. Пишут, что выпала месячная норма осадков. Естественно, гулять было невозможно.

(К вечеру уточнили: осадков выпало 120% нормы. 130 лет такого не было. Чуть позже добавили: таких дождей вообще не было зарегистрировано за все время наблюдений. Перекрыто движение по Сельскохозяйственной улице, в интернете видео, как ее затопило, по ТВ показывают, как затопило и нашу Малахитовую улицу, по ней плавают утки.)

19.8.2016. 25 лет ГКЧП. Комментируют, делятся воспоминаниями. У меня об этих днях есть в «Стенографии конца века», все комментарии обесцениваются обнаруженным, почему-то засекреченным документом. 29.7.91 перед отлетом в Форос Горбачев встретился с Ельциным и Назарбаевым. Было решено сменить руководство, отправить на пенсию Павлова, Язова, Крючкова. Назарбаев становится премьер-министром, Горбачев президентом ССР — Союза Суверенных Республик, Ельцин — президентом России. Т.е., Советский Союз сохранялся, речь шла о кадровых вопросах. КГБист при Горбачеве тайком сделал запись разговора и показал Крючкову. Уходить на пенсию никто из силовиков не захотел. Держались за места, вот их мотив. Горбачева изолировали, офицеры охраны отказались его предавать. Заявили, что Горбачев серьезно болен. Р.М. Горбачева решила, что его хотят искалечить, у нее тогда отнялась рука. Ну, а дальше Ельцин повел себя мужественно, у Белого дома собрались сотни тысяч, я там был, спецслужбисты, наведавшись, поняли, что разогнать их нельзя без большой крови. Это был счастливейший эпизод нашей истории и моей жизни. Во что он вылился — уже другой разговор.

Я бы еще вспомнил, что важнейшие перемены для меня начались еще при Горбачеве, году в 1988, когда появилось возможность выезжать из страны, открылся неизвестный прежде мир. Об этом у меня тоже написано. При всех претензиях к Горбачеву и Ельцину им надо воздать должное.

20.8.16. ...Приехал Алеша, чтобы отвезти нас к Арсению, посмотреть нашу правнучку. Выбрал новую для меня дорогу, 3-е транспортное кольцо. Незнакомые улицы, я такой Москвы раньше не видел. Чистый, богатый, современный город, вдоль улиц вывески магазинов, жаль, я не захватил обычных листочков и ручки, надо бы записать названия, память не прежняя. Прекрасные развязки, переходы, дороги. (На обратном пути Лефортовский тоннель длиной больше 3 км. — прямо какая-то Швейцария)... Правда, ехали мы почти полтора часа, на метро было бы быстрее. Но Алеша вел виртуозно. И после долгой неподвижности в машине я неплохо пошел. Это ободрило: могу теперь и на дальние расстояния ездить.

Правнучка оказалась действительно чудесным существом. Ей всего 13 дней, но смотрела направленным понимающим взглядом, необычно густые темные волосики. Было радостью

подержать эту крохотку на руках. Пришли еще Таня с Мишей. Я подумал, что пятерых присутствующих держал на руках: Алешу, его сына Арсения, Таню, Мишу, а теперь вот и правнучку Варю. Вспомнил и отсутствующих: Лену, Лизу, Аню, Максима (который вчера вернулся в Америку)...

26.8.16. Пришло письмо от читателя моих «Стенографий». Спрашивает, не читал ли я «Записи» Лидии Гинзбург и «Дневники» Александра Шмемана, не ориентировался ли как-то на них? «Мне кажется, Ваша «Стенография» и Дневники о. Александра — прекрасная реализация неосуществленного замысла Лидии Яковлевны о «дневнике по типу романа». У меня есть мечта — написать о лучших дневниковых книгах XX века...» Автор Олег Николаевич Скляр, д.ф.н., «преподаю рус. литературу XX века в ПСТГУ (Православный Свято-Тихоновский университет) и немножко в МГУ». Я тут же ему ответил.

Не могу не скопировать пост А.Слаповского. Он записал для своего спектакля песни, которые звучат сейчас во многих машинах. Звучат, пишет он, на полную мощь... «Хочу поделиться — ведь мы в этом тоже живем, если не среди этих песен, то среди людей, любящих эти песни... При этом есть в них какая-то бесовская прелесть — будто уродцы Босха сами о себе нарисовали картинки. С натуры».

Вот некоторые примеры:

Я тебя бум-бум-бум,
Ты меня бум-бум-бум,
Мы вместе бум-бум-бум,
С тобою бум-бум-бум.
Текила бум-бум-бум
Поможет бум-бум-бум,
И ночью бум-бум-бум
Закончим к двум-двум-двум.

Сегодня пятница: я буду ночным суперменом.
Кричу я: «Официант, налей, чтоб дома сутки не был!»
Сочная задница влечёт меня, и в клубе этом
Не будет отрицать знакомства с моим «Гулливвером».
Едем ко мне, но не затем, чтобы ты суп варила:
Я буду погружаться в тебя, словно субмарина;
Ты моя «Рыбка-рот», попалась ты ко мне в сети,
И будешь выступать с концертом на моей флейте.

Мой начальник красивый — просто умираю
Мой начальник, я свою голову теряю
Все девчонки говорят, что он гей
А я люблю тебя, Сергей

Припев:

Чмоки-чмоки-чмоки
Я как Кайли Миноги
Чмоки-чмоки-чмоки
Выжми мне все соки
Зажигай меня сильней
Мой начальник не гей...

Витя Ака, Айк Дым, Е, ее
О чем поём? О чем поём вдвоем,
Поём о том, о чём поём вдвоем,
О чем поём? О чём поём вдвоем,
Поём о том, о чём поём вдвоем.

Запись не моя, да и тексты им записаны не свои, но как не процитировать? Стенография, со всеми житейскими наблюдениями, рабочими размышлениями, политическими новостями без этого останется не полна. А.С. прав: это ведь тоже тот воздух, в котором мы живем.

29.8.16. Девочкам послезавтра надо идти в школу. Лена рассказала, как дорого это теперь обходится: надо покупать обеим обязательную форму (назвала цену: много тысяч, я не запомнил), а еще учебники, тетради, обувь и одежда, из которой обе выросли... Алеша сейчас в Магадане, присылает смс-ки: разлилась река, побывали на золотых приисках, в шаламовских местах. (Между прочим, сын нашей знакомой Т.Ш. побывал вместе с классом на Соловках, в экспедиции, они там искали могилы безымянно расстрелянных, извлекали черепа, кости, хоронили по-человечески, оставляли на могилах знаки, все равно без имен. Тоже шаламовские места, мальчик его перечитывал. Новое поколение.)

В интернете фотографии грибов, небывало грибное лето. Говорят, что такой урожай грибов — к войне. Толкуют о ее возможности. Новости о военных учениях, концентрация войск на границе с Украиной... Мне кажется наиболее вероятной консервация нынешнего состояния, гниение, распад. Пишут о протес-

тах, которые подавляются (трактористов из Кубани не пустили в Москву и т.п.), об арестах высоких чиновников, разоблачениях коррупционеров. наших паралимпийцев так и не допустили до Олимпиады, более того, сняли с зимней.

30.8.16. Начали отмечать мой завтрашний день рождения. Приехали Таня с Мишей, Леночка с девочками. Замечательно посидели. Интересный разговор с Леночкой о современной политике. У нее практически готова диссертация о soft-power на примере Британии... Говорила об особенностях британской имперской политики, за которую сейчас считают нужным извиняться, о кризисе современной геополитики, о проблеме мусульманских мигрантов, мультикультурализме... Дети восхитительно рисовали, играли в чепуху (складывали втрое лист, каждый рисовал свою часть, не зная предыдущей. Миша добавлял живым существам механические части). Потом играли в мафию и т.п...

31.8.16. Вчера мне еще было 79, сегодня пошел 80-й. С утра начались поздравления в фейсбуке, я старался каждому отвечать хотя бы одним словом спасибо...

Неизвестный мне Алексей Супранов в поздравлении выложил фото «Книжная лавка Зеленые кирпичики». На полке мои книги: Ловец облаков, Стенография конца века, Amores novi, Времена жизни, Увидеть больше. Я спросил его, где эта лавка. Он ответил: «любим вас и читаем в далеком городе Владивостоке».

1.9.16. Годовщина событий в Беслане (2004). Полицейские задерживают женщин, которые называют убийцей Путина, запрещают журналистам из «Новой газеты» снимать. Вечером читал интересное интервью Илларионова на «Свободе». Он, если верить его словам, пытался посредничать с Масхадовым при захвате заложников, Путин на переговоры не пошел, лично отдал приказ к штурму, который стоил жизни детям. Опять открывается многое, чего я раньше не знал...

3.9.16. Катя Козлова написала в ФБ о «Стенографии конца века»: «Не могу удержаться от того, чтобы не процитировать письмо нашего библиографа Веры Семенович: «Эта книга — как поддержка в наше смутное время... Многое нравится, конечно, ещё и потому, что это совпадает с твоими собственными мыс-

лями.» Это о «Сценографии конца века» что мы купили на выставке» (имеется в виду выставка Галиной графики в Богородском). Я поблагодарил, указал опечатку.

9.9.16. По поводу небывалого урожая грибов ТВ предупреждает, что в Москве и Московской области есть зоны, где они могут оказаться опасными. Это территории бывших военных частей и предприятий. Демонстрировалась карта бывших военных зон: ими оказалась густо покрыта вся Москва. Я сразу вспомнил военную базу у нас в Лосинке, там делали космические ракеты для Королева, на ней работал мой школьный товарищ Борис А., рассказывал. База выходила к Ярославскому шоссе, а другой стороной в лес. Я на прогулках проходил там мимо бетонной ограды, ее потом снесли, на открывшейся территории оказалось много грибов, мы собирали. И до последнего времени существовала одноколейка, которая вела через лес на эту базу, туда ходил паровоз или локомотив с несколькими вагончиками, только год назад ее, кажется, разобрали. А на берегу нашей Яузы и сейчас можно увидеть шахтные сооружения военного института академика Ляульки, там испытывали ракетные двигатели. Еще в 60-е годы у нас в Лосинке, за три километра отсюда можно было по ночам услышать их рев. В 1962 г я лежал в больнице, мой однопалатник Г.К. подтвердил: да, там под землей испытывали ракеты, теперь прекратили. Где-то у меня об этом написано.

Неожиданно позвонил и вечером приехал Жорж Нива. Он оказался приглашен на Международный конгресс переводчиков в БИЛ. Собралось 350 переводчиков из разных стран, проезд и пребывание оплачены Россией. Украины, похоже, нет. Рассказывал, как выступал на конгрессе, опровергал суждения об украинской литературе, называл авторов, которых мало кто знал... Сказал, что пришлось специализироваться на жанре некрологов, написал про Глеба Струве, сейчас еще про давнего знакомого поляка (имя я не запомнил). Коммунист, поклонник Сталина, был арестован, видел, как выслали немцев из Немецкой автономной области. Местность там была ухожена, как нигде в России, ухоженные домики, на столах так и оставались скатерти, когда хозяев выслали. Такую же обстановку он видел потом в Германии (или в Польше после высылки немцев... бо-

юсь, неточно запомнил). О Игоре Виноградове, который крепился и венчался с новой женой, а через три месяца умер; священник, венчавший его в той же часовне, встретил тело словами: вот ты и вернулся... О путешествиях по России: как летел из Архангельска на Соловки на самолете, который летал раз в неделю, сидел на полу среди ящиков — в 80 лет! Как видел северное сияние, как был в Новгороде на раскопках. Я отметил, что у нас есть что-то близкое в мироощущении, в понимании происходящего. (И у обоих были проблемы со слухом.) Галя рассказывала о наших поездках, о Катыни, о Саровой пустыни. Ладно, чего не запишу, вспомню. Хорошо посидели, пили водку и Vгапас.

15.9.16. Надумали прокатиться по новому железнодорожному кольцу, которое проходит прямо против нашего дома. Поездка произвела на меня впечатление. Не только новое пассажирское кольцо на месте Окружной железной дороги, которую мы больше не сможем переходить, чтобы углубиться в лес за цветами или земляникой. Мощный дорожный комплекс частично по промышленным окраинам совмещен с гигантским дорожным строительством, о котором я прежде не имел представления. Дороги, путепроводы, огромное количество машин с трудом на них помещается, но не видно пробок. Город больше для них, чем для людей. Ограды на месте прежней зелени, местами впечатление чудовищного разорения. Где-то подсыпают чернозем, создают газоны. Надо будет тут проехать еще раз, когда зазеленеет. Но вагоны бесшумные, быстрые, между станциями 2–3 минуты. До станции Окружная, где жила когда-то мама, я мог бы доехать за 7 минут, раньше на это уходило больше часа с пересадками. Первый месяц проезд для всех бесплатный, но есть свободные места и, что для меня важно, туалет. Подключается Wi-Fi. После Верхних Котлов несколько раз переезжали Москва-реку, есть очень красивые места.

18.9.16. Олег Скляров выложил в ФБ текст:

«Стенография конца/начала века» Марка Харитонов. — Тот случай, когда собственная жизнь и судьба, непрерывный, длящийся, разворачивающийся в режиме онлайн процесс проживания и духовного «переваривания» текущей жизни превращаются в Сюжет, рождающийся («становящийся», по Бахтину) здесь и сейчас, на глазах у автора и читателя, открытый, распахнутый в непредсказуемое будущее. При этом краткое на-

блюдение и самонаблюдение, зарисовка, неторопливое раздумье или мгновенный эскиз вспыхнувшей мысли (квант опыта) выступают в качестве основной композиционной единицы. Пишущий предстает одновременно нарратором, героем и аналитиком переживаемого, — рефлексирующим субъектом, искателем драгоценного «вещества существования», и в то же время — как бы «объектом» изображения-осмысления, движущимся живым индикатором смысла в потоке будней...

Что особенно ценно и дорого в «Стенографии». Прежде всего — обезоруживающая искренность тона, нигде не переходящая в душную «интимную» исповедальность. Получается очень распахнуто, откровенно, но при этом по-хорошему сдержанно, суховато. Автор не идет на поводу у интеллектуальной моды и не пытается рядиться в броню эрудиции и иронии. Не боится предстать недоумевающим, даже растерянным, не боится показаться наивным, концептуально уязвимым, не умеющим свести концы с концами. От этого книга не проигрывает, а наоборот — выигрывает. Автор как будто сознательно отказывается от априорного, «готового» знания, от всех самоочевидных, «проверенных» истин, нарядных идей и твердых принципов, и двигается наощупь, с одним лишь камертоном совести, интуиции и «голового» художнического зрения. Создателю «Стенографии конца/начала века» присуща какая-то поистине детская серьезность (при этом нисколько не исключающая чувства юмора) и детская доверчивость к серьезности бытия, к его ненапрасной и волнующей сложности. «Детская» в самом лучшем смысле этого слова. Наступили времена, когда это качество сновало на вес золота».

19.9.16. Читая сейчас в ФБ суждения близких мне людей по поводу наших вчерашних выборов, порой резкую полемику, взаимные упреки (не надо было сидеть дома, не надо было участвовать) пытаюсь оценить свою позицию. Я на выборы ходил (за кого голосовал, теперь неважно), сознавая, как многие, фальшь и бесполезность этого действия, но никого ни в чем не убеждал, ни в чем сейчас не упрекаю. Больше всего хочется, как всегда, работать — и при этом обосновать свое поведение. Вдруг вспомнилось давнее эссе «Уроки счастья» из моей книги «Способ существования», позволю себе сокращенно процитировать фрагмент о Томасе Манне:

«Узнав подробности Мюнхенского соглашения, «несомненно одной из самых постыдных страниц истории», Томас Манн записывает в дневнике 20.9.1938 года (уже на борту трансатлантического парохода, по пути в Америку): «Отвернуться, отвернуться! Ограничиться областью личного и духовного... Бессильная ненависть не по мне».

Сама напряженность интонации выдает, что не все для него тут на самом деле просто и беспроблемно. Когда нет проблем, не приходится уговаривать себя — просто думаешь о другом.

Бывают времена и ситуации, когда отвернуться в самом деле не так-то легко; ни один выбор не обходится без потерь. Необходимость борьбы с фашизмом, по признанию того же писателя, «упрощала чувства»: для ироничного, неоднозначно мыслящего интеллектуала состояние не самое естественное и желанное. Впоследствии он с усмешкой замечал, что «в политическом морализировании художника» неизбежно есть что-то, «граничащее с пошлостью»...

«Да что переносить разговор на немецкую почву, — пишу я там дальше, — ... это все наша проблематика, знакомая по собственной шкуре... Каждый искал решения на свой лад, и вряд ли кому удавалось устроиться удобно, без потерь нравственных либо житейских.

Все, что делает нам честь, не облегчает нашей жизни».

Как, однако, опять перекликается с нашим временем!

9.10.16. Воспоминания Гены Калашникова о детстве и отрочестве, 50-е, как я понимаю годы (он на 10 лет младше меня). Жизнь в поселке на Оке, местный быт, сборщик ветоши и т.п. Замечательные рассказы о лошадях пробудили собственные воспоминания: как зимой 1955 г. на первом курсе я оказался на спортивной базе Пединститута в Павловской слободе. Там дежурный должен был рано утром привозить из ближнего поселка продукты для кухни. Я затемно выводил из конюшни лошадь и запрягал ее в сани — по-настоящему, налаживал сбрую, оглобли, дугу. Сейчас я даже не знаю, с какой стороны за них взяться. Откуда знал тогда, кто меня научил? Что-то случилось с памятью, думаю об этом с грустью. Более ранние детские воспоминания сохранились ясней. Но как сани легко скользили по белому снегу среди темноты, вижу иллюзорно, словно сейчас. Дорогу лошадь знала сама, я только подбадривал ее вожжами...

13.10.16. Нобелевскую премию по литературе в этом году присудили популярному певцу Бобу Дилану. Как остроумно заметил Д.Д.: ответ Запада на русскую премию «Поэт» Юлию Киму. Кима в этой связи много поминают, эта премия играет на него...

15.10.16. Нашей Лизе очень нравится в новой школе, 5-й класс гимназии... У них уроки по информационной технологии, задачи приходят на компьютер, туда же нужно посылать решения. В школу спешит с радостью. Была на экскурсии в Музее Пушкина (литературном, том, что на Пречистенке). Там им рассказывали и показывали, чему учили в Лицее. Фехтованию (дали пофехтовать), французскому языку (научили несколькими фразами по-французски), поэзии (предложили немного порифмовать), истории.

18.10.16. Пришло письмо от неизвестной мне прежде Анастасии Яблоковой: некий Московский любительский театр «Весь мир» хочет поставить спектакль по моему «Джокеру», просит разрешения. Я тотчас ответил, из переписки узнал кое-что о театре, посмотрел присланное видео. Театр появился в январе 2012 года, когда в художественной мастерской в центре Москвы А.Яблокова собрала своих друзей-единомышленников — художника и композитора, нескольких актеров, музыкантов — и предложила в дальнейшем «воплощать свои творческие идеи сообща, как самостоятельный проект... За время своего существования мы создали и выпустили 4 спектакля. Литературным материалом для их создания стали разные по происхождению и времени авторы, но объединенные особым мастерством владения слова. Хороший текст, как хорошая глина для дорогого фарфора, это то, чему в нашем театре принято служить, то, чему мы придаем первостепеннейшее значение».

Наша Таня на эту историю откликнулась анекдотом: журналистка приходит брать интервью у писателя и говорит: «Я купила вашу книгу»... — «Голубушка, так это были вы!» Вспомнился еще один анекдот: в театре среди спектакля раздается крик зрителя: «Включите в зале свет, нам страшно, мы здесь одни!»

Алексей Супранов, книготорговец из Владивостока, откликнулся на присланный по его просьбе текст, где я цитирую Мамардашвили: «Вы вспомнили Мераба Мамардашвили, а я

как раз несколько ранее, читая Ваши «Песчинки между страниц», вспомнил именно его образ: «осколок зеркала вселенной гармонии, запавший нам в глаз или душу...» Этим образом он определял философию — весьма схоже с «ностальгией» Хайдеггера («философия — это ностальгия, тяга повсюду быть дома» — заимствованный им у Новалиса образ). И вот Ваши «Песчинки» — Вы бесподобно (сплетая библейский миф и жизнь-реальность) оформили эту беспокойную философскую дихотомию вечного и временного, ограниченного и сверхграничного в человеке. Глубокое, философское произведение, рождает мысли».

Какие, однако, встречаются книготорговцы!

20.10.16. Годовщина смерти Ильи Габая. Я выложил в ФБ давний текст о нем из «Лехаима», откликнулось много людей. Вениамин Смехов написал: «Спасибо Вам за это послание. Я имел честь дважды видеть святого Илью, рядом с Жорой Фёдоровым, Майсей Рошаль и Сашей Некричем. Когда воинственный Пётр Якир давал мне известное письмо протеста — для передачи Ю.П.Любимову («Надеюсь, он не испугается подписать?!») — Илюша тихо остановил его фразой: мол, этого делать не надо, так как Любимов и его спектакли творят добро, превышающее значение подписи».

21.10.16. Прогулялись по лесу, км. 9, для меня это достижение. Взял для чтения Евангелие от Иоанна на трех языках, но читать не хотелось. Безлюдно, тишина звучала, как музыка...

Вчера вводил в компьютер запись двухмесячной давности (20.8.16): как на вилле Вальдберга в Feldafing не хотелось работать в роскошной комнате с антикварной мебелью прежних хозяев, предпочитал уходить на чердак, с прекрасным видом на озеро, там думалось лучше, свободнее. Сегодня появился повод дополнить, уточнить что-то важное для меня.

По ТВ показывали роскошную виллу шоумена МГ. Когда-то удовольствие было смотреть его и слушать: умный, образованный, остроумный человек. А тут было чувство, что он словно выродился, стал неинтересным. Роскошь виллы вызывает почти брезгливость своей безвкусицей. Чуждая мне система ценностей. Своих я никому бы не мог внушить, да и не мне убеждать людей, которые разбогатели, заполучили собственность, пока я наслаждался возможностью обдумывать, перебирать строчки,

гуляя все по тому же лесу, присаживаясь на упавший ствол, чтобы их записать на листке, и потом дома запивал прекрасный обед водочкой. Это для меня наполнение жизни, как и возможность проникаться великой живописью: не просто увиденной однажды картиной — чувством, мыслью, которые продолжаешь вынашивать в себе, великой музыкой, которая сопровождает прогулки и определяет звучание текста (если это удается). О литературе, поэзии особый разговор. Я что-то подобное пытался выразить недавно, отвечая на анкету Супранова, и приводил там слова Мамардашвили о том, что чтение книги в его понимании — это не просто «занятия рядом с жизнью, но психологические события самой души... Мы оживляем мертвые слова, мы оживляем мертвые жесты, мертвые конвенции... Мы ищем жизнь. И себя как живущего. Ибо ощущать себя живым совсем не просто». Вот почему произведения искусства значат для нас особенно много. Они являются «органами жизни, которые производят нас в качестве людей».

Главное это чувство полноценного существования, жизни в соответствии со своим человеческим устройством. Болезнь помогла мне что-то заново оценить. Я наделал множество ошибок, что-то в жизни упустил невозвратно, в том числе упустил людей, отношения, бывал несправедлив в оценках...

Пишу поздно вечером, уже устал. Надо бы на свежую голову найти слова точней. (В том числе и о нынешней политике, новом ее понимании.) Вспомнить еще раз «Закаты Утехи», Мандельштама, Пессоа. Да ведь вся нынешняя Стенография, по сути, об этом.

24.10.16. Аросев привез мне экземпляр альманаха «Берлин. Берега» с моим «Музилем». Встретились в метро ВДНХ. Я спросил его, сын ли он Ольги Александровны Аросевой. Оказалось, внучатый племянник, детей у нее не было.

Антон Дубин, сын покойного Бориса Дубина, однажды назвал мировым классиком неизвестного мне прежде композитора Галину Уствольскую (1919–2006). Недавно по моей просьбе он прислал мне материалы о ней (фотографии, видео с музыкой, воспоминания, суждения о ее творчестве). «Ее музыка и человеческий облик отличаются от всего вокруг происходящего, — цитирует он пианиста и композитора Ивана Соколова, — она... является примером того, как человек в обществе (не толь-

ко в нашем, в любом!) может остаться самим собой..., абсолютно не соразмеряя себя с тем, какую музыку требует общество, «народ», какой музыки хотят друзья, коллеги». Она в чем-то сравнима с Шостаковичем, при всей их противоположности. «Шостакович — гений, страдалец, но пропустивший и себя через общество, и страдания общества через себя. Уствольская же как будто стучит из башни, в которую сама себя замуровала»... *Сочинения ее годами ждали исполнения, издания...* «Да потому что она «спряталась»! Не выходила из дома, практически не посещала концертов... На премьере своего сочинения если и появится, то довольно быстро потом уйдет». Были и некоторые профессиональные пояснения.

Поблагодарив Антона за Уствольскую, я ему написал, что не готов воспринимать ее профессионально, как он, «(ничего не смыслю ни в Византийском каноне, ни в увеличенной приме), постепенно вслушиваюсь, вникаю. Ее история напомнила мне о споре, который мы вели когда-то с Вашим отцом. Он был, конечно же, прав как социолог и культуролог, когда говорил, что культурный прорыв не может быть героизмом горстки людей, он должен сопровождаться структурными устройствами. Но я, при своей природной склонности к одинокому саморазвитию вне всяких групп и течений, не мог принять дальнейшего его утверждения: что творчество единиц “не порождает ни нового словаря, ни новых принципов, ни системы мысли”. Пример Уствольской его опровергает. Знал ли он ее творчество?».

Антон мне ответил: «Знал ее творчество папа глубоко, и мы с ним не раз Уствольскую обсуждали, равно как и слушали вместе (было и такое). Утверждение папино, хотя я последовательно отказываюсь интерпретировать папину жизнь и ходы его мыслей, кажется, все же стоит воспринимать как утверждение социолога, как Вы и написали. Творчески же папа всегда был одиночкой». Близкая мне тема.

27.10.16. Первый снег. Отправил в «Звезду» подборку стишков.

Сходили с Галей за капустой, Галя ее нашинковала, я, как мог, помогал. Получилось ведро и еще кастрюля.

Вечером смотрел «Казанову» Феллини — который раз как будто впервые.

Пишут, что Михаил Прохоров завершает свой план по продаже всех ключевых активов в России. Избавившись от большей части акций Rusal, он формально станет американским миллиардером, а не российским.

30.10.16. В статье С.Чупринина о журналах, литературной критике и «писателях-брендоносцах» интересен пассаж о критике Галины Юзефович. «Кто-то её спросил, что нужно сделать, чтобы вы обратили «на меня» внимание, «вот у меня вышла книга, могу я рассчитывать, что вы её прочтёте и о ней напишите?». «Нет, — ответила Юзефович, — это исключено. Можете мне её не давать. Я её не буду читать ни при каких обстоятельствах, потому что я не знаю, кто вы. Вы сначала сделайте так, чтобы я вас узнала, чтобы вас нельзя было не прочесть».

Её, разумеется, спрашивают, что нужно сделать, чтобы она заметила и захотела прочесть? А она отвечает: «У меня есть рабочий термин — взбивать пену. Взбивайте пену вокруг себя, создавайте информационные поводы, совершайте какие-то поступки, о которых захотят рассказать по телевизору. Делайте акции, которые в интернете соберут кучу лайков или вызовут кучу протестов». Безотносительно к политической позиции, чему угодно. «Пену взбивайте! Привлекайте к себе внимание всяко, любым способом».

Это в мой адрес, что говорить.

4.11.16. Вчера к Гале в магазине подошел незнакомый человек, спросил, не жена ли она знаменитого МХ? Может ли простой человек его почитать, понять? Какие Вы порекомендуете книги? Стал рассказывать о себе. Он сейчас фельдшер, а был инспектор пожарной охраны, взятки не брал, поэтому его уволили, пришлось менять профессию. Про Галю он знал, что она преподавала математику в школе, хотя был не в ее классе, по возрасту ровесник нашей Тани. Очень резко стал говорить о системе, о власти. «В этой стране жить нельзя, надо куда-нибудь бежать». Не в первый раз можно было убедиться, что множество так называемых «простых» людей эту власть ненавидит, только говорить об этом боятся, могут донести.

Сегодня День национального единства, по Тверской прошло организованное шествие, у Кремля концерт. Большой плакат на ширину улицы: «Россия для русских». Перед Кремлем открыта чудовищная статуя князя Владимира.

9.11.16. Главная, почти единственная новость — победа Трампа на президентских выборах в США. Мои леволиберальные друзья по интернету считают это катастрофой. Зависит от точки зрения. Моя Таня с семьей второй год живет в Вашингтоне. Ее Миша учится в школе, которую можно назвать престижной, в их районе мало афроамериканцев. Перед выборами жители вывешивали на своих дверях и калитках фото кандидатов, за которых собирались голосовать. Большинство Таниных соседей вывешивало фото Клинтон. Дальше к окраинам, где располагались продуктивные фермерские хозяйства, голосовали за Трампа. Там проезжавшим на машине предлагали бесплатно рвать яблоки, есть и виноделие. Это те, кто против социальной помощи, государственных гарантий, зарабатывают сами. Пишут, что «феномен Трампа — это в значительной мере реакция Средней Америки на подрыв её ценностей интеллектуально-академическим сообществом. Его электорат — в большинстве своем люди, которых глобализация лишила привычного и достойного образа жизни».

17.11.16. Заглянул в свою «Стенографию начала века» (29.2.2000), там фрагмент о романе Гессе «Игра в бисер». Описание «фельетонной эпохи» на удивление напомнило мне нынешний фейсбук:

«Люди... с чувством пели в своих фельетонах о близком конце искусства, науки, языка», «с каким-то самоубийственным сладострастием констатируя в фельетонном мире, который сами же построили на бумаге, полную деморализацию духа, инфляцию понятий», «получали уйму анекдотического, исторического, психологического и всякого прочего материала», «пробирались через море отдельных сведений, лишенных смысла в своей обрывочности»... И т.п. Как будто о наших днях. «Образовательные их игры были не просто бессмысленным ребячеством, а отвечали глубокой потребности закрыть глаза и убежать от нерешенных проблем и страшных предчувствий гибели в как можно более безобидный фиктивный мир».

Это писалось больше 70 лет назад. Термина «виртуальная реальность» еще не существовало. «Приближалась ужасная девальвация слова, которая сперва только тайно и в самых узких кругах вызывала то героически-аскетическое противодействие, что вскоре сделалось мощным и явным и стало началом новой самодисциплины и достоинства духа».

Мне здесь нравится эпитет «героико-аскетическое», написал я 16 лет назад, — таким может быть личное сопротивление упадку. Утопия совместного противодействия виделась Гессе чем-то вроде монастырского ордена. Соотнести ее с реальностью будущего убедительно не получилось: перемены произошли более мощные и масштабные, чем он мог представить (даже не пытаясь мысленно заглянуть дальше автомобиля и радио). И все-таки сопротивление не может не остаться потребностью, хотя бы на уровне самосохранительного инстинкта. Без него — разложение, вырождение, гибель. Какие-то механизмы, природные ли, духовные, исподволь начинают работать». С надеждой цитирую себя спустя 16 лет».

Выложил этот текст в ФБ, появились отзывы. А.Мелихов написал: «Я тоже давно грежу (брежу) аристократической партией, эстетическим сопротивлением».

Я ответил: «Мы, в общем, так и живем, врозь, единые без организации».

Он: «Да. Все, что требуется, — «бойцы» должны знать друг о друге, чтобы каждый не чувствовал себя последним чудачком, отстаивающим брошенную линию обороны. Я думаю, мы могли бы составить население небольшого государства».

18.11.16. Ирина Прохорова на конференции в Лондоне хорошо сказала о наступлении времен «агрессивных харизматиков» типа Трампа в Америке. К тем, кто сегодня поддерживает популистских политиков, нельзя обращаться с «педагогической» или «просветительской» позиции, как к маргинальным, неумным ватникам. Нет никаких ватников. А есть теперь новое большое общественное настроение, которое потребует совершенно иного ответа, чем «пропаганда ценностей» в среде подростков. Больше нет подростков. А есть большой, выросший и возмужавший «трамп». Я подумал, что это можно использовать в нынешнем романе.

20.11.16. Позавчера в 6-м часу к нам приезжали Арсений с женой и дочкой, нашей правнучкой Варей, потом к ним присоединился Алеша, его отец, и уже совсем под вечер пожаловал Жорж Нива. Он оказался в Москве на конференции по Карамзину, мы договорились о встрече заранее, дети собирались раньше, но задержались. Собралась неожиданная компания. Галя по очереди всех кормила обедом, ужином, мы с Жоржем

пили водку. Он был и раньше знаком с моим внуком, когда тот работал администратором в театре Фоменко и устроил ему приставной стул на спектакль по пьесе Вахтина. Беседовали на разные темы, предавались воспоминаниям. До сих пор не перестаю с Галей вспоминать эту удивительную встречу — и каждый раз переживаем за непростительное упущение: как никто не догадался сфотографировать всех нас, представителей четырех поколений, да еще с Жоржем? (Вчера он мне написал: «*kak ja rad chto uvidel Varvagu!*».) А ведь у ребят была фотоаппаратура, осталось бы на память. (Утешил себя, еще раз вспомнив запись Яноуха.)

24.11.16. По ТВ показывали, как наш Алеша получал премию Российского географического общества: его фотография «Туманные замки Синеи реки» победила в конкурсе «Самая красивая страна», в номинации «Заповедная Россия».

27.11.16. Не успеваю работать, много времени было занято интенсивной перепиской. Лене Макаровой написал по поводу ее замечательного интервью в Jewish.ru (как много в нем оказалось для меня неожиданного, она тут же ответила). С Жоржем Нива вспоминали нашу недавнюю встречу. Написал Насте Яблоковой из театра «Мой мир» (у них, оказывается, идет спектакль «Этюд о масках», на мой законный вопрос по этому поводу она ответила: «Это название я у Вас бесстыдно украла. Спектакль к роману никакого отношения, кроме названия, не имеет. Но давайте попиарим Вашу книгу под это дело — почту за честь»). Нашу Таню спросил, не попробует ли она поискать в Америке потомков папиного старшего брата, которого дедушка отвез туда перед первой мировой войной (об этом есть в моих «Путеводных звездах»). А.Супранов из Владивостока написал, что «получил от изд-ва Каяла несколько экземпляров Джокера. Плюс получил от НЛО остатки тиража — два десятка — Amores Novi, которую издательство отдавало за бесценок. Просто удивительно — за бесценок то, что и составляет самую основу ассортимента нашей лавки — хорошая литература. Все эти книги будут проданы (и прочитаны) у нас во Владивостоке, что мне особенно приятно». Написал Д.Бавильскому по поводу его превосходной критической статьи о книге А.Мессерера «Проблеск Беллы», он ответил: «Спасибо Вам на добром слове — то, что Вам захотелось поддержать меня, мой текст, он и

правда кажется мне важным. У меня что-то начинает получаться, когда я пытаюсь думать о нынешнем времени, о том месте, куда мы пришли. Важно понять, как мы здесь оказались, ну и (по возможности, конечно) найти что-то позитивное или оптимистическое. Выплеск искусственной популярности шестидесятников, на самом-то деле, кажется мне идеологически вполне понятным и вписывается в общий поток подмены настоящего прошлым»

29.11.16. Печальная весть: умер Леонид Михайлович Баткин. Я написал в ФБ: «У меня с этим замечательным человеком многое связано, он был одним из важных для меня собеседников. Всего сейчас наспех не скажешь». И выложил большую подборку посвященных ему фрагментов из «Стенографии конца века». «Перечитываешь сейчас словно заново: до чего же злободневно звучит!»

15.12.16. Сон. Я возвращаюсь из Красноярска, подхожу на вокзале к билетной кассе. Одно окошко пустое, в другом кассирша. Проверяю в заднем кармане джинсов деньги: две купюры по 5 тыс., одна какая-то странная, 326 руб. У меня она уже была в прошлых снах. Решаю, что этих денег хватит, протягиваю все кассирше. А она вдруг говорит: не хотите ли здесь переночевать? И показывает кровать рядом с собой, на ней стопка постельного белья. Новая услуга? — удивляюсь я. Раньше такого не было. — У нас это второй год. Я обдумываю: уже поздний вечер, поезд может уйти. Выхожу на пути, там готовятся к отправке поезда. Трогаются то один, то другой, проходят мимо меня. Путей много, надо следить за движением... Запомнился еще эпизод с пожилой женщиной, которая на перроне должна мне дать какой-то проездной документ, но вместо этого упорно протягивает мне пакет с соленым огурцом. При этом что-то мычит, шея у нее неправдоподобно вытягивается.

21.12.16. Как всегда, отмечаю самый короткий день в году. Каждый раз пробую объяснить себе, почему это настраивает оптимистически. Короче, темней день уже не будет, дальше свет будет прибывать. Пусть не сразу, не завтра, через несколько дней, где-то с католического Рождества, но уже можно ждать. Языческое обновление природы в наших краях стало осмысливаться как рождение божественного мальчика. В других, дальневосточных религиях оно обосновывается как-то иначе.

23.12.16. Черед праздников. Сегодня с полуночи в интернете пошли поздравления Юлику Киму с 80-летием (в том числе наши). Завтра начинается Ханука, а послезавтра католическое Рождество. Все будем праздновать.

25.12.16. Поздравил с Рождеством Жоржа Нива. Вышла «Звезда» №12 с моими стихами, выложил их в ФБ. Поставили «ёлку» (еловые ветки в вазе), украсили игрушками.

А в мире главная новость — чудовищная катастрофа Ту-154, на борту находились артисты армейского ансамбля песни и пляски им. Александрова, которые летели в Сирию, чтобы выступать перед российскими военными. Самолет сразу после взлета из аэропорта в Сочи упал в Черное море. Погибли 92 человека, в том числе несколько журналистов, а также известная благотворительница Елизавета Глинка, «доктор Лиза». Социальные сети буквально взорвались. Одни заявляют, что не желают скорбеть по людям, летевшим на войну, которую они считают несправедливой, бессмысленной, чтобы ободрять своим пением людей, принесшим разрушения и смерть в чужую страну, а также по журналистам, представлявшим пропагандистские телеканалы. Другие стыдят и всячески оскорбляют не желающих скорбеть. Обсуждаются технические подробности не совсем еще понятной аварии, заговорили о возможности теракта. А мне вспомнилась другая недавняя катастрофа, гибель самолета с людьми, возвращавшимися после отдыха в Египте (см. 2.11.15). На экранах улыбались, смеялись счастливые молодые люди, веселые девушки, дети, появлялись лица рыдающих родственников. Я смотрел — и у меня, человека не сентиментального, к глазам подступали слезы. Сейчас непосредственного чувства у меня пока нет, пытаюсь что-то осмыслить, разобраться в трагедии умственно.

27.12.16. Возникла потребность обобщенно осмыслить события последнего времени. Происходящие в мире перемены связаны с процессами, не поддающимися рациональному объяснению. Бунт энергичной, агрессивной молодежи, нашествие чужеродных элементов, протест против мультикультурализма, политкорректности, ценностей, навязанных постмодернизмом. Людей, которые относят себя к западной интеллигенции, гуманитарной, продвинутой, приучали еще с детского сада, со школы, особенно с университетов, считать, что нет никаких объективных законов, абсолютных ценностей, любые утвер-

ждения равноценны. Вы можете иметь свое мнение, но и другие имеют право на свое. Мусульмане, наводнившие Европу, имеют право жить среди представителей приютившей их культуры в соответствии со своими средневековыми представлениями, пользуясь при этом социальными пособиями. Те, кого можно условно назвать левыми либералами, считают это справедливым. Несогласные получают клички «фашист», «ксенофоб», «расист», «националист» (есть еще «сексисты», «гомофобы»).

Прочитую немного интернет: «Возникают разнородные реакции на ускоренный интеллектуально-технологический прогресс и ответное враждебное сплочение тех, кто чувствует себя отверженными информационного века... Линия раздела проходит не столько между богатыми и бедными, сколько между «умными» и «глупыми», теми, кто вписывается в современную цивилизацию — и теми, кто по разным причинам не может или не хочет в нее интегрироваться». «Бедные XXI-го века — это те, кто не поспевают за информационный взрывом, не способные вобрать в себя новые, идеи, знания».

Недавняя катастрофа самолета не просто по-особенному разделила людей — она, как написал кто-то, «выявила потенциал взаимной ненависти, когда в оппоненте видят врага, которого следует уничтожить». Главное же, нарастает чувство, что это происходит не с кем-то, а с нами. Любой может стать жертвой взрыва, террористической акции или технической неисправности, насилия, преследования, несправедливости.

31.12.16. В интернете поздравляют друг друга с наступающим Новым годом. Буквально все пишут об уходящем: никогда еще не было такого ужасного года. Выражают надежду, что год Петуха окажется лучше. Юлик Ким прислал, как всегда, стишок:

Взорли, Петух, певец рассвета!
Заголоси на все лады!
И накукуй нам многи лета,
И не накаркай нам беды!

Мне завершать Стенографию 2016 на такой драматической ноте не захотелось. Попался на глаза когда-то забракованный стишок — вдруг показалось, что он как бы подводит итог многому, передуманному за минувший год после болезни:

Оглядываешься — как недавно, оказывается, был глуп,
Считал, что, свободно выбрав, выбираешь свободу,
Успех очевидного жулика объяснял помрачением умов,
Не понимал, что можно слыть кем-то, не существуя,
Что певце не обязателен голос, во всяком случае свой,
Что мозгам напряжение скучно — предпочитают, что проще.

До чего же прежде был глуп! Возвращаешься вспять —
С каждым шагом глупеешь все больше. Надеялся что-то извлечь
Из мертворожденных словес, думал, что мир в самом деле
Можно устроить разумно, только другим объяснить,
Убедить в очевидном, договориться — идиот-комсомолец,
Пьянел от кухонных споров, как от портвейных чернил.

Как постыдно, право, был глуп! Не понял лукавой игры,
Побоялся обидеть женщину, не настаивал, отступился,
Не возвысился до безумства, предпочел быть честным и трезвым,
А она-то ждала другого. Уберегся от потрясений.
Дни единственной жизни переработал, как черновое сырье,
Не в воспоминанья — в бумагу, попробуй перебелишь.

Усмехаешься запоздало: до чего же вчера был глуп.
Если завтра опять усмехнешься — что же, значит, считай, живешь.
До одного уже только не дорасти: никогда не сумеешь вернуть
Гениальности лет, когда был внятен язык жуков и стрекоз,
Чудеса копошились в траве, жизнь раскрывалась сама,
Как цветочная чаша, и тайны были доступны.

Приложение к стенограмме

БИОГРАФИЯ КАК ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

1

Болезнь прошлого года заставила отчетливо, как никогда прежде, осознать, до чего вся моя жизнь, личность, судьба формировались едва ли не пожизненной чередой нештучных болезней. Проследить можно с лета 1949 года. (Позволю себе воспроизвести здесь фрагмент своей Стенографии 3.12.04, без этого не обойтись.) Мне было 12 лет, когда я подхватил сначала бронхоаденит туберкулезного происхождения, он тут же обернулся туберкулезным менингитом. Диагноз был не очевиден. Приглашенный врач посоветовал немедленно положить меня в детскую Морозовскую больницу, и там был проведен консилиум. Три врача, собравшиеся у моей постели, обсуждали болезнь на латыни (как было принято, чтобы больной их не понимал). Когда я несколько лет назад рассказал об этом Жоржу Нива, он удивился. Он не мог бы уверенно сказать, что и во Франции сейчас врачи смогли бы беседовать на латыни, скорей по-английски; не говорю о наших нынешних. Но в 1949-м году этим врачам было около 50, они могли быть выпускниками еще старого университета, учениками еще старых профессоров.

Одного из них я потом узнал ближе, это был профессор Фурер, один из изобретателей вакцины от детского полиомиелита (которой Советский Союз потом облагодетельствовал весь мир). Он собственноручно делал мне ответственные пункции — между шейных позвонков. Более простые пункции, между поясничных позвонков, делала, кажется, старшая сестра. Пункции эти делались регулярно, брали для анализа спинномозговую жидкость и через тот же шприц вводили только что дошедший до нас стрептомицин. Эта еще не опробованная методика сделала меня в 12 лет глухим на одно ухо. А мальчик помладше, в соседнем боксе, оглох совсем.

Незаурядность своего исцеления я заново оценил, встретив не так давно упоминание об этой болезни в книге Натальи Рапопорт «То ли был, то ли небыль». Наталья была дочерью знаменитого патологоанатома Я. Рапопорта, осужденного по «делу врачей» в 1953 г., мать, крупный физиолог, была правой рукой академика Лины Штерн, арестованной в 1949 г. по делу Еврейского антифашистского комитета. Наталья пишет, «что «незадолго до ареста... Лине удалось достать через живущего в Америке брата несколько ампул только что изобретенного стрептомицина, что в это время у знакомых моих родителей заболела туберкулезным менингитом дочь, что в соответствии с Лининой теорией гематоэнцефалических барьеров Лина с мамой начали лечить девочку инъекциями стрептомицина непосредственно в спинномозговую жидкость... и выходили ее, что девочка, к сожалению, оглохла, но все-таки это был первый в истории медицины случай выздоровления от туберкулезного менингита, считавшегося раньше стопроцентно смертельной болезнью».

Штерн арестовали в январе 1949. А я, как только что было рассказано, заболел туберкулезным менингитом летом 1949. Где родители, не академик биологии, имеющий брата в Америке, могли раздобыть лекарство для меня? По словам Рапопорт «случай этот стал широко известен в Москве, и к Лине пришла Светлана Сталина с просьбой дать стрептомицин для дочки ее подруги, заболевшей воспалением легких, но Лина отказала, сославшись на то, что стрептомицина у нее очень мало и он только для научных целей».

В Стенографии (21.1.16) можно прочесть, как я связался с Натальей Рапопорт по фейсбуку, поделился с ней своей историей. Она ответила: «А не может ли быть, что Светлана через папу стремительно наладила официальные каналы по приобретению американского стрептомицина для избранных (в частности, для Морозовской б-цы)? И так же стремительно Линина технология пошла в клинику?»

Мне, признаться, это не приходило в голову. Гипотеза Натальи навела, однако, на мысль: не так ли Советский Союз поспешил когда-то создать собственный пенициллин, чтобы ни в чем не зависеть от Запада? Стоит подумать.

А еще, между прочим, вспомнилось, как меня приходила смотреть делегация американских врачей. Под ножки моей

кровати, у ног, подкладывались чурбаки, чтобы я лежал немного вниз головой, и профессор Фурер объяснял коллегам: это нужно для того, «чтобы лекарство расходилось по базам». Сейчас не помню дословно всю эту длинную медицинскую тираду, но тогда я, двенадцатилетний, запомнил ее наизусть и любил повторять, щеголяя знанием терминологии.

2

Проблемы со слухом определили многое в моей жизни, характере, общественном поведении. Какое-то время я еще достаточно слышал здоровым ухом, но с возрастом оно все больше отказывало. Я все ненадежней воспринимал собеседника, особенно же плохо слышал разговоры в многолюдном обществе, понимание оказывалось нарушено. Бесплезно стало ходить на всяческие собрания, конференции, включая литературные, затруднены оказывались встречи с читателями, моя неточная реакция на услышанное вызывала недоумение, от многого приходилось отказываться. (Среди прочего: из-за глухоты мне отказались дать медицинскую справку для поступления на курсы вождения автомобиля; так я до сих пор и остался без прав.)

Это еще не все: нарушен оказался не только слух, но и равновесие, координация движений (как я понимаю, нервные центры того и другого расположены в ухе). Моя походка после выписки называлась атактической (малоприятная штука, желающие узнать, что это такое, могут посмотреть в Google). Но так же, как сейчас, после инсульта, я сразу попробовал пойти на лыжах, в первый же день упал, сломал руку. Однако не переставал подвергать себя испытаниям.

Сейчас, вспоминая, могу только удивляться, как я сумел не свалиться, когда в Карпатах по бревну переходил через глубокое, хоть и не крутое ущелье. И тем более на Кольском полуострове, когда я на лыжах скатывался по Хибинам, имея за плечами тридцатикилограммовый рюкзак. Где-то в давних записях я вспоминал, как наша туристическая группа попала в пургу, заблудилась, как мы через сутки-другие спаслись, увидев на горизонте огни Мончегорска, как шли к ним без отдыха много часов. В тундре не из чего было развести костер, одному

из нашей группы пришлось потом ампутировать обмороженные пальцы на ногах. Я был тогда студентом последнего курса. Чтобы пойти в поход, как это называлось, второй категории трудности, требовалось разрешение врача, мне его не дали, пошел без него.

3

Не знаю, связан ли был с заполярным приключением туберкулез почек, который через два года заставил меня лечь на операцию. Ведь с детства туберкулез никуда не делся, он в организме остается на всю жизнь. Эта книга первоначально, до сокращений, начиналась с разговоров, которые я услышал в Боткинской больнице и потом в крымском санатории, где несколько месяцев долечивался, оставшись без одной почки. Всерьез был уверен, что долго после этого не проживу, а я уже тогда начинал пописывать, хотелось начатое закончить. 1962 год, мне было двадцать пять лет. Помню, как я сказал армянскому хирургу Онику Хачатряну, с которым лежал в одной палате: «Дожить бы до сорока лет, больше не надо». Он обиделся: «Мне уже сорок, думаешь больше не надо?»

Бережься с одной почкой во всяком случае было необходимо. А ведь я даже пить не бросил. Сейчас могу только покачивать головой. Был ли тут инстинктивный, неосознанный выбор: или полноценно жить или беречься? Скорей можно говорить о легкомыслии. Помню чувство вины перед мамой, которой приходилось проводить со мной целые дни, да что там — недели в разных больницах, а дома оставались еще два моих младших брата¹. Надо было самому обзавестись детьми, чтобы понастоящему понять, что она могла испытывать.

¹ Заглянул в оставшийся после мамы блокнот с ее автобиографическими записями. О туберкулезном менингите она пишет: «Я забросила все, просидела в Морозовской больнице с утра до вечера. Надо было держаться, чтобы меня не прогнали отсюда, и я держалась достойно. Но когда вечером я ехала домой, я заливалась слезами, не видела перед собой дороги...» «Надеялась — несмотря на то, что врачи меня успокаивали, говорили, что я еще молодая и у меня еще будут другие дети». И о следующей болезни: «Страшно вспомнить, сколько слез я пролила. Откуда я черпала силы — не знаю. Делала все, что необходимо, выживала».

Но, пожалуй, хватит перебирать. О моем недавнем, втором инсульте можно было достаточно прочесть на этих страницах, повторять незачем.

Остается напоследок объяснить (в том числе самому себе), зачем вообще решил выложить все это перед читателем. В предисловии к «Стенографии конца века» я писал о своем сомнении: «С какой стати выдавать другим свои болезни? Такое всегда лучше оставлять при себе». И вспомнил, «как меня приободрило однажды, когда я прочел в чьих-то воспоминаниях, что у Александра Керенского была всего одна почка, а он дожил, помнится, до 89 лет, и при этом, по свидетельствам, не отказывался даже выпить... Может, и это мое признание будет для кого-то поддержкой?»

В подтверждение приведу еще раз слова знакомой, которая не просто в больнице — в реанимации перечитывала мою «Стенографию» и сказала по телефону, как благотворно, психотерапевтически действовало на нее это чтение: «хочется читать и читать» (8.3.12).

СОДЕРЖАНИЕ

Дневник писателя	5
Из предисловия к книге	15
«Стенография конца века» 1975–1999	15
2010.....	17
Приложение к Стенограмме	
Закаты Утехи	51
Эссеизм Роберта Музиля	71
2011.....	83
Приложение к Стенограмме	
Ночное, дневное	117
Стихи и проза	121
«Против шерсти мира поем»	123
В поисках языка	124
2012.....	131
Приложение к Стенограмме	
Учитель радости.....	169
Молитва Януша Корчака	173
2013.....	178
Приложение к Стенограмме	
Музыка сквозь скрип	209
Реквием себе.....	217
2014.....	220
Приложение к Стенограмме	
Невозможность Шекспира	269
Возможность гения	273
Низкие обманы и высокие истины	276
2015.....	280

Приложение к Стенограмме

Публичный интеллектual и духовный авторитет	327
Пророк и гений	329
Перечитывая Германа Гессе	331
2016.....	350

Приложение к Стенограмме

Биография как история болезни	401
-------------------------------------	-----

Харитонов Марк Сергеевич
СТЕНОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ
2010–2016

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Б. Н. Марковский*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536
Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,
+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. +7-921-951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

- «Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
- Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
- «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
- «Фаланстер», М. Гнездииковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
- «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
- Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

- «Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

- «Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

- «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

- «Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/6. Усл. печ. л. 24,93. Печать офсетная.

Заказ № 135312

Фото Алексея Харитонова

Марк Харитонов, родился в Житомире в 1937 году. Окончил историко-филологический факультет Московского государственного педагогического института. Работал учителем средней школы, ответственным секретарем многотиражной газеты, редактором в издательстве. Прозаик, поэт, эссеист и переводчик художественной литературы.

В 1992 году был удостоен первой в России Буковской премии за роман «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». Автор романов «Два Ивана», «Возвращение ниоткуда», «Проект Одиночество», «Увидеть больше», «Джокер, или Заглавие в конце», «Провинциальная философия» (трилогия), эссеистических книг «Способ существования», «Стенография конца века», «Уроки счастья», «Стенография начала века», повестей, рассказов, стихов. Переводил произведения Т. Манна, Ф. Кафки, Г. Гессе, Ст. Цвейга, Э. Канетти и др. Произведения Харитонova переведены на многие европейские языки, а также на японский и китайский. Живет в Москве.

«Стенография конца/начала века» Марка Харитонova. — Тот случай, когда собственная жизнь и судьба, непрерывный, длящийся, разворачивающийся в режиме онлайн процесс проживания и духовного «переваривания» текущей жизни превращаются в Сюжет, рождающийся («становящийся», по Бахтину) здесь и сейчас, на глазах у автора и читателя, открытый, распахнутый в непредсказуемое будущее.

Олег Склярoв

«Грандиозный субъективный эпос, который может быть сопоставлен по своему значению для русской литературы со значением и ролью дневника Гонкуров для французской литературы. Романы Гонкуров забыты, во французской литературе после них остался лишь их «Дневник».

Борис Хазанов

